

Центр научной политической мысли и идеологии
Институт законодательства и нормативно-правовых разработок

Государственная идеология и современная Россия

*Материалы
Всероссийской научно-общественной конференции*

(Москва, 28 марта 2014 г.)

Москва
Наука и политика
2014

УДК 351(470+571)
ББК 67.401

Г 55

Редакционно-издательская группа:
С.С. Сулакшин (руководитель), В.Э. Багдасарян, В.Н. Лексин

Г 55   **Государственная идеология и современная Россия.** Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Москва, 28 марта 2014 г. М.: Наука и политика, 2014. 280 с. + электр. часть (281–1155 с.)

ISBN 978-5-906673-09-1

Материалы публикуются в авторской редакции

УДК 351(470+571)
ББК 67.401

ISBN 978-5-906673-09-1

© Центр научной политической мысли и
идеологии, 2014
© Институт законодательства и нормативно-
правовых разработок, 2014

Центр научной политической мысли и идеологии
Институт законодательства и нормативно-правовых
разработок

проводят

Всероссийскую научно-общественную конференцию

Государственная идеология и современная Россия

Москва, 28 марта 2014 г.

Центральный дом журналистов

Председатель организационного комитета конференции — Сулакшин С.С.,
доктор физико-математических наук, доктор политических наук, генеральный
директор Центра научной политической мысли и идеологии.

На конференцию выносятся следующие вопросы:

I. Категория и теория идеологии

1. Категория «идеология»: сущность и понятийный релятивизм
2. Идеологическое манипулирование
3. История и типология идеологий
4. Современный идеологический дискурс

II. Государство и идеология

1. Понятие, специфика, история и типология государственной идеологии
2. Может ли сосуществовать государственная идеология и принцип идеологического плюрализма
3. Идеология и государственное управление
4. Возможно ли успешное государство без целостной и единой идеологии
5. Конституционные варианты нормирования государственной идеологии

III. Проблема государственной идеологии в современной России

1. Реконструкция фактической российской государственной (общественной) идеологии
2. Идеология либерализма: сущность, латентное содержание, результаты реализации
3. Возможности и перспектива идеологии консерватизма в современной России
4. Идеологическая конкуренция в России
5. Перспектива реидеологизации России, включая конституционную реформу

Учреждения и организации, принявшие участие в конференции

Академия гражданской защиты МЧС РФ
Академия труда и социальных отношений
Артемовский территориальный отдел Управления Росреестра по Приморскому краю, Владивосток
Башкирский государственный университет, Уфа
Воронежский госуниверситет, Воронеж
Газета «К гуманной России», Киров
ГАУ ВПО МИОО
ГБОУ ВПО МО АСОУ
ГБОУ СОШ № 1113, Москва
Государственная дума РФ
Государственный университет управления
Донской государственный технический университет, Ростовская область
ЕврАПИ, Волгоград
Институт государства и права РАН
Институт проблем информатики РАН
Институт Развития, изучения здоровья и адаптации человека, Иваново
Институт системного анализа РАН
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Институт социологии РАН
Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН, Московская область
Институт философии РАН
Институт экономики РАН
ИПУ РАН
К(П)ФУ Институт международных отношений истории и востоковедения, Казань
Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань
Казанский Федеральный университет, Казань
Калужский филиал Московского гуманитарно-экономического института, Калуга
Калужский филиал МСХА им. К.А. Тимирязева
Кокшетауский госуниверситет имени Ш.Ш. Уалиханова, Кокшетау
МАТИ
МАТИ-РГТУ им. К.Э. Циолковского
МГИИТ имени Ю.А. Сенкевича
МГИМО(У) МИД России
МГТУ им. Н.Э. Баумана,
МГУ имени М.В. Ломоносова

МГУДТ
МГУПИ
МГУПСa (МИИТа)
МГУТУ им. К.Г. Разумовского
Московская государственная академия водного транспорта
Московский авиационный институт (государственный исследовательский университет)
Московский городской педагогический университет
Московский государственный областной университет
Московский государственный университет геодезии и картографии
Московский государственный юридический университет им О.Е. Кутафина (МГЮА)
Московский педагогический государственный университет
Московский государственный лингвистический университет
Московское общество испытателей природы
МФТИ,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
НИТУ МИСиС
НИУ-ВШЭ
Новгородский филиал РГГУ, Великий Новгород
НТЦ «Атлас»
ООО «Курс», Долгопрудный
ООО «Российские учёные социалистической ориентации»
ООО «ТПП-Информ»
ООО «ФОРМ»
ОРЭСИ ИНЦ СО РАН, Иркутск
Первый Московский гос. мед. университет им. И.М. Сеченова
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина РАНХ и ГС при Президенте РФ, Саратов
РАНХиГС при Президенте РФ
РГАИС
РГГУ
Российский государственный геологоразведочный университет
Российский государственный социальный университет
Саратовская государственная академия права, Саратов
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск
ФГБОУ ВПО РГУПС, Ростов-на-Дону
Филиал ФГБОУ ВПО «МГИУ», Сергиев Посад
Филиала Российского государственного социального университета в г.Анапе
Финансовый университет при Правительстве РФ
ФНЦ ВНИИФК
Фонд финансовых инициатив, Пенза
Центр восточноевропейских исследований
Центр научной политической мысли и идеологии

ЦНИИМАШ

ЦЭМИ РАН

Электростальский политехнический институт, филиал МАМИ, Электросталь

ЮРИУ РАНХиГС, Ростов-на-Дону

Пленарное заседание

Идеология — идеал — ценности — цели — действие — развитие

Сулакишин С.С.

Настоящее сообщение посвящено вопросам, вынесенным на конференцию. Представляется, мы имеем с очевидностью не менее пяти научно-логических вызовов. Во-первых, есть проблема, своеобразное гуманитарное проклятье полифункциональности и релятивизма понятий, в силу которого исследователи перестают слышать друг друга, перестают синхронизировать найденные идеи, крупницы знаний. И они с каждым новым поколением, с каждой новой научной работой рассыпаются, как песок. Невозможно собрать гуманитарные знания, теории, доктрины, и практически применимые прикладные концепции, как твердое, наследуемое, используемое, равно понимаемое всеми интеллектуальное наследие. Каждый исследователь начинает для себя заново: а что же я имею в виду под государственной идеологией? Как будто нельзя договориться раз и навсегда, как это принято и единственно приемлемо в естественных науках. Это очень важный пункт.

На основании единого проникновения в установленную смысловую нагрузку является актуальным провести феноменологическое исследование, сделать соответствующий обзор на тему: «Что происходит в реальности?». Это вопрос № 1.

Следующая позиция — построить объяснительные модели, объяснительные схемы и ответить на вопрос: а почему именно так, а не иначе это происходит в нашей жизни? В чем причины тех проблем и вызовов, которые не оставляют нас равнодушными, заставляют искать способы преодоления этих причин? Это вопрос № 2: «Почему так происходит?»

И, наконец, последний вопрос № 3, обязательный для настоящей науки, ученых и граждан: а что делать, в чем твой конструктив, в чем твое предложение, что ты конкретно предлагаешь отработать государству, обществу, специфическим профессиональным стратам по обнаруженным причинам?

Схема презентуемого исследования заключается в том, что после преодоления проблемы дефиниции, определения смысловой нагрузки базовых категорий, становится возможным проанализировать, как обстоят дела с государственной идеологией в нашей стране, каковы последствия этих дел, и что в итоге, делать. Проблема дефиниции — это проблема неконтекстного, неактивного, недейтель-

ностного определения базовых категорий. Для студентов первого курса это, может быть, допустимо, но для активной человеческой деятельности, ответственной государственной практики или общественно-консультационной функции, поддерживающей государственное управление и общественную активность, конечно, определения должны быть гораздо более функциональными.

На наш взгляд, идеология производна не столько с корневым «идея», как представление о чем-нибудь по случаю. Таково обычное справочное определение этой категории.

Идеология (греч. *ιδεολογία*, от греч. *ἰδέα* — прообраз, идея; и *λογος* — слово, разум, учение) — система взглядов и идей.

Идея (др.-греч. *ἰδέα* — видность, вид, форма, прообраз) в широком смысле — мысленный прообраз какого-либо предмета, явления, принципа, выделяющий его основные, главные и существенные черты.

Идеал (лат. *idealis* от греч. *ἰδέα* — образ, идея) — 1) в общеупотребительном смысле: а) высшая степень ценного или наилучшее, завершённое состояние какого-либо явления, б) индивидуально принятый стандарт (признаваемый образец) чего-либо, как правило, касающийся личных качеств или способностей; 2) в строгом этическом смысле: в теоретическом плане — а) наиболее общее, универсальное и, как правило, абсолютное нравственное представление (о благом и должном), в нормативном — б) совершенство в отношениях между людьми или (в форме общественного идеала) такая организация общества, которая обеспечивает это совершенство, в) высший образец нравственной личности.

Приведенные определения обычны, неконтекстны и потому малоработоспособны в смысле поставленных выше задач.

Скорее, конечно, сам смысловой корень «идеи» происходит от слова идеал — предельное выражение сущности.

В нашем исследовательском контексте идеология — это собрание ценностей. Ценностей как идеалов. Идеалов как предельного выражения сущностей. Идеал един, неделим и абсолютен. И это его свойство. Тот кто пытается утверждать, что нравственностей много, что есть мол нравственность и у преступников, тот разрушает саму постановку и сам глубокий смысл позиции категории «идеал».

Отсюда следует, что государственная идеология — это, конечно, не инструкция из ГУЛАГа: «шаг влево, шаг вправо...» Это цельное, единое собрание ценностей страны, закреплённое нормативно и сакрально, реализуемое и защищаемое государством, выработанное в общественной практике в идентичной цивилизационной версии.

При этом, конечно, нужно понимать, что такое ценности и цель, для человека деятельностного, миростроящего. Особенно это касается государственного управления.

Что понимать под идеологией в активно-деятельностном подходе?

Идеал — предельно выраженная сущность.

Идеология — собрание ценностей.

Государственная идеология — цельное единое собрание ценностей страны, закреплённое нормативно и сакрально, реализуемое и защищаемое государством, выработанное в общественной практике в идентичной цивилизационной версии.

Ценность — жизненно или критически важная характеристика предмета человеческой деятельности.

Цель — желаемая характеристика предмета человеческой деятельности.

Идеал — ценность — цель — действие — результат

Откуда что берется? Совершенно очевидна аналогия, и она продуктивна. Государство может быть представлено как аналог живого организма человека. Человека и физиологического, биологического, и человека духовного, т. е. истинного, категориального (рис. 1).

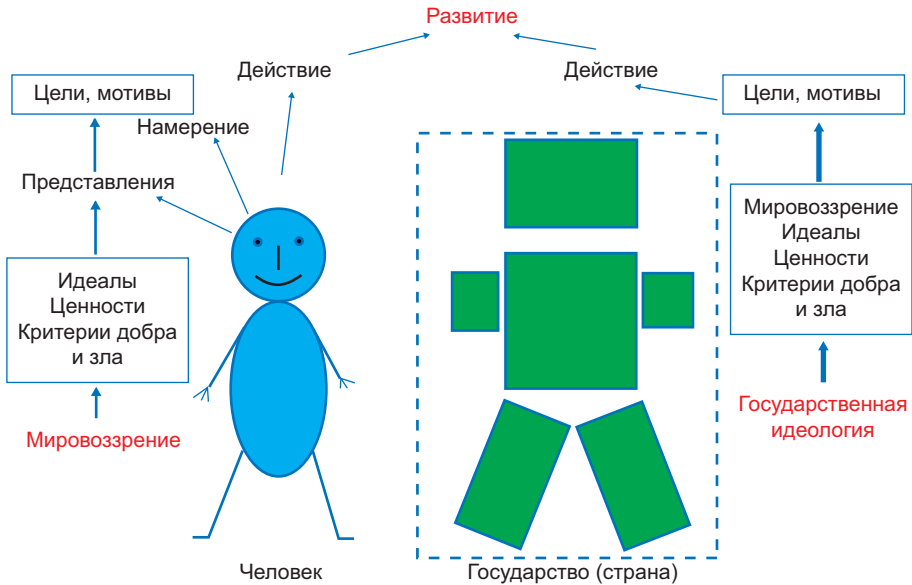

Рис. 1. Откуда что берется

Подобны цепочки от мировоззрения и соответственно государственной идеологии до формирования наших шагов, того, что мы *строим* мир, преобразуем его к доброму, светлому, лучшему, прогрессивному. У человека цепочка начинается с мировоззрения, которое есть отношение к добру и злу, есть критерий ценностей, представление об идеалах. Они формируют представления человека о мире. Эти представления уже формируют полуактивную интенцию, которая результирует в действие, а действие — это и есть физическое проявление нашего бытия, то, что влияет на развитие.

Государство в похожей цепочке, как кооперационная система индивидуумов и социальных страт, отталкивается от аналога мировоззрения, от той самой государственной идеологии. Как говорил классик, без идеи ни человек, ни народ жить не могут, это будут либо полуживотные, либо куча людей без смысла и царя в голове. Поэтому государственная идеология, вновь подчеркиваю, это вовсе не

инструкция из ГУЛАГа, что было определяющим мотивом в 1993 году, когда была принята российская Конституция.

Каковы истоки? Из каких сфер бытия рождается человеческое мировоззрение или общестрановая идеология, которая тождественна государственной идеологии? Конечно, это длительно действовавший институт и религии, и традиции семьи, как межпоколенного механизма переноса ценностей, это цивилизационные институты — идентичные особенности. Образование, за которое государство напрямую отвечает, культура, воспитание. Мировоззрение — вполне определенная категория состояния умов и душ конкретных людей.

Но откуда берется государственная идеология? Кто-то все время пугает, что она берется из кабинета, ее придумывает какой-то диктатор, и заставляет под дулом винтовки всех следовать туда, а не сюда. Нет, конечно. Общестрановая идеология вырабатывается тоже в общественных практиках, форматируется в реальных политических практиках различных институтов, в т.ч. культурных, т. е. историко-цивилизационно закрепленных. Особенностью формирования государственной идеологии является научный вклад. Наука всегда вносит свой вклад в государственную идеологию.

Государственная идеология должна удовлетворять следующим очевидным свойствам (рис. 2).

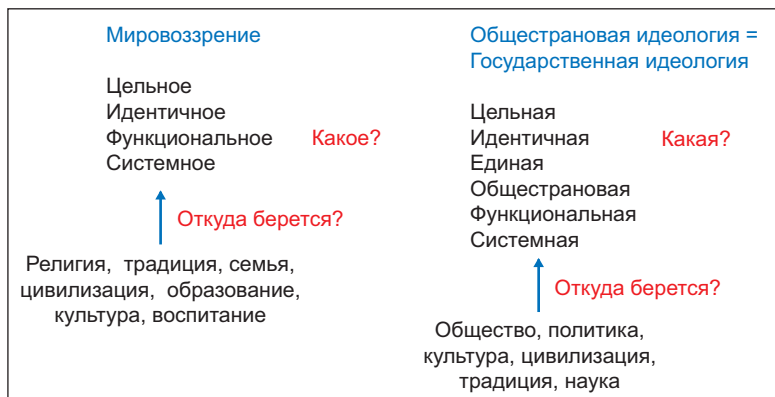

Рис. 2. Свойства государственной идеологии

Иначе это не идеология. Очень важно, что без идеологии невозможно государственное управление. Это не все понимают. Это понимают управленцы. Поставить цель, не имея ценностных критериев, т. е., не имея источника, откуда берутся эти ценностные критерии, невозможно (рис. 3).

Если нет цели, то невозможно идентифицировать проблему, которая генерирует задачи управления, и весь аппарат управления мобилизует на их решение. В конце реализации государственно управленческой цепочки возникает момент развития. Получается, что если нет идеологии, то нет развития. Это теоретический тезис, но он подтверждается практически.

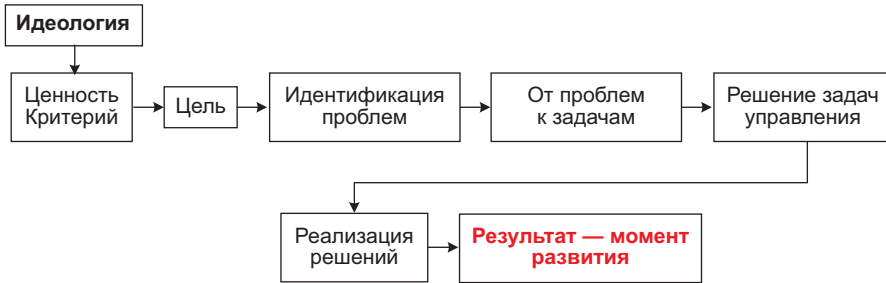

Рис. 3. Алгоритм идеологии и государственного управления

В жизни общества и государства рядом кроме госуправления есть еще и политические механизмы, они достаточно очевидны. В этом случае возникает промежуточное звено — выбор программы партии, выборы как формирование властных институтов, появление правящей партии и только после этого трансляция программы правящей партии в государственное управление. Но конечный адрес опять та же цепочка государственного управления. Поэтому без идеологии и политический процесс становится суррогатным.

Конституционное положение в статье 13 фактически запрещает наличие единой, цельной, функциональной (смотри вышеприведенный список неотъемлемых свойств) общестрановой идеологии, так называемой государственной идеологии. При этом определено, что в России имеет место идеологическое многообразие. То есть идеал, как абсолютная, единая, предельно выраженная ценностная сущность, в Конституции фактически запрещен. Это означает, что все остальные процедуры, механизмы, нормативно-правовые акты, положения о госорганах, инструкции о действиях лишены конституционного ценностного истока, лишены единого начала. Поэтому и сами лишены ценностного содержания.

Возникает вопрос: что же торжествует в итоге такой квазирыночной идеологической конкуренции, многообразия идеологий? Эта вилка фатальна. Либо это низменные потребности, потребительство, гедонизм, животное начало человека и соответствующих сообществ, либо это истинные ценности, делающие человека человеком, а сообщество человеческим (рис. 4).

Не нами сказано, давно открыто кто и что именно побеждает в такой ситуации, когда общество и государство манкируют необходимостью форматировать ценностное пространство и реальные практики.

Есть несколько важных последствий в пирамиде государственного управления, общественного бытия, которые вытекают из такой вот деидеологизирующей концепции действующей Конституции страны. В Конституции есть только одна высшая ценность — это человек, его права и свободы. Но простой вопрос: а какой именно человек ценен, какого качества человек ценен? На этот вопрос Конституция ответа не дает. Анализ показывает, что, элиминируя саму проблему ценностей, как программы жизни государства и общества, на самом деле, постулируется, что этот самый человек — это индивидуалист, живущий вне общества. И начинают срабатывать механизмы биологической конкуренции по Дарвину. Кто сильнее, кто

Действующая конституция России запрещает единую идеологию страны.
Ст.13 гласит: «2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Эта норма фактически запрещает стране выбор и закрепление ценностей. Они могут быть самыми различными, потому, что **«1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.»**
 Выбор единых ценностей для страны сделать невозможно.

С логической стороны это означает, что поскольку идеал, истинная высшая ценность едины и неделимы, а в этом качестве они для страны запрещены, то откуда же они возьмутся в целях государственной деятельности? В нормах законодательства? В положениях и инструкциях? В итогах развития?

Низменные потребности Гедонизм Потребительство	или	Самоограничение Ответственность и долг перед другими	Но что торжествует в саморегуляции?
--	-----	--	--

«Если бога нет — то все дозволено.»
Ф.М. Достоевский

Рис. 4. Государственная идеология и Конституция Россия

богаче, кто ближе к кормушке или, говоря научным образом, к административному ресурсу, тот и преуспевает. Все остальное — да, не важно! Мрут? Ну, и пусть мрут. Вот так выглядят последствия такого внеценностного конституционного программирования.

Второй момент касается текущих внешнеполитических событий — фактической изоляции Российской Федерации в геополитическом мире. Позиционирование нашей страны в мире по формула конституции проста: «сознавая себя частью мирового сообщества». И все. А что мы за часть? Мы несем за что-нибудь ответственность? Мы какие-то ценности миру предлагаем? Мы на чем-то настаиваем, форматируя современный мир и взгляд в будущее? Нет. Мы в пассивной позиции.

Вопрос суверенитета решен также просто. Статья 15 показывает, что даже нормативно-правовое пространство России подчинено так называемым общепризнанным кем-то, обще, как-то, признанным, даже принципам, а не нормативам. И это тоже без последствий не проходит. Поразительно открытие, но в Конституции записано, что никакого развития в стране не предполагается. Почему? Потому что обязательность, долженствование, ответственность государства, госорганов и лиц за развитие этой Конституцией не предусмотрены. Написано всего лишь: «в ведении российского государства находятся... такие-то вопросы». Норм о долге, ответственности, обязанности в Конституции нет. Такое программирование без последствий не остается.

Вот феноменология. Сравним положения о Министерстве образования СССР и Министерстве образования современной России. В первом случае видим слова: Министерство несет ответственность за состояние и развитие системы, удовлетво-

рение потребностей... Задачами являются овладение теорией, навыками... Делаем скидку на марксистско-ленинскую теорию. Здесь должно быть идейно-духовное содержание, та самая программа высших ценностей, которая страну объединяет (рис. 5).

**ПОЛОЖЕНИЕ
О МИНИСТЕРСТВЕ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

«... Министерство высшего и среднего специального образования СССР **несет ответственность за состояние и дальнейшее развитие системы высшего и среднего специального образования, за качество подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием и за наиболее полное удовлетворение потребностей народного хозяйства страны в этих специалистах.**

2. Главными задачами Министерства высшего и среднего специального образования СССР являются:

— обеспечение подготовки... высококвалифицированных специалистов, которые должны обладать глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками по специальности, **владеть марксистско-ленинской теорией и быть воспитанными в духе высокой коммунистической сознательности...**»

ПОЛОЖЕНИЕ О МИНИСТЕРСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

1. Министерство образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) является федеральным органом исполнительной власти, **осуществляющим функции по** выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, научной, научно-технической деятельности и инновационной деятельности в научно-технической сфере...

Рис. 5. Выдержки из Положений о Министерствах образования СССР и РФ

Сравниваем с положением о современном Министерстве. Фактически коммерческий киоск по услугам населению. Для Министерства культуры то же самое (рис. 6).

ПОЛОЖЕНИЕ О МИНИСТЕРСТВЕ КУЛЬТУРЫ СССР

«1. Министерство культуры СССР осуществляет руководство... культурно-просветительной работой в стране, ... **несет ответственность за** состояние ...идейно-художественного уровня... искусства, культурно-просветительной работы в целях... воспитания советских людей, наиболее полного удовлетворения их культурных и эстетических запросов.

ПОЛОЖЕНИЕ О МИНИСТЕРСТВЕ КУЛЬТУРЫ РФ

«1. Министерство культуры Российской Федерации является... органом исполнительной власти, **осуществляющим функции по** выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры, искусства, ...и **функции по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг** в сфере культуры...

Рис. 6. Выдержки из Положений о Министерствах культуры СССР и РФ

В СССР Министерство несет ответственность за идейно-художественный уровень, культурно-просветительскую работу, воспитание, за культурно-эстетические запросы. Дается нравственная, ценностная планка. Министерство культуры России осуществляет функции по управлению имуществом, и оказанию государственных услуг.

Фактически классическое функциональное пространство современного российского государства лишено двух важнейших функций. И это дает свои горькие плоды (рис. 7).

Рис. 7. Государство без идеологии не имеет планирующей развитие и социализирующей функции

Функция управления развитием элиминирована. Так же как и функция социализирования российского общества и человека. Она тоже элиминирована.

Поразительно, как выглядят Федеральные государственные образовательные стандарты вследствие программирующего, деидеологизированного конструкта Конституции. Были взяты 14 наиболее чувствительных к важнейшим кондициям общества и государства с точки зрения нравственных кондиций, с точки зрения основных функций государства по безопасности и правоохране. Приведен так называемый маркерный тезаурус, т. е. ключевые слова, которые отражают наличие подходов, постановки задач к соответствующим ценностным программирующим ячейкам, которые или есть, или их нет. Это выявляется количеством употребления этих терминов в соответствующих стандартах. Почти нулевая картина (табл. 1).

Таблица 1

Как деидеологизированная конституция программирует весь государственный механизм и устройство. Стандарты образования (ФГОС)

Слово-маркер	Ст. 1	Ст. 2	Ст. 3	Ст. 4	Ст. 5	Ст. 6	Ст. 7	Ст. 8	Ст. 9	Ст. 10	Ст. 11	Ст. 12	Ст. 13	Ст. 14
Воспитание	3	3	1	3	2	1	5	11	1	1	1	3	1	10
Долг	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Нравственность	0	0	0	0	1	1	2	2	6	0	0	0	0	2
Мораль	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	2
Труд	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Окончание таблицы 1

Слово-маркер	Ст. 1	Ст. 2	Ст. 3	Ст. 4	Ст. 5	Ст. 6	Ст. 7	Ст. 8	Ст. 9	Ст. 10	Ст. 11	Ст. 12	Ст. 13	Ст. 14
Патриотизм	1	1	1	1	0	0	2	0	0	0	0	1	0	0
Справедливость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Благородство	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Добро	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Милосердие	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Зло	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Идейность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Духовность	0	0	0	0	0	3	0	2	6	0	0	0	0	5
Русский	0	1	0	0	2	1	1	0	5	0	0	1	0	0
Родина	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Достоинство	1	1	0	2	2	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Отечество	0	0	0	5	0	0	0	3	5	0	0	0	0	8
Мировоззрение	0	3	0	0	0	0	0	2	3	0	1	3	0	1
Идеология	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ценность	0	0	0	1	0	0	1	2	5	0	0	0	0	3
Благо	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

Поразительно, что например, стандарт преподавания истории обходится без слов «мировоззрение», «родина», «русский», «духовность», «идейность», «мораль», «нравственность», «долг», «труд», «благородство», «милосердие», «добро и зло».

ФГОС «Работа с молодежью». Еще более поразительно. Слово «отечество» вы там не найдете, «родина», «русский» там нет, «мораль», «труд» — там этих слов нет. Это и есть результат деидеологизации не просто Конституции и жизни страны, а еще и производных механизмов, которые тиражируют все это и результируют в качествах человека и общества в нашей стране.

Напомним о второй цепочке в механике программирования качеств нашей страны, результатов ее развития, в которой участвует партийная, политическая цепочка. Были взяты для анализа, с тем же маркерным тезаурусом, содержания программ правящей партии «Единая Россия», бывшей КПСС — последняя ее программа — и нынешней КПрФ. Вот результат сравнения (табл. 2).

Надо подчеркнуть, что правящая партия «Единая Россия» вообще не имеет программы партии. Она имеет всего лишь программное обращение, и, видно, насколько нулевое это программное содержание. Приведенные факты не являются ни апологетикой КПСС, ни апологетикой СССР. Есть классические конструкты

государства, общества, политических институтов и механизмов и партийный вклад в эти дела. На языке высших ценностей — конституционное закрепление. Вот этого конструктива в России нет. Об этом речь.

Таблица 2

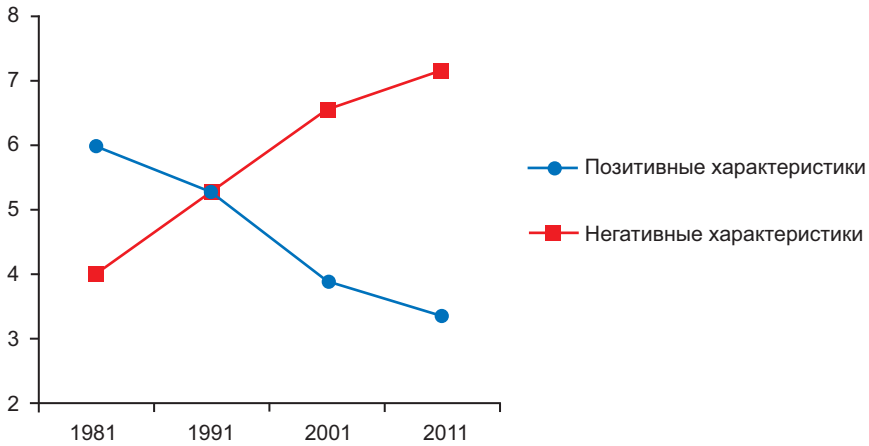
**Сопоставление партийных программ Единой России, КПРФ и КПСС
по словарю слов маркеров категории «нравственность»**

Слово-маркер	Содержание в программе партии Единая Россия	Содержание в программе партии КПСС	Содержание в программе партии КПРФ
Воспитание	0	38	0
Долг	0	13	2
Нравственность	0	11	4
Мораль	0	17	0
Труд	3	163	18
Патриотизм	0	4	10
Справедливость	6	7	2
Благородство	0	5	0
Добро	0	1	1
Зло	0	5	0
Милосердие		0	0
Идейность	0	22	4
Духовность	0	19	7
Русский	0	3	7
Родина	1	9	2
Достоинство	0	2	1
Отечество	0	5	8
Мировоззрение	0	5	0
Идеология	0	46	2
Ценность	2	1	2
Благо	0	29	2

Итак, связь результатов развития с ценностным конституционным закреплением, идеологическим полаганием в начале цепочки государственного управления совершенно очевидна. Результаты производны от начальной точки в этой логической схеме. Посмотрим на эти результаты по следующим измерениям состояния нашей страны и общества.

Первое состояние — нравственное Российское общество «звереет». В смысле отхода от человеческих кондиций. По данным Института психологии РАН, пози-

тивные человеческие психологические характеристики падают, продолжительно и устойчиво. А негативные характеристики, наоборот, растут заметным образом (рис. 8).

Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка А.В. Юревич, М.А. Юревич. В книге «Нравственность современного российского общества: психологический анализ». / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. — 413 с.

Рис. 8. Динамика позитивных и негативных нравственно-психологических характеристик российского общества

ВЦИОМ дает такую же картину, а именно, активность, инициативность, трудолюбие, склонность к сотрудничеству, бескорыстие, патриотизм, верность товарищам, доброжелательность, душевность, доверие, честность, искренность — падают. Зато цинизм, умение пойти напролом, алчность, меркантильность, вседозволенность, наглость, мафиозность, ксенофобия, враждебность, насилие, агрессивность — растут. И это есть результат деидеологизации страны (рис 9).

Международная ситуация дает поразительные результаты (рис. 10).

Так падало доброе отношение к России, так росло недоброе отношение. В 2000 году смена лидеров страны привела к позитивному перебросу. Был выдан кредит доверия, кредит доброго отношения к нашей стране, и, наоборот, минимизации недоброго отношения. Что мы имеем за прошедшие 14 лет? Этот результат запрограммирован. Положительное отношение 38 стран мира к нашей стране (36%) заметно ниже отрицательного (44%).

Деградация экономики — это материальные результаты деидеологизации страны, которая не ставит цели развития. Вот характеристика по эффективности отраслей национальной экономики, характерная для мира: сырьевое производство и высокотехнологическое. А вот характеристика российского спектра выпуска продукции. Это сырьевая экономика. Растет экспорт сырья, растет импорт готовой продукции. Страна превращается уже не в невесть что, а в совершенно определенную третьеразрядную сырьевую державу (рис. 11).

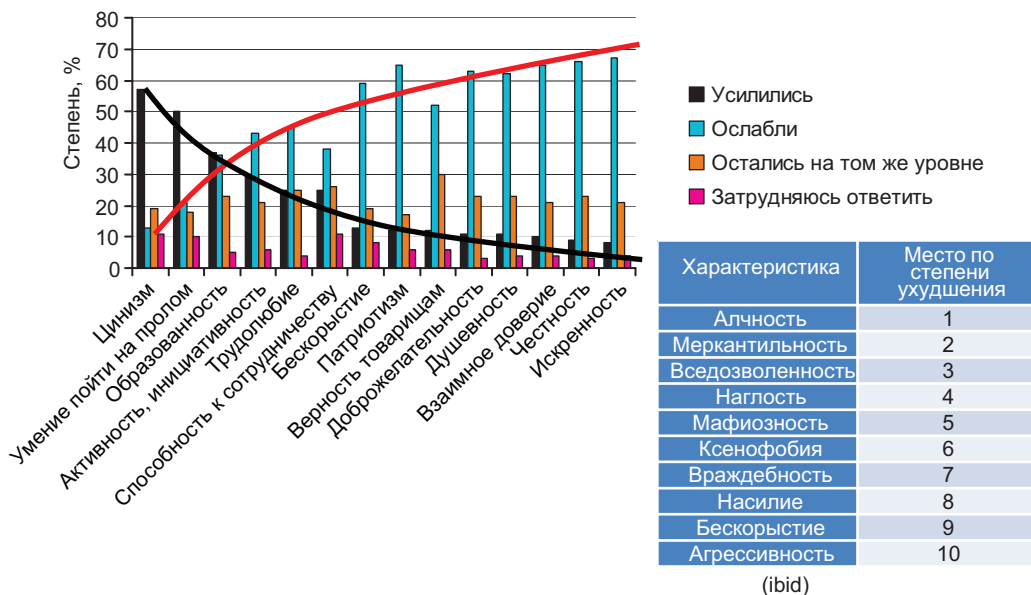

Рис. 9. Изменение моральных качеств людей за последние 10–15 лет (данные опроса ВЦИОМ 2005 г.)

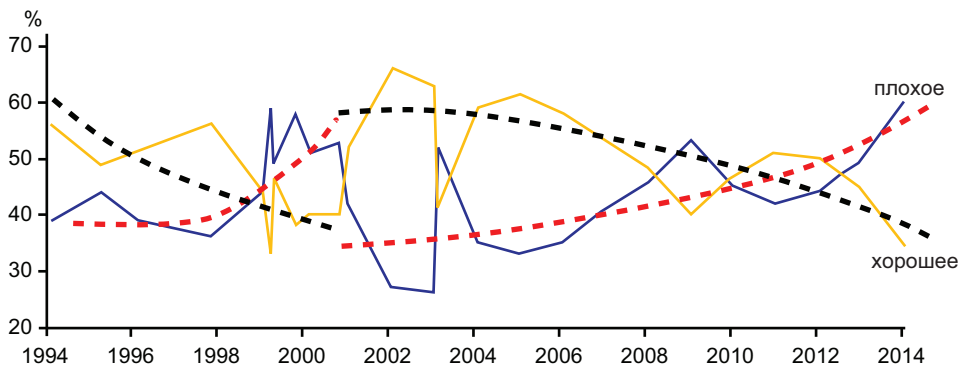

Рис. 10. Отношение к России в обществе США

В региональном развитии один из главных показателей — это бюджетная сбалансированность, но количество с ходом времени субъектов-доноров, как видно, уменьшается. На 2014 г. их осталось всего шесть. И причина опять в том, что нет цели выравнивания по стране. Это просто неважно, потому что это не установлено как цель (рис. 12).

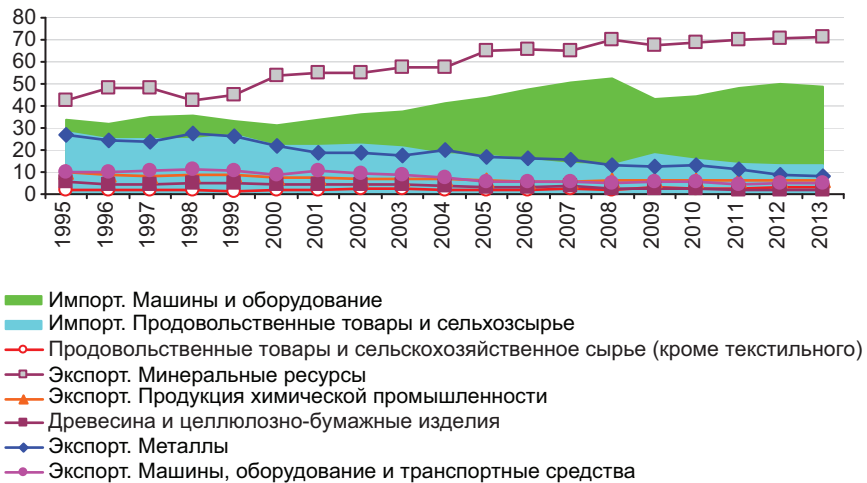
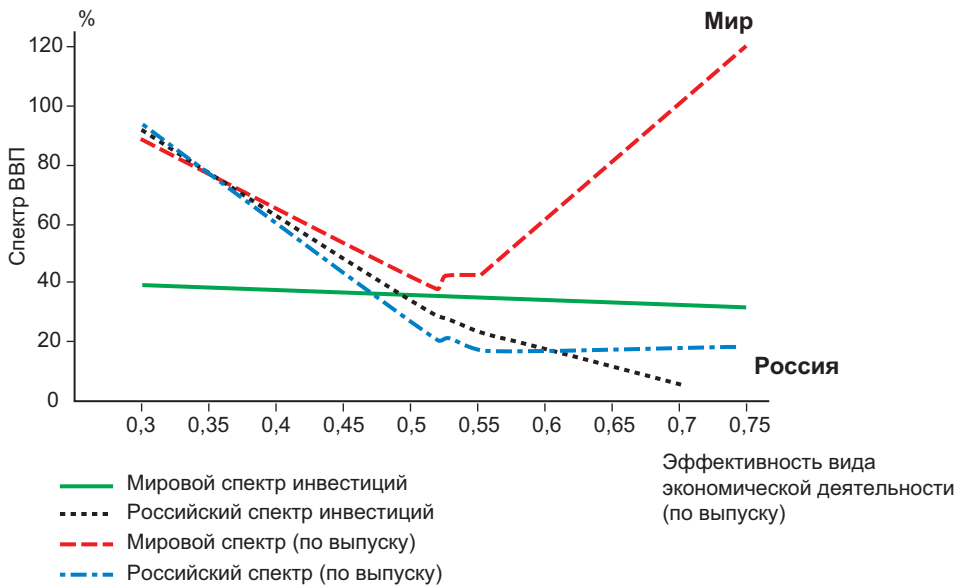
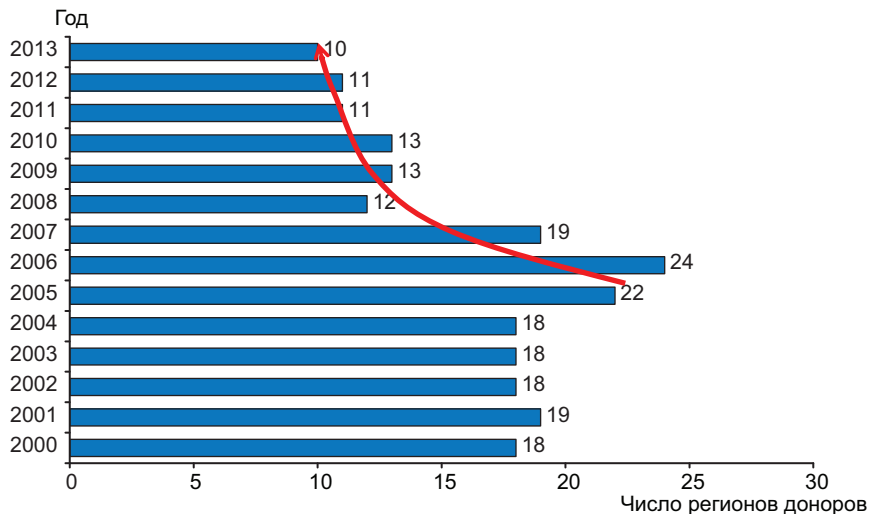

Рис. 11. Деградация экономики

Общая задолженность субъектов РФ на 1.02.2014 года составила 1,738 трлн руб.

Рис. 12. Региональная сфера

Заболееваемость (рис. 13).

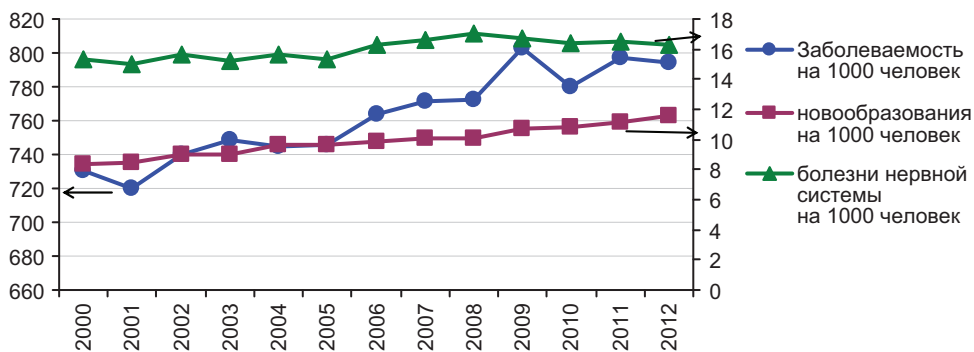
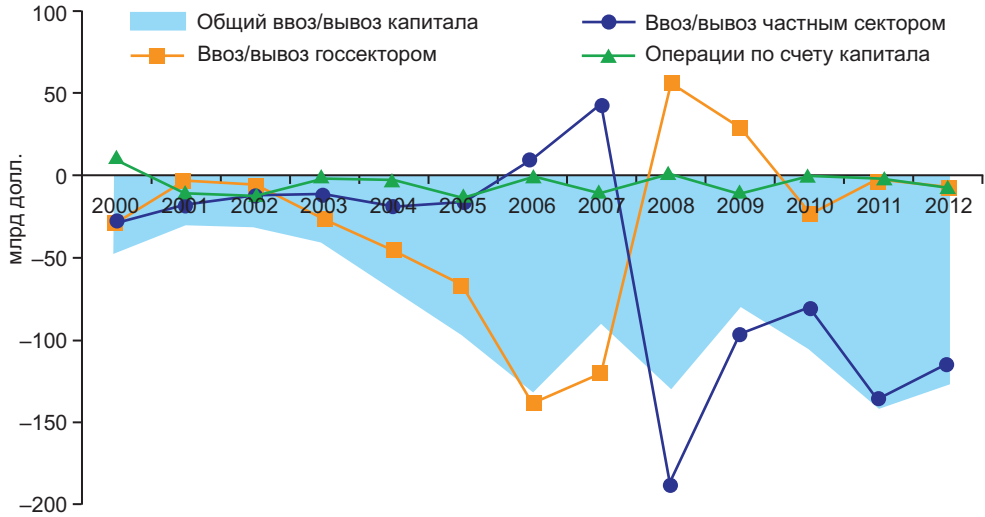

Рис. 13. Заболееваемость

Отток капитала из страны вместо внешних и частных инвестиций (рис. 14).

Самосворачивание российского государства. Это опаснейший процесс, потому что доля государственных расходов в процентах ВВП по сравнению со странами мира в России меньше всех сопоставимых стран, и запланирована к уменьшению (рис. 15). А что это значит? Это сворачивание бюджетной сферы, а это оборона, это наука, это поддержка промышленности, это поддержка развитости регионов, это социальная сфера. Это те самые классические сферы ответственности государства, целевая функция которых определяется ценностным императивом, которого нет. А тогда зачем вообще государство?

Ермолов М.О.

Рис. 14. Отток капитала из России (по данным Центрального Банка, альтернативная методика расчета)

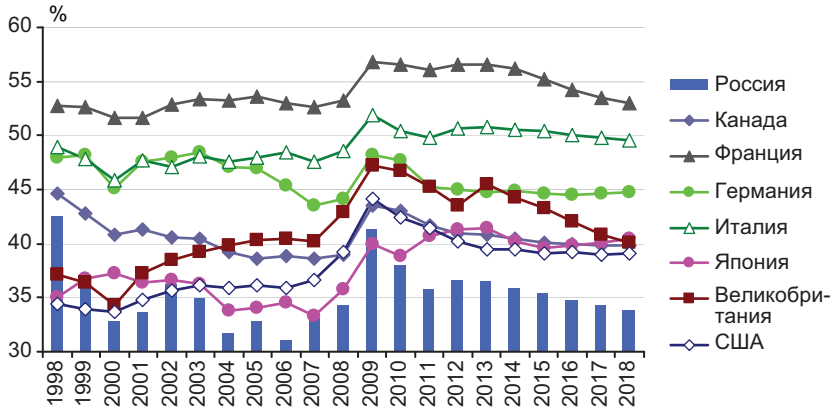
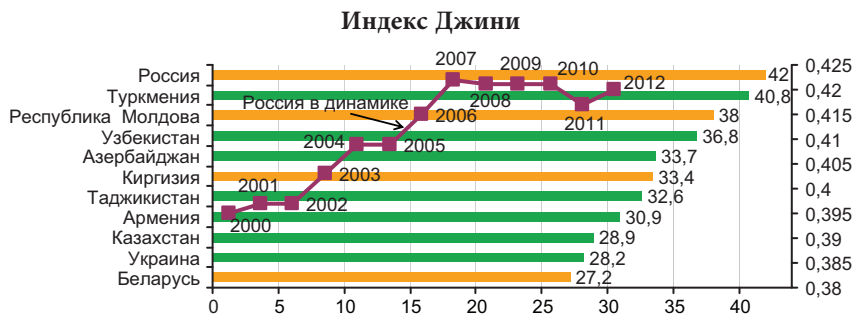

Рис. 15. Доля госрасходов в ВВП в странах G-8, в% (по данным МВФ, 2013 г.)

Если продлить эту кривую вперед по времени, то видно, что российское государство должно попросту исчезнуть.

Социальное расслоение, социальная несправедливость. 20% населения владеет половиной дохода, а, к сожалению, ушедший из жизни А.Ю. Шевяков доказал, что за сверхсмертность отвечает именно эта кривая — несправедливость распределения доходов в стране (рис. 16). Но у нас плоская ставка подоходного налога.

Структура расходов населения по социальным группам

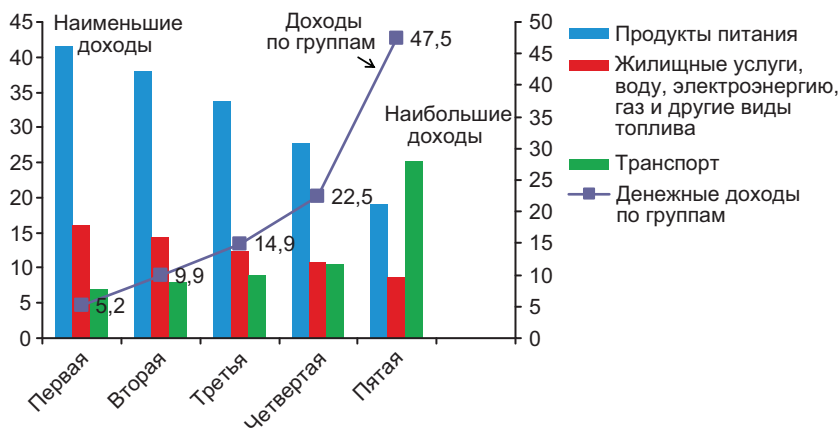
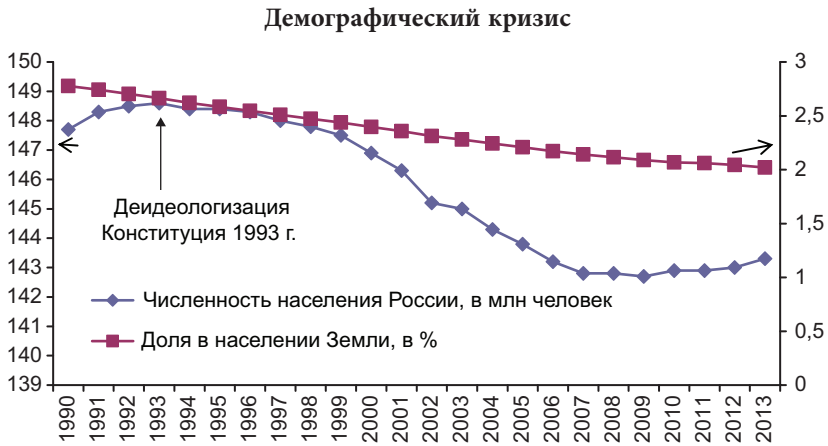

Рис. 16. Социальное расслоение

Поразительна следующая корреляция. Численность российского населения впервые в российской истории, вне связи с войнами и распадами, начала уменьшаться ровно в тот исторический момент, когда российская Конституция была деидеологизирована. В российской Конституции нет понятия «русский народ», понятия русскости, русской цивилизации. Не в этническом смысле, а в цивилизационном. Но демографическая ситуация наихудшая именно для русского народа. И это запрограммировано (рис. 17).

В итоге видно, что вычисляемый по нашей теории успешности сложных социальных систем индекс успешности (выше единицы он улучшается, ниже — ухудшается) очень чуток к вопросу идеологического насыщения бытия страны. Приходит Горбачев со своей перестройкой, реидеологизацией, новым мышлением от слова «мышь», а не от слова «мысль». И индекс начинает в 1986 г. падать, перекодирование смыслов страны в 1991–1993 гг. поместило индекс в безысходно отрицательную область, в которой мы до сих пор и находимся (рис. 18). Но зато мы под фанфары праздновали 20-летие Конституции, которая ответственна за эту программу деградации страны.

КДУ

$$K\delta y = \frac{N(2010)}{N(2002)} + \frac{P}{C},$$

где $N(t)$ — численность народа за соответствующий год (выбраны годы переписи), P/C — отношение общего коэффициента рождаемости к общему коэффициенту смертности.

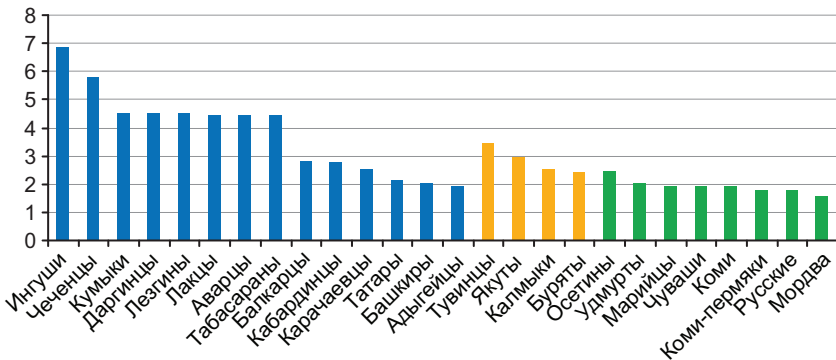

Рис. 17. Демографический кризис

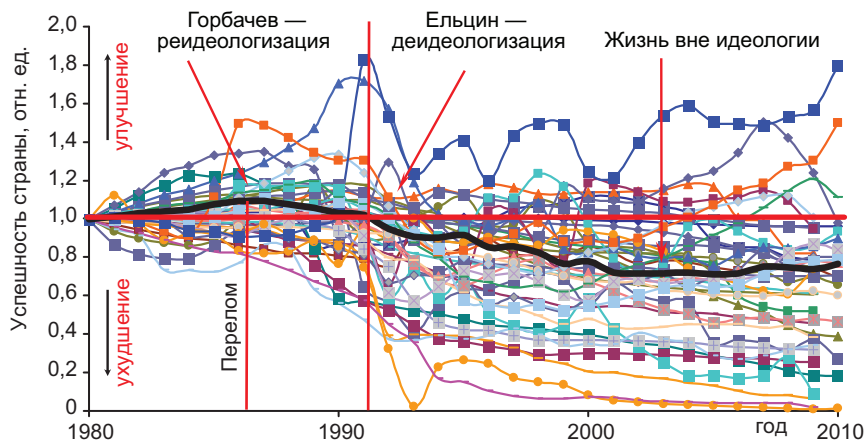

Рис. 18. Деидеологизация страны = деградация страны

А дело нешуточное. Дело в том, что страна может и развалиться. Ее коэффициент жизнеспособности страны недалек и не отдаляется от исторически полученных пороговых значений для распада страны (рис. 19).

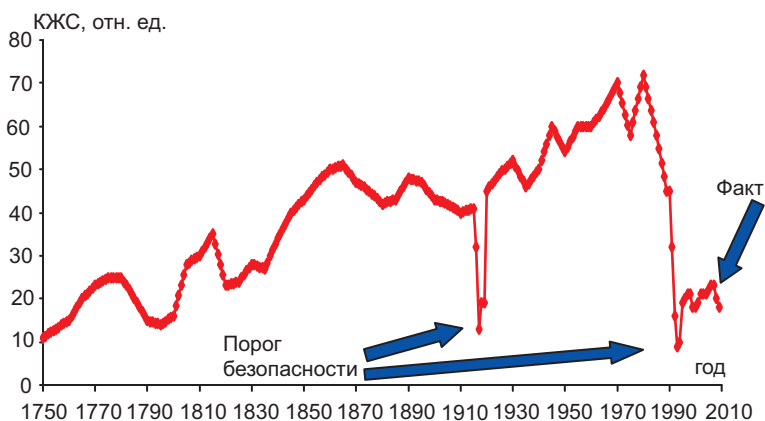

Рис. 19. Деградация страны = гибель страны

В деталях картина с индексом успешности страны выглядит таким образом, что ее успешность на сегодня ползет вниз со скоростью примерно такой же, с какой Россия вползала в недавний кризис 2008 года (рис. 20).

Последняя часть сообщения, после этой феноменологической картины, отвечает на вопрос: что делать?

Очевидно, что развитие не возникнет, если Россия не перекодирует ценностную идеологическую компоненту нашего государства, его Конституцию. Такой проект Конституции разработан. Он разработан на основе только фрагментарно показан-

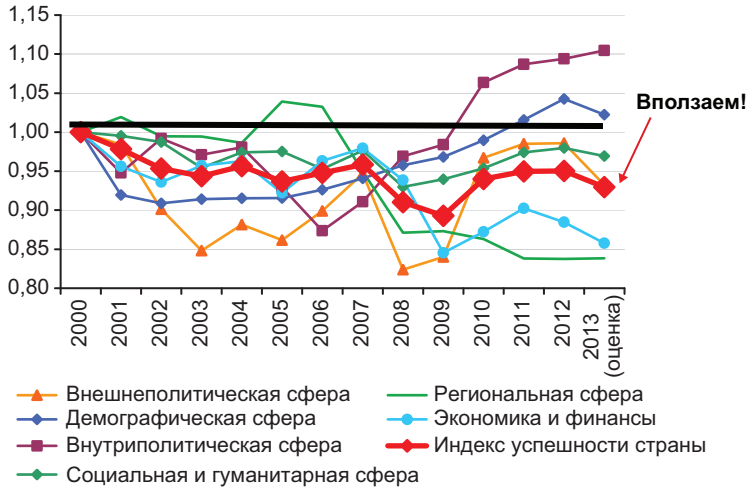

Рис. 20. Индекс успешности страны в целом (по агрегированным сферам)

ных в сообщении теорий, моделей, расчетов. В прямом смысле слова — расчетов. Как влияют высшие ценности для нашей страны на демографию, на экономическую успешность, на внешнеэкономическую успешность и т. д. Основываясь на этих расчетах и принципах, сформирован проект, в котором отражены главные вопросы успешности страны (рис. 21). В частности, высшие ценности России, наиболее важные для жизнеспособности России качества и характеристики, народа России и иных предметов деятельности государства.

Высшие ценности — это, прежде всего, наша родина, это ответственность страны за судьбы мира, за форматирование мира. Это всеобщие блага и принципы нравственности, социальной справедливости, служения, долга, ответственности, достоинства и т. д. И это, конечно же, идеология, в том смысле, в котором мы

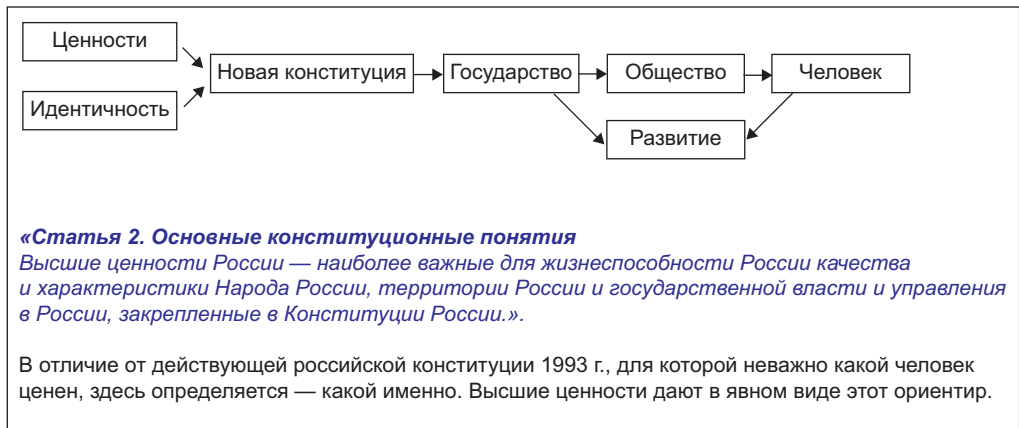

Рис. 21. Что такое реидеологизация страны

придаем ей ценностное целеобразующее содержание. Россия должна стать нравственным государством, а не только социальным и правовым. Государство обязано форматировать сферы воспитания, пропаганды, образования, культуры, науки, средств массовой информации, исходя из такой картины и такого целеполагания. Ростовщичество должно ограничиваться, как стяжательство, но экономически и психологически должен стимулироваться труд, как благой источник права на получение и потребление блага. Государство и должностные лица должны отвечать за результат своей государственной деятельности. Все эти ценностные выборы в новой конституции страны выписаны как императивные нормы. Именно они будут программировать будущий облик страны.

Поэтому, есть, конечно же, две картины. Россия деидеологизированная, беспомощная и деградирующая и Россия будущая. Россия, восстановившая свой идентичный облик и Идею жизни и развития. Хочется верить, что будущее за вторым обликом нашей страны. Для этого и необходима реидеологизация страны.

Государственная идеология как фактор национального суверенитета

Багдасарян В.Э.

Судя по различным социологическим опросам, достигнут общественный консенсус в том, что государственная идеология России необходима. Существуют разные опросы, дающие небольшие вариации цифр. Но все они говорят примерно об одном и том же, что более 90% российского населения считает введение государственной идеологии целесообразным. Значит, следующим шагом надо решать, а какая именно государственная идеология нужна России. Надо переходить к следующему этапу дискурса.

Управленческая политическая развертка выражается следующей цепочкой — ценности, цели, проблемы, решение, результат. Почему нет результата, связанного с повышением потенциала жизнеспособности страны? Очевидно, потому, что применяются негодные средства. Почему применяются негодные средства? Очевидно, потому, что не сформулированы цели. А цели неясны ввиду того, что нет артикулированных ценностей. Ценности же не артикулируются потому, что существует закрепленный на уровне Конституции запрет на государственную идеологию. В этой ситуации, когда нет ценностей и нет идентичной идеологии, происходит латентное ценностное замещение. Транслируются ценности внешнего геополитического субъекта и, по сути дела, осуществляется внешнее проектирование и внешнее управление (рис. 1).

Конституция Российской Федерации запрещает государственную идеологию. Но, вместе с тем, в этой же Конституции статья 2-я говорит о том, что у России есть все-таки высшая ценность. Эта высшая ценность — права и свобода человека. Существует также конституционная к общепризнанным принципам и нормам

международного права. А что такое общепризнанные принципы и нормы, как не принятая аксиологическая платформа. Значит, ценности в Конституции РФ все же есть. Но эти ценности не артикулируются в качестве идеологии, а подразумеваются как нечто само собой разумеющееся.

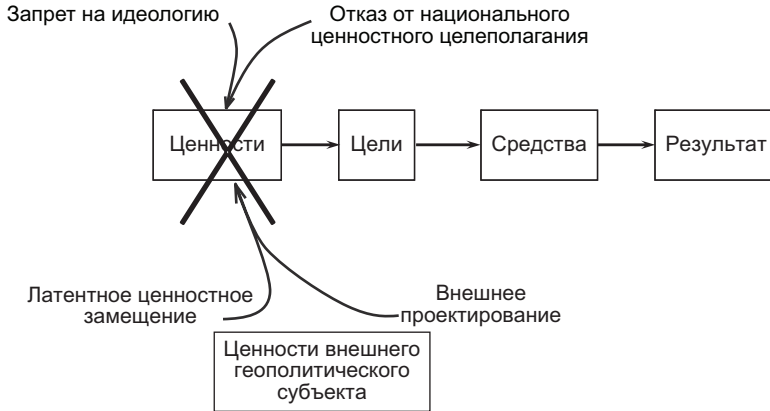

Рис. 1. Внешнее идеологическое проектирование

Если мы посмотрим на различные исторически значимые идеологии, то обнаружится их геополитическая адаптированность. Выдвигаемые идеологические доктрины выражали прямо, или опосредованно позицию определенного геополитического субъекта. За национал-социализмом стояла геополитическая позиция Германии, маоизма — Китая, пантюркизма — Турции, либерализма — стран англо-саксонского мира. Н.А. Бердяев говорил в свое о русской трансформации коммунистической идеи. На Западе, писал он, очень плохо понимают, что III-й интернационал это не интернационал в прямом смысле слова, а реинкарнация старорусской идеологии «Москва — третий Рим». Такая же адаптационная трансформация прослеживается и в отношении других идеологий (рис. 2). Поэтому вопрос заключается не просто в том, что нужна идеология, а в том, что нужна идеология суверенная.

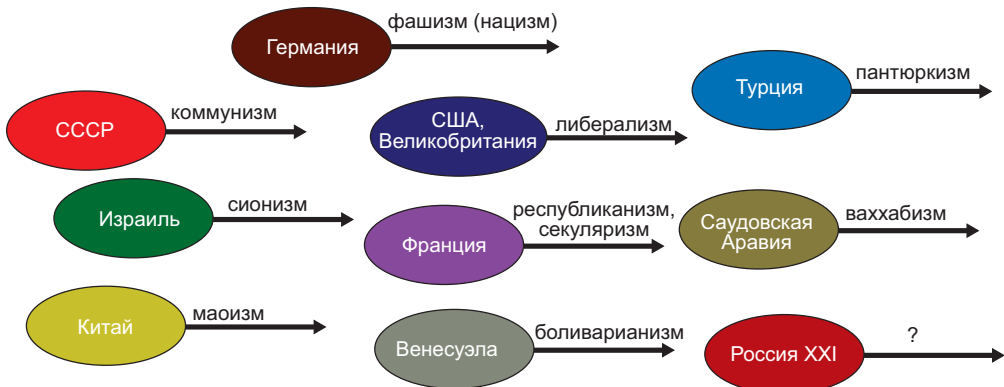

Рис. 2. Геополитические основания мировых идеологий

Представленная ниже карта может быть условно определена как идеологическая карта мира (рис. 3). Различным образом на ней обозначено идеологическое позиционирование групп государств. Это позиционирование определялось либо через соответствующее самоопределение правящего режима, либо через самоопределение правящей на настоящее время политической партии. Выделены были группы стран, самоопределяющихся в соответствии со следующими идеологическими платформами — либерализм; социал-демократия; религиозный фундаментализм; национализм, «третий путь пути», консерватизм с национальной спецификой. Обнаруживается, что идеологии, которые позиционируются как планетарные, имеют определенную геополитическую кластеризацию. Идеологии выстраиваются вокруг неких цивилизационных центров, геополитических аттракторов.

Рис. 3. Современная карта идеологий (по самопозиционированию правящих политических партий)

Расчет по странам мира того, какие идеологии в настоящее время преобладают, привел к следующим результатам. Удельный вес идеологии консерватизма в общей численности стран мира составил — 39%, социализма — 24,4%, либерализм — всего 11% (рис. 4). Казалось бы, мировой геополитический центр мира несет идеологию либерализма. Но остальной мир все определеннее приходит к пониманию того, что на основе либерализма нельзя выстраивать жизнеспособные национальные модели, невозможно фактически осуществлять социальные сборки. Либерализм как учение имеет сравнительно невысокую популярность. И в большей степени применительно к настоящему времени можно говорить не об артикуляции идеологии

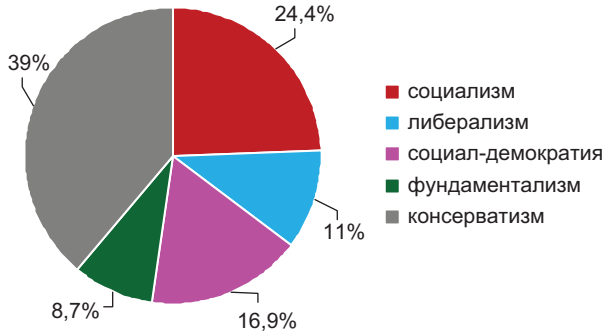

Рис. 4. Распределение идеологий по странам мира

либерализма, а о восприятии его положений как нечто само собой разумеющегося, вхождения его в природу вещей.

Существуют различные идеологические доктрины, связываемые с патриотическим лагерем. Но если мы посмотрим по каждой из идеологий, то увидим следующее. Структура приверженцев по каждой из них сходна. Основная масса — это идеологические конформисты. Меньшинство составляют пассионарии-западники и пассионарии-почвенники (рис. 5).

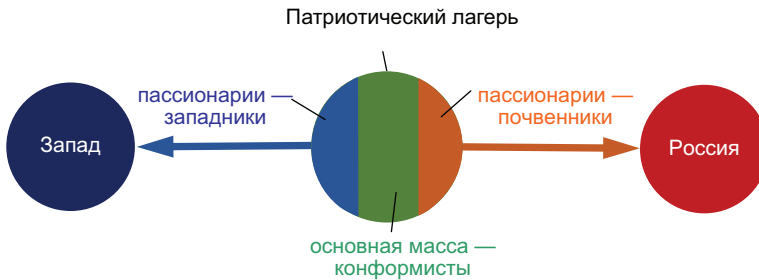

Рис. 5. Раскол внутри идеологического лагеря

Внутренний раскол проиллюстрировать следующим образом. Внутри религиозного традиционализма — униатство и экumenизм — западничество, русский религиозный монархизм — почвенничество. Внутри коммунистической идеологии — троцкизм и евросоциализм — западничество, национал-большевизм — почвенничество. Внутри национализма — белый расизм — западничество, русский империализм — почвенничество (рис. 6).

Единственная из всех идеологий, которая не содержит внутренней пророссийской компоненты, а только прозападническую — это либерализм. И такая особенность либерализма проистекает от самой идеи свободы, включая свободу от национального государства и национальных традиций. Но в данном случае важно зафиксировать, что сущность раскола состоит не в вопросе противоречий между

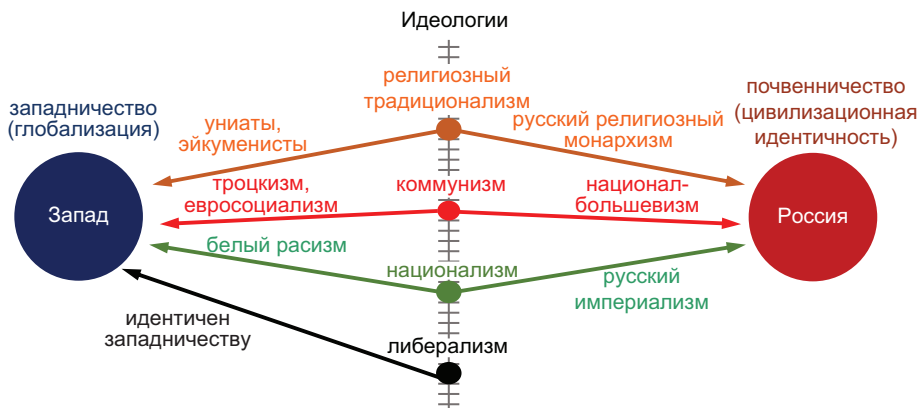

Рис. 6. Внутренний раскол идеологий по отношению к национальному суверенитету России

идеологиями, а противоречий внутри идеологических платформ по отношению к собственной стране. Либо выбор делается в пользу России и патриотизма, либо Запада и космополитизма.

Почему при множественности западнических течений в качестве идеологического ядра антироссических сил был взят либерализм? Именно либерализм оказался целиком идентичен западноцентричности. Не продуцируя какого-то основания для социальной сборки, либерализм был использован как инструмент реализации западноцентричной политики. Собственно западноцентризм и был идеологическим фундаментом, а либерализм — одной из производных западноцентризма. Запад как геополитический противник России навязывает ей либеральное устройство, фундаментально противоречащее традиционным российским системам жизнеустройства. Содержание либеральной политики можно условно определить как «курс 12 Д»: деидеологизация, деэтизация, деавтаркизация, десоциализация, деидентификация, децентрализация, деиндустриализация, демонетизация, деинтеграция, десакрализация, денационализация, детрадиционализация. По сути дела речь шла о демонтаже любых скреп, обеспечивающих существование российской государственности. То есть была сознательно использована такая идеология, которая вела бы к подрыву жизнеспособности геополитического противника. Через идеологический экспорт Запад осуществлял колонизацию России (рис. 7).

Как этому можно противостоять? Очевидно, что в борьбе за восстановление суверенитета должны быть объединены все патриотические силы. Патриотический лагерь представлен, как указывалось выше, тремя составляющими — православный традиционализм, советский коммунизм, русский национализм. В отличие от консолидированных вокруг либерального ядра западнических сил, патриотический лагерь расколот. Как объединить патриотов? Этот вопрос должен быть включен в актуальную повестку.

Отношения между направлениями патриотического лагеря могут выстраиваться различно. Первый вариант — эти отношения могут строиться как отношения

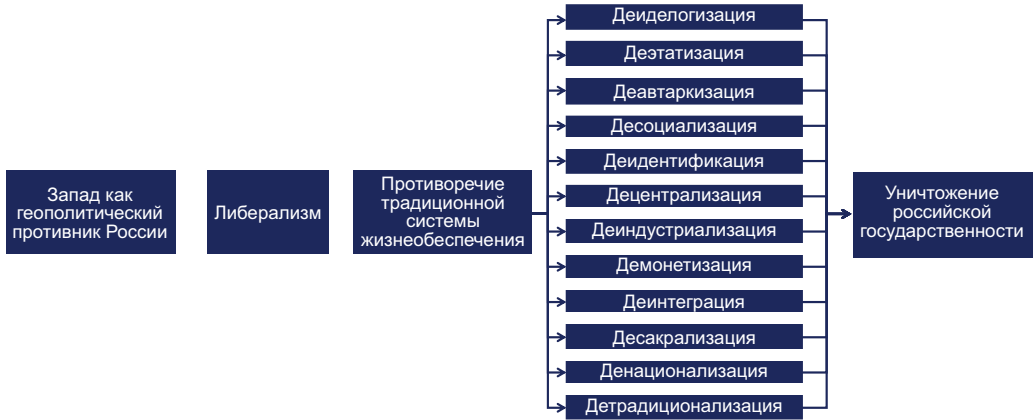

Рис. 7. Либерализм как инструмент разрушения систем жизнеобеспечения российского государства

борьбы. Понятно, что в этом случае ни о каком единстве речи не идет. Второй вариант отношений — временный альянс. Патриотические силы, сохраняя автономность, координировано выступают против общего врага. Но боеспособность такого альянса сомнительна. Все равно каждая из частей будет тянуть одеяло на себя, будет стремиться опередить временных союзников. Но возможен и третий вариант — выдвигание новой единой идеологии, которая объединила бы все компоненты патриотического лагеря в целое.

Православный традиционализм мировоззренчески связан с религиозной идеей, советский коммунизм — с социальной идеей, русский национализм — с национальной. Задача, соответственно, должна заключаться в синтезе этого идейного багажа. В центре же этой новой единой идеологии, как основание нового проекта должна находиться идея россиецентричности. (Рис. 8). Данный подход уже был апробирован в наших работах. Отвечая на вопрос, какая ценность может быть определена в отношении к России, как высшая, мы определяли в качестве таковой — существование самой страны. Этот подход выражался следующей формулой: «Россия должна быть и должна быть всегда».

Показательно в перспективе формирования новой идеологии посмотреть на исторический опыт идеологических поражений в истории России. Идеология Российской Империи выражалась, как известно, триадой идеологием — православие, самодержавие, народность. Мировоззренческой основой идеологического строительства являлась религия. Главный недостаток, который привел в конечном итоге Российскую империю к идеологическому поражению на соответствующем этапе, состоял в низком научно-инновационном потенциале для организации технологического модернизационного прорыва. Религиозная идеология без науки оказалась не способна должным образом реагировать на вызовы времени.

Коммунизм был идеологией советского проекта. Мировоззренческой основой в данном случае выступал диалектический и исторический материализм. Слабость

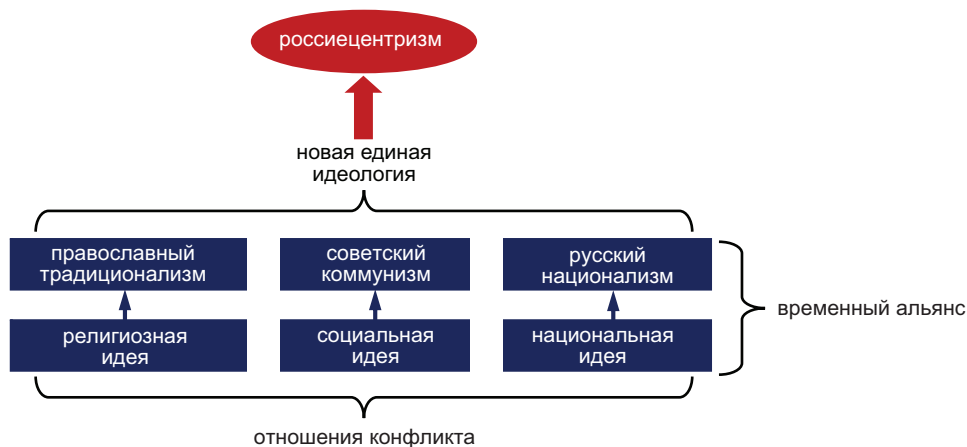

Рис. 8. Патриотический лагерь — потребность идеологической консолидации

этого проекта обнаружилась в позднесоветские годы. Она проявилась в эрозии духовных потенциалов, распространение ценностей потребления, которые вошли в диссонанс идеократическим типом советской государственности. Материалистическая идеология без идеально-трансцендентного начала, без учения о бессмертии души, дала сбой.

Отсюда вывод: необходим синтез. Если говорить об идеологии России-XXI — это должен быть идеологический синтез советского и православно-христианского проектов, а в мировоззренческом плане — синтез религии и науки (рис. 9).

Но имеются ли основания для того, чтобы говорить о такой мировоззренческой перспективе? Во всем мире сегодня идет процесс религиозного возрождения. Вызов

Рис. 9. Исторический опыт идеологических поражений в истории России в перспективе формирования новой идеологии

постмодерна воинствующий релятивизм и распространение пороков катализировал обращение человечества к спасительному ценностному фундаменту религий. Р. Инглхарт определил этот феномен понятием постматериализм. Социологические замеры по возрастным группам позволили ему зафиксировать четкую тенденцию постматериалистической ценностной инверсии (рис. 10). Год от года усиливается диалогичность и сближение религиозной и научной платформ. Постматериалистическое мировоззрение уже не материалистическое, но и не классически религиозное. Выдвижение новой мировоззренческой платформы предполагает, соответственно, и формирование новой идеологии.

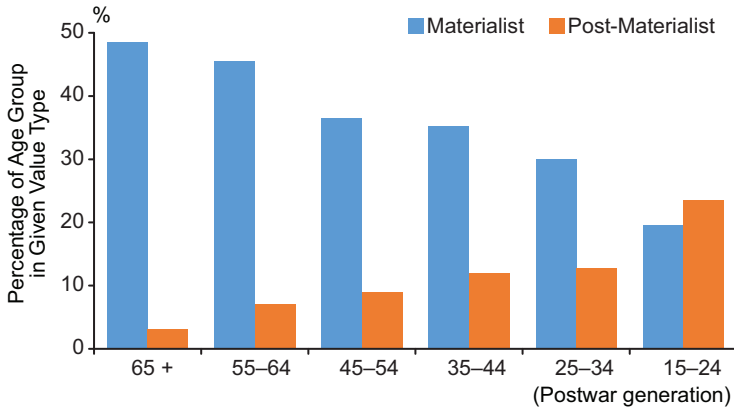

Рис. 10. Материалисты и постматериалисты в мире (по возрастным поколениям)

Западничество обрушивалось на Россию под различными идеологическими маркерами. При этом экспансионная сущность оставалась неизменной. Идеологические маркеры менялись в соответствии с контекстом исторического времени. В средние века западническая экспансия реализовывалась под вывеской идеи католической интеграции. Выдвигалась идеология «дряхлости» православного Востока. В Новое время западничество продвигалась в форме европейского просветительства и секуляризма. В череде исторических реинкарнаций западнической экспансии против России был и фашизм. Наконец, в настоящее время российское западничество оказывается фактически синонимично либерализму.

Внешнюю экспансию поддерживала изнутри «пятая колонна». Прикрытием фактической государственной и цивилизационной измены было принятие той или иной идеологии. В этом смысле между русскими средневековыми «латинянами» и современными оранжевистами прослеживается определенное генетическое преемство. Антироссийскость являлась объединяющей платформой для всех этих идеологических модификаций (рис. 11).

Почему же все-таки нельзя принять западнический зонтик, встать под западническое знамя? Может быть, принятие позиции сильного обеспечит соответствующую с его стороны защиту? Действительно, такой подход может оказаться рационален по отношению к каким-то малым государствам. Но он принципиально

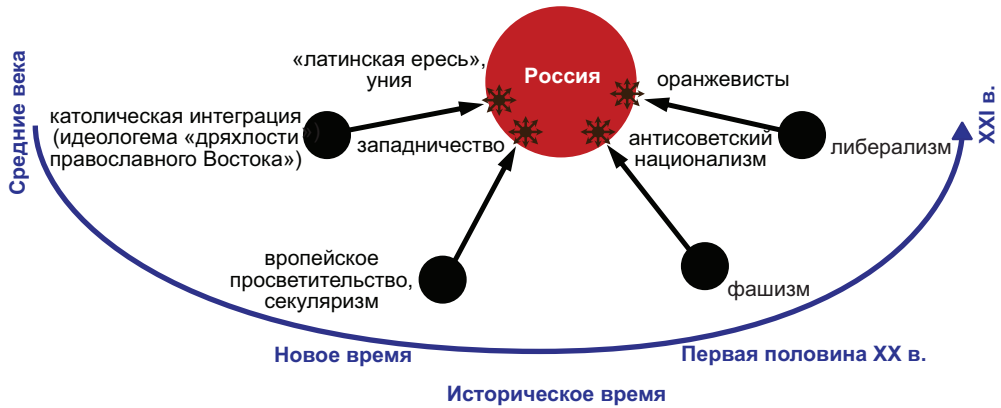

Рис. 11. Идеология антироссийской экспансии — исторические воплощения

неприемлем для России. И дело здесь не только в территории. Достаточно обратиться к историческому генезису оппозиции Россия — Запад. Традиционная христианская историософия выражалась, как известно, учением о пяти мировых царствах — империях. Четвертой, предшествующей Царству Божиему, является Римская империя. Она носит мировой, вселенский характер. Но принципиальный вопрос заключался в том, где центр Римской империи, аттрактор мировой системы, подлинный Рим. На эту роль претендовали и христианский Запад, и христианский Восток. В этом историософском смысле борьба шла в дихотомической развертке — либо Запад, либо Россия. Выбор в пользу одной из сторон предполагал цивилизационную делегитимизацию другой стороны. Компромисса в данном случае быть не могло (рис. 12).

Рис. 12. Политические воплощения христианской историософии

Концепт мировой империи Запада представлял исторически в различных модификациях. Преемственная линия от Pax Romana к Pax Americana не прерывалась. Видение проекта мировой империи менялось, но не менялось утверждаемый им западный гегемонизм. То есть идея мирового господства устойчиво присутствовала в западном дискурсе. И не только в дискурсе, но и в политической практике. Россия выступала в качестве основного препятствия для реализации этого проекта. И по проектной логике это препятствие должно быть устранено (рис. 13).

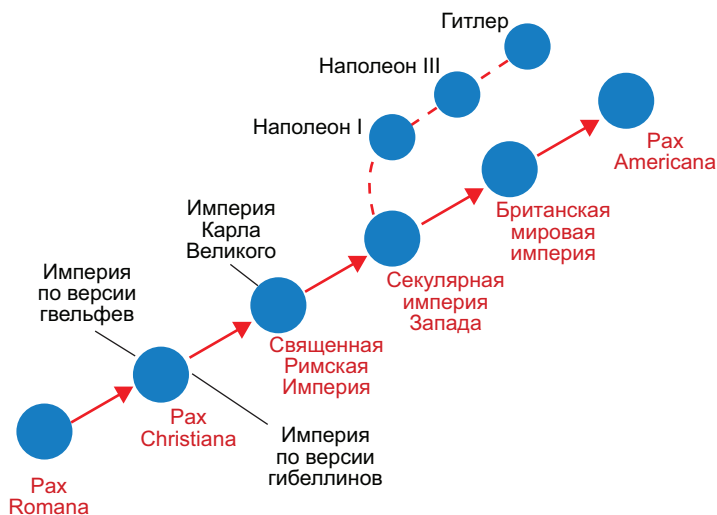

Рис. 13. Эволюция концепта мировой империи Запада

Основные модификации секулярной идеологии хорошо известны — консерватизм, социализм, либерализм. В принципе, все эти идеологические направления вышли из арсенала просветительских идеалов. И принципиально важно для раскрытия генетического преемства проследить по каждому из направлений отношение просветителей к русским и России.

Готфрид Лейбниц:

«московиты хуже варваров», «открыть русским ворота, сдав Польшу, последний оплот Европы против варваров, было бы преступлением».

Шарль Монтескье:

«Народ там состоит из одних рабов». «Такая обширная империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней была устроена другая форма правления, кроме деспотической».

Вольтер:

«Московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских как и сами они властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не

разумея пользы оных. Закон сей вполне соответствовал духу этой нации, которая во глубине своего невежества и прозябания пренебрегала всяческими сношениями с иностранными державами».

Франческо Локателли:

«Я возвращаюсь из другого мира... Русские — это другой тип людей, они коренным образом отличаются от европейцев. Более того, они хуже татар, которых ныне угнетают. Их происхождение неизвестно, сами они своей древностью не интересуются. По-видимому, они являются потомками скифских рабов, восставших когда-то против хозяев и укrywшихся затем в северных лесах. Татары — потомки скифов, а русские — потомки их подлых рабов. Рабство и невежество — их вечный удел».

Жан Шанп дОтрош:

«Петр I кажется создателем новой нации, но нет никакой перемены в устройстве правительства; нация все время находится в рабстве, и он еще сильнее затягивает узы рабства».

Габриэль Мабли:

«У них (русских) не было ни нравственных устоев, ни законов, ни трудолюбия, ни даже желанья лучшей участи — страх и невежество сковали их умы»

Жан Жак Руссо:

«Русские никогда не станут истинно цивилизованной нацией...»

Таким образом, при различии направлений просветительского дискурса, отношение к России фиксировалось достаточно устойчивое. Эта устойчивость не могла быть случайной. Она свидетельствует о том, что антироссийскость является одним из парадигмальных компонентов западного идеологического строительства в любой из его основных версий. Россия была препятствием для реализации любой из продуцируемых Западом идеологических доктрин, восходящих к общему для них целевому ориентиру — мировому господству.

Идеологическая экспансия может осуществляться различным образом. Идеология может артикулироваться как набор определенных идеологем. А может распространяться опосредованно, входя в системы образов, знаков, представлений. Через них задавалась определенная культурная матрица, вступающая в противоречие с традиционными нормативами жизни. Историческая развертка таких культурных влияний позволяет проследить важную закономерность. Войнам России с теми или иными странами предшествовала культурная экспансия той же самой страны. Воевать приходилось с теми, чей образ был особенно популярен среди элиты. Вначале осуществлялось культурное подчинение, а за ним реализовывались попытки подчинения военного (рис. 14).

Как пример культурной экспансии сегодня может быть рассмотрена доминанция в прокате художественных фильмов в России американской кинопродукции. Выстраивание российскоцентричной идеологии с голливудизацией массового сознания, естественно, несовместимо. Американское кино в российском прокате по настоящее время превосходит отечественные фильмы. А ведь есть еще и кинопродукция других зарубежных стран. Это указывает, какая культурная матрица по сей день закладывается в России. А в идеологическом плане — какая идеология транслируется в России через технологии «мягкой силы» (рис. 15).

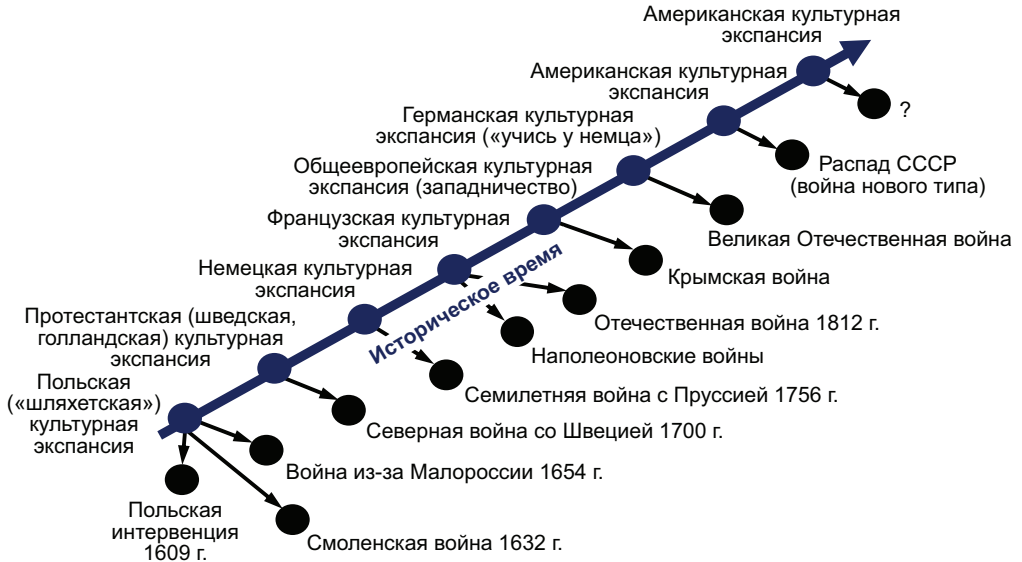

Рис. 14. Культурная экспансия предшествует военной интервенции

Рис. 15. Соотношение доли российских и американских художественных фильмов, допущенных к прокату в России, в% от общего количества

Достаточно индикативен также в плане измерения «мягкой силы» расчет образовательной составляющей геополитики. Распределение государств проводилось в зависимости от того, в какой стране получил высшее образование государственный лидер. Обнаруживается, соответственно, особая значимость американского и английского культурного влияния. Совокупный их показатель фиксирует доминанцию англо-саксонского мира. Достаточно влиятельную позицию в мире имело и советское образование. По сей день не только на постсоветском пространстве, но даже в ряде африканских стран, во главе государств стоят лица, получившие образование в СССР. Однако по отношению к постсоветской России эти потенциалы уходят в прошлое (рис. 16, 17)

Рис. 16. Образовательная составляющая геополитики

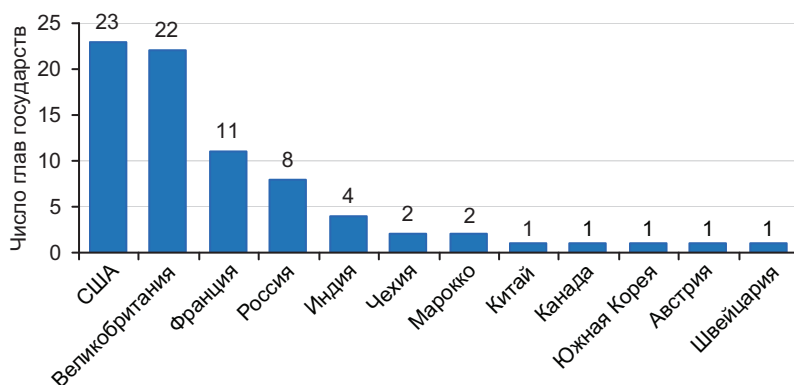

Рис. 17. Страна получения высшего образования главой иностранного государства (число глав государств)

Вопрос о суверенности государственной идеологии предполагает, что эта идеология не должна противоречить исторически выработанной соответствующим сообществом системе ценностей. Показательно в этом отношении признание Джеффри Сакса, анализировавшего причины провала либеральных реформ 1990-х годов

в России. «Мы, — признавался известный идеолог неолиберальной политики, — положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Признавалось, таким образом, что анатомия России отлична от анатомии стран Запада. Соответственно, новая российскоцентричная идеология должна быть выстроена под анатомию России.

Существуют различные научные школы, специализирующиеся на количественной оцифровке значимости различных ценностей в преломлении к различию социокультурных сред. Все они в отношении России сходятся в том, что ее ценностный облик разительно отличается от ценностного облика Запада.

Методика количественной оцифровки ценностей школы Г. Хофстеда сложилась еще в 1970-е годы. Революционное значение имел полученный на основании ее применения вывод о том, что экономическая и технологическая развитость может достигаться на различных ценностных платформах, варьирующихся по различным типам «деловых культур». Индикаторы в системе Г. Хофстеда группируются по пяти основным индикаторам: индивидуалистичность, дистанция от власти, долгосрочная ориентация, определенность будущего, маскулинность. При сравнении с другими важнейшими геополитическими акторами современного мира обнаруживается определенно особый аксиологический тип России (рис. 18).

Большим авторитетом в современной аксиологии пользуется фигура Шоломона Шварца из Израиля. На основе шварцевской методологии был реализован, в частности, проект «Европейские ценности». В рамках него социологические данные по 22

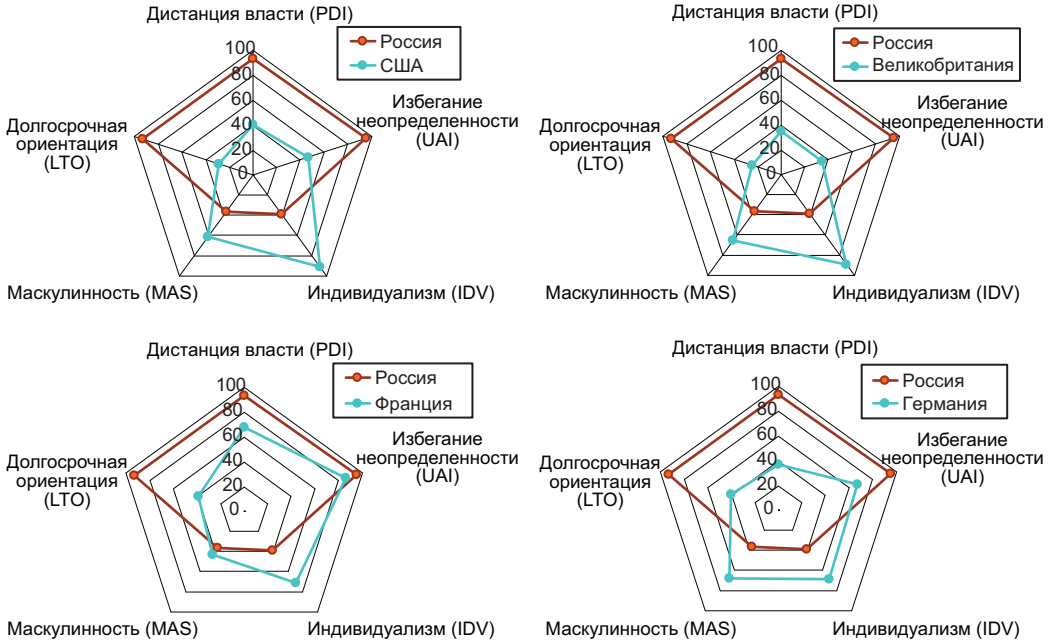

Рис. 18. Социокультурные характеристики стран мира по методике Г. Хофстеда: Россия и страны Запада

странам Европы распределялись по 15 выделенных Шварцем ценностным индикаторам. По Эстонии использовались отдельные сведения, как по эстоноговорящему, так и русскоговорящему населению. Это позволило, в частности, оценить степень аксиологической близости русских, проживающих в России и за ее пределами.

По всем ценностным индикаторам системы Шварца обнаруживается четкая кластерная оппозиция групп православных и протестантских стран. Показатели России имеют устойчивое тяготение к полюсам аксиологических шкал. Положение русскоговорящих и эстоноговорящих жителей Эстонии на соответствующих ценностных шкалах обнаруживает различную кластерную принадлежность. Русскоговорящие принадлежат к православному, эстоноговорящие — к протестантскому кластеру. С католическими странами у России расхождения тоже обнаруживаются, но не имеют характера столь жесткой кластерной оппозиции, как с протестантскими (рис. 19)

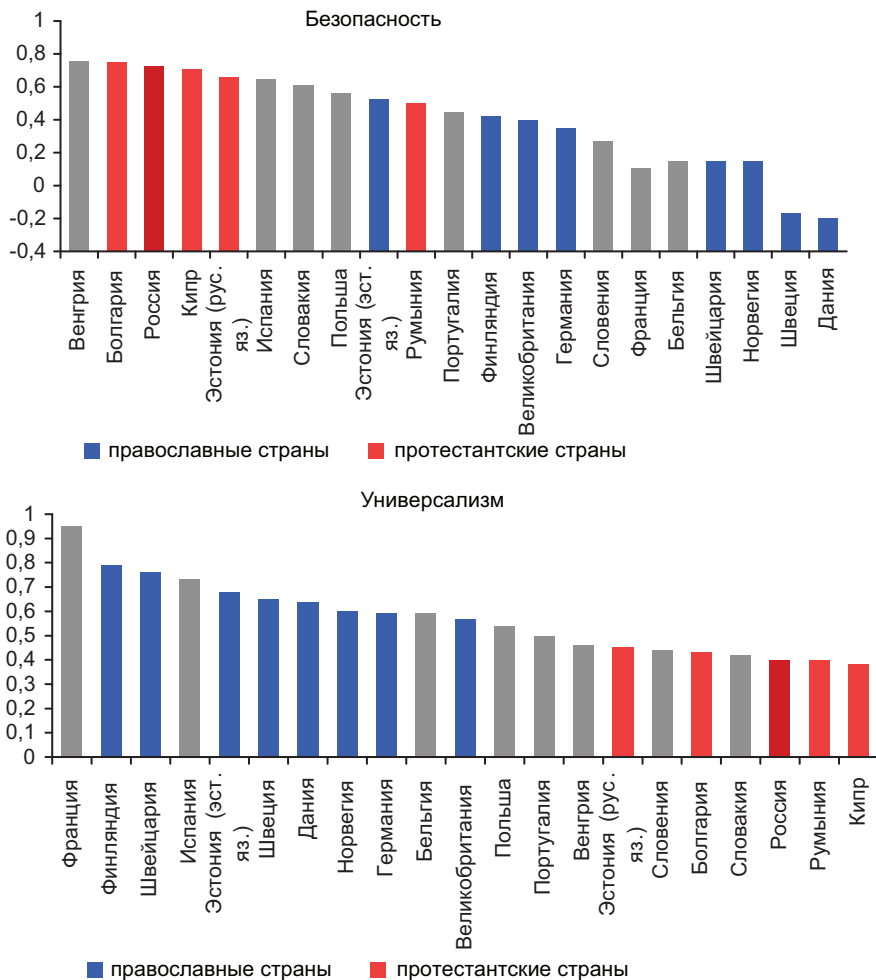

Рис. 19. Результаты «Европейского социального исследования» (European Social Survey— ESS) (по методике Ш. Шварца)

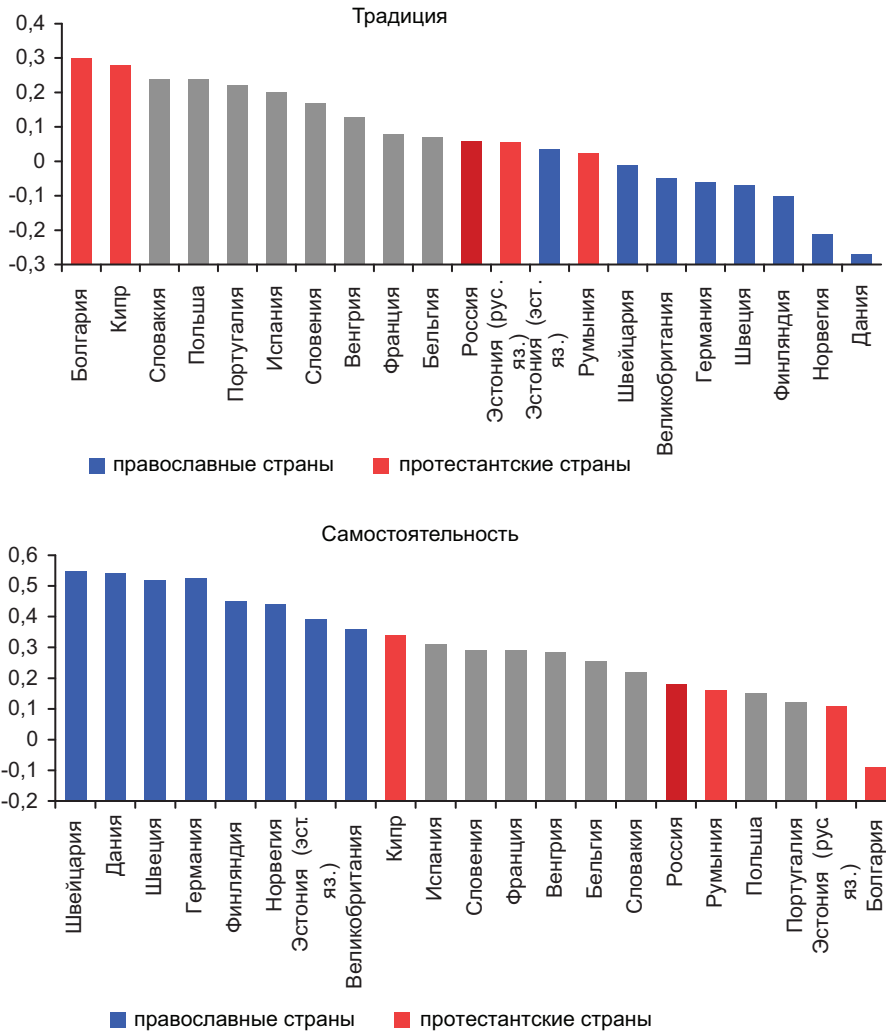

Рис. 19 (окончание). Результаты «Европейского социального исследования» (European Social Survey— ESS) (по методике Ш. Шварца)

Эта фиксация позволяет внести определенные уточнения в представления об исторических основаниях Россия — Запад. Протестантизм, как известно, возникает в Европе как результат реформационных процессов шестнадцатого столетия. Он вышел из недр католичества и оппонировал католической традиции. Макс Вебер прекрасно показал в свое время аксиологические различия между католиком и протестантом. До шестнадцатого века протестантского ценностного кластера еще не существовало, но ценностная оппозиция Русь — Запад насчитывала уже ни одно столетие. Реформация, таким образом, явилась не только расхождением протестантов и католиков, но и отдалением части Европы от православного ценностного по-

люса. Запад пошел по тому самому направлению развития, правильность которого составляет сегодня основной вопрос мирового общественного дискурса. В этой связи заслуживает внимания рассмотрение темы о Реформации как культурно-генетических истоках постмодерна. Действительно, известный лютеровский принцип «каждый сам себе священник» артикулировался, по сути, как манифестация ценностного релятивизма. Та же семантика содержалась и в другой знаменитой формулировке вождя Реформации: «У меня внутри свой папа — мое Я».

Одним из наиболее масштабных проектов количественного расчета ценностной ориентированности стран мира является проект «World Values Survey». Он реализуется с 1981 года, охватывая около ста государств. Многочисленные опросные данные укладываются по системе, разработанной Рональдом Инглхартом, в рамках двух ценностных дихотомий: традиция — секулярность и коллективизм — индивидуализм. Страны, принадлежащие к различным цивилизационным ареалам, четко кластеризуются, подтверждая правильность применяемой методики расчетов. Россия и весь «православный» кластер стран оказываются в ценностном отношении наиболее отдалены от кластеров «протестантского» и «англо-саксонского» ареалов. На основе полученных количественных результатов можно говорить о мировой альтернативе Россия — Запад (максимальный среди всех цивилизаций показатель ценностной отдаленности) (рис. 20)

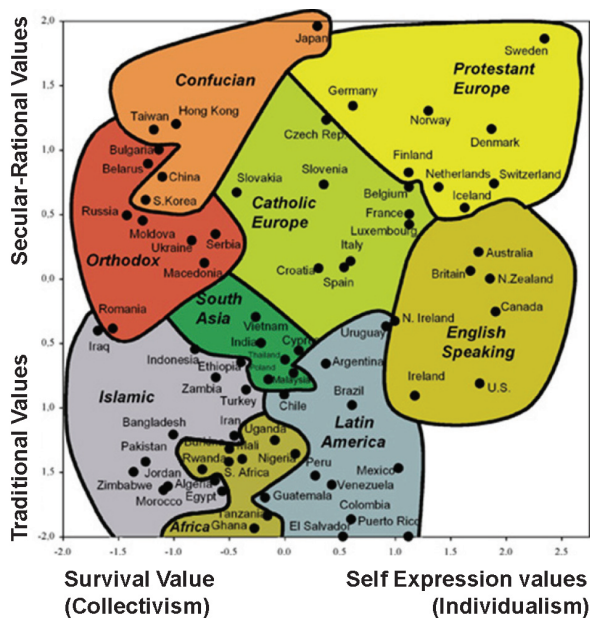

Рис. 20. Цивилизационные кластеры мировых ценностей

Ценностные ориентиры населения любой из стран могут со временем подвергаться изменениям. Соответственно, помимо фиксации аксиологических различий цивилизаций необходимо также выявить направленность ценностной изменчиво-

сти. При долгосрочном рассмотрении это позволит говорить о конвергенционности или дивергенционности развития цивилизаций. Долгосрочность — около трети столетия реализации проекта «World Values Survey» предоставляет возможность обнаружения соответствующих ценностных трендов. Установление же наличия трендов дает видение ценностного облика стран и цивилизаций в будущем.

Запад, согласно данным «World Values Survey» развивается в направлении дальнейшей индивидуализации и секуляризации. По этому же пути идет и ряд других цивилизаций. Китай на протяжении трети столетия остается в ценностном отношении фактически в статичном состоянии. Но самое интересное происходит с Россией. Несмотря на западническую идеологическую инверсию 1990-х годов, аксиологически Россия идет по прямо противоположному по отношению к Западу пути. Происходящие в ней на ценностном уровне процессы можно определить понятиями ретрадиционализм и реколлективизм. И в этом отношении Россия опять-таки, как это и было всегда исторически, предлагает миру аксиологическую альтернативу. Другое дело, что идеологически с позиции политических элит российская альтернативность пока еще четко не артикулируется. Но вопрос об артикуляции новой идеологии России, по-видимому, дело времени (рис. 21).

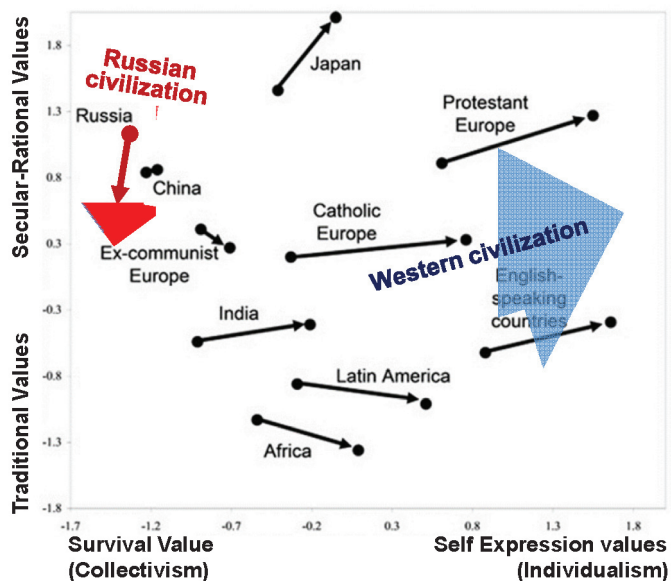

Рис. 21. Динамика развития ценностных установок (с 1981 г.)

Путь модерна был путем секуляризации. Модернизация предполагала ломку ценностной системы традиционного общества, уклада крестьянского быта. Запад при этом развивался в парадигме индивидуализации, тогда как Россия предложила модель модернизации с опорой на ценности коллективизма. Из индивидуализации в рамках западного модерна логически вытекал постмодерн. В этом смысле

постмодерн является порождением цивилизации Запада. Но из российской коллективистской системы модерна постмодерн не продуцировался. И вот теперь, когда Запад двинулся в постмодернистском направлении, перед Россией возникла развилка между западничеством, а соответственно, постмодерном и культурной несuverенности, и цивилизационной идентичности, и как следствие, восстановлением идентичных традиций (рис. 22).

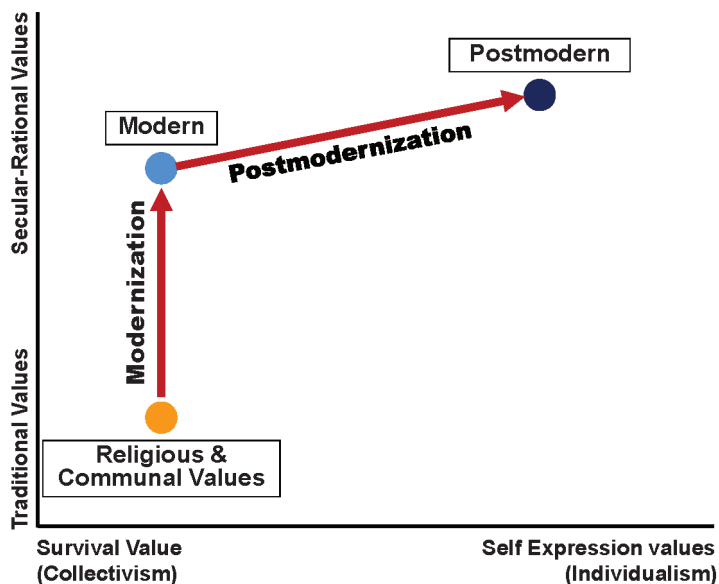

Рис. 22. Модерн и постмодерн в динамике развития ценностных установок.
Куда идет Россия?

Ретрадиционализация и является, по-видимому, новой ценностной альтернативой будущего. Выбор, стоящий сегодня перед человечеством, это и есть выбор между путем постмодерна и путем восстановления традиционной аксиологической матрицы цивилизаций. В страновом же отношении, судя по реконструируемым ценностным трендам, это вновь исторически воспроизводимая дихотомия Россия — Запад.

Восстановление традиций и преодоление гипертрофированной в период модерна секулярности не означает архаизации и «нового средневековья». Речь идет о соединении потенциалов инновационного развития и аккумулированных, прежде всего, в религиях мира ценностях. И это не утопические мечтания, а актуальный запрос мирового развития.

Выдвижение идеологии россицентризма может столкнуться с возражениями о переиздании американского гегемонизма под новой теперь уже российской вывеской. Не будет ли, в действительности, победа российского идеологического проекта заменой империализма США империализмом России? Полагаю, что не будет.

Что представляет собой современная социальная модель мироустройства? Главная характеристика установившейся мир-системы — это принципиальное неравенство стран и цивилизаций. Оно наглядно видно из следующего соотношения. Политически и экономически доминирующие в современной мир-системе страны «золотого миллиарда» представляет лишь около 15% численности населения Земли. Но при этом на них приходится около 70% мирового потребления.

Принципиально иначе выстраивалась российская и советская мир-система. Для иллюстрации принципиального отличия российско-советского проекта от модели мироустройства метрополия — колония с ее современными модификациями можно рассмотреть соотношение производства и потребления по республикам Советского Союза. Западные колониальные империи исторически выстраивались на основе эксплуатации метрополией подвластных территорий. Вне соответствующей эксплуатационной парадигмы не было практического смысла самого их существования. Сущность отношений центра — периферии вытекала из превосходства сообщества метрополии. Это выражалось, в частности, в существенно более высоком потреблении в ней. И, несмотря на номинированную деколонизацию мира, характер отношений мирового центра и мировой периферии принципиально не изменился. Диспаритет потребления в нем, как будет показано далее, даже усугубился.

На пространстве СССР отношения центр — периферия выстраивались принципиально иначе. Преференции, в диссонансе с логикой колониальных империй, предоставлялись окраинам. Советское объединение народов осуществлялось не ради эксплуатации центром окраин, а во имя реализации нематериальных мессианских замыслов. Из всех республик СССР только геополитически образующая РСФСР да еще Белоруссия производили больше, чем потребляли. У всех остальных вклад в производство был ниже доли в потреблении. То есть центр, который по логике западной мир-системы для того и подчинял периферию, чтобы эксплуатировать ее в материальном плане, наоборот, жертвовал собой в ее пользу. В этом и состояло принципиальное различие между идеологией господства и идеологией мессианства (рис. 23)

Итак, выбор идеологии, по сути дела, заключается в определении позиции России в современном мироустройстве. Сложившаяся на настоящее время ярусная модель мироустройства, с нахождением стран «золотого миллиарда» на вершине

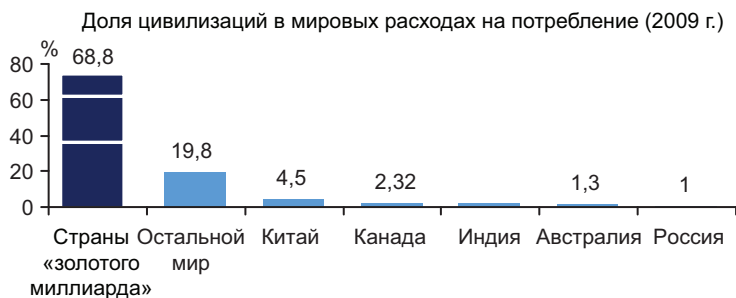

Рис. 23. Идеология господства и идеология мессианства

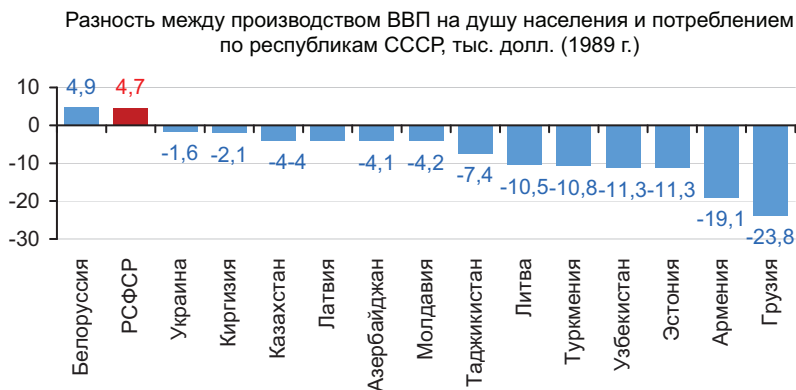

Рис. 23 (окончание). Идеология господства и идеология мессианства

пирамиды, обрекает Россию в лучшем случае на периферийность, в худшем — на геополитический распад. До последнего времени мы пытались интегрироваться в эту систему, найти в ней свою нишу, занять комфортные позиции. Но западноцентризм и, как следствие, антироссийскость, были положены в основание самой модели. Чем более Россия интегрировалась в нее, тем более ухудшала свое положение. Встраивание в западный проект означало для России в перспективе самоликвидацию. Вопрос о выживании России заключается в выдвигании собственного мирового проекта, россицентричной идеологии.

Национальная идеология: сущность и пути обретения

Козин Н.Г.

Идеология была, есть и остается краеугольным камнем культурных и духовных основ существования любого общества, местом его силы, итогом развития его самосознания, средством консолидации и культивирования коллективных сущностей социума. Это не тот феномен, который может быть или не быть и от этого совершенно не пострадает общество, а такой, без которого нет вообще общества. Тем удивительнее обратить внимание на ситуацию идеологического абсурда, в котором оказалась и страна, и нация после Августа 1991-го, если воспользоваться физическими аналогиями, в ситуации идеологического вакуума. Это состояние — норма для физической реальности, но не для социальной, которая не терпит пустоты. Кроме того, уже в своих физических свойствах вакуум — явление крайне не стабильное, из которого спонтанно может появиться все что угодно. Он принципиально не прогнозируем в своем поведении.

Все эти свойства физического вакуума многократно усиливаются процессами вакуумизации социальной реальности и, прежде всего, ее идеологической составляющей, когда поведение общественного организма доводится до состояния, близкого к хаотическому, в силу идеологической хаотизации его сознания. Ничто так не хаотизирует общество, как хаотизация его сознания. Лишенное идеологии и идеологических императивов, оно превращается в мечущееся сознание, в сознание «без руля и без ветрил» в пространстве собственной истории и культуры, в сознание без выраженных духовных приоритетов. А их отсутствие — следствие очередного дистанцирования от их национального содержания, следствие поиска, который уже раз в истории, духовных основ своего бытия во вненациональных ценностях, целях и смыслах истории, отчужденных от их русско-российской сущности.

В этом смысле крайняя нестабильность той истории и того общества, в которых мы живем, имеют выраженные ментальные и идеологические причины. Мы не можем обустроить собственное сознание, куда уж обустраивать Россию, цивилизационный, исторический и национальный феномен которой мы так и не удосужились по-настоящему познать и осмыслить. Отсюда и хаос эмбриональных представлений о России, идеологическая децентрированность сознания, которое, живя формами своей объективации, на этой основе децентрирует и хаотизирует всю ткань российской социальности. В итоге она получается НИКАКОЙ, ибо в ней все становится возможным, т. к. никаких ценностных и смысловых ограничений не испытывает то сознание, которое живет и объективирует себя в России.

Определяющую роль во всех этих процессах хаотизации сознания и вслед за ним и на его основе самой ткани социальности сыграла идея тотальной деидеологизации общества. Она стала частью общего проекта цивилизационного переворота в России, слома базовых структур ее цивилизационной, исторической и национальной идентичности в конце XX столетия. В определенных границах и в основном в тех, которые определялись целями и задачами преодоления моноидеологического диктата коммунистической идеологии и на этой основе крайней заидеологизированности общества, идея деидеологизации была продуктивной идеей. Но она несла в себе элемент абсурда, а потому и была доведена до абсурда, до идеи преодоления идеологии вообще. Естественно, это не удалось и никогда не удастся сделать, но сделано было главное: идеологическое поле России было перепаханό так и настолько, с такой глубиной и беспощадностью, что было лишено всех духовных приоритетов, идеологических императивов и, вслед за этим и на этой основе, центров духовной и идеологической консолидации.

И самое неожиданное и от этого еще более трагическое: обществу был навязан запрет на различие и оценку общественных явлений и идей с точки зрения истины и лжи, добра и зла, справедливости и несправедливости, закона и беззакония, нормы и патологии, святости и греха. Больше и хуже того, под все это, под всю эту гремящую вселенскую смесь, разрушающую все формы нормального проявления здорового сознания, была подведена даже философская идейно-теоретическая база, отдающая свойствами крайнего декаданса, вплотную граничащего с диагнозами клиники. Каковы ее самые распространенные проявления?

Отрицание наличия любой иерархии и в любых ценностях, даже в нравственных, провозглашение их абсолютной относительности и даже виртуальности. Более

того, в культуре вообще была предпринята попытка перевернуть и превратить ценности в антиценности, а антиценности в основные, доселе «скрытые» ценности. Всяческие патологии и явные аномалии, будь то феномен безумия, сексуальные извращения или культурные маргиналии начали приобретать статус «сверхценностей» и норм «истинного» бытия.

Через, вроде бы, безобидную ссылку на то, что подобные явления раньше незаслуженно игнорировались общественным сознанием, происходит своеобразная ценностная реабилитация исподнего дна человеческой души и патологических форм социального существования. Норма и аномалия как бы уравниваются; более того, патология даже превозносится как нечто сугубо оригинальное и нестандартное, воплощающее дух истинной человеческой свободы. Современный либеральный разум в его российской трактовке прямо-таки обязывает быть морально поверхностным и безответственным, пускающий в свободный оборот гражданского спора все смыслы и ценности человеческого бытия без всякой протекционистской защиты со стороны нетленных ценностей и святынь.

Хуже того, именно на этой основе неизбежно происходит приватизация морали, когда каждому разрешается иметь собственную мораль взамен общепринятой. И вместо единых моральных принципов возникает безбрежное море конкурирующих моральных картин и в них моральных принципов, в которых социальное и моральное отщепенство может найти для себя регион бытия и в нем полное оправдание своим аморальным и асоциальным практикам в качестве таких, которые якобы просто следуют собственной морали. Все высшие ценности, весь мир надындивидуальных сущностей подлежит ниспровержению — *уравнивающей плюрализации*, дающей гарантии демократическому плюрализму интересов и ценностей в современном гражданском обществе. Без всего этого оно якобы не сможет состояться как гражданское, не станет по-настоящему «открытым обществом», куда может войти всякий и без предваряющих условий, ограничивающих его свободу выбора — войти в качестве свободной личности, свободной, в частности, и от моральных принципов и нетленных святынь. Такое, до предела «открытое общество» и в нем — соответствующая ему демократия, если и призваны чему-то служить, то уж точно не высшим ценностям справедливости и стоящему за ними человеку.

Кроме того, такая «открытость» означает исчезновение из общества всех устойчивых структур и в первую очередь тех из них, которые связаны с коллективными ценностями идентичности. И в таком качестве она неизбежно завершается полной хаотизацией пространства социума, превращением его в пространство проходного двора истории, в которое, если и входят, то только с одной целью — скорее выйти из него. Так общество и история из пространства родного дома бытия личности — Родины превращается в открытое пространство для перманентной эмиграции вечно кочующих монад свободных личностей. Не связанные ни с чем, они нигде и ни в чем не могут найти центры связывающего и социально обязывающего бытия. В таком качестве можно существовать, но трудно жить.

Истина трактуется как вредная и подавляющая свободу «метафизическая фикция», ибо образы мира и виды знания в головах людей неизбежно субъективны, а потому и неизбежно плюралистичны. Они полностью определяются принятыми

правилами своеобразной языковой игры, так называемыми «структурами дискурса».

Так, в пространстве «коммуникативного разума» Ю. Хабермаса, ориентирующегося не на объективно истинное, а на субъективно истинное, нет места для нетленных и вечных истин. Есть место только для «тленного» — смыслов, ценностей, интересов, по поводу которых возможно субъективное согласие между людьми и только на данный момент, здесь и в этих конкретных обстоятельствах места и времени. Поэтому, несмотря на то, что по всем критериям истинности, какая-то истина может обладать каким угодно высоким авторитетом и объективным статусом, но, тем не менее, «коммуникативный разум» имеет все основания ее отвергнуть, если она по каким-то субъективным причинам для него оказывается неприемлемой. Стремление же какого-либо знания (даже логико-математического!) претендовать на статус истинного есть знак его тоталитарных претензий на власть и господство — на право быть единственной точкой отсчета адекватного понимания реальности. Что категорически не допустимо в истинно демократическом обществе, которое живет многообразием точек зрения, самим правом на их существование, а не сведением их к единству, к общему, лежащему в их основе и объединяющему их основанию.

Достаточно странная, но, в общем-то, понятная трактовка источников тоталитаризма с позиций своеобразного **принципа уравнивающего плюрализма**, для которого важна не истина, а стоящий за ней плюрализм мнений, сама возможность их сохранения безотносительно к критериям их истинности. Они вообще не имеют отношения к подлинно демократическому обществу, в котором либеральный разум прямо-таки призывает быть онтологически поверхностным и безразличным к проблеме истины уже только постольку, поскольку она претендует на подозрительную исключительность. В этом смысле истина даже менее демократична, чем противостоящие ей ложь, заблуждения, предрассудки, иллюзии и прочие интеллектуальные мнимости. Потому что их много и они могут до бесконечности конкурировать друг с другом в пространстве плюральности, образовывать немислимые комбинации, постоянно меняться в зависимости от интеллектуальной конъюнктуры и убедительности оппонента, но главное не претендовать на какой-то обязывающий статус — онтологический, логический, экономический, социально-политический, культурный, духовный.

А истина, как правило, одна и обладает, ко всему прочему, подозрительной неуступчивостью. Уже только поэтому объективную истину нельзя допускать в пространство гражданского демократического общества, ибо она одна способна перевесить весь фантазмагорический калейдоскоп мнений и интеллектуальной вкусовщины и потребовать безоговорочной капитуляции от тех, кому она не в радость. Так развязывается беспрецедентная оргия деградации человека — разложения его в иллюзиях. Так рождается человек от имени либерального разума, готовый презреть и растерзать истину. Но человек готовый к такому обращению с истиной, готов презреть и растерзать весь мир.

Отсюда, из такой либеральной трактовки истины вытекает и новое требование — безграничной толерантности. Она стала ключевым словом новой либеральной идеологии, которая за предпосылку толерантности почему-то стала выдавать

абсолютное безразличие к ценностям. Этому весьма способствовала, в частности, и моральная переинтерпретация знаменитого правового принципа: «все, что не запрещено законом, разрешено», призванного, казалось бы, только к одному — легитимизировать правовое поле активности, еще не освоенное правовым сознанием. Но ему намерено было придано значение, заметно превосходящее его чисто правовой смысл и статус. Он стал трактоваться еще и как моральный принцип. В итоге получилось нечто неожиданное, но весьма устраивающее борцов с «догматикой традиционной авторитарности»: все, что не запрещено законом, оказывается, не подлежит запретам и осуждению не только правовым, но и моральным сознанием. Так было размыто пространство, в котором свободу действия получили, чуть ли не любые правовые и моральные нормы и критерии. Оно оказалось пространством без выраженных ограничений и пределов для действия любых социально-политических и духовных сил, с любыми целями, ценностями и смыслами.

В такой ментальной обстановке обнаружилось неизбежное: прокламируемая толерантность оказалась до удивления избирательной — терпимостью в первую очередь именно к социальному пороку и духовным отклонениям. И это неслучайно, ибо конечная цель, которая в данном случае преследовалась в том и состояла, чтобы морально разоружить моральных. Через идею безбрежной толерантности толкнуть общество в пространство неограниченных разрушений не просто прежних, а, по сути, вечных моральных норм и культурных устоев и стоящих за ними ценностей национальной идентичности. Но безграничная толерантность ко всему девиантному в человеке и в обществе — это только часть проекта идеологии новой толерантной распушенности.

За ним стоят куда более социально и политически реалистические силы, озабоченные отнюдь не правами сексуальных меньшинств, публичным смакованием различного рода социальных и ментальных патологий, борьбой с авторитарно-запретительными постулатами традиционной морали. Во всяком случае, озабоченных не только этим. Речь идет о новой стратегии новых социальных сил истории, сознательно развязывающих себе руки для новых теневых экономических, социально-политических и культурных практик, легитимирующих тотальную коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже предательство национальных интересов и святынь с помощью идеологии безбрежной толерантности. В связи с этим, похоже, терпимость к персоналистическим отклонениям нужна лишь для того, чтобы довести ее до терпимости к отклонениям экономического, социально-политического и культурного порядка. Сделать моральную патологию и социальные отклонения признаком нормы.

Так формируется не здоровый, а патологический социум, освобожденный от всех примесей социальной и национальной ответственности. Так в нем формируются принципиально новые социальные силы истории с претензиями на безграничную свободу, а значит, и на свободу от самой свободы, в частности, от всей системы сдержек и противовесов существующих в демократическом обществе. Так формируются условия для становления новых и необычных форм тоталитарности, в которых полновластным хозяином под внешне вполне либеральными лозунгами станет тотальный порок и развязное безумие, способные преступить за все пределы человеческого в человеке. Так в своем бегстве от тоталитарных практик мы вновь

возвращаемся к его сущности — абсолютной уверенности в бесконечную податливость человеческой природы, которую можно преформировать во имя любых целей социальной инженерии.

И с позиций безграничной толерантности получается так, что все это надо будет терпеть, потому что это часть человеческих свобод, а значит, и право на безграничную вариативность выбора. Это часть творческого потенциала человека, а значит, и право на «езду в незнаемое» и отчасти потому и в запретное. Это часть проявления индивидуальности, а значит, и право на инаковость и нетипичность, в своих проявлениях не стесняемые никакими нормами и императивами долженствования. Надо проявлять чудеса демократической терпимости ко всем экспроприаторским практикам; гражданское согласие с попранием всех социальных прав и гарантий; надо идти на компромиссы с теми, кто требует от вас очередных жертв и нешуточных уступок в пользу себя и своих интересов как держателей власти и собственности. В итоге демократия незаметно превращается в школу для воспитания терпения по отношению к тем, кто с ее помощью навязывает вам приоритет своих интересов над вашими. Странная, но весьма показательная по своей социальной симптоматике асимметрия современной демократии и ее либеральных принципов.

Но самое парадоксальное и даже неожиданное заключается в другом. Начав свою идейно-теоретическую экспансию в обществе с идеей гражданского согласия и толерантности, либерализм заканчивает ее новым идеологическим монополизмом — либеральным. Здесь удивляет даже не это, ибо для искушенного в идеологических процессах человека здесь как раз нет ничего неожиданного. На протяжении всей истории человечества время сосуществования идеологий всегда было по преимуществу временем вытеснения одной идеологии другой, а потому было всегда короче, чем время господства одной из них над всеми остальными. А потому и весь вопрос, в конечном счете, сводится к содержанию тех идей, которые приобретают господствующее положение в обществе, почему именно они, а не другие приобретают господствующий статус. А само это господство неизбежно для любого общества и не только потому, что идеи экономически и политически господствующего социального слоя общества становятся господствующими идеями этого общества, но и по причине более глубокого антропологического свойства.

Человек не может жить без духовных абсолютов в своем сознании и основанных на них приоритетах — экономических, политических, социальных. Так устроен внутренний мир человека: для того, чтобы сохраниться в качестве человеческого, он должен жить максимами бытия или хотя бы верить в их реальность. Только на этой основе выстраивается мир человека, в котором он может не только жить, но и утверждать себя в качестве человека.

И вот здесь обнаружилось самое неожиданное — парадоксальная амбивалентность современного российского либерализма. Поскольку освобождение сознания постсоветского человека от уз старой марксистской идеологии происходило не в контексте творческой аскетики пассионариев, озабоченных прорывами в новую историческую реальность и освоением новых антропологических измерений общественного прогресса, а в контексте примитивных гедонистических программ и практик искателей легкой жизни, то вся ткань социальности, реформируемая

флибустьерами от либерализма, наполнилась пугающими превращениями. На статус духовных абсолютов стали претендовать доселе скрытые, теневые стороны либерализма, свободные от всех духоподъемных начал человека и его истории.

На базе превращения экономической власти денег из относительной, ограниченной, в том числе, культурой и моралью, в абсолютную, ничем неограниченную, тоталитарную, произошли вполне закономерные трансформации в ценностях. Их общая направленность понятна. Для того чтобы сделать власть денег неограниченной, необходимо моральному разложению общества придать абсолютный масштаб и характер. Если ценности обогащения оказываются выше всех остальных, в том числе, и ценностей спасения, то они будут принимать форму и содержание, адекватные ценностям обогащения. Деньги — это родина не одних только безродных, ибо понятно, что они не имеют Отечества, но еще и ущербных духом, ибо тяготеют высокими смыслами бытия, невписанных в матрицу меркантильных интересов профанного бытия.

И это еще не последнее из превращений современного российского либерализма. Выступая на словах за принципиальную внеиерархичность человеческого бытия, на деле на статус новых духовных абсолютов стали претендовать новые ценности — абстракции, чрезвычайно оторванные, а в отдельных случаях и враждебные конкретике реального бытия. Так, много говорится о свободе, но при этом забывают уточнить: о какой и чьей именно свободе идет речь и, следовательно, какова социальная цена и направленность такой свободы, каковы ее антропологические смыслы. Мы не можем себе позволить стремиться к какому угодно будущему и во имя какого угодно лозунга свободы. Свобода вообще очень часто и легко превращается в свободу от самой свободы или в свободу потакания невменяемой свободе избранных, в свободу дистанцироваться от высших ценностей бытия, от всех форм социальной и нравственной цензуры и ответственности перед страной и нацией, их историей и культурой. Идеалом свободы становится просто свобода, а не та, которая работает на человека и, в частности, на гуманизацию антропологических смыслов его пребывания в истории.

Много и хорошо было сказано о принципиальной недопустимости нетерпимости, как ненависти к любому сосуществованию, и, соответственно, о жгучей необходимости толерантности. Но ничего не было сказано, о какой толерантности идет речь. Не было уточнено главное — по отношению к чему возможна толерантность, а по отношению к чему она превращается в преступление или в его прямого соучастника. Есть достаточно широкий круг явлений и процессов как в обществе, так и в самом человеке, по отношению к которым человеческое терпение не допустимо в принципе, ибо в противном случае оно превращается в нечто, разрушающее сами принципы существования человека и его общества. В частности, превращается в толерантность, дающей право на игнорирование реальности или на полное безразличие к ней, вытесняя на периферию человеческого бытия саму возможность что-то изменить в самих основах и условиях человеческого бытия.

Такая абсолютизированная толерантность требует только одного — принятия и примирения с любой реальностью, даже с такой, которая разрушает ее как реальность. Такое воистину разрушительное терпение неизбежно превращается в экспроприацию всех социальных возможностей к изменению, отмеченных

свойствами прогресса и скрытых именно в социальном и политическом не безразличии, в преодолении всех беспринципных «консенсусов», нивелирующих кричащие противоречия человеческого бытия в истории. В противном случае идеалом толерантности становится просто толерантность — «тепловато-безразличная терпимость» (Ильин И.А.), а не та, которая работает на достижение социально и антропологически значимых целей и результатов.

Наконец, в рамках уравнивающей плюрализации происходит окончательная метаморфоза либерального разума, в его ценностных доминантах. Доминантой становятся не столько ценности сами по себе, сколько сам плюрализм. И в этом суть парадокса уравнивающего плюрализма. Покупая плюрализм ценой беспримерного равнодушия к любым ценностям, либерализм в России расчистил поле для реальности не только любых ценностей, но и на этой основе любых интересов. Собственно, безразличие к ценностям для того и понадобилось, чтобы можно было утвердить реальность любых интересов. Уравнивающий плюрализм в ценностях завершается уравнивающим плюрализмом в интересах. А потому и идеалом становится просто плюрализм, не ценности, а просто идея их консенсусного сосуществования друг с другом независимо от характера самих ценностей. Доминантной ценностью становятся не святости, а то, что позволяет сосуществовать всему вровень с ними, включая сюда и то, что их разрушает. *Нас разрушает невписанность в логику здорового сознания, приученного к четкой идентификации добра и зла, и на этой основе исчезновение самой воли к различению истины и лжи.* Так формируются основы особого экзотического социума, а в нем основы особой эзотерической демократии, способной служить любой свободе, любой истине, любым ценностям, любому интересу и именно поэтому не способной служить абсолютно ничему.

И еще об одном идейном краеугольном камне современного либерализма, обнаружившим странную, граничащую с асоциальными практиками превращаемость своих идейных основ. В этом, похоже, проявилась общая закономерность истории, в которой каждая идея, ее образующая и движущая в качестве человеческой, в итоге всякий раз отличается прискорбной односторонностью: когда ее недостатки являются не случайными и досадными промахами, а, как правило, представляют собой обратную сторону ее достоинств, выступают проявлением доселе скрытых, потаенных ее смыслов. Не избежало такой участи и идея индивидуализма. С нее, собственно, и начинается либерализм и как философия, и как политика, и как история. Его становление было связано с такими фундаментальными изменениями в основах человеческого мировоззрения, как отход от строго теологической интерпретации отношений человека с миром и формированием представлений о мире, как пространстве действия, зависящего не от одного только Бога, но и еще и от самого человека, прежде всего и в основном от самого человека.

В этом смысле либерализм — интеллектуальное выражение последовательного индивидуализма как такого социального качества, которое исходит из безусловного признания абсолютной самодостаточности и самоценности человека в качестве субъекта действия, свободного от всех социально, политически, а в ряде случаев даже культурно посредствующих инстанций: церкви — между Богом и человеком; государства — между обществом и человеком; бюрократии — между государством

и человеком... Все они рассматриваются как нежелательные посредники, лишь затрудняющие раскрытие подлинно человеческого потенциала индивидуальности, репрессирующие ее свободы и права. В таком своем качестве индивидуализм был заложен еще знаменитым реформационным переворотом в духовных основах души западного общества, который в итоге и привел к индивидуальным практикам буржуазных собственников, заложивших экономические и социально-политические основы современной исторической реальности. Но его значение и именно в таком качестве для современной исторической реальности, думается, несколько преувеличено. Как преувеличенной, а потому и не адекватной природе социальной реальности оказывается и абсолютизация самого принципа индивидуализма — доведение его до болезненного апофеоза человеческого «Я».

Вслед за А.С. Панариным стоит обратить внимание на то, что М. Вебер, похоже, ошибался в главном своем тезисе: о связи современного общества не столько с переворотом Просвещения, сколько с переворотом Реформации. «Собственно, следовало бы говорить не об одном, а о двух не совпадающих между собой переворотах Нового времени: один вел от реформации к индивидуальным практикам буржуазных собственников, другой — от просвещения к научно-техническим практикам, приведшим к промышленному перевороту. Последний вообще не просматривается на основании логики Реформации, он может найти себе объяснение только на основе логики Просвещения». А на нее стоит обратить особое внимание, поскольку именно она оплодотворяла логику современной научно-технической революции и продолжает лежать в основе всех модернизационных процессов современности. И самое печальное, именно она была проигнорирована российскими реформаторами от Августа 1991-го и уж точно в двух главнейших своих ипостасях.

Не в меру ангажированные архетипами протестантизма с его абсолютизацией индивидуальных практик в ущерб всем остальным младореформаторы от либерализма проигнорировали главные исторические уроки Просвещения.

Первый урок. Просвещение сделала науку центральным социальным институтом, ответственным за осуществление всех модернизационных проектов в истории. В современной истории они были успешны в той самой мере, в какой опирались на науку и овеществленную силу знаний — на превращение науки в непосредственную производительную силу общества. Было проигнорировано мудрое предупреждение классиков: буржуазное общество есть общество только частных собственников, индустриальное — общество, связанное еще и с промышленным применением науки. Соответственно, одно дело *коммерческое* употребление разума, связанное со спекулятивно-ростовщическими практиками финансового капитала, озабоченного только целями рыночной рентабельности. А другое дело *творческое* употребление разума в сфере производства, с его прорывами в глубины материи и рождающими принципиально новые технологии, революционизирующие производительные силы общества и на их основе все в обществе и само общество.

Различие между этими двумя типами разума, как и возможность конфликта между ними, в полной мере не была оценена и как закономерный итог: во имя требований рыночной рентабельности Август 1991-го стал «осуществлять демонтаж системы просвещения, созданной в советское время, — буржуазный

«секвестр» науки, образования и культуры. Буржуа, создавший идеологию реформ в лице «чикагской школы», выступил как контрреволюционер НТР, как носитель контрпросвещения. Новобуржуазное реформирование в постсоветском пространстве не только увело общество от постиндустриальной перспективы, открытой самой логикой просвещения», но и «увело его к доиндустриальным практикам спекулятивно-ростовщического капитализма». А ведь в условиях современного рыночного отбора идеями и идеалами будущего постиндустриального общества современные технологии отдают любое государство, которое ими не обладает, на милость любого другого государства, которое ими сполна владеет.

Второй урок Просвещения, проигнорированный Августом 1991-го, заключается в том, что Просвещение — это общественная система, входя в которую, человек освобождается от фатальных ограничений, накладываемых на него социальным происхождением и неравенством стартовых жизненных условий. Преодолевая большую часть архаических корреляций между социальным происхождением и успехом по шкале личных достижений, имеющих социальный смысл, Просвещение взамен их утверждает одну и самую главную, сохраняющую возможность вертикальной социальной мобильности, но ставящую ее в полную зависимость от овладения знаниями. В этом смысле можно сказать, что Просвещение представляет собой систему, «работающую по новозаветному канону: в делах социального возвышения-спасения нет ни эллина, ни иудея». Современные рыночные реформы в России радикально изменили эту зависимость между образованностью и успехом, резко понизив социальный статус носителей творческого разума — научно-технической интеллигенции по сравнению со статусом коммерческого разума — носителей «рыночной субкультуры», занятыми всевозможными теневыми практиками рыночного обмена.

Скажем больше: постсоветские реформаторы, похоже, «ведут дело к подмене мобильности посредством образования рыночной мобильностью, более обязанной не знаниям, а спекулятивным играм обмена». И это на фоне все более сужающегося права на бесплатное образование, что неизбежно возвращает бедных в ситуацию фатально наследуемой бедности. В этом контексте право на образование превращается в несравненно превосходящее по своей ценности все остальные права — свободы слова, партийно-политического плюрализма и других декоративных игр «республики богатых». В связи с этим «сказать, что приватизаторы отняли у народа собственность — это, значит, сказать слишком мало. Речь идет о большем: об экспроприации самих социальных возможностей, заложенных в демократической системе Просвещения». И судя по разрушительным итогам так называемых реформ, «Россию сегодня уничтожают как страну, овладевшую системой Просвещения и всеми процедурами открытия новых возможностей, с нею связанных».

Знаменитая неприязнь либерализма к государству, в условиях России принявшая явно абсолютизированные, а потому и несуразные формы, так же имеет глубокие протестантские корни. Протестантский архетип находимости человека один на один с Богом без всяких институциональных посредников конвертировался в принцип находимости собственника, выделенного средствами крайнего индивидуализма, один на один с рынком без всяких общественных и, прежде всего, государственных подстраховок. Такая ценностная установка, как показала

история, продуктивна лишь в определенных условиях и до определенных пределов, за которыми начинаются игры, с хорошо различимыми социал-дарвинистскими и расистскими оттенками. Они не просматриваются, если оставаться в плену либеральных идеологических стереотипов и сводить демократию только к свободе критики и индивидуального самоопределения.

Но достаточно поставить простейший вопрос — какой социальной ценой, за счет кого и чего должна осуществляться эта критика и это индивидуальное самоопределение, как все и сразу становится на свои места. Оказывается, за счет всех тех, кто отвергаем принципами рыночного отбора, не способен жить по законам рыночных джунглей и для которых мораль и ее социальные смыслы все еще не пустой звук. Отсюда и стремление «избранников рыночного отбора» остаться один на один с его париями, лишит последних всякой социально значимой инстанции, способной силой государственных интересов призвать к порядку и ответу зарвавшееся социальное хищничество. В таких условиях призывы к государственному невмешательству в социальный и политический исход таких отношений граничат с практиками поддержки скрытого социального террора.

Что касается России, то в переживаемых ею исторических условиях, либеральная неприязнь к государству и государственнической позиции вообще приняло глубоко антидемократический, а в ряде случаев и того хуже, выраженный антинациональный характер. При этом свобода от государства, прокламируемая российскими либералами, приобрела какой-то двойственно-тройственный, если не сказать точнее — избирательный оттенок. В самом начале «либерального джихада» антиэтатизм стал знаменем разрушения старого общественно-политического строя и его фундамента — советской государственной системы. И это понятно: критика государства, вообще, стала очень удобным идейным оружием борьбы против основ советского государства. Борьба с остатками этатизма приняла более противоречивые формы, когда речь зашла о распределении главных кусков государственной собственности через процедуры номенклатурной приватизации, о ее удержании и закреплении средствами государства, как и вообще всех изменений с выраженной асоциальной направленностью. Государство перестало быть только помехой, поскольку в той или иной форме и мере оно и было организатором и соучастником этих процессов.

Во всяком случае, именно те, кто наиболее истово боролись с русским этатизмом, почему-то больше всего и стремились попасть в государственные структуры и овладеть ими или, по крайней мере, быть аффилированными с ними. Но как только «процессы» стали близки к завершению, а на повестку дня встали естественные задачи по государственному управлению развитием страны, в частности, по разбору завалов, нагроможденных предшествующим ее реформированием, неистовый этатизм вновь стал знаменем либерального разрушения страны и нации. И это тоже понятно: ну кому же нужен орган, концентрирующий в себе общенациональные интересы и идеологемы социально ориентированной политики, взыскующий за содеянное и ставящий пределы беспределу, начиная с олигархического и властно-номенклатурного и кончая криминальным.

Дело, как мы видим, не в государстве самом по себе, а в той идеологии и в тех политических силах, которые в нем приобретают господствующее положение, в тех

исторических целях и смыслах, которые оно, государство, перед собой ставит и пытается достигать. Но в любом случае стремление демонтировать крепкую своим централизмом российскую государственность носит совершенно неслучайный характер. Российский либерализм руководствуется при этом весьма адекватной, но одновременно с этим и симптоматичной интуицией.

Во-первых, он явным образом тяготеет к национальной сущности государства российского. И это вполне закономерно для вестернизированной части российской элиты, готовой в любую минуту сменить страну пребывания. Именно для них, денационализованного меньшинства государство российское вообще, а тем более с выраженными национальными целями и смыслами пребывания в истории является главным препятствием для объективации любых экономических и социально-политических практик с произвольными интересами и ценностными ориентациями. Отсюда и стремление либеральных компрадоров довести государство до состояния странным образом «открытого общества». С одной стороны, открытого для свободного входа любых чужих сил с любыми интересами и намерениями, а с другой — не менее открытого для свободного выхода для всех тех, для кого эта страна — лишь территория для свободной экономической охоты с последующим и беспрепятственным вывозом из нее результатов этой охоты. Это психология людей, связывающих себя с Родиной только через территорию, а еще точнее — через извлекаемую за счет эксплуатации ее природных и людских ресурсов прибыли. А ее масштабы впечатляют. По подсчетам американских экспертов за время странных российских реформ, странных настолько, насколько они не обогатили, а разорили страну, из России разными путями было вывезено и, соответственно, на ней заработано не менее 3 трлн долларов.

Во-вторых, при таком раскладе базовых интересов российский либерализм тяготеет и к социальной сущности государства российского, всем тем, что может и должно придать формам его активности социальные смыслы и направленность. Национальное и социальное — это перетекаемые состояния и ценности общества, а потому, ущемляя национальные интересы, нельзя одновременно с этим не затронуть их социальные смыслы, как и асоциальные практики, исповедуемые государством, рано или поздно, но неизбежно заканчиваются национальным истощением истории. В лице современного государства нация и общество должны иметь не либеральное «государство-минимум», вся ценность которого в том и заключается, что его почти нет, а потому нет и органа, выстраивающего политику социального баланса интересов всех классов и слоев общества, социально обязывающего и национально мобилизующего, способного защитить нацию в ее истории.

Такое государство, ограниченное в масштабах своего вмешательства в экономическую и социальную жизнь, может устроить только господствующее меньшинство общества, кровно заинтересованного в социуме, более не скрепляемого ни государством, ни культурой, ни моралью, хуже того, явно попустительствующего асоциальным практикам асоциальных элементов, тяготящихся законом и социальной ответственностью. Поэтому речь должна идти не об ослаблении власти, а об ее усилении за счет расширения отношений к власти — преодоления отчуждения от власти и вовлечения в нее ранее не вовлеченных, лишенных политических возможностей групп населения.

Это по-новому ставит и решает проблему соотношения государства и структур гражданского общества, но в любом случае ставит под сомнение либеральную теорию их самодостаточности в современной истории. Реальная история и особенно опыт новейшего либерального реформирования российского общества однозначно свидетельствует о том, что стабильное и единое гражданское общество не может существовать иначе, чем в качестве партнера единого и стабильного государства. Там, где мало государство, оказывается мало и гражданского общества и связанного с ними гражданской активности и культуры гражданского участия в делах общества и государства. Место государства занимает от его имени действующая бюрократия, а место, образовавшееся в результате вакуума структур гражданского общества, занимает финансовая и политическая олигархия, действующая от имени и под видом структур гражданского общества в интересах своих олигархических структур. Институты государства и структуры гражданского общества — это сообщающиеся сосуды современного общества. А потому «единство гражданского общества гарантируется единством государства, точно так же как и устойчивость государства требует наличия особых — государственных чувств и мотивов у граждан, не сводимых к роли «экономических агентов». Те, кто разрушает государство, делают проблематичным само существование гражданского общества, нуждающегося в поддержке со стороны государственной инфраструктуры даже в том случае, когда оно давно сформировано»¹.

Все сказанное приобретает особое значение для России, которая, в отличие от Запада, имеет дополнительные ментальные источники и самого понятия и самого чувства гражданственности, гражданской морали и гражданской мобилизации. Только в России гражданин — это не только и даже не столько простой подданный государства со своими суверенными правами и свободами, обязанности которого регулируются соответствующими правовыми актами, сколько еще и слуга всего общества. И только на этой основе и после этого в общественном российском самосознании, а значит, и в самой практике общественной жизни человек может стать по-настоящему гражданином, дорасти до исполнения своего гражданского долга. Это именно долг, а потому и служение, которые с трудом поддаются регулированию с позиций права. Эта радикальная ментальная особенность российской гражданской морали, имеющая глубокие корни исторического залегания.

Они уходят к специфике российских ответов на вызовы истории и к специфике содержания самих вызовов, требовавших от личности особых мобилизационных ресурсов, круто замешанных на идее жертвы и жертвенного служения своему Отечеству и государственным структурам, с ним связанных. И как закономерный итог: условием гражданственности западного человека является простое наличие формальных прав и свобод, в том числе, и права на частную собственность, российского — «его призвание и способность быть слугой общества». Это более высокий «гражданский крест», сопутствующий судьбам российского гражданства. В России для достижения всей глубины гражданского состояния человек должен добавить нечто большее и иное, совершенно не формализуемый компонент, находящийся вообще вне правового поля — «человек должен быть слугой, служителем национальной или иной общественной идеи, чтобы иметь определенные

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 71; 70; 524; 500; 498; 79.

(как правило, неформальные и не гарантируемые государством) права и возможности гражданина»².

Во всем этом просматривается не только своеобразие, но и, на наш взгляд, определенные достоинства российской гражданской морали. А посему связывать с ними только одни недостатки было бы непростительным упрощением проблемы. В самом деле, как можно согласиться с тем, что «пока сохраняется идеология «беззаветного служения», пока она не вытеснена окончательно идеологией *служения по контракту* (выделено мной — Н.К.), будет воспроизводиться и соответствующий ей тип чиновника, с эффективным управлением не совместимый»³? В данном случае, действительно, не понятно, в силу каких причин служение по контракту, мотивированное, надо полагать, преимущественно экономическими соображениями, эффективнее, чем служение, осененное факторами духовного и морального порядка. Думается, в данном случае все-таки не до конца учитываются не только те глубокие духовные смыслы, вкладываемые в само понятие «служение» в традициях русской ментальности, но и сама практика служения России — то, чем в действительности становилось служение России в ее истории.

Показательным в этом отношении являются мысли Ф.И. Тютчева, которыми трудно пренебречь. Откликаясь стихами в 1866 году на столетие со дня рождения Карамзина, «поэт сказал, что тот умел до конца быть «верноподданным России». Когда цензура запретила это выражение (оно имело, в сущности, вызывающий смысл, т. к. полагалось быть верноподданным царя, а не России), Тютчев заменил его словами о том, что Карамзин умел «до конца служить России». Эта строка не понравилась Аполлону Майкову, и он предложил вариант «сыном искренним России». Тютчев решительно не согласился с этим: «Что такое искренний сын России? Все это не по-русски. Главное тут в слове служить, этом, по преимуществу, русском понятии — только кому служить?» — писал поэт, видя высшее назначение именно в том, чтобы служить России»⁴. Сказанным сказано все и главное о том, благодаря чему Россия выживала в истории. Не думаем, что благодаря идеологии служения по контракту.

И последнее, но вновь об ограниченности либерального реформационного исторического проекта. Именно в качестве индивидуалистического он не раз оспаривал итоги развития цивилизации и прежде всего тогда, когда отказывался от общепринятой людской солидарности и в особенности с социально потерпевшими слоями населения. Тем самым протестант выступает не просто индивидуалистом, но и индивидуалистом с расистским уклоном, ибо отказывает в человеческом достоинстве всем тем, кто оказался и часто не по своей вине, а в силу объективных социально-экономических обстоятельств в трудной, а иногда и в трагически невыносимой роли жизненного неудачника. «Такая установка, — как совершенно справедливо отмечал А.С. Панарин, — не только представляет вызов христианской морали, но вызов социуму вообще, ибо нормальная социальная жизнь в значительной мере основывается на готовности к социальному сплочению и спонтанной

² Резник Ю.М. Человек в российском обществе: проблема гражданственности и гражданской идентичности // Философская и правовая мысль. Вып. 5. Саратов — СПб. 2003. С. 54.

³ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 172.

⁴ Цит. по: Кожин В.В. Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев. М., 2002. С. 438.

солидарности. Протестант же вместо идеала христианского братства фактически исповедует идеал тайного избранничества»⁵.

Таким образом, говоря об индивидуализме, следует различать в нем разные типы, с которыми связаны разные состояния личности. Прежде всего, есть индивидуализм, означающий состояние личности наедине со своей сущностью, с высшими ценностями бытия, всякое соприкосновение с которыми возвышает и мобилизует личность к реализации святого и к достижению святых. И есть индивидуализм с погашенной духовностью, означающий совершенно другое состояние личности — наедине не с высшим, а низшим в бытии. Не с тем, что возвышает, а с тем, что разрушает личность, оставляет ее в пространстве не создающих, а только потребляющих практик жизни, отсекающих человека от всех духоподъемных ценностей, если им не сопутствуют прямые материальные обретения.

Соответственно, есть индивидуализм *созидающий*, творящий нечто новое, ранее не бывшее, а потому устремленный к постоянному утверждению себя в мире, своей неповторимости, которая в таком сочетании не противостоит бытию другого человека, напротив, только в таком сосредоточении на себе и может быть реализовано в качестве бытия для другого. И есть индивидуализм *потребляющий*, который десаκραлизует и обездушивает пространство социума тем, что придает в нем всякому бытию только свойства вещи, актуализируя в ней только ее потребительские свойства. А потому он устремлен только к одному — превратить пространство социума исключительно в пространство купли-продажи, в котором человек противостоит другому человеку не как человек человеку, а как одна вещь другой вещи. И в таком своем качестве человек способен утверждать свою индивидуальность, но только за счет другого человека, реализовывать свою неповторимость за счет бытия другого, его ущемления как человеческого. И это понятно: вещь нуждается в вещи, а не в человеке, в потребительских, а не в человекообразных свойствах человека, в том, чтобы довести все человеческое в человеке до уровня рыночных стандартов и отношений купли-продажи.

В связи с этим можно говорить и о последующих превращениях индивидуализма, о том, что есть индивидуализм *мобилизационного* типа, о котором в свое время говорили М. Вебер и В. Зомбарт, и который лег в основу западной исторической модернизации. И есть индивидуализм совершенно другого, *демобилизационного* типа, иначе расставляющего акценты между общественной пользой и личной выгодой, работой и досугом, долгом и инстинктом наслаждения. Он призван к тотальной либерализации всех прав общества на индивида, к преодолению всех коллективных сущностей, всей сферы надиндивидуального существования человека, каких бы то ни было форм зависимости от них индивида. Это индивидуализм, полностью сосредоточенный «на себе любимом», последовательно отклоняющий все предъявляемые обществом права на него, освобождающий себя от любых форм социальной зависимости за исключением тех, которые позволяют ему и только ему единственному так трансформировать всю систему отношений, чтобы она работала на него и только на него единственного.

А что же в конечном итоге? Если ставится вопрос о полном освобождении личности от всех коллективных сущностей истории, от всех социализирующих

⁵ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 522.

практик, то в итоге ставится вопрос об освобождении и от самой истории, как носительнице начал, постоянно репрессирующих в личности ее личностную сущность. Ведь что такое всемирная история, воспринятая через аналитическую призму персоналистического экстаза? Черета пустых абсолютов, сотворенных человеком и, казалось бы, призванных к тому, чтобы защищать и утешать, но вместо всего этого, его агрессивно разлагающие. Вся всемирная история предстает «как многовековое посягательство на уникальное начало, каковым является «я», начало живое, конкретное, всепобеждающее, которое стремились подчинить игу таких сменяющих одна другую абстракций, как Бог, государство, общество, человечество»⁶. Это все репрессирующие человека сущности, отчуждающие его от самого себя, от самой возможности быть самим собой. Это все несуществующие сущности, которые немощный человек склонен умножать для создания иллюзий преодоления своей немощности. В действительности же существует только одна реальность — реальность моего «Я» и одна благодать — благодать моего рождения на свет, и беспристрастное персоналистически центрированное сознание считает такую благодать окончательно исчерпывающей.

Все это чревато настолько же неожиданными, насколько и странными метаморфозами для современного общества. Так, если в свое время освобождение *протестантского человека* от господства церкви стало прелюдией к переходу к формам и стандартам жизни светского и во многом секуляризованного общества, то в настоящее время, на новом витке обретения человеком новых измерений свободы задействованы средства для достижения куда более радикальных целей. Речь идет о свободе общества уже не от какого-то одного из своих институтов, репрессирующих источники человеческой свободы, а от нечто гораздо большего, по сути, от самого общества — всего, что не связано с персоноцентрическим выбором и интересами. Задействуются механизмы освобождения современного *либерального человека* от всякой мобилизованности коллективными сущностями, от пут зависимости от всех общих ценностей и интересов. В таком социально глубоко атомизированном обществе свобода человека становится свободой от большей части тех социально обязывающих форм бытия, в которых и посредством которых человек способен стать человеком, а значит, и утвердить себя, свою индивидуальность как часть проекта социального и личного освобождения всех.

Такой проект создания такого либерального общества и в нем — такого либерального человека не до конца учитывает некоторых принципиальных зависимостей, складывающихся между триадой общество — свобода — личность. Он, думается, вообще не считается с тем, как устроена природа свободной индивидуальности. А она устроена достаточно парадоксальным образом, когда свободная индивидуальность становится и свободной, и индивидуальностью не тогда только, когда достигает пределов социальной автономности, но и тогда и только тогда, когда за этими пределами становится еще условием и средством достижения статуса свободной индивидуальности другими людьми. Истинно человеческое в человеке всегда достигается только ценою служения еще и другим людям.

⁶ Камю А. *Изнанка и лицо*. М.-Харьков. 1998. С. 297.

Это позволяет более дифференцированно и критически подойти к самому либерализму и как философии, и как типу политического мышления. Увидеть в нем скрытые, десоциализирующие и на этой основе дегуманизирующие начала — провести различие между классическим либерализмом, с которого начиналась буржуазная модернизация в истории и современным пропагандистским либерализмом, как идеологическим оружием холодной войны. И если первый «означал отвоевывание *эффективных* прав — т. е. таких, которые необходимы личности для полноценной социальной реализации своих способностей и инициативы», то «современный пропагандистский либерализм сводится к уклонению от обязанностей и долга и потаканию такому отклонению. Иными словами, первый либерализм *социализировал* личность, освобождая ее от опеки, второй *десоциализирует* личность, освобождая ее от всех разновидностей социального долга». Именно его распространение на постсоветском пространстве стало идейно-теоретическим источником массовой легитимации асоциальных практик и ментальным основанием для демонтажа всей системы социальной мобилизации. И цель всего этого достаточно прозрачна: взамен социализированного получить инстинктивного индивида, не способного мыслить социальными категориями. А взамен национально и социально сплоченного социума, имеющего и живущего общими святынями, создать нравственно сломленный, не способный к элементарной солидарности и защите.

В связи с этим стоит обратить внимание на вечную дихотомию индивидуализм — коллективизм и на то непомерное значение, которое было придано ей российским либерализмом, умудрившимся, ко всему прочему, завести их противопоставление за все пределы здравого смысла. Пытаясь дискредитировать все коллективные практики и лежащие в их основе все формы коллективной идентичности, новорусский либерализм попытался, без особых на то оснований, приписать коллективизму одни лишь антидемократические черты, превратить его в главного и единственного виновника всех тоталитарных традиций и практик в истории России. И, соответственно, только с индивидуализмом связать все демократическое, саму способность жить в пространстве демократических процедур. Но «этим адептам индивидуализма неведомо, что бывает демократический коллективизм ассоциированного гражданского общества, равно как бывает и уклончиво-обывательский индивидуализм абсентеистов гражданского общества, гражданская пассивность которого способствует узурпаторским переворотам старых и новых диктаторов»⁷.

Но им, похоже, хорошо ведомо было нечто другое: идеология распоясавшегося индивидуализма легко превращается в индивидуализм ни с чем не связанных, а потому и национально безответственных мигрантов, без особых усилий кочующих по культурной и политической карте мира. И не просто легко меняющих Отечество, но и в нем откровенно и агрессивно противостоя всем базовым ценностям национальной идентичности, разрушая их как главное препятствие на пути реализации интересов своего оголтелого «Я». Тем самым либеральный переворот Августа 1991-го с помощью идеологии безграничного либерализма добился решения двух взаимосвязанных и в своих исторических итогах чрезвычайно разрушительных задач: с одной стороны, легитимации повальной коррупции, гражданской безот-

⁷ Панарин А.С. Изнанка и лицо. М.-Харьков. 1998. С. 522; 99; 112.

ветственности и стяжательского инстинкта, возведенного в ранг новой религии, а с другой — тотальной борьбы против всех форм коллективной идентичности и прежде всего национальной. Идеей воинствующего индивидуализма он сумел объективировать идею борьбы против основ исторической и национальной России — идею ее преодоления в истории в качестве России, в каждом акте этой исторической драмы превращая Россию в средство для удовлетворения стяжательских комплексов вненациональной России.

Наконец о конечной цели и смыслах человеческого бытия, взятых в проекциях постмодернистских откровений новолиберальной мысли. В качестве таковых провозглашается умение свободно и иронично играть в разнообразные языковые конструкции (художественные, политические, научные, философские...) в условиях абсолютного ценностного и познавательного релятивизма. В таких условиях человеческое бытие оказывается абсолютно безосновным, лишенным глубины, текучим, случайно-событийным, а потому, в конце концов, глубоко бессмысленным. В таком «децентрированном» мире не просто все возможно, но именно потому, что все возможно, в нем ничего не имеет ни меры, ни ценности, ни смысла. Разрушается вся вселенная коллективных сущностей. Индивидуальная эмансипация приобретает совершенно непропорциональный здравому смыслу индивидуалистический характер и масштаб как раз за счет разрушения всего мира коллективных сущностей. Общество лишается всех источников ценностного воодушевления, втягиваясь в процессы с нарастающей энтропией асоциальности.

Каков же социальный, политический, антропологический и, главное, выражающий их сущность идеологический итог? Под видом равенства всех истин, всех ценностей и моральных императивов, под давлением принципа уравнивающего плюрализма и беспринципной, безмерной толерантности общество было втянуто в состояние близкое к нравственному помешательству, лишено духовных и идеологических приоритетов. А если таковых нет, то не только все возможно, но и нет центров для консолидации общества, оно социально атомизируется и распадается. В этом смысле либеральная идеология претендует на странный статус — быть идеологией разложения всех обществ до уровня несвязанного одноклеточного состояния.

И как антропологический итог всего этого: оглушенный либеральными ценностями, человек оказывается в странном социуме, жизнь в котором обрекает его на существование, противостоящее существованию всех остальных людей, на муки крайнего одиночества, никак не связанного с принципами солидаристской морали. Он обрекается на жизнь в социуме, в котором либеральные свободы и условия для социально автономного существования личности вырождаются в либеральное безразличие к личности, принимающей тотальный характер. В таком обществе личность действительно оказывается свободной, в том числе, и от базовых социальных гарантий своего существования — вплоть до свободы умереть с голоду в обнимку со своими либеральными ценностями.

И апелляция к тому, что в «здоровом обществе» должен побеждать сильнейший, и якобы в этом и состоит закон жизни, лишь усугубляет моральную неполноту либеральной доктрины. Ибо это закон жизни диких джунглей, а не социума, в котором всякая жизнь должна поддерживаться другой жизнью. Ибо

слабый человек — это тоже человек и в таком своем качестве он имеет право оставаться человеком, иметь все необходимые гарантии на условия человеческого существования. А посему, кому нужна «свобода» нищенского существования или, тем более, голодной смерти, — свобода, направленно иссушающая все источники подъема к благосостоянию? И не только к нему, но и к социально ответственному и морально значимому существованию, к существованию средствами высокой морали спасающей человеческую душу, которое должно быть найдено без того, чтобы душа человеческая была изуродована, а духовность утрачена.

Но надо признать, что в таком своем качестве общество становится чрезвычайно удобным для проведения любых реформ, любой приватизации, любыми средствами и любой социальной ценой. Для навязывания любых ценностей, целей и смыслов бытия, вплоть до разрушающих сами основы бытия. И все это превращается в досягаемую реальность в том обществе, которое лишают основ идеологического сознания, под лозунгом свободы от идеологии, делая его зависимым от самых низменных идеологических форм, от совершенно произвольных и маргинальных идеологов. В таких условиях идея деидеологизации легко превращается в идеологию духовного разоружения нации. И это ближайший результат деидеологизации общества. И уже только поэтому идея деидеологизации общества в своей главной сути оказалась ложной и чрезвычайно разрушительной идеей, т. к. навязало обществу отказ от того, без чего оно просто не может существовать — идеологии.

В самом деле, идеология — неустранимый феномен сознания, ибо является главным нормаобразующим элементом духовной жизни и человека, и его общества. Отражая всю гамму общественных явлений и процессов, идеология дает им оценку с определенных субъектных позиций — национальных, государственных, социально-классовых в целях их направленного изменения в интересах всегда определенных субъектных сил истории. Идеология всегда центрирована не просто на понимание общества и его противоречий, но и на их оценку и, следовательно, на интересы, на их отражение и выражение не только в логике понятий, но, в еще большей степени, и в логике ценностей, целей и идеалов, смыслов и символов веры. А потому идеология завершается системой ценностей и ценностных ориентаций общества, их утверждением в обществе. Она есть ценностная сфера общественного и индивидуального сознания с многообразными и в принципе не заменимыми функциями, особенно, в сфере политике.

Именно в политике любой субъект «нуждается в идеологии как средстве духовного сплочения и руководства, которое направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует волю, стремление к политическому действию, мобилизует их активность, способствует социальной интеграции групп, вовлеченных в политическое действие или готовящихся к нему»⁸. При этом, чем сложнее социальный организм, чем труднее экономические и политические проблемы, с которыми он сталкивается, тем очевиднее функция идеологии, как важнейшего средства его консолидации. Тем самым идеология, сформулированная как вера, закон, норма-правило социального поведения, становится главным идейным способом существования любого социума, организующим началом разрешения его

---

⁸ Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. М., 2001. С. 204.

главных противоречий. И организующим в той самой мере, в какой становится органом самосознания общества, адекватным средством понимания самого себя.

При таком понимании идеологии и ее места в обществе общество просто не может быть вне идеологии, ибо оно не может быть вне интересов и ценностей, вне процессов их осознания, неизбежным результатом которого и становится идеология. Именно в идеологии, ее рефлексивных формах происходит преодоление основных противоречий общественной жизни. И не только в сознании, в теоретической форме. Все многообразие проблем и аспектов бытия действующих субъектов истории посредством идеологии сводится в целостную программу и на этой основе в систему поведения, направленной на реализацию их коренных интересов. *Идеология оказывается тем механизмом, «рычагом» в человеческом сознании, благодаря которому политическое сознание приводится в соответствии с политическим действием, а то и другое с определенными политическими интересами.*

В итоге вне идеологии не может оказаться прежде всего сама власть, выступая необходимым компонентом любого механизма власти и в той самой мере, в какой способна осуществлять ориентацию и программирование направлений деятельности массы людей, в конце концов, функцию легитимации самого института власти — обеспечение ее массовой поддержки населением. Сама государственность деградирует без идеологии, ибо это, если и не единственный, то главный язык, на котором она осмысливает свои интересы, базовые ценности и смыслы, приходит к осознанию целей своего присутствия в истории. Идеология для государства — это его идентификационное «Я». Какова идеология, таково и государство, а каково государство, таково и идеология.

Вот почему идея тотальной деидеологизации — очередная иллюзия, т. к. на самом деле процессы, которые навязываются такой идеей, завершаются либо тотальной хаотизацией, либо банальностями переидеологизации общества и его сознания. Все процессы с приставкой «де» — деидеологизация, деполитизация, дегероизация... — все это разные варианты «игр на понижение» и, прежде всего, роли духовных факторов в жизни общества. И их главное предназначение не должно вызывать никаких иллюзий: превратить нацию в ценностно-неприкаянную массу людей, выпавшей из национальной культурной и исторической традиции, а потому тяготящейся всей системой ценностей национальной идентичности. По большому счету, сознание человека вообще не терпит пустоты, т. к. всякое умаление одной системы ценностей неизбежно будет приводить и приводит к усилению другой — иной идеологии. И весь вопрос в связи с этим заключается лишь в том, какая идеология заполнит эту пустоту, образовавшуюся после краха вненациональных идеологем.

Ведь то, что сложилось в результате беспрецедентного погрома идеологического пространства России, лишено признаков нормальной духовной жизни. В самом деле, что представляет из себя современная Россия с точки зрения доминирующей в ней идейно-мотивационного начала исторического творчества? Это мир посткоммунистического секулярного атеизма, руководимого радикальной версией неолиберализма, сросшегося в «братских объятиях» с абсолютным морально-ценностным релятивизмом. Духовная пустыня, вычищенная хаосом ценностного беспредела — жизнь на крайнем острие крайне бедного сознания, если чем и во-

одушевляемая, то только крайностями потребительского сознания. Я *потребляю, следовательно, существую* — **Consumo, ergo sum**. И чем больше я потребляю, тем больше я — человек. Жалкая картина, воистину достойная сострадания. И ее легко создать в том обществе, которое лишают национально идентификационных основ существования в истории и, следовательно, самой истории, где главным, идентификационно значащим свойством для человека становится не его история, не его культура, не его духовность, а то, что, как и сколько он потребляет.

С учетом трагических итогов векового искушения ценностями национально анонимного и безосновного бытия в истории есть все основания рассчитывать на то, что образовавшуюся духовную и аксиологическую пустоту заполнит идеология национального возрождения России и, следовательно, идеология национальной и исторической России. Она должна стать базой, надстраивающей над собой и формирующей под себя любые другие идеологические проявления и процессы в обществе — любые, начиная от крайне левых и кончая крайне правых идеологием. Ибо в этой жизни все проходит, но Россия — историческая и национальная Россия должна оставаться, неизменным сохраняя свою локально цивилизационную суть — национальную, культурную, духовную.

Но на этом пути обретения национальной идеологии для идеологического и духовного обеспечения национального возрождения есть серьезные препятствия. И главное из них сводится к отсутствию в России достаточно благоприятных условий для становления полноценной национальной идеологии. Для своей реальности в истории она нуждается как минимум в реальности субъекта-носителя такой идеологии — нации, ибо развитая национальная идеология — плод развитых наций. В истории укореняется и получает развитие только то, что укореняется и получает развитие в человеческом сознании, усваивается общностью людей и превращается в основу бытия их сознания и вслед за этим в основу их бытия в самой истории. Русские же в России — больше напоминают население, пока еще населяющее эту страну, чем нацию, осознанно творящую свою историю как национальную. Ибо в итоге всех экспериментов над национальными основами бытия русских в России и России в мире нация оказалась отчужденной от ценностей национальной идентичности и в масштабах, чрезвычайно опасных для самих основ национального бытия в истории.

И вместе с тем, если у России еще есть свои национальные и государственные интересы, то они неизбежно должны осмысливаться в национально-государственных формах. Если таких интересов нет, уже нет или вообще нет, то нет необходимости и в национально-государственной идеологии. Но в том то и дело, что они, национально-государственные интересы пока еще есть, т. к. пока еще есть Россия. Уникальность переживаемой исторической ситуации в том и заключается, что после Августа 1991-го у власти в России оказалась власть, лишенная внятных идеологических приоритетов, если не сказать точнее — идеологии вообще. И это, судя по всему, во многом — сознательная позиция, т. к. любая идеология ограничивает, а существующая система власти не хочет никоим образом ограничивать самое себя. Власть, лишенная идеологии, идеологического обеспечения собственной власти — это противоречие в определении, это власть никого и ничего не представляющая, кроме собственных претензий на власть.

В этом суть идеологической трагедии Августа 1991-го: *если коммунистическая власть, ее идеологическая трагедия состояла в излишней заидеологизированности власти, то трагедия новой власти заключается в другой крайности — в излишней деидеологизации*. Ее проявления достаточно многообразны, а последствия не столь безобидны, как может показаться на первый взгляд. Ведь произошло нечто из разряда явно несуразного. Государство и власть на целое десятилетие полностью или почти полностью устранились от формулирования каких бы то ни было национально и социально значимых приоритетов развития помимо тех, которые навязывались шокирующей приватизацией, устранились от внятного проявления своей позиции по главным жизнеопределяющим вопросам бытия, от расстановки каких бы то ни было акцентов и в первую очередь нравственных. Государство и власть, вообще, нравственно устранились из истории, просто ушли из нее в качестве субъектов нравственного бытия истории.

И это, разумеется, неслучайно, т. к. с самого начала реформ власть начала дистанцироваться от главных центров идеологического самоопределения в истории России: от всех коллективных сущностей и центров консолидации исторической и национальной России, от ценностей цивилизационной, исторической и национальной идентичности России и в ней — русской нации. И это закономерно, т. к. у власти в России в очередной раз оказалась вненациональная Россия, вновь начавшая кроить и строить историю России по лекалам и нормам национально бесосновного и анонимного существования в истории; искать ценности идентичности и источники идеологического самоопределения в истории по ту сторону национального и исторического бытия России — в абстракциях от общечеловеческого в истории или в идеологемах иных цивилизаций и культур, а в ряде случаев не делая даже и этого, ошибочно полагая, что власть сама по себе уже есть идеология.

Но это, если и идеология, то идеология либо «хапка», либо идеологического обеспечения возможности любых форм исторического творчества в России, с любой их направленностью, вплоть до идеологического обеспечения разрушения России. И это не должно удивлять, т. к. вненациональная идеология, или идеология, не сочетающая себя с национальной — это всегда форма утопического, а потому разрушительного сознания, формирующегося вне поля ценностей подлинной идентичности.

Безнациональность, как осуществляемое начало общественной жизни, есть неосуществимое начало, это царство не жизни, а смерти, царство абстракций, оторванных от реальной жизни, то, чем традиционно страдает русское интеллигентствующее мировоззрение — доведенным до конца отвлеченным построением жизни. Оно лежит и в основах русского коммунизма, и русского либерализма — если не полное, то близкое к нему отрицание и отвержение действительности совершающегося, большинства ценностей, выстраданных собственной историей, конкретностью собственной национальной жизни.

А ведь истинные ценности не могут быть вне конкретной истории, культуры, духовности, вне национальной субъектности и национальной среды. Они не могут не быть подчинены императивам национального, а значит, и локально цивилизационного бытия в истории. Тем поразительнее, что именно сама власть в России

выступила главным инициатором всех основных хаосогенных процессов в стране, включая сюда и идеологические и в той самой мере, в какой намеренно игнорировала ценности исторической и национальной России, на этой основе став источником хаотизации исторически сложившихся центров идеологической консолидации нации и страны. Однако при всем при этом сказанное не отменяет очевидного: реальным центром действенной идеологической консолидации современной России может и должна стать прежде всего сама власть. Сама власть должна наконец-таки самоопределиваться в истории — властью чего и во имя чего она является, какого национального субъекта и для какой национальной истории.

Но для всего этого она должна перестать быть только властью в России и над Россией, а стать еще и властью России и для России. Но для этого она должна стать самой Россией, властным, государственным олицетворением идеи Великой России, идеологическим выражением интересов и ценностей исторической и национальной России. Пора понять и с этим примириться — по настоящему продуктивным, работающим на всю обозримую историческую перспективу оказывается путь укрепления государства и власти посредством укрепления и развития их национальной сущности и начал.

Таким образом, итогом идеологических блужданий России после Августа 1991-го стала насущная потребность возвращения России к самой себе как России, к пониманию своих подлинных национальных интересов, к идеологическому самоопределению в истории на принципах национально ориентированной идеологии. Она есть всего лишь навсего отражение национально центрированной системы ценностей России, единственно адекватное средство их осознания и реализации в практике исторического творчества. В этом смысле претензии России на национальную идеологию — это естественное право России на идеологическое обеспечение основ своего бытия в истории в качестве исторической и национальной России.

В конце концов, если мы с Россией и Россия с нами, то кто против нас? Чьи и какие национальные интересы отстаиваются воззрениями, отрицающими за Россией право на национальную идеологию — идеологию, центрированную на существование в истории вокруг и во имя осуществления своих национальных интересов и ценностей? Не идет ли в этом случае речь о самом неприглядном — о *сознательном намерении раз и навсегда отлучить Россию от ее национальных интересов и ценностей, окончательно запутать их понимание в качестве национальных и на этой основе лишить возможности их защиты и реализации в истории в качестве национальных интересов и ценностей?*

Вот часть тех вопросов, стоящих перед российским обществом, идущим по пути обретения новых идеологических альтернатив и центров идеологической консолидации и страны и нации. При этом речь ни в каком смысле не идет о крайностях по-новому заидеологизированного общества. Но стремление избежать их не должно стать основанием для другой крайности: якобы в обществе вообще не может быть никаких идеологических приоритетов и, соответственно, центров идеологической консолидации. Идеологически децентрированное общество — это общество, лишенное центров консолидации, а значит, и исторически связного и целеустремленного существования.

В конечном счете, общество всегда в той или иной мере или форме, но оказывается идеологически центрированным. Прежде всего, это неизбежно в условиях и по причине государственного объединения людей. У государства не может не быть идеологических приоритетов. Оно точно должно знать кому, чему и как должно служить. И такое знание должно пронизывать все государственные институты. Нельзя же считать за норму существование армии, лишенной идеологии, элементарного сознания того, армией кого и для чего, для защиты каких ценностей и интересов она является. Армия без идеологии — это толпа и очень опасная, поскольку вооруженная, как и государство уже не государство, а хунта.

В связи с этим есть все основания рассчитывать на то, что российское государство должно служить все-таки России и, следовательно, основу его идеологии, как государства российского, образует национальная идеология. Кроме того, нельзя объединить людей в принципе, не объединяя их идеологически. Центров такого объединения людей в условиях идеологической плюральности может быть немало, но среди них неизбежно есть такой, который должен объединить, если не всех, то почти всех тех, кто за, а не против России. И этот центр есть сама Россия, ее национальная система ценностей, выверенная и выстраданная всей противоречивой российской историей и воплощенная в прагматически выстроенной и реализуемой системе национальных интересов.

Больше того, в условиях колоссальной идеологической хаотизации российского общества вопрос о национально центрированной идеологии — это не просто вопрос о ценностных основаниях бытия современной России, но и о необходимых условиях ее духовного выживания в истории. Опыт истории убеждает: в истории выживает лишь тот этнос, который является носителем духовной системы ценностей, адекватно отражающих его коренные интересы, а потому способных стать центром его консолидации. *Только тот этнос выживает в истории, который сохраняет и развивает себя на основе сохранения и развития ценностей своей этнокультурной, исторической и цивилизационной идентичности.* Угроза ценностям идентичности — это угроза главным источникам воспроизводства основ нации и национального существования в истории.

С учетом сказанного можно констатировать: современная Россия поставлена в специфические условия борьбы за выживание своего национального начала в истории, в которых именно поэтому только национальная идеология может взять на себя функции сохранения и развития ценностей идентичности, идеологической консолидации российского общества вокруг этих ценностей. Среди идентификационных ценностей они являются высшими — ценностями всякого бытия в истории, ибо есть не только начало и предел, но и само основание исторического в истории. Благодаря этому именно национальная идеология, вооруженная ценностями национальной идентичности, канализирует сам процесс исторического развития, превращая его из истории вообще в историю определенной локальной цивилизации, культуры, духовности — в историю не нации вообще, а определенной нации, ее развития к новым формам бытия в истории, но всегда адекватных базовым ценностям своей национальной идентичности. В этом смысле национальная идеология должна стать идеологией новых исторических рубежей России, выхода к ним в качестве России, а не в качестве нечто другого.

Соответственно, она должна стать идеологией не власти над Россией, а идеологией служения власти идеи Великой России. И ее величие впредь должно определяться не только величием ее державной ипостаси, но и тем, до какой степени она становится условием и средством достижения счастья и благополучия каждого ее гражданина, условием и средством превращения исторического пространства России в пространство реализации личных свобод — в свободное пространство свободного развития свободной индивидуальности. В такой своей формулировке национальная идеология не может быть раз и навсегда монополизирована ни одной формой власти в России, приватизирована ни одной партией. Тем более в условиях, когда партии превращаются в «самоудовлетворяющиеся организации», существующие для самих себя, только для своих интересов, выдвигая на государственные посты не элиту, а духовно зависимых людей, функционеров-парламентариев.

Вечное и неисчерпаемое не может стать частью конечного и преходящего. Национальная идеология — это идеология не партии и не власти в России. Это идеология самой России, которая становится идеологией и партии, и власти в России лишь в той связи и мере, в какой они растворяют себя в России и Россию в себе — в какой они и есть сама Великая Россия. Но это — идеал, в принципе, не достижимый ни одной партией, ни одной формой власти в России, особенно теми из них, кто отравленный конъюнктурой мелких страстей политического момента, обречен на бесплодный бег по кругу политической арены.

Итак, в содержании национальной идеи России хорошо просматриваются два глубоко взаимосвязанных уровня ее бытия. Каждый из них по-своему связан и выражает в себе ценности локально цивилизационной и вытекающих из нее исторической и национальной идентичности России и в ней — русской нации.

Первый и наиболее фундаментальный уровень является носителем системы архетипов социальности, культуры, духовности, способа их объективации в истории и самой истории — самых глубоких основ национальной идентичности. На этом архетипическом уровне национальная идея России подпитывается самой фундаментальной частью человеческой психики — коллективным бессознательным — нашим национальным «Id». В таком качестве оно пришло к нам из глубины веков нашей истории и определяет всю систему коллективных сущностей, лежащих в основе исторического и национального идентитета России и в ней — русской нации.

Здесь содержится источник главных спецификаций в акцентах духовного поиска нации, в итоге определяющие и наше понимание, и наше отношение к абсолютным максимам человеческого бытия: добру и злу, прекрасному и безобразному, трагическому и комическому, падшему и святому, героическому и повседневному... — ко всему, что делает человеческую жизнь духовно значимой и вслед за этим человеческой. Благодаря специфике этих акцентов духовного поиска, бытие из просто человеческого превращается в национально центрированное, в бытие, отмеченное специфической сущностью русскости и российскости. Именно здесь концентрируется духовный опыт поколений, тайна русской души, самих феноменов русскости и российскости, наши высшие символы Веры. Здесь духовные основы локальности русско-российской цивилизации. Они наиболее стабильны, по сути, неразрушимы, ибо с их падением падет и сама Россия — духовные основы истории в душе каждого, кто идентифицирует себя с Россией.

Второй уровень бытия национальной идеи России — это уровень национально-го сознания и самосознания. Это самая содержательная часть национальной идеи и в той самой мере, в какой она есть носительница системы знаний. В какой, следовательно, несет в себе знание о том, идеей *кого* — какого национального субъекта она является; о *чем* — о какой исторической, культурной и духовной реальности; *во имя чего* — во имя какой страны и нации, культуры и истории. Ведь способ, каким существует национальное сознание и каким нечто начинает существовать для него — это знание. Знание есть главный акт национального сознания, а потому нечто начинает существовать для него лишь только постольку, поскольку оно знает это нечто. А то, что оно знает, от этого, в свою очередь, зависит уровень развития национального сознания и вслед за этим самой нации. В этом смысле нация есть то, что есть ее сознание. Это самая активная часть сущности национальной общности, определяющая качество всех ее жизненных процессов. А потому развитая нация есть плод развитого национального сознания и самосознания. Это то, что ведет ее по истории и сохраняет в ней.

Политически самая активная часть национального сознания — это национальная идеология, форма теоретического самосознания нации. Она находится в определяющей зависимости от конъюнктуры исторической ситуации, а потому нацелена на ее понимание, на отражение и оценку всей гаммы интересов переживаемого момента истории. Здесь пространство бытия национальной идеологии, здесь духовная родина самой идеологии реформ современной России, которую власть так и не смогла сформулировать и предложить России, особенно в части социальных и национальных смыслов реформ. В идеологическом отношении они оказались неподготовленными и пустыми, что необычайно осложнило их осуществление. Огромный духовный потенциал нации оказался невостребованным и он не мог быть востребован, т. к. реформы полностью проигнорировали национальное начало России, а по ряду моментов развязали самую настоящую войну против него.

В итоге Россия начала проигрывать историческую модернизацию и как ее составную часть — конкурентную борьбу за лидерство в мировой истории. И отнюдь не потому, что она — Россия, а потому, что ей упорно не дают стать Россией, исповедовать ценности собственной национальной идентичности, развиваться на базе саморазвития основ локальности собственной цивилизации, генетического кода собственной истории. *Идеология реформ не может базироваться на предательстве основ собственной цивилизационной, исторической и национальной идентичности. На этой основе она превращается в идеологию исторического погрома и поражения России в истории.*

Таким образом, перед современной Россией стоит задача первостепенной исторической важности — *соединить все процессы реформирования России с ее национальной и исторической почвой, локально цивилизационной спецификой*. Только так и на такой основе Россия может войти в процессы исторической модернизации в экономике, политике, социальности, в самих основах своей национальной культуры и души. **Победить в модернизационных процессах, можно только оставаясь Россией.** А это невозможно сделать в принципе без опоры на национальную идею России, без мобилизации национального потенциала развития в истории, без опо-

ры на национальную духовность, национальные святыни и символы Веры — без того, чтобы продолжить свою историю в качестве национальной.

Следовательно, реформы направленные на историческую модернизацию России, неизбежно должны стать частью национальной идеи России, поднять себя до ее уровня, как духовного основания и идеологического обоснования целей, средств и конечных смыслов реформ. И только так и на такой основе они смогут стать средством национального возрождения — возрождения Великой России. И если мы будем маршировать в нашей истории во главе именно таких национально осмысленных идей нашей страны, то они неизбежно последуют за нами и поддержат нас — станут духовными поводьями в нашем историческом творчестве. Если же мы будем маршировать позади них, они неумолимо всей своей духовной мощью будут тянуть нас за собой, вдохновляя на подвиг самоотречения во имя идеи Святой, Великой и Свободной России. Но если мы позволим себе маршировать против них, то они раздавят нас всей мощью и силами нашей собственной и мировой истории.

Идеология и новые вызовы времени

Валовая М.Д.

Все известные доньше государства создавались под влиянием определенной идеологии: объединение христианского мира как империя Карла Великого, приобщение темных азиатских народов к достижениям эллинизма как держава Александра Македонского, борьба с неверными под зеленым флагом пророка Магомета Османской империи, распространение достижений Великой Французской революции Наполеона или идеалов социализма у Сталина. И не важно, сколько было искреннего в этих идеологиях, а сколько служило «крышей» для властных амбиций лидеров, главное — такое объяснение, сплывающее волю и душу народов, было!

У каждого государства была своя идейная направляющая: общая борьба с колонизатором — Великобританией, создала Соединенные Штаты Америки, война с Пруссией ускорила Великую Французскую революция и создание Французской республики, ненависть к царизму привела к созданию античной Римской республики и Советского Союза.

Как видим, причины могут быть разными, равно как и названия основных идейных постулатов: Священное писание, Декларация прав и свобод, Манифест Коммунистической партии или идеи Чучхе. Дело не в стилистике.

Хотя именно из-за нее в последние годы слово «идеология» как-то исчезло из нашего обихода, затравленное как «позорное наследие старого режима». Получилась ситуация, будто слово «идеология» может быть употребимо лишь с прилагательным «коммунистическая». Вот и выбросили слово из обихода, а вместе с ним и само явление. В общем, как обычно, ребенка, вместе с водой.

На самом деле, идеология как система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, появилась в незапамятные времена. Другое дело, что эта система постоянно реформировалась, чутко реагируя на все происходящее в этом изменчивом мире.

Они меняются, конечно, под воздействием многих причин и экономических и политических, но при этом выбор между социализмом и радикализмом делается постоянно. Естественно, эти понятия многогранны и понимать их можно по-разному, поэтому исключительно важно то, чтобы властные структуры, определяющие идеологию, понимали их одинакового и выбирали единую, необходимую в создавшейся ситуации, позицию.

Само же государственное управление эффективно лишь, когда оно четко коррелировано с правящей идеологией государства. А идеологический концепт появляется, когда общество экономически политически и геополитически подготовлено к его появлению.

Так произошло и на Руси. К счастью, имя автора идеологии, успешно спланировавшей нашу государственность на протяжении пяти веков, история бережно сохранила. Филофей, псковский монах, который впервые сформулировал ее в письмах к Великому князю Василию Третьему: «Византия пала за то, что изменила истинной вере и приняла латинство. Но пала ли Византия в духовном смысле этого слова, как оплот истинной церкви, слияния между церковью и государством». Нет, отвечает монах. «Православная империя не исчезла, она только переместилась, она там, где бьется сердце вселенской церкви, где истинная вера защищена государем. Старый Рим впал в отступничество, у него нет более ни законного государя, ни первосвященника. Новый Рим развенчан турками, которые сделали из него мусульманскую столицу. Только Москва отныне соединяет все необходимые условия. Она — третий Рим навеки, сияние которого ничто не затемнит, и четвертому не бывать».

... Не слишком ли оторван от действительности старец? И не чересчур ли амбициозен благосклонно внимающий ему Великий князь? Почему рожденная в псковском затворе идея столь быстро овладевает широкими народными массами?

На Руси нет еще своего патриарха, она по-прежнему зависит от Константинополя, пусть и завоеванного неверными. Русь вообще нельзя назвать государством, в числе первых провозгласивших христианство государственной религией. По историческим меркам это произошло весьма поздно. Еще в начале четвертого века христианство как государственную религию первой в мире избрала Армения, затем Эфиопия. И обе по-прежнему исповедуют православие...

Но лишь Москва претендует на наследие Византии. И не встречает сопротивления. И не только из-за эфемерности наследства, которое никто на Западе не собирается отвоевывать у турок. Москва в своем праве — Византию в качестве своего придания принесла на Русь мать Василия Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора...

Да, Третий Рим обязан своим рождением смуте. Смуте, омрачавшей последние годы Византии. Но Русь конца пятнадцатого века уже была беременна великой империей. Благодаря Софье эта империя стала Третьим Римом, а не вторым Каракорумом.

Страшно подумать, что было бы с Россией, если бы византийский брак Ивана Третьего не дал ей внятной национальной идеи — быть Третьим Римом, хранителем истинной веры. Идеи, которая сплотит многонациональный народ и уберезит нашу страну от потери независимости во времена Великих Смут конца XVII и XX веков...

В конце XX века идея третьего Рима нашла свое воплощение в, казалось бы, забытой евразийской идее. Как и почему это произошло?

Последнее десятилетие XX и первые годы XXI века вообще явились для России и постсоветских стран серьезным историческим уроком. Рыночный романтизм сменился пониманием необходимости жестко регулирующей роли государства в процессе либерализации экономики. Стало также очевидным, что европейский дом никого не ждет, а разобщенность, и, следовательно, слабость новых государств лишь на руку крупным геополитическим игрокам.

Началось «возвращение» к евразийской идее. Слово Евразия стало исключительно популярным, даже модным. С одной стороны — это отражение неподдельного интереса к идее евразийства, признание перспективности, состоятельности, значимости опирающихся на нее современных интеграционных проектов. Но с другой стороны, — евразийские идеи, к сожалению, порой становятся предметом откровенных спекуляций, когда красивой идеей прикрываются корыстные политические интересы.

Народы Евразии неоднократно создавали различные объединения. Еще до нашей эры существовал скифский союз, который объединял Евразию, потом он уступил место Великому тюркскому каганату, существовавшему в VI–VII веке нашей эры и охватившему земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы во главе с Чингисханом. Затем инициативу взяла на себя Россия: с XV в. русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Российская империя выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса, и, в свою очередь, уступила место Советскому Союзу.

За время долгого совместного проживания у народов Евразии выработалось общие обычаи, стереотипы поведения, некая общность духовных, культурных ценностей, вдохновившая в начале XX века молодых русских эмигрантов на выработку евразийской объединительной идеи.

Первые евразийцы определили контуры Евразии, которые до сих пор сторонниками евразийства считаются незыблемыми. По их мнению, Евразия простирается от Хингана до Карпат, с юга она обрамлена полосой пустынь и неприступных Памира, Тянь-Шаня и Гималаев, с севера — Ледовитым океаном, с запада ее граница проходит по позитивной изотерме января.

Первые евразийцы руководствовались прежде всего политическими соображениями. Им надо было дать идеологическое объяснение тому, почему Российская империя после крушения, уже в виде Советского Союза, возродилась — беспрецедентный случай в истории человечества. История не знает другого факта крушения, а затем возрождения многонациональных империй.

«Классическое евразийство» рождалось, прежде всего, как течение русской политической мысли, которая трактовала в качестве геополитической стратегии России сохранение контроля над всеми частями Российской империи. Политическая

программа первых евразийцев имела ярко выраженную имперско-этатическую и религиозную основу, и не предполагала появления на евразийском пространстве нескольких суверенных государств как равноправных членов мирового сообщества.

Тем не менее, в евразийском учении содержится немало свежих и плодотворных идей, которые оказались востребованными в современных условиях, когда крушение СССР и формирование СНГ, с одной стороны, означали конец «имперской» объединительной модели, основанной на принципах тоталитаризма и унитаризма, и поиск новой модели интеграции на основе добровольности, равноправия и независимости. В этих условиях евразийское учение, которое новаторски поставило проблему соотношения Европы и Азии, «тюркского» и «славянского» блока обрело новое дыхание.

Именно потому на волне крушения Советского союза возник интерес к давно, казалось бы, забытому евразийскому учению, поскольку оно, при всей его противоречивости, оказалось сегодня единственным, которое все-таки может предложить реальную объединительную гуманитарную доминанту.

Современная евразийская концепция строится на общеметодологическом принципе мультилинейности социально-исторического процесса.

Рассматривая современные евразийские концепции, следует отметить, что они ныне используются применительно к двум геополитическим реалиям — непосредственно к самой России, остающейся Евразией в узком смысле этого слова, многонациональной, многорасовой, многорелигиозной страной, и к традиционной Евразии — постсоветскому пространству. Но контуры современной Евразии, нельзя ограничить только границами новых независимых государств, возникших на пространстве бывшего СССР. Сегодня евразийские идеи услышаны и востребованы всеми народами, населяющими наш континент. Подлинная Евразия — мозаика разных миров.

Евразийская идея неизбежно всплывает в любых спорах о будущем и России, и ее соседей. Еще Д.И. Менделеев, признавая принципиальные различия в мировоззрении Европы и Азии, считал, что историческая роль России состоит в примирении интересов двух великих континентов.

Увы, приходится констатировать, что спор между «западниками» и «славянофилами», в определенной степени способствовавший рождению евразийства, продолжается и в современной России. При этом он приобрел новые грани. К чему должна тяготеть современная Россия? Каковы ее интересы на постсоветском пространстве? Какие модели развития ей избрать? Эти вопросы представляют интерес не только для самой России, но и для ее ближайших соседей.

К середине 1990-х годов была разработана и начала реализовываться концепция «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой каждый из этапов интеграции (зона свободной торговли, Таможенный союз и т. д.) первоначально охватит лишь несколько наиболее подготовленных стран Содружества, к которым постепенно, по мере готовности будут подключаться и другие. Началось формирование субрегиональных объединений, в рамках которых между странами-участницами устанавливается более тесное взаимодействие, чем в СНГ в целом.

Этот принцип давно уже применяется в рамках Европейского союза, под многими важными решениями которого участники подписывались отнюдь не едино-

гласно. Так, Маастрихтский договор, хотя и ратифицирован всеми двенадцатью странами, тем не менее допускает серьезные изъятия для Великобритании и Дании в отношении перехода к единой валюте. «Социальная хартия» ЕС, определяющая минимум социальных гарантий трудящихся, в момент ее подписания была проигнорирована Великобританией. Некоторые страны не участвуют в отдельных интеграционных механизмах не из-за «политического» их неприятия, а в силу отсутствия реальных экономических условий. Так, долгое время Ирландия, Испания, Греция и Португалия имели возможность сохранять ограничения на свободу движения капиталов, хотя остальные страны ЕС их отменили. Экономический и валютный союз также создан в составе только 11 из 15 государств ЕС.

Некоторые интеграционные механизмы вообще зарождались как двухсторонние инициативы. Например, франко-германский военный корпус, в определенной степени проложивший дорогу к формированию общей политики ЕС в вопросах безопасности. Другие инициативы выдвигались группой стран, например, Шенгенское соглашение об отмене пограничного контроля. Интеграционные мероприятия в рамках ЕС не всегда точно соответствуют географическим рамкам сообщества, что не мешает реализации основного принципа — интеграция носит добровольный характер, и в ней участвуют только те, кто реально готов к ней.

Примером разноскоростной интеграции в СНГ являлся ЕврАзЭС. Но в рамках ЕврАзЭС было твердое ядро, более готовое к формированию Таможенного союза Россия-Беларусь-Казахстан. Этими государствами 27 ноября 2009 г. были делегированы комиссии Таможенного союза определенные наднациональные полномочия, летом 2010 г. был создан Таможенный союз. А с января 2015 начнет функционировать Евразийский союз.

Как видим, сложные процессы, происходящие на евразийском пространстве, их последствия и перспективы развития общемировых и национальных проблем вновь находят свое отражение в различных вариантах концепции евразийского единства. Последователи и противники этой идеи есть во всех странах. Интенсивно различные варианты евразийского сообщества разрабатываются и обсуждаются в России.

Как же нам выбрать сегодня нашу модель идеологии? Как ни парадоксально, испытывая на себе влияние Запада и Востока, мы не можем строить, выбирая нечто среднее, потому что мы живем в XXI веке. Изменился мир, мир переживает глобализм, мы приезжаем в Китай, в Шанхай, мы поражаемся, это — западный город. Мы едем в европейском метро и чувствуем себя на Востоке. Происходит смешение и традиций и нравов и менталитетов и стилей жизни, но, тем не менее, нам нужно не просто выбирать адекватную модель. Нам нужно создавать унифицированную модель, которая бы позволила существовать в России, как в рамках общего, так и в рамках единого евразийского пространства.

Мы часто путаем эти понятия. Да, существует общее пространство, когда ряд государств, сохраняя свои органы руководства, вырабатывают некую общую матрицу, приближают друг друга к определенным стандартам жизни. На сегодня, безусловно, нужно общее пространство с Европой.

Но если мы хотим двигаться дальше нам нужно свое единое пространство, должна быть единая структура и стратегия направления стран единого простран-

ства. Единое пространство подразумевает наличие наднациональных органов. Решения Страсбурга, решения Брюсселя обязательны для всех стран ЕС.

Благодаря Таможенному Союзу, решения трех государств Белоруссии, России и Казахстана в определенном сегменте обязательны для каждого из этих государств. Это и перспективно и это сложно, потому что здесь, конечно, очень разные по своему социальному, экономическому составу государства, но это привлекательно, и в этот Таможенный Союз уже сегодня желают войти другие государства. Соответственно, нам нужно выработать модель унифицированную, не между Востоком и Западом, а как для общего, так и единого евразийского пространства. А для этого нужна четко осознанная идеология. Конечно, это очень сложная задача. И это, наверное, вопрос для новых обсуждений, для длительной работы, но у нас альтернативы нет. Иначе править бал будет чужая идеология, реализующая бессмертный лозунг зарубежных «хозяев-колонизаторов»: «разделяй и властвуй». Ослабить Россию, заставив бороться со своим славянским окружением, — этот сценарий написан отнюдь не сегодня... И отсутствие идеологии в стране — важнейший постулат этого сценария...

Сейчас у меня выходит в печати книга «Россия, рожденная Смутой». О событиях конца XVI — начала XVII вв. Поразительно, как похожи события того времени со смутными временами конца XX — начала XXI вв. И не только экономическими провалами, политическими интригами, геополитическими потерями, но и идейной слабостью государства.

В Смуте идеям места нет. В ней борются между собой не люди — а людишки, бешут не страсти, а интриги, сражаются не за убеждения, а за корысть. Как только появляются идеи, смута превращается в гражданскую войну.

России, можно сказать, повезло. Из страшной Смуты 400-летней давности родилась только одна идея, одна идеология, Охватившая всех, невзирая на происхождение, чины, звания, богатства, положение. Идея сохранения российской государственности. Надеюсь, в этой истории тоже повторится...

Реидеологизация государства и общества

Небренчин С.М.

Краткая аннотация:

В статье кратко описана кризисная модель развития нашей цивилизации. Автор анализирует основные уроки отечественной истории, связанные с преодолением кризисных явлений. Он обозначает основные слагаемые национальной идеи. В работе представлены приоритеты национально-государственного возрождения и обеспечения общественной безопасности.

Short summary:

In article the crisis model of development our civilization is briefly described. The author analyzes the main lessons of national history connected with overcoming of the

crisis phenomena. He designates the main composed national idea. In work priorities of the national and state renaissance and ensuring public safety are presented.

Ключевые слова: российская цивилизация, возрождение, безопасность, национальная идея.

Key words: Russian civilization, security, renaissance, national idea.

Из мировой истории известны две основополагающие идеи создания государства. Во-первых, когда национальная государственность формируется народом в интересах обеспечения своей безопасности, самосохранения и выживания, обеспечения суверенитета и территориальной целостности своего ареала проживания. Во-вторых, когда один этнос, покоря другой, навязывает ему внешнее управление, создает государственные структуры управления инородным обществом. В российской более чем тысячелетней истории чаще извне формировались госструктуры, нежели обстояло иначе. Мало что изменилось и за последние 20 с лишним лет.

Несмотря на то, что современная российская конституция фактически содержит запрет на государственную идеологию, тем не менее, сам основной закон, в целом российское законодательство, как и многие другие реализуемые государственные программы властей и т. п. до сих пор остаются глубоко заидеологизированными документами. С поражением в 1991 г. в «холодной войне» в стране активизировалось построение «новой старой» государственности, в основу которой была положена идеология внешнего управления государством и обществом в интересах мировой финансово-информационной мафии. Как известно эти силы сегодня озабочены тем, что в ускоренном порядке завершить переформатирование геополитической картины мира, сформировать основы нового мироустройства без национально-государственных границ. События вокруг Украины наглядно показывают, что архитекторы нового мирового порядка стремятся уже в самом обозримом будущем кардинально изменить в свою пользу геополитическую конфигурацию стран и народов, прежде всего, на самом большом материке мира-Евразии, взяв под полный контроль постсоветское пространство.

Анализ истоков и причин, прогнозы последствий глобального финансового кризиса убедительно свидетельствуют о том, что он не может быть успешно преодолен в обозримом будущем. По оценкам зарубежных и отечественных экспертов, человечество неизбежно вступает в угрожаемый период своей дальнейшей эволюции, который чреват непредсказуемыми последствиями для судеб мира. Дело в том, что главное противоречие современности, состоит, с одной стороны, в стремительном увеличении народонаселения мира и, как следствие, росте потребления, с другой, — в нарастании дефицита природных ресурсов и деградации окружающей среды.

Ситуация усугубляется тем, что в мире стремительно нарастают природно-климатические катаклизмы и бедствия, которые являются предвестником циклических геофизических изменений, когда географическая карта мира изменится в очередной раз. На фоне катастрофической деградации естественной среды обитания, ставшей жертвой экономики техносцида, утверждения в мире идеологии массового потребления и наслаждений, искусственная среда обитания кардинально меняет не только мировую архитектуру, образ поведения и мышления народов

мира, но и живой облик человека, превращая его в послушное роботизированное существо.

Становится очевидным, что человечество вступило в угрожаемый период своего развития. Глобальный кризис, по взглядам «архитекторов» нового мирового порядка, невозможно разрешить без кардинального сокращения населения Земли. Речь сегодня идет примерно о 2–4 миллиардах «лишних» народов.

Достичь этой цели предполагается с помощью новых и старых «горячих» войн и конфликтов, в том числе с применением оружия массового поражения, а также — социальных потрясений и революций, инспирирования массового голода, разного рода пандемий и эпидемий, нагнетания массового психоза, поддержания условий биосоциальной деградации (проституция, алкоголизм, наркомания и т. п.) народов мира и др. При этом главным инструментом обеспечения достижения поставленных целей избраны войны смыслов и нервов, психотронное оружие и другие современные методы реформатирования сознания, подрыва морального духа и разложения войск и населения противника.

Анализ предпринимаемых ими шагов убедительно свидетельствует о том, что многонациональное население России, как и Украины и других стран постсоветского пространства, в полном составе давно уже занесено в «книгу лишних народов». Против Российской Федерации развязана и активно ведется необъявленная война в военно-политической, информационно-культурной, финансово-экономической, демографической, социально-экономической и других сферах. Поэтому сегодня, в который раз в отечественной истории, остро стоит вопрос о выживании и спасении уникальной российской цивилизации.

В связи с этим исследование отечественного опыта преодоления кризисных явлений позволяет определить с приоритетами национального возрождения государства и общества. Современное геоисторическое измерение, призванное способствовать возрождению и оформлению целостной национальной идеологии, исходит из следующих основных историософских умозаключений:

1. Современная Россия является многонациональным и поликонфессиональным государством, общенациональное единство и целостность которого обеспечивают русско-славянское большинство страны. Суперэтнос представляет собой этнографическое и историко-культурное триединство бело-, велико- и малороссов Белоруссии, России и Украины, ныне являющихся разделенными народами. Поэтому главным условием возрождения государственного триединства белорусов, русских, украинцев является скорейшее восстановление общей территории «Исторической России» в границах традиционного этнокормящего ландшафта в ареале течения великих славянских рек (Волга (РА), Дон, Днепр (Борисфен), Западная Двина).

2. Истоки уникальной восточнославянской цивилизации лежат не столько в этнографической плоскости, сколько имеют мировоззренческое происхождение и зафиксированы в уникальном языковом наследии, хранившемся и передававшемся из поколения в поколение с помощью языка — это слова — знания об окружающей среде, архетипе, генотипе и менталитете сла (о) вян, их социокультурном и бытовом образе жизни и поведения. Восстановление преемственности в историко-культурном наследии русско-славянского населения является

важнейшим условием консолидации и мобилизации народов страны в интересах духовно-нравственного возрождения.

3. Со времен воцарения на Руси правления Варяжского дома Рюриков страна попала под сильное внешнее влияние, а русско-славянский и другие коренные российские народы использовались в качестве «строительного» материала в ходе непрерывных геосторических трансформаций на территории «Большой физико-географической зоны» (между Уралом и Карпатами, северными и южными морями).

Русско-славянский народ никогда не прекращал своей национально-освободительной борьбы, в отдельные периоды истории ему удавалось восстанавливать свою правосубъектность в государстве, накоплен значительный социокультурный опыт «переваривания» и трансформации иноземного влияния, в том числе, христианства в православие путем унаследования дохристианских традиционных ценностей, сохранения своей самобытности и культуры во времена татаро-монгольского нашествия, реформ Петра I, трансформации коммунистического эксперимента в советизм, в рамках которого произошла определенная реставрация традиционного государственно-общественного наследия.

4. Исторический генезис русско-славянской цивилизации естественен, органичен и непрерывен, всякое противопоставление его отдельных периодов и эпох друг другу, в частности, дохристианского (языческого) православно-славянскому, коммунистического — дореволюционному, постсоветского — советскому носит контрпродуктивный характер и подрывает целостность русско-славянского геостратегического измерения.

Почти тысячелетний опыт управления государством и общества на основе разновидностей моделей внешнего влияния (самодержавный авторитаризм, партийный тоталитаризм, коррупционный либерализм и др.) полностью дискредитировали себя и поставили государство и общество, уникальную российскую цивилизацию на грань исчезновения.

5. Исторически российская коррупция, во многом, имеет миграционное происхождение и связана с активным проникновением чужестранных элементов во все сферы общества и, прежде всего, в сферы политики, бизнеса и культуры, государственные и общественные институты власти; неуправляемая миграция и деструктивная деятельность интернациональной элиты — главные причины внутренних противоречий, распрей и конфликтов, возникновения и разрастания явлений коррупции, деградации и разложения государства и общества; ситуация усугубляется тем, что слом коррупционной либеральной модели развития может привести к очередному в истории периоду развала государства, чреват новыми социальными и межцивилизационными потрясениями, исторический лимит на которые уже исчерпан.

6. Современный уровень этно-религиозной однородности населения страны (при метафизическом пределе — не менее 2/3) сократился до критического уровня (доля русско-славянского суперэтнуса составляет около 65%), что создает предпосылки неизбежного распада государства (СССР распался при доле русско-славянского населения — менее 65%).

7. Наиболее испытанными средствами и методами на пути спасения, выживания, самосохранения и возрождения уникальной русско-славянской цивилизации

в истории страны зарекомендовали себя высокая рождаемость, продолжение здорового потомства, объединение вокруг местных авторитетов, консолидация традиционных общин, пробуждение национального сознания, утверждение в обществе традиционных идеалов и традиционных ценностей, укрепление веры и уникальных социокультурных механизмов борьбы с человеческими пороками и антиобщественными явлениями, создание условий для сбережения среды обитания и населения.

Во все времена отечественной истории у России не было более надежного союзника, чем собственные мощные армия и флот, а в противостоянии силы духа и слова на поле брани и в мирной жизни главным оружием всегда выступали «Щит Веры» и «Меч Правды».

8. Современная Москва, как коллективный геодемографический агент внешнего влияния, превратилась в один из главных источников российских бед и зол, центр провоцирования и разжигания межнациональных, конфессиональных и социально-экономических конфликтов в стране.

Несмотря на то, что в демографическом и моральном плане силы, дух и воля русско-славянского и других коренных народов России оказались существенно подорванными, еще сохраняется потенциал национального пробуждения, консолидации и мобилизации масс на борьбу во имя спасения, выживания, самосохранения и возрождения уникальной цивилизации в эпоху глобальных вызовов и угроз XXI века.

Формула современной национальной идеи мало, чем отличается, по сути, от того, как ее формулировали когда-то наши предки, вынужденные постоянно вести непрерывную борьбу за свое выживание и «место под солнцем» (РА). Она состоит в спасении, выживании, сохранении социокультурной самобытности и возрождении уникальной русско-славянской цивилизации и связанных с ней общей исторической судьбой народов современной России. В нынешних условиях национальная идея органически включает в себя еще одну не менее актуальную повестку дня — это сохранение и защиты естественной среды обитания как главного источника жизни на Земле. Таким образом, в общенациональной идеологии приоритетными ценностями, способными примирить, объединить и консолидировать все народы и национальности России, выступают уникальные экологические и культурные ценности страны, которые исторически возникли и сложились в рамках освоения естественной среды обитания в определенных природно-климатических условиях человеческого бытия.

Несмотря на то, что христианство изначально выступало в качестве чужеродной идеологии вмешательства во внутренние дела Руси, современная деятельность РПЦ в тесном взаимодействии с другими традиционными конфессиями способствует утверждению морали и нравственности в обществе, возрождению традиционных ценностей, противодействует антиобщественным явлениям и человеческим порокам. Взаимное уважение национальных и религиозных особенностей, богатый социокультурный опыт совместного проживания коренных народов России, общая ответственность за судьбы страны — это важнейшее условие существования и развития многонационального и поликонфессионального народа России в эпоху глобальных вызовов и угроз XXI века.

Приоритеты национально-государственного возрождения и обеспечения общественной безопасности.

1. Оздоровление информационной обстановки в стране, вывод населения из агрессивного-депрессивного состояния, ликвидация внешнего управления государственными и другими ведущими СМИ, установление жесткого контроля государства и общества над информационной и кадровой политикой в СМИ, обеспечение информационной безопасности государства и общества.

2. Консолидация органов власти, ликвидация должности главы правительства, подчинение правительства напрямую президенту, ликвидация поста премьера и удаление либералов из власти, объединение палат Федерального Собрания РФ под руководство одного председателя, проведение перевыборов, кадровой революции в центре и на местах.

Несмотря на то, что многие властные институты во главе с Владимиром Путиным используются в качестве инструментов внешнего влияния, необходимо всячески поддерживать усилия президента, который стал неприемлем для «мировой закулисы», в деле сбережения населения, обретения независимости и суверенитета страны, укрепления государственности, духовного и экономического возрождения России.

3. Решить вопрос о переносе столицы из Москвы, объединение территорий московской области с другими близлежащими регионами центральной России, превращение Москвы в историко-культурный центр России, ограничение регистрации в московском регионе, отказ от строительства «новой Москвы».

4. Восстановление демографической справедливости и равенства в стране, упразднение национально-территориального устройства страны или воссоздание Русско-Славянской государственности в качестве субъекта Российской Федерации на территориях компактного проживания русско-славянского населения, прекращение и активное противодействие массовой миграции, ликвидация инфраструктуры этнического бизнеса, ликвидация сетевых структур влияния и поддержки национальных диаспор, национально-культурных автономий и т. п.

5. Отказ от участия в ВТО, ликвидация финансово-экономической зависимости извне, подчинение государству ЦБ, переход на расчеты в рублях во внешнеэкономической деятельности, прекращение губительных либеральных экономических преобразований в стране, проведение неоиндустриализации и дезурбанизации страны, перевод народно-хозяйственного комплекса на рельсы самодостаточной и мобилизационной экономики, приоритетное развитие оборонной промышленности.

6. Ужесточение законодательства и принятие эффективных в области борьбы с коррупцией, ликвидация инфраструктур этнической преступности, усиление уголовного преследования за антигосударственную подрывную деятельность, информационный геноцид в СМИ, поощрение незаконной миграции, русофобию и разжигание национальной вражды.

7. Возрождение православного мира, русско-славянского триединства в границах «Исторической России», создание Союзного государства Белоруссии и России, формирование союзного парламента на основе верхних палат ФС РФ и НС РБ, избрание главы Союзного государства из числа руководителей двух государств,

содействие диалогу цивилизаций, прежде всего на материке Евразия, формированию евразийских структур коллективной безопасности.

8. Укрепление вооруженных сил страны, создание в их составе эффективной информационной службы, координация по целям и задачам, месту и времени, содержанию, формам и методам информационной деятельности министерств обороны, безопасности и внутренних дел по линии Совета безопасности.

Антикризисная программа национально-государственного возрождения не будет реализована, если не будет задействована в полной мере наиболее активная и инициативная часть общества, прежде всего, в русско-славянских регионах. Более того, в эпоху глобальных вызовов и угроз, отсутствия полноценной государственности общественная деятельность будет приобретать все возрастающее значение. Среди важнейших задач обеспечения общественной безопасности особо следует выделить следующие.

1. Пропаганда рождение здорового потомства, создание многодетных крепких семей, воспитание молодежи в духе беззаветной любви к Родине и своему народу, подготовка их к борьбе за национальные интересы, суверенитет и территориальную целостность страны.

2. Возрождение и сохранение русского языка, повышение его статуса и роли в государственных и общественных делах, искоренение матерных ругательств, иностранных заимствований и т. п., усиление позиций языка в рамках международных коммуникаций.

3. Утверждение в обществе экологического мышления, формирование общественных институтов мониторинга, экспертизы и контроля окружающей среды, организация массовых выступлений против нарушений в области экологии, проведение мероприятий по обустройству и сбережению территории.

4. Организация коллективного противодействия незаконной миграции, навязыванию чуждых традиций и ценностей, борьбы с уличной преступностью, наркоманией, алкоголизмом, проституцией, другими антисоциальными явлениями.

5. Утверждение в обществе особого порядка отношения к женщине, как источнику здорового продолжения рода, возрождение традиций семейно-брачных отношений, повышение статуса семьи в жизни общества, усиление роли женщины в общественных делах. Возрождение мужского начала в подростковой среде, патриотическое воспитание подрастающего поколения, организация военно-спортивной подготовки молодежи, обеспечение общественной безопасности в рамках «соседских общин».

6. Укрепление религиозной солидарности и взаимной поддержки, развитие диалога между представителями религиозных конфессий и, прежде всего, Православия и Ислама, развитие коллективных форм религиозной и светской солидарности.

7. Оказание психологического давления на чиновников в органах власти в целях побуждения их к ответственному и добросовестному выполнению своих служебных обязанностей, честному служению своему народу, отстаиванию национальных интересов страны. Укрепление связей с военнослужащими силовых структур, ведение среди них разъяснительной работы, содействие воспитанию их в духе патриотизма и беззаветного служения Родине и своему народу.

8. Создание и развитие сетевой системы общественной безопасности, взаимопомощи, поддержки и солидарности на базе «соседских общин», ТСЖ, формируемых на основе социокультурного опыта выживания и самосохранения, традиционных идеалов и ценностей. Развитие других институтов общинного выживания (органы сетевого управления по месту жительства, отряды самообороны и группы быстрого реагирования, кассы взаимопомощи), формирование каналов продвижения устной информации, баз хранения материально-технических средств и т. п.

В целом, формирования сетевых национальных общин по месту компактного проживания позволит не только успешно решить вопросы выживания и самосохранения уникальной цивилизации, но и заложить предпосылки возрождения новой национальной государственности в угрожаемый период развития земной цивилизации. Таким образом, в стране может возникнуть мощное национально-освободительное движение, которое мирным путем приведет к изменению природы государственной власти, будет способствовать национальному возрождению.

Таким образом, во времена новых смертельных вызовов и угроз русско-славянскому населению, наученному горьким историческим опытом того, что никто ему не даст избавления ни царь, ни бог, и ни герой, давно уже пора самим озаботится своим выживанием и самосохранением, добиться освобождения своими мозгами и руками. Как действовать в сложившейся ситуации подсказывает сама человеческая природа. Прежде всего, необходимо, невзирая на все социально-экономические и другие трудности, плодиться, рожать детей, воспитывать их в этно-религиозных традициях и боевом духе. Кроме того, как того подсказывает природа, даже не в опасных ситуациях выживать легче, «сбиваясь в стаи», причем лучше по месту компактного проживания людей.

Вся мировая история свидетельствует о том, что те народы, которые во время «сбились в стаи», объединились и консолидировали свои усилия и возможности, сохранили и развили свои традиционные ориентиры и ценности, имеют перспективы на выживание и спасение в эпоху глобальных вызовов и угроз. В современной России, чтобы успешно конкурировать с представителями других народов русско-славянское население должно не только серьезно озаботиться вопросом повышения рождаемости, сформировать и развить сетевые структуры этнической солидарности, взаимопомощи и поддержки, но стремиться к возрождению своей государственности в составе РФ в границах территорий компактного проживания русско-славянского населения. Появление русско-славянской государственности в значительной мере укрепит суверенитет и территориальную целостность России, в которой федеральные органы целесообразно формировать на принципах национально-пропорционального представительства.

В условиях, когда русско-славянское население России лишено своих общественных и других структур взаимопомощи и поддержки, важную роль в формировании и развитии сети этнической солидарности могла бы сыграть Русская православная церковь, которая сегодня также стала жертвой русофобии и подвергается беспрецедентным нападкам. Поэтому крайне важно, чтобы РПЦ больше себя позиционировала, как, во-первых, русская церковь, во-вторых, православная, унаследовавшая в себе и дохристианские ценности, родноверческие традиции народа.

Несмотря на то, что братские народы Беларуси и России тоже переживают не лучшие времена, подвергаясь нападкам и давлению извне, им стоило озаботиться судьбой мало-, бело-, великоросского триединства. Иначе, как показывают события вокруг Украины, братьям славянам удачи не видать, всех их, и не только их на постсоветском пространстве, ждет печальная участь массовой зачистки и истребления. Спасительная объединительная идея остается испытанным средством в борьбе за выживание, самосохранения и возрождения в эпоху глобальных вызовов и угроз.

Список использованной литературы:

1. *Бабурин С.Н., Небренчин С.М.* Кризис: Россия спасет мир? М.: АСТ, Астрель, 2009. — 320 с.
2. *Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Превосходство, присвоение, неравенство. М.: Научный эксперт, 2013. — 314 с.
3. *Благин А.* Апокалипсис наступит завтра. М.: Книга, 2013. — 432 с. Ил.
4. ВП СССР. Основы социологии. Постановочные материалы учебного курса. Том 2. М.: НОУ «Академия управления», 2011 г. — 304 с.
5. *Небренчин С.М.* Умозаключения русского сла (о) вянина: плодиться и сбиваться в стаю // <<http://rusmir.in.ua/rus/5201-umozaklyucheniya-russkogo-slovyanina.html>>. 21.03.2014>.
6. *Небренчин С.М.* Концептуальные измерения геополитики. М.: ФНиМБ, 1995. — 98 с.
7. *Небренчин С.М.* Метафизика безопасности. СПб.: Деятка. 2008. — 236 с.
8. *Небренчин С.М.* Приоритеты национального возрождения. М.: Юристлиб, 2010. // <http://www.juristlib.ru/book_8848.html>.
9. *Романов П.* Россия и Запад на качелях истории: в 4 т. / Петр Романов // Т. 1. От Рюрика до Александра I. СПб.: Амфора. ТИД «Амфора», 2009. — (Серия-Россия-Запад). — 511 с.
10. *Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Идеология экономической политики: проблемы российского выбора. Монография — М.: Научный эксперт, 2008. — 288 с.

Крах идеологии неолиберализма в современной России

Крылова И.А.

Аннотация

Показана взаимосвязь господствующей идеологии западного неолиберализма и основанной на ней экономической политики России. Проанализированы разрушительные процессы в различных сферах жизнедеятельности российского общества, порожденных неолиберальными реформами. Обоснована необходимость отказа

от идеологии неолиберализма, формирования новой государственной идеологии, корректировки социально-экономического развития и системы государственного регулирования в соответствии с общенациональными, а не частными интересами олигархических кланов и международного капитала в условиях нарастающего противостояния России с США и странами ЕС из-за Крыма и Украины.

Ключевые слова: Россия, идеология, государство, неолиберализм, реформы, демодернизация, сырьевая экономика, деиндустриализация, кризис образования и науки, продовольственная безопасность, вооруженные силы, национальный путь развития.

Summary

The relationship of the dominant ideology of Western neoliberalism and based on it economic policy of Russia is shown. The destructive processes in various areas of vital activity of Russian society, generated by neo-liberal reforms are analyzed. The necessity of the rejection of the ideology of neoliberalism, the formation of the new state ideology, the correction of the socio-economic development and the system of state regulation in accordance with national rather than private interests of oligarchic clans and international capital under conditions of the growing confrontation between Russia and the U.S. and the EU countries over the Crimea and Ukraine is substantiated.

Keywords:

Russia, ideology, state, neoliberalism, reforms, demodernization, resource-based economy, de-industrialization, crisis in education and science, food security, armed forces, national development path.

В любом обществе государственная политика опирается на определенную идеологию. Причем пропагандируемая властными структурами идеология способна управлять сознанием и поведением значительных масс людей. Во многих странах мира процесс развития национальной идеологии не только поддерживается, но централизованно инициируется государством (и в этих странах все показатели жизнедеятельности общества гораздо выше, чем в тех, где нет национальной идеологии). История свидетельствует о том, что передовые идеи могут быть движущей силой общественного прогресса, в то время как ошибочные — становятся его тормозом. В современной России объединение людей также происходит на основе предпочтения той или иной идеологической установки. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что в российском обществе идеологии нет вообще. Несмотря на то, что п. 2 13 статьи нашей Конституции запрещает наличие государственной идеологии в России, можно говорить как о существующем плюрализме идеологий, так и о государственной идеологии. По существу, это западный неолиберализм, который стал господствующей идеологией проводимых в России реформ, начиная с 1990 г.

Как известно, нашими «младореформаторами» в основу проводимой экономической политики был положен так называемый «Вашингтонский консенсус» — документ, разработанный Министерством финансов США и МВФ, соблюдение основных пунктов которого — приватизации, либерализации цен, внутренней и внешней торговли, жесткой монетарной политики — гарантировало получение

международных кредитов. «Эта идеология обещала ее приверженцам во власти быстрое обогащение в результате приватизации, либерализации цен и правового беспредела, — пишет академик, советник РАН О.Т. Богомолов. — Толпы американских советников наводнили наши министерства и ведомства, подсказывали решения и даже кадровые назначения. В одночасье в результате начавшихся реформ обесценились многомиллиардные накопления граждан и появились олигархи, не уступающие по богатству американским» [1, С. 676].

Отечественные экономисты — члены РАН — академики Л.И. Абалкин, Д.С. Львов, А.Д. Некипелов, В.Л. Макаров, Н.Я. Петраков, С.С. Шаталин, Ю.В. Яременко и др. неоднократно предпринимали попытки предупредить властные структуры (в 1996 г. — Б.Н. Ельцина, в 2000 г. — В.В. Путина) о возможных негативных последствиях курса «шоковой терапии» (который они считали ошибкой), и скорректировать курс реформ. Однако эти попытки не увенчались успехом. В результате экономике, промышленности (в первую очередь, обрабатывающей), науке, культуре, образованию, здравоохранению, сфере социального обеспечения и вооруженным силам Российской Федерации был нанесен колоссальный ущерб.

Показательно, что население России также считает проводимые неолиберальные реформы в стране ошибочными. Об этом свидетельствуют проведенные, в частности в 2009 г., социологические опросы Института социологии РАН: 47% россиян полагает, что государство, проводя ультралиберальные реформы, выражало и защищало интересы богатых; по мнению 44% респондентов, реформы проводились в интересах государственной бюрократии; и лишь 20% разделяют западные либеральные ценности [1, с. 676]. Причем российское общественное сознание в принципе отвергает капитализм как общественную систему, а модернизацию как «западный», а потому чуждый проект.

Анализ кризисных процессов в различных областях жизнедеятельности российского общества позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, продолжает углубляться примитивизация экономики и ее структуры, которая носит сырьевую направленность в силу особенностей «реставрированного» капитализма в России, когда крупная частная собственность в результате приватизации узким кругом лиц значительной доли государственного достояния сосредоточена преимущественно в сырьевых и энергетических отраслях, приносящих наибольшую прибыль. Поэтому, несмотря на то, что в качестве стратегического направления развития страны, Президент РФ обозначил переход России от нынешней «экономики трубы» на инновационный путь развития почти 40% ВВП Российской Федерации продолжает создаваться за счет экспорта сырья. Причем ВВП остался на том же уровне, что и в 1990 г. Но если, начиная «реформы», новая Россия экспортировала 50% сырья и минералов, а через 18 лет — более 85%, то ныне почти 90% валютной выручки нашей стране дают восемь природных ресурсов [2, С. 11]. То есть, ВВП растет лишь за счет нещадной эксплуатации природных ресурсов на фоне устойчивого роста миллиардеров и миллионеров и углубления социально-экономического сверхнеравенства в стране.

По данным академика А.Ю. Шевякова, доходы верхних и нижних групп населения в среднем по России различаются более чем в 30 раз, а по Москве — в 60 раз [6, С. 313]. Самая высокая годовая зарплата в нашей стране составляет от 150 млн

до 250 млн руб. — у председателей банков и их заместителей. При этом учителя в регионах получают 8–10 тыс. руб. в месяц. Доходы более 1 млн руб. имеют 200 тыс. семей в России [7, С. 681]. Причем данные о распределении бедных и богатых по регионам страны свидетельствуют о том, что дифференциация зарплаты в Ханты-Мансийском округе, например, достигает 1000 раз [6, с. 314]. Известно, что основу сверхдоходов составляет эксплуатация минерально-сырьевых ресурсов, которые мы «гоним» за рубеж. К сожалению, спустя двадцать лет у нас сохраняется созданная в 1990-е гг. экономическая модель, которая направлена лишь на извлечение и распределение сырьевой ренты.

Современную иерархию стран мира в рамках нового экономического порядка можно условно разделить на четыре категории стран. «Во-первых, это — «золотой миллиард» (постиндустриальные страны, пользующиеся всеми благами цивилизации, формирующие перспективный технологический уклад, определяющие функционирование мирового рынка, привлекающие внешние ресурсы для своего развития). Во-вторых, — «индустриальные доноры» (страны, обеспечивающие мировой рынок технологиями и продукцией, базирующейся преимущественно на результатах исследований и разработок стран «золотого миллиарда»). К третьей категории относятся так называемые «продуктово-ресурсные доноры» (страны, обладающие значительными природными ресурсами, прежде всего углеводородными энергоносителями, и обеспечивающие свое развитие за счет их продажи на мировом рынке, а также за счет реализации собственной продукции, выпускаемой по «отверточной технологии»). И, наконец, страны низшего индустриального порядка (с низким уровнем жизни, неспособные к самостоятельному выходу на траекторию современного развития)» [3, С. 649]. Причем нынешняя Россия относится к третьей категории — «ресурсных доноров», превращаясь фактически в мировой сырьевой придаток.

К сожалению, отечественный бизнес и чиновники (за малым исключением) не заинтересованы в модернизации и инновационном развитии России, предпочитая получать доходы от еще работающих предприятий советской эпохи и распродажи национальных природных богатств. Причем с присоединением России к ВТО модернизация, инновационное и технологическое развитие РФ станут практически невозможны (т. к. к нам повезут товары, а не технологии), т. е. будет закреплена сырьевая модель экономики. По расчетам Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН вместо экономического роста, Россия будет терять 1% ВВП или 7,2 млрд долл. в год [4].

Однако экономическая политика в нашей стране продолжает базироваться, по словам академика С.Ю. Глазьева, «на вере в некую волшебную силу рынка» [7, с. 681]. Этот рыночный фундаментализм формирует реализуемую политику монетаризма в денежной сфере, политику либерализации цен, политику приватизации и т. д., которая в корне противоположна научным рекомендациям, но выгодна российской элите, представленной крупным бизнесом и властью, а также аппаратом госчиновников.

Если в советский период на 300 млн населения приходилось меньше 1 млн чиновников, то на момент ухода Ельцина число госслужащих составляло 1 млн человек — на 140 млн населения, за последнее время их стало еще больше [8,

С. 608]. К сожалению, практика современной жизни определяется интересами именно этой влиятельной социальной группы. Поэтому игнорируются рекомендации отечественных ученых о необходимости корректировки социально-экономического развития России. (Этим в значительной мере объясняются нынешние нападки на Российскую академию наук и ее волюнтаристское «реформирование»).

Между тем, реализация доктрины рыночного фундаментализма «ведет к эскалации военно-политического напряжения и угрозе военных конфликтов в мире». Прогнозы, подготовленные в рамках концепции «длинных волн», экономических циклов Кондратьева свидетельствуют не только о нарастании новых волн кризиса и падения производства, но и усиливающихся рисков военно-политической конфронтации. По мнению академика С.Ю. Глазьева, сегодня «мы вплотную подошли к той черте, когда экономическая необходимость перехода к новому технологическому укладу угрожает новой войной...» [7, с. 683].

К сожалению, за годы нелиберальных реформ основной рычаг социальных преобразований — государственный механизм управления — у нас оказался разрушенным и пораженным чудовищной коррупцией. Неудивительно, что Россия входит в число замыкающих в рейтинге 150 стран по степени коррумпированности [1, с. 679].

Частный бизнес тоже не может стать главной движущей силой модернизации России, т. к. скомпрометировал себя жадной наживы, социальной безответственностью, аморальностью, пренебрежением национальными интересами и существующим правопорядком, что во многом объясняет криминализацию нашей экономики. По данным академика Н.П. Шмелева, если в бывшем СССР процент воровства достигал 12–14%, то ныне от 50 до 70%. Показательным является и то, что из Уголовного кодекса РФ сознательно исключена статья о конфискации имущества осужденных за крупное воровство и махинации [7, с. 681]. Неудивительно, что все вопиющие аферы, такие, например, как «дело Оборонсервиса», у нас заканчиваются обычно «ничем».

Поэтому сегодня в центре кардинального переосмысления идеологии нелиберализма в нашей стране стоит вопрос о роли государства в развитии экономики и модернизации российского общества.

Очевидно, что в нашей стране переход к эффективной инновационной экономике невозможен без усиления роли государства, модернизации государственного стратегического управления экономикой и социальной сферой на уровне федеральных и региональных высших органов законодательной, исполнительной, судебной власти, управленческой деятельности правительства, министерств и ведомств. Экономический подъем в стране невозможен в условиях проводимого социально-экономического курса. Необходимо инновационное социально-экономическое развитие в соответствии с общенациональными, а не частными интересами олигархических кланов и международного капитала.

Во-вторых, нелиберальные реформы 1990-х гг. привели российское общество в состояние глубокой деиндустриализации, способствовали не прогрессу, а регрессу, исчезновению целых отраслей промышленности и науки. В результате в России оказались разрушенными, в первую очередь, высокие технологии, определяющие НТП и технологическую независимость страны.

Разумеется, у нас еще сохранились наукограды, есть Сколково, созданы новые территориальные кластеры и даже технико-внедренческие зоны. Однако реального инновационного прорыва нет. Неудивительно, что Россия занимает лишь 120 место из числа 139 стран по позициям «внедрение высоких технологий» и «технологичность производства» в рейтинге стран по индексу глобальной конкурентоспособности за 2010–2011 гг. Для преодоления этого отставания необходима форсированная программа восстановления и развития промышленности — реиндустриализация.

Очевидно, что инновации невозможны без соответствующего развития сектора науки, которая согласно неолиберальной идее о перемещении академической науки в университеты, под видом «реформ» сознательно продолжает разрушаться (прикладную науку мы уже потеряли, теперь уничтожают фундаментальную). Между тем, ведущие страны мира не заинтересованы в усилении нашего научно-технического потенциала, т. к. невыгодно создавать себе в России конкурентов на мировом рынке по выпуску наукоемкой продукции. В результате, Россия становится фактически «сборочным» цехом западной техники, в то время как собственные предприятия «банкротятся» и закрываются.

По мнению экспертов, членство России в ВТО вызовет вытеснение национальных производителей международными корпорациями, уничтожение, либо резкое сокращение производства в большинстве отраслей промышленности: легкой и пищевой, производстве лекарств, медицинского оборудования, электроники, автопроме, гражданском авиастроении, производстве косметики, шин и многих других. В целом ущерб для экономики России по всем отраслям составит 1,5 трлн руб. В то же время политика, направленная на развитие науки, дала бы ныне России возможность присутствовать на 12–15% мирового рынка наукоемкой продукции, что принесло бы ей 130–150 млрд долл. в год [10, С. 138].

Поэтому сегодня необходима выработка и проведение государством инновационной научно-технической политики, создание таких экономических и правовых условий, которые стимулировали бы инновационную деятельность в сфере научно-технического прогресса. Требуется также формирование промышленной политики, цель которой — в достижении лидерства России в нескольких ключевых высокотехнологичных секторах мирового рынка.

В-третьих, в 1990-е гг. был широко распространен неолиберальный тезис о том, что собственное сельское хозяйство России не нужно, поскольку оно не способно решить проблему продовольственной безопасности. Ставка делалась на «фермеризацию» страны. Однако эта политика обернулась катастрофическим разрушением отечественного Агропрома, в результате чего оказалась подорванной продовольственная безопасность России.

Из международной практики известно, что при ввозе до 20% продуктов питания страна попадает в продовольственную зависимость и может утратить суверенитет. Ныне, как и в 1990 г., более 40% завозимого к нам продовольствия — это импорт. В Москве он составляет почти 80% [1, С. 680]. Такой характер обеспечения продовольственной безопасности можно обозначить как «нефть в обмен на продовольствие». Постоянная продовольственная зависимость в любой момент может оказаться настоящей катастрофой для страны. Например, если из-за ситуации

вокруг Крыма и Украины, наши западные «партнеры» перекроют к нам поставки продовольствия или «заморозят» наши валютные активы — Россия со своим двухмесячным импортным продуктовым запасом в одночасье может стать очередным Египтом.

К сожалению, отечественное сельское хозяйство до сих пор в упадке. Объем сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1990 г. сократился на 40%. Между тем, по данным Российской академии сельскохозяйственных наук, в результате присоединения России к ВТО, может быть полностью уничтожен отечественный Агропром, который, будет терять 4 млрд долл. ежегодно [4]. Причем зависимость России от импорта продовольствия еще более возрастет (как в Украине). Мы будем покупать значительно больше, чем продавать на 7,3 млрд долл. [9]. Одним из негативных последствий является также скупка российских сельскохозяйственных земель и предприятий Агропрома крупными иностранными компаниями. Уже сегодня около 40–45% отечественного зернового рынка находится под контролем ТНК. Все это свидетельствует о необходимости сохранения права России выхода из ВТО и выработки национально ориентированной аграрной политики с прямым участием государства и государственных финансовых институтов. Рост отечественного сельхозпроизводства может привести к резкому подъему 7–8 отраслей российской экономики: машиностроения, строительства, химической индустрии, легкой и перерабатывающей промышленности и сферы услуг.

В XXI веке России для обеспечения продовольственной безопасности необходим возврат к традиционному для нее продовольственному самообеспечению (на основе восстановления объемов сельскохозяйственного производства, продовольственного потенциала и стратегических запасов). Причем надо добиться ежегодного прироста объемов продукции сельского хозяйства не на 1–2%, как в мире, не на 2–3%, как ныне в России, а на 7–10%, как в современном Китае. Речь идет, по существу, о переходе к инновационной модели развития сельского хозяйства. Целесообразным также представляется создание в противовес «мировому» — Евразийского аграрного рынка, в который могли бы войти все заинтересованные страны.

В-четвертых, начиная с 1990-х гг. неолиберальные реформы в сфере военного строительства значительно подорвали оборонный потенциал страны и привели к снижению боеспособности вооруженных сил РФ. Процесс модернизации и реформирования вооруженных сил России фактически приобрел непрерывный характер: «около 20 лет идет их преобразование. Каждый новый министр обороны и начальник Генерального штаба, приступая к исполнению своих обязанностей, объявляет очередную перестройку ведомства на свой лад, — подчеркивает вице-президент Академии геополитических наук, доктор военных наук К. Сивцов. — Однако начатая в 2008 году военная реформа (А. Сердюкова) в нашей стране превосходит по степени сокрушительности все предыдущие, включая ельцинский погром вооруженных сил» [11].

В значительной степени это объясняется тем, что последние два десятилетия в отечественной военно-политической мысли господствуют неолиберальные концепции (которые продолжают навязываться руководству страны), о необходимости ускоренного военно-политического сближения России и стран НАТО (вплоть до вхождения нашей страны в этот блок) и об отсутствии с их стороны прямых воен-

ных угроз для России. При этом ссылаются на то, что в XXI веке основную военную угрозу для России представляет Китай, локальные военные конфликты и международный терроризм. Хотя события особенно последних двух лет свидетельствуют о том, что Россия стала объектом «мягкой» агрессии, как по периферии ее границ, так и в плане слома существующего стратегического паритета, а также объектом внешней вооруженной агрессии так называемого «панмусульманского проекта», который поддерживает ваххабитское движение на всей российской территории. Очевидны и предпринимаемые усилия США добиться значительного превосходства над Россией в военно-технической сфере не только путем развертывания наиболее перспективных военно-технических программ, но и дипломатическим путем, навязывая России выгодные для себя договоренности в сфере ограничения стратегических и общих вооружений.

Можно выделить два неолиберальных подхода к проведению реформ вооруженных сил Российской Федерации. Во-первых, это «концепция уклонения» от прямых вызовов России. Ее сторонники считают, что односторонние политические уступки Российской Федерации должны убедить страны НАТО в миролюбии России, что поможет принять ее в качестве равного им партнера. Отсюда делается вывод, что вооруженные силы РФ необходимо строить, ориентируясь только на отражение локальных угроз и на борьбу с терроризмом, сохраняя ядерную компоненту лишь как средство глобального сдерживания.

На практике реализация такой политики уже привела к постоянному вмешательству во внутренние дела России и ущемлению наших национальных интересов. В нарушение всех договоренностей блок НАТО не только вошел в зону СНГ (которая рассматривалась как зона интересов России), но началось развертывание системы американских ПРО практически у наших границ.

Второй подход основан на монетаризме. Он заключается в том, что военную реформу следует «вписывать в военный бюджет», который не должен выходить за рамки «научно обоснованного процента от ВВП». В реальности, данная концепция служит оправданием многолетнего недофинансирования Вооруженных сил РФ, которое привело их к острейшему системному кризису [12].

Основой дальнейшего развития вооруженных сил должна стать научно-обоснованная Военная доктрина РФ, Концепция строительства вооруженных сил и новая Концепция национальной безопасности, в которой необходимо четко определить возможные военные (и невоенные) угрозы и пути их отражения. Вооруженные силы должны стать неотъемлемым силовым элементом российской политики, наличие и модернизация которых вынудит любого вероятного противника считаться с позицией России, особенно сейчас в условиях конфронтации с США и странами НАТО из-за Крыма и Украины.

Таким образом, кризисные процессы в различных сферах жизнедеятельности российского общества свидетельствуют о крахе идеологии неолиберализма, которая противоречит базовым российским цивилизационным ценностям, и о неадекватности проводимых реформ назревшим задачам общественного развития. В России налицо раскол между неолиберальной идеологией властей и стремлением к выдвиганию национально идентичной идеологии народом. Причем существует непосредственная связь между отсутствием государственной идеологии в стране

и стратегическим тупиком, в котором оказалась Россия. Поэтому на смену неолиберализму должна придти государственная идеология, способная консолидировать общество, развить национальное сознание и побудить нацию на возрождение России. Очевидно, что Россия нуждается в иной парадигме развития и модернизации, отличной от той, что предлагает «западный проект», а значит, и в иной государственной идеологии. «В мире, в отличие от России, идет постоянный процесс совершенствования идеологий, целью которых является не только формирование максимально благоприятного облика (и ценностей) другими странами. Отказ России от идеологии вовсе не означает, что и другие страны также отказались от нее, — справедливо пишет Р.И. Соколова. — Напротив, такие идеологии, как, например, радикальный ислам и радикальный либерализм, стали главным и эффективным инструментом политической борьбы и защиты национальных интересов. Россия же опять оказалась в положении догоняющей, и не только в экономике и технологиях, но и в общественных науках, т. е. стала аутсайдером как в инновациях, так и в идеологии» [13, с. 21]. Думается, что Президент РФ должен дать, наконец, политическую оценку прошедшему двадцатилетию. Конечно, присоединение Крыма и Севастополя к России отчасти вернуло доверие наших граждан к власти. Но это доверие легко потерять, если не будут решаться внутренние «наболевшие» проблемы в самой России, если не будет изменен вектор социально-экономического развития страны.

Надо сказать, что в условиях углубляющегося экономического и финансового кризиса в США и Европе уже начался процесс переосмысления неолиберальной идеологии и поисков «третьего пути», примером которого служит сегодня китайская модель модернизации, которую сами китайцы называют «социализмом с китайской спецификой» (что подразумевает баланс государственной и частной собственности в экономике). Речь идет фактически о теории конвергенции, предполагающей сочетание сильных сторон социалистической и капиталистической рыночной экономики. Как известно, в 1960–1970-е гг. ее отстаивали нобелевские лауреаты Я. Тинберген и А.Д. Сахаров. Ныне, по мнению, в частности, нобелевского лауреата Дж. Стиглица [14] и ученых РАН — академиков О.Т. Богомолова [1, с. 676–677], М.Л. Титаренко [7, с. 681] и др. она вновь становится актуальной. В связи с этим возникает вопрос, должна ли Россия искать свой национальный путь развития, как в Китае? Однако для этого нужна новая государственная идеология.

Как правило, в основе обращения к национальной идеологии лежит два фактора: во-первых, осознание угрозы распада общества; во-вторых, массовое недовольство существующим социально-экономическим строем [15]. И то, и другое в России налицо. «Современные идеологии в той или иной мере включают в себя комплекс значимых политических, нравственных, эстетических, правовых и др. идей, а также образ идеального состояния общественной жизни, — пишет И.А. Гобозов. — В ней содержатся оценки и критика существующего устройства общества, а нередко и стратегический план движения к будущему» [16, с. 212].

Вопрос в том, хватит ли российским властям политического мужества и государственной мудрости отказаться от идеологии неолиберализма и разработать такую национальную стратегию развития, которая обеспечила бы достойную жизнь

населению и могущество самого российского государства? Способна ли власть мобилизовать общество на ее реализацию? Думается, что в интересах развития России Президенту Российской Федерации предстоит провозгласить приоритет прав и интересов общества и взять на себя ответственность за дальнейшее развитие страны. В противном случае Россия, по-видимому, обречена на дальнейшую демодернизацию, деградацию и даже территориальный распад государства.

Список использованной литературы

1. Богомолов О.Т. Проблемы использования неэкономического потенциала модернизации // Вестник РАН. 2013. № 8. С. 675–680.
2. Россия, глобальная экономика / Интервью с Гринбергом Р./ Мир и политика. 2009. № 10.
3. Михайлов О.В. Ключевые проблемы и решения модернизации России // Вестник РАН. 2013. № 7. С. 649–652.
4. См.: Последствия вступления России в ВТО. Развернуто // <<http://stop-vto.ru/2011/11/16/posledstvia-vstupleniya-rossii-v-vto-razvernuto/>>.
5. Арсеньев И. Рынок интеллектуальной собственности и его оптимизация // Наука. Культура. Общество. 2005. № 1. С. 187–191.
6. Шевяков А.Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. № 4. С. 304–314.
7. Институциональная экономика отвергает рыночный фундаментализм. Обсуждение научного сообщения // Вестник РАН. 2013. № 8. С. 681–684.
8. Общественное и индивидуальное: возможна ли гармония? Обсуждение научного сообщения // Вестник РАН. 2010. № 7. С. 606–608.
9. Вступление России в ВТО. Сравнительная таблица // <<http://stop-vto.ru>>.
10. Косов Ю., Фокина В. Политическая регионалистика. СПб., 2009.
11. <<http://www.km.ru/v-rossii/2013/01/22/armiya-i-oboronosposobnost-rossii/702081-chadovishnye-posledstviya-reform-ser>>.
12. См. подробнее: <<http://svgbdvr.ru/bezopasnost/posledstviya-reformy-porderdyukovski>>.
13. Соколова Р.И. Сможет ли Россия выжить без идеологии? // Философские науки. 2014. № 1. С. 20–30.
14. Stigliz J. Ideological Crisis of Western Capitalism // <<http://www.project-sidicate.org/series/>>.
15. См.: Крылова И.А. Национальная идея и будущее России // Национальная идея России: материалы Всеросс. науч. конф., 12 ноября 2010 г., Москва. М., 2011. С. 201–216.
16. Гобзов И.А. Социальная философия. Учебный словарь. М., 2008.

Государство в системе современных ценностей России

Белозеров В.К.

Аннотация

В статье ставится вопрос о месте государства в системе ценностей России и ее граждан. Дается оценка трансформации государства как политического института в современном мире, анализируются последствия дисфункции государства. Автором обосновывается тезис о том, что в России государство всегда является объектом деструктивного воздействия и его разрушение является губительным для общества.

Summary

The article questions the government's place in the value system of Russia and its citizens. It assesses transformation of the government as a political institute in the contemporary world. It analyzes the consequences of government's dysfunction. The author proves that in Russia government has always served as an object of destructive influence and its collapse could lead to disastrous results for the society.

Ключевые слова: Государство, ценности, борьба с государственностью.

Key words: *the government, values, the drive against statehood*

Недавние события на Украине, близкой нам духовно и территориально, при всей их трагичности и неоднозначной оценке, являются наглядной иллюстрацией того, что может произойти со страной, когда государственные институты перестают нормально функционировать. Многоговорящим для специалиста-политолога является и факт вызванного указанными событиями резкого роста в России патриотических (в том числе — ура-патриотических) настроений и рейтинга роста главы государства.

Указанное обстоятельство, равно как и другие, вновь ориентируют на осмысление присущей современной эпохе трансформации роли государства, его статуса как политического института.

В России указанный процесс трансформации имеет свою специфику. По крайней мере, в повседневной жизни можно обнаружить антиномию в массовом политическом сознании россиян, отраженную Александром Розенбаумом в одной песне:

Я родину люблю свою;

Но государство ненавижу.

Дает ли такая оценка основание утверждать, что в России народ традиционно отторгает государство в принципе и ценностью для граждан страны оно не является? При этом официальные оценки фиксируют иное положение дел. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года констатируется, что в стране в настоящее время «укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей — свободы и независимости Российского государства, гуманизма,

международного мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма» [8].

Вообще, к ценностям принято относить материальные и духовные явления и блага, необходимые человеку и обществу для комфортного бытия, приобретением которых удовлетворяются потребности. Национальные ценности — это то, к чему нация стремится всегда, при любых условиях. Думается, при всей критике в отношении проводимой государственной политики и действий и образа мыслей тех или иных представителей российской политической элиты следует отделять вопрос о ценности государства как такового, как условия бытия народа, в онтологическом смысле, от дискретных, привязанных к конкретному периоду содержания и результатов проводимой государством политики.

Предварительно следует отметить то, что государство может быть охарактеризовано как «политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости» [10, с. 37].

В процессе трансформации государства в глобальном плане сегодня можно выделить несколько измерений (внутри — и внешнеполитических). Отметим лишь некоторые явления и процессы:

- появление многочисленных негосударственных (в том числе выдающих себя таковыми) наднациональных акторов в лице транснациональных корпораций, частных военных компаний, террористических и экстремистских, «правозащитных» и иных организаций, крупнейших медиа-корпораций, финансовых олигархических «клубов» и др. Некоторые из них обладают такой мощью и влиянием, что не просто успешно конкурируют с государствами, в том числе достаточно развитыми, но и прямо навязывают им свою волю, ставят задачи правительствам или же свержают их;
- появление внутри государств — прежде всего, относящихся к евроатлантической цивилизации — целого ряда малочисленных, однако высокоактивных и организованных и сплоченных социальных групп, претендующих не просто на самостоятельную политическую роль и требующих считаться с собой, но добивающихся привилегированного и доминирующего положения в политической системе. Так, ряд западных государств в настоящее время переживает период резкой политической активизации сексуальных меньшинств;
- появление внутри государств групп интересов, групп давления, лоббистских группировок, которые, не неся реальной ответственности за положение дел в государстве, успешно реализуют свои узкие интересы;
- изменение статуса территории и границ государства вследствие глобализации и развития информационного общества, чем снимаются препятствия для перемещения капитала, информации, человеческих ресурсов и др.;
- утрата де-факто монополии государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН на обладание ядерным оружием;
- быстрое размывание института нейтралитета государств.

Изложенного, думается, достаточно для констатации того, что традиционное западное государство находится в серьезном кризисе.

Следует также отметить, что этот кризис развивается на определенном фоне. Такими «фоновыми» условиями выступают:

- радикализация — в результате «арабской весны» или насильственного свержения — политических режимов, находящихся в непосредственной близости от Европы и России;
- распада и аномии ряда государств мира, откуда исходят угрозы для всей человеческой цивилизации, однако в первую очередь — для т. н. «золотого миллиарда». Характерно, что глава МВД Украины Арсен Аваков недавно сравнил сложившееся после смены власти положение дел в своей стране с Сомали, которая, как известно, является типичным примером несостоявшегося государства;
- стремления ряда стран (России, Китая и др.) устоять перед внешним давлением и сохранить и отстоять свою идентичность, традиционный уклад жизни и политическое устройство, укрепить государство.

Поучительно будет напомнить и то, что Европа после Второй мировой войны пережила период, когда на фоне роста социально-экономического благосостояния, улучшения условий жизни народных масс обосновывалась возможность безгосударственного политического устройства жизни общества. Государство тогда, согласно распространенному мнению, расценивалось, прежде всего, как инструмент насилия, препятствующий нормальному развитию общества, как ограничитель свободы. Однако подобные теоретические выкладки были непродолжительными, они оказались неуместными в условиях студенческой революции 1968 года во Франции и других странах.

Разгул человеческой стихии побудил интеллектуалов на Западе задуматься о роли государственного насилия регламентации жизни общества. Вновь было признано то, что государство — необходимое зло, и его роль состоит и в сдерживании агрессивных устремлений человеческой природы. Характерны в этой связи рассуждения французского исследователя Жака Рансьера: «И, может быть, тогда следует вновь продумать смысл демократического разделения, предположив, что политическая война партий и социальная война между бедняками и богачами, с окончанием которой мы поздравляли друг друга — и сама по себе, и в своем конфликтном сплетении — обладала плохо понятыми нами свойствами исцелять от радикального зла. Дело выглядит так, будто война между бедняками и богачами на свой лад умиротворяла бы более архаическую войну» [7, с. 56–57]. Заключительный тезис в приведенном тексте представляет особую ценность, поскольку отражает признание того факта, что государство есть необходимое зло, и его роль состоит в том числе в сдерживании агрессивных устремлений человеческой природы. Ввиду невозможности искоренить подобную архаичность, ее следует направить, каналировать в безопасное русло. Цивилизовать человеческие отношения до сих пор удавалось только государству, и примера другой жизнеспособной формы политической организации общества история до сих пор не дает. Прежние политические образования (например, военная демократия) результатом своего развития все равно имели государство.

Именно государство обеспечивает выход агрессивных устремлений человека в безопасной для других форме, прежде всего, посредством установления рамок для столкновения различных мнений и выработки общей для нации позиции. Рансьер, осмыслив массовые волнения в Европе в 60-е годы прошлого века, признал:

«Столкнувшись с возвращением животного обличья политики, демократическая добродетель доверия воссоздает полемическое пространство общего (здорового) смысла» [10, с. 95].

Государство в этих условиях призвано выступать как институт, предотвращающий «войну всех против всех» и основанный на признании того, что, как писал Гегель, «содействие анархии является высшим, вернее, единственным преступлением против государства...» [2, с. 153]. В подобном ключе оценивал опасность анархии не только Гегель, но и другие мыслители. Так, вполне обоснованным представляется утверждение Макса Вебера о том, что «если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие «государства», *тогда* наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией» [1, с. 645].

Разумеется, интересы недопущения государством узурпации власти требуют наличия контрагента. Ведь для государственной власти необходимость не допустить охлоса и анархии — в том числе посредством тотального контроля, борьбы с инакомыслием — часто более очевидна и приемлема, нежели создание условий для полноценного участия граждан в политической жизни. Опасность же для заключается в том, что часто подобная «...политическая иллюзия ищет не власти, она жаждет *сверхмогущества* и разрушает в своей чрезмерности уж созданное, т. е. то, что не есть она сама» [9, с. 243].

Отсюда нельзя отрицать необходимости позитивного и конструктивного участия в политике институтов гражданского общества, выступающего в качестве универсального инструмента сдерживания деспотизма государства. Вместе с тем будет самообманом считать гражданское общество исключительно «белым и пушистым». Ведь именно в его недрах, как показывает политическая практика, рождаются и устойчивые асоциальные образования в виде экстремистских и террористических организаций, криминальных сообществ и многого другого, существование которых напрямую связано с человеческой природой. В этой связи представляется обоснованным утверждение Вебера о том, что «успешная политика всегда является «искусством знать границы возможного» (если, конечно, правильно понимать это)» [1, с. 572].

Хотелось бы обратить особое внимание и на важность адекватной оценки перспектив не некоего абстрактного государства, а государства Российского, оценки его места в системе ценностей нации. Думается, здесь может оказаться продуктивен краткий ретроспективный обзор отечественной политической истории.

Даже беглый анализ позволяет понять, что в России приоритетным объектом для деструктивного воздействия извне обычно выступает институт государства. Как показывает многовековой опыт развития страны, угроза ее существованию в качестве целостного, централизованного и самостоятельного государственного образования имела место практически на протяжении всей ее истории. Иноземные нашествия грозили не просто завоеванием, утратой независимости, людскими материальными потерями, но и ставили под вопрос само существование страны. Интересы противостояния требовали консолидации народа, что понимали и простые люди.

На заре русской государственности даже в условиях острых социальных противоречий и феодальной раздробленности в обществе была сильна идея за-

щиты родной земли и ее единства, что воспринималось как необходимое условие благосостояния народа и обеспечения безопасности страны. Так, автор «Слова о полку Игореве», воспринимая Русь как целостное и единое образование и переживая междоусобицы, прямо указывает на последствия для страны распрей среди князей: «Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». ...А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую». Население Руси ожидало от своих политических руководителей создания условий для безопасности и благополучия. В «Слове...» содержится прямой упрек князьям, указание на их ответственность и последствия раздоров: «Вы же своими распрями побуждали поганых нападать на землю Русскую...».

Интересно, что в понятие Родины, Отечества в нашей стране испокон веков входили семья, армия, государство и многое другое, представляющие собой органичные и взаимодополняющие элементы единого целого. Традиция же понимания Родины не только как территориального образования идет из глубины веков. Оказывается, как отмечал академик Дмитрий Лихачев, издревле под Русской землей принято было понимать не только Русскую страну, но и русский народ и русское войско [5, с. 3].

Массовое сознание в России сориентировалось на сильную государственную власть, в обществе сформировались патерналистские установки, защиту же от военных и иных угроз население связывало прежде всего с государством. Характерно, что отечественный историк Н.И. Костомаров в качестве главной черты русской души выделял ее стремление «к воплощению государственного тела» [4, с. 273]. Одним из высших смыслов русской ментальности стала и ответственность за обладание огромным пространством, за его обустройство, сохранение единства и стабильности, обеспечение безопасности. Отметим, что создавать в трудный час для защиты Родины по инициативе самих граждан, без указки сверху, ополчения и партизанские формирования способны далеко не все народы.

Поведенческие установки населения, связанные с ориентацией на сильную центральную власть и закрепленные в исторической памяти народа, не раз оказывались востребованными. По заключению Александра Панарина, «опыт всех смутных эпох в России доказал, с какой готовностью извечные ее оппоненты пользуются ослаблением Российского государства и питающей его духовной традиции» [6, с. 27]. Подтверждением возможности ослабить или разложить российскую государственность изнутри может служить и вывод немецкого философа войны Клаузевица, который после Отечественной войны 1812 года пришел к убеждению о том, что «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров» [3, с. 414]. Ставку на раскол народов нашей страны, как известно, делало и руководство нацистской Германии, принимая решение о нападении на Советский Союз. Настораживает то, что, как показывают проводимые исследования, специфика разлагающего воздействия на Россию в настоящее время принципиально не изменилась: основная ставка по-прежнему делается на разложение духовных скреп нации [11].

Следует обратить внимание на то, что если на Западе происходило обрушение правительственных структур, то государственность сохранялась благодаря разви-

тым институтам гражданского общества. В России таких условий не было и нет. Если в нашей стране происходит свержение центральной власти, то наступает хаос, льется кровь, встает угроза самому существованию нации. Смута на рубеже XVI–XVII вв., эпоха революций и гражданской войны — впечатляющее и наглядное тому подтверждение. В этих условиях для захвата власти в России достаточным может оказаться свержение центрального правительства. Схожим образом при захвате власти события развивались на наших глазах Украине.

В завершение хотелось бы отметить следующее.

Государство и сегодня остается безальтернативной ценностью российской нации.

Вопрос о том, как государство в России в новых условиях должно работать на благо всего народа как политической целостности, нуждается в дальнейшей научной проработке. Однако все же хотелось бы напомнить следующее предостережение: «Вследствие того, что народ не имеет больше силы или воли удержаться в сфере политического, политическое из мира не исчезает. Исчезает только слабый народ» [10, с. 54].

Список использованной литературы

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978.
3. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1936. Т. 2.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993.
5. Лихачев Д.С. Золотое слово русской литературы // Слово о полку Игореве / Вступ. ст. и подготовка древнерусского текста Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987.
6. Панарин А.С. Завещание трагического романтика // Москва. 2001. № 7.
7. Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006.
8. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. 19 мая.
9. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006.
10. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.
11. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М.: Научный эксперт, 2009.

Экономическая идеология в современных условиях

Перская В.В.

Тезисы.

1. Неолиберализм — теория обоснования приоритетов глобального над национальными интересами, *это базовая идеологическая детерминанта формирования монополярной конфигурации мирового сообщества в период трансформационных преобразований социально-экономических систем.*

В конце 80-х годов прошлого века мировое сообщество, и в первую очередь, развитые страны усилили консолидированные расходы на обретение преимуществ в военном и экономическом противостоянии со странами социалистического лагеря. Это был этап подготовки результатов «холодной войны», отвечающих интересам стран Запада и выработки согласованных императив формирования новой геоэкономической модели мирового хозяйства в условиях прекращения существования как таковой социалистической системы хозяйствования, поскольку экономика стран социализма стремительно стала терять конкурентные позиции на мировом рынке. Командно-административная система не способствовала так же росту жизненного благосостояния населения стран, обостряя центробежные тенденции в государствах Центральной и Восточной Европы, а так же и собственно со стороны республик СССР

2. В 90-е годы прошлого века разрабатывается и принимается «Вашингтонский консенсус», базирующийся на десяти основных принципах, представляющих собой *квинтэссенцию неолиберальной модели.* Он дополняется императивами *Поствашингтонского консенсуса*, который одновременно с обозначением в качестве целей социально-экономического развития наций, сохранения экологической среды и ликвидации диспропорциональности уровня доходов, предполагает содействие демократизации общества на основе унификации демократических стандартов.

3. Содержательная часть неолиберализма в сфере мировой экономики может быть сведена к следующим императивам:

- 1) **бюджетная дисциплина** (крупный и устойчивый бюджетный дефицит способствует инфляции и бегству капитала; следовательно, правительства должны удерживать его на минимальном уровне);
- 2) **приоритеты общественным расходам** (субсидии должны быть сокращены или отменены вовсе; правительственные затраты должны быть перенаправлены на образование, здравоохранение и развитие инфраструктуры);
- 3) **налоговая реформа** (база налогообложения должна быть широкой, а предельные ставки налогов должны быть умеренными);
- 4) **процентные ставки** (внутренние финансовые рынки должны определять размеры процентных ставок данной страны; позитивные реальные ставки процента препятствуют бегству капитала и увеличивают накопления);
- 5) **обменные курсы валют** (развивающиеся страны должны принять «конкурентные обменные курсы, которые будут стимулировать экспорт»);

- 6) **либерализация торговли** (тарифы должны быть минимизированы и никогда не должны применяться по отношению к промежуточным товарам, необходимым для производства экспорта);
- 7) **прямые иностранные инвестиции** (зарубежные капиталовложения могут предоставить необходимый капитал и квалификацию, а потому должны поощряться);
- 8) **приватизация** (частная промышленность функционирует более эффективно, поскольку управляющие или имеют прямую личную долю в прибылях предприятия, или подотчетны тем, кто ее имеет; государственные предприятия следует приватизировать);
- 9) **дерегулирование** (избыточное правительственное регулирование может способствовать коррупции и дискриминации более мелких предприятий, не располагающих широким доступом к высшим эшелонам бюрократии; правительства должны дерегулировать экономику);
- 10) **права собственности** (права собственности должны быть укреплены; слабые законы и плохая правовая система снижают стимулы к накоплению и аккумулятиванию богатства⁹).

4. Первоначально предполагалось, что положения неолиберализма должны были быть положены в сферу трансформирования национальных экономик стран переходной экономики, и определить их степень участия в мировом хозяйстве в соответствии с преобладающими трендами в поступательном развитии промышленно развитых стран.

В начале 1980-х годов в США принимаются законодательные акты, направленные на содействие выносу производственных предприятий за национальные границы, при этом обеспечиваются таможенно-тарифные льготы на ввоз в США продукции, произведенной выведенными хозяйствующими субъектами. Экономический рост стал расцениваться в качестве производного от оздоровления финансов.

Монополярная конфигурация мирового хозяйства основана на трехуровневой его организации — страны постиндустриальные (где свыше 75% ВВП формируется услугами); государства, где сконцентрирован материальный сегмент формирования мирового валового продукта и страны, которые выступают в качестве ресурсного сегмента мировой экономики, включая кадровый потенциал. В этой связи, как подчеркивают специалисты Института Дальнего Востока РАН¹⁰ такие государства как США, Евросоюз и Япония не заинтересованы в обеспечении «исторического подъема» России, в поступательности процесса трансформирования мирового хозяйства в многополярную конфигурацию. *Только Россия должна сама идентифицировать себя в мировом сообществе и определить свои приоритеты, ценностные ориентиры и обеспечить их реализацию как национальный интерес всей страны.*

5. Именно в конце прошлого века получает подтверждение идея «постиндустриального» развития, критерием которого является уровень производства ВВП

⁹ (What Washington Means by Policy Reform // Williamson J. Ed. Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Washington: Institute for International Economics, 1990).

¹⁰ См. Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. М., 2008. С. 21–27.

за счет услуг. Отсюда специализацией в рамках мирового хозяйства на основе международного разделения труда для стран переходной экономики определяется сегмент ресурсов, включая трудовые.

Характерным для того периода является так же и то, что унификация подходов в рамках названных международных экономических организаций ко всем странам, исходя из четко стандартизированных критериев предполагаемого места страны в мировой экономике, создала предпосылки существенного изменения кадрового состава этих организаций в сторону снижения доли профессиональных экономистов и замещением их специалистами — управленцами и представителями спецслужб.

В качестве следствия широта интересов работников этих международных организаций напрямую затрагивала национальную безопасность, в т.ч. экономическую, и влияла на формирование государственной политики и идеологию развивающегося бизнеса в странах — объектах внимания международных экономических организаций, в соответствии с доктриной монополярной конфигурации мирового хозяйства.

6. В этот же период существенно трансформируется роль международных экономических организаций, выполняемых их функций на макро- мезо- и микро-уровнях. Они выступили в роли *транснациональных координаторов* и «системных операторов» формирования монополярной системы функционирования мировой экономики, реализуя политику унифицированного подхода к отдельным странам и способствуя их (используя экономические и неэкономические инструменты) переходу во второй или третий уровни производства мирового ВВП. В мировой экономике стала преобладать идеология доминирования глобальных интересов над национальными, чему способствовало последовательное снижение роли и функций национальных государств в регулировании социально-экономической политики отдельных стран.

Реализация положений неолиберальной модели развития экономики в условиях формирования монополярной конфигурации мирового сообщества обеспечивались, в первую очередь, *так называемым «добровольным» открытием национальных экономик по отношению к внешнему миру, введением рыночных свобод во внутренних и внешних отношениях, обеспечением макроэкономической стабильности путем жесткой монетарной политики и приватизации государственной собственности.*

При этом должны были создаваться максимально благоприятные условия для глобального функционирования рынков при фактически резком уменьшении роли национальных государственных институтов. Фактически речь шла о формировании трехуровневого мирового хозяйства, где странам «семерки¹¹» (во главе с США) была отведена роль развития третичного сектора экономики — инноваций, высоких технологий, сегмента услуг, фармацевтики, биохимии и пр. в процессе создания мирового ВВП. Такие государства, как Бразилия, Китай, Индия, Индонезия

---

¹¹ Предполагалось, что страны ЕС будут фигурировать как единый внешнеэкономический и внешнеполитический организм. Это и было обеспечено Лиссабонским договором от декабря 2007 г. и подтвержденным соответствующими референдумами стран ЕС, последний из которых состоялся в конце 2009 г.-В.П.

и Аргентина, Чили и др. — сегмента собственно производства тяжелой и легкой промышленностей, выпуска машинотехнической продукции, в т.ч. на основе высоких технологий мировых лидеров. При этом данные страны обладают большой численностью населения, квалификационная подготовка которого осуществляется в странах «высшего эшелона» или на базе разработанных ими стандартов. Но обращает внимания тот факт, что выносились производства или технологические линии максимально четвертого технологического уклада в страны «второго эшелона». Они требуют постоянной модернизации и технологической реновации, поскольку, как правило, не соответствовали экологическим стандартам современного мира.

7. Группа стран, в т. ч. Россия и государства постсоветского пространства, должны были в условиях монополярности исполнять роль поставщика ресурсов, включая трудовой потенциал и качественный человеческий капитал.

Именно данная иерархическая система и была названа **глобализацией мировой экономики**, отвечающей, в первую очередь, интересам промышленных стран. Она базировалась на последовательной утрате функций и роли национальных государств при проведении политики всемерной либерализации движения факторов производства и унификации правовых норм в мировом хозяйстве.

Национальные экономические интересы стран второго и третьего уровней модели игнорировались под предлогом достижения более важной задачи — устойчивого мирового развития.

Вопросы справедливого распределения мирового ВВП или создания условий для социально ориентированной экономики практически стали не достижимыми для всех государств, кроме «элитарной семерки».

Таким образом, существующая концепция мирового хозяйства, основанная на неолиберальной теории, — есть *обоснование развития его однополярности*, где международные императивы общественной жизни и хозяйственной деятельности определяются интеллектуальной элитой постиндустриальных стран.

И это правящая элита страны, обладающей самым высоким потенциалом в экономической, научно-технической и военной сферах и имеющей динамические показатели роста, т. е. США. Именно США взяли на себя роль «разработчика» для мирового хозяйства наиболее устойчивой модели национального развития и подготовки соответствующих кадров управленцев, экономистов и политиков для развитых, трансформационных и развивающихся стран¹². При этом полностью игнорируется факт того, что не все страны и народы согласны с предлагаемой из «единого мирового центра» их идентификацией, и что предложенные ценности противоречат традиционным устоям, религиозным канонам, обычаям и нравам отдельных наций и территорий.

8. Исключительно самоидентификация нации в мировом сообществе — это источник успешности реализации ее национальных интересов в условиях перехода к многополярности. Отсюда необходимо повышение национальной конкурентоспособности — это фактор обеспечения не только национального поступательного развития и снижения социального расслоения, ликвидации диспропорциональности доходов и дифференциации уровней территориального развития внутри страны, но

¹² Приоритеты и ценности социально-экономической политики стран Евросоюза. М.: Изд. РАГС, 2008. С. 272–278.

и условие обеспечения регионального устойчивого развития, формирования предпосылок достижения сбалансированности в многополярном мировом хозяйстве.

Для России задача обеспечения национальной конкурентоспособности — это решающее условие успешности вхождения в многополярный мир, позволяющее эффективно диверсифицировать экспортную деятельность и обеспечить решение глобальных стратегически важных задач, отвечающих национальным интересам.

Национальная конкурентоспособность — это условие достойного противостояния глобальным рискам, инспирированным извне, и получающим развитие в национальном хозяйстве в силу высокой зависимости национальной экономики России от экспорта минерально-сырьевых ресурсов.

В этой связи использование программно-целевого подхода нам представляется как наиболее отвечающее задачам повышения эффективности национальной экономики, решения вопросов, отвечающих национальным приоритетам развития.

Целевая программа — это система взаимоувязанных по целям, ресурсам и срокам мероприятий, обеспечивающих реализацию приоритетов в заданные сроки с наилучшим эффектом. Это сердцевина стратегического управления и выполняет в условиях рыночного хозяйствования функции: выявление узловых точек (приоритетов) развития, концентрацию сил и ресурсов для решения ограниченного числа задач; взаимную увязку программ между собой и с остальными блоками экономики¹³

9. В современных условиях усиления заинтересованности развитых стран в сохранении за Россией специализации в мировом хозяйстве на поставки сырьевых ресурсов, программно-целевой метод используется в первую очередь в США, как действенный инструмент обеспечения повышения национальной конкурентоспособности, своего доминирующего положения в мировом сообществе в условиях возрастающей глобальной турбулентности в международных экономических отношениях и как системный элемент мер борьбы за сохранение монополярности мировой экономики.

Например, в программе формирования механизмов, адаптированных для национальной экономической стратегии в целях обеспечения конкурентоспособности экономики страны — как целевого положения экономической стратегии США в мировом хозяйстве¹⁴ указывается, что проблема заключается в том, чтобы своевременно направить федеральные средства и ресурсы привлеченного частного капитала на поддержку и развитие конкурентоспособного, имеющего высокую инновационную характеристику, бизнеса. Другими словами акцентируется внимание на необходимости создать условия «выращивания» и продвижения конкурентоспособного бизнеса на внешние рынки. Поскольку в США для децентрализованной в настоящее время системы федерального уровня по поддержке бизнеса, включающей ряд учреждений, программ и директивных установок, характерна неэффективность вмешательства, то и следствием выступает — упущенные возможности для бизнеса. При этом число активных субъектов хозяйствования в США приближается к 300 млн единиц.

¹³ Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. Учебник. М.: Экономика, 2009. С. 22.

¹⁴ «Create the mechanisms for an adaptive national economic strategy» pdf, <www.american-progress.org/.../p.4>.

Программа повышения конкурентоспособности США предполагает концентрацию всех институциональных и ресурсных сил, проведение регулярного статистического мониторинга реализации целей экономической политики США, осуществления своевременных мер вмешательства в виде поддержки (включая выделение финансов), защиты и выведения национального бизнеса на мировой рынок.

В связи с изложенным правомерен вывод, что программно-целевой подход в мировой практике используется как достаточно эффективный инструмент достижения обозначенной цели повышения конкурентоспособности и противостояния переходу к многополярности.

Грамотное и своевременное применение программно-целевого подхода в российской практике, в т.ч. используя школу программно-целевого развития в советский период, является одним из решающих условий повышения национальной и международной конкурентоспособности экономики России.

Патриотизм в истории России: государственная идеология и ценностный потенциал

Орлов И.Б.

«Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России. Если он будет бит, если народ откажется защищать Россию Сталина, как он отказался защищать Россию Николая II и Россию демократической республики, то для этого народа, вероятно, нет возможностей исторического существования» (*Г.П. Федотов*)

Аннотация

Целью статьи является выявление в историческом контексте связи основных идеологических конструкций и разделяемых большинством россиян патриотических ценностей. При этом делается вывод, что пики государственной успешности, как императорской России, так и СССР, приходились на периода максимального сближения идеологических установок власти и патриотических настроений населения. Современный патриотизм, соединив в себе идеи державности и социальной справедливости, получит мощный потенциал для движения российского государства и общества в сторону обретения достойного места в мире.

Ключевые слова: Отечество, патриотизм, идеология, ценность

Abstract

The aim of the article is revealing in the historical context of the fundamental ideological constructions and shared by the majority of Russians Patriotic values. Thus concludes that the peaks of the state of success, as the Imperial Russia and the USSR were in the period of maximum convergence with ideological power and Patriotic sentiments

of the population. Modern patriotism, combining the ideas of statehood and social justice, will have a powerful potential for movement of the Russian state and society in the direction of finding a decent place in the world.

Keywords: Motherland, patriotism, ideology, value

Русского историка и религиозного философа Георгия Петровича Федотова (1886–1951), четверть века прожившего в эмиграции, трудно заподозрить в любви к сталинскому режиму. В статье «Защита России», опубликованной в 4-м номере парижской «Новой России» за 1936 г., мыслитель не берется оценивать «силу и живучесть нового русского патриотизма», носителем которого является «новая знать», управляющая Россией. Более того, он сомневается в силе патриотического чувства рабочих и крестьян, «на спинах которых строится сталинский трон»¹⁵. То есть для Федотова было очевидно различие между патриотизмом, как идеологическим конструктом, и патриотическим чувством, носителем которого является народ.

Но эта двойственность патриотизма — внешняя, т. к. по своей природе он представляет собой взаимосвязь двух принципов — социально-политического и нравственного (рис. 1), двух измерений — малой и большой Родины и двух проявлений — чувства любви к Родине и готовности к защите Отечества¹⁶.

Рис. 1. Сущность патриотизма

По своей глубинной сути патриотизм выступает основанием удовлетворения потребности в обеспечении безопасности личности и социума. В его основе лежат два архетипических образа: Матери, олицетворяющей родную землю, и Отца, символизирующего государство.

Так что же такое патриотизм: «последнее прибежище негодяя» (по определению автор знаменитого «Словаря английского языка» Самуэля Джонсона), «орудие для

¹⁵ Федотов Г.П. Защита России // Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т. 2. М.: Изд-во «София», 1992. С. 125.

¹⁶ См., например: Краткий политический словарь. М.: Политиздат, 1989. С. 411; Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т.: Т. 2. М.: Большая рос. энцикл., 1999. С. 409; Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 538.

достижения властолюбивых и корыстных целей» (в понимании Л.Н. Толстого) или «добродетель» и «любовь ко благу и славе Отечества» (по убеждению Н.М. Карамзина и В.С. Соловьева)? Где грань между национализмом, настоящим и ложным патриотизмом? Совместим ли патриотизм с общечеловеческими ценностями?

Проблема патриотизма представляла и представляет собой одну из самых актуальных в сфере духовной жизни российского общества¹⁷. Не удивительно, что только за время существования новой российской государственности отношение к патриотизму в разных социальных группах колебалось и продолжает варьироваться от полного неприятия до безусловной поддержки. Сегодня в России о патриотизме заговорили все — от монархистов до коммунистов, от державников до интернационалистов.

Мало кто будет спорить с тем, что почти две трети истории нашего народа представляет собой борьбу за независимость. Неудивительно, что в таких этих условиях патриотизм стал краеугольным камнем государственной идеологии. Надо учитывать и то, что формирование патриотической идеи, совпавшее по времени с возникновением Русского государства, с самого начала оказалось связанным с выполнением ратного (воинского) долга. Как идея объединения русских земель в борьбе с врагами он отчетливо звучит в «Повести временных лет» и проповедях Сергия Радонежского, в «Слове о полку Игореве» и «Слове о законе и благодати» Иллариона. Но при этом, обращает на себя внимание отсутствие в русских былинах единого типа воина-героя. Но всех их (Микулу Селяниновича и Илью Муромца, Садко и Никиту Кожемяки) объединяет любовь к «отеческим гробам» и стремление «постоять за землю Русскую».

Показательно, что термин «патриот» получил хождение в России только в XVIII ст. в связи с Северной войной. В своем труде, посвященном этой войне, вице-канцлер барон П.П. Шафиров впервые применил его со значением «сын Отечества». Именно для петровского времени характерен рост национального самосознания в целом и государственного начала в нем, в частности. Можно считать, что при первом российском императоре патриотизм приобрел характер государственной идеологии, главным девизом которой стала формула «Бог, Царь и Отечество». Напутствуя воинов перед Полтавской битвой, Петр Великий подчеркивал, что сражаются они за государство, свой род и православную веру. «Учреждение к бою», «Артикул воинский», «Устав ратных и пушечных дел» и «Морской устав», — все эти и иные законы петровской эпохи закрепили патриотизм как норму поведения, прежде всего, воина. Позже великий русский полководец А.В. Суворов использовал в этом же значении термин «отечественник»¹⁸. И это

¹⁷ См., например: Государственная идеология и общенациональная идея. М.: Клуб «Реалисты», 1997; Лутовинов В.И. Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях. Автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 1998; Патриотизм народов России: традиции и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. М.: Триада-фарм, 2003.

¹⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1958. С. 147; Патриотическое воспитание военнослужащих на традициях российской армии. М.: ВУ, 1997. С. 48–52; Пушкирев Л.Н. Менталитет и политическая история России: переломные этапы. // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научной конференции. Москва, 29–31 окт. 1996 г. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 6.

не случайно. Ведь своим происхождением слово «патриотизм» обязано греческому «соотечественник», берущему свое начало от древнегреческого «патра», что означало род. Вспомним, что древние мыслители считали отношение к Отечеству самым благородным помышлением. Для античности патриотизм выступал главной нравственной обязанностью члена полиса, вкладывая в это понятие не только военную защиту города-государства, но и активное участие в управлении полисом¹⁹. К сожалению, в российской истории (в том числе по ряду объективных причин) патриотизм как чувство Гражданина своего Отечества получило гораздо меньше развитие, нежели его военная составляющая.

Как идеология патриотизм представляет собой идеологическую основу эффективного функционирования социальных и государственных институтов, один из механизмов легитимности власти и инструмент формирования социально-политической и психологической идентификации народа. Для всей российской истории центральной составляющей патриотизма была державность, понимаемая как характеристика политического, экономического, военного и духовного могущества страны в мире, а также способность оказывать влияние на международные отношения. Но державность всегда была и некоторым недостижимым идеалом государственного устройства, приобретавшего иногда весьма неожиданные черты, как например, самодержавная республика у К.Д. Кавелина.

Очевидно, что характер патриотизма обусловлен исторической эпохой и спецификой государственности. В царской России, например, долг перед Отечеством, преданность царю, ответственность перед обществом развивались из поколения в поколение. Для императорской России, с ее попытками культивирования общегосударственного патриотизма, основным содержанием «теории официальной народности» стали идеи державности и народности как опоры на собственные традиции. Не случайно, именно история рассматривалась в качестве главного предмета в воспитании гражданственности и патриотизма подданных Российской империи.

В свою очередь, истоки советской державности лежат в идее «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Усиление государственно-патриотических начал оказалось связано с понятием «новой социалистической Родины». Заметим, что формирование советского патриотизма шло под лозунгом «вобрать в себя лучшие традиции русской истории» и при обращении к идее славянского единства. В основание нового патриотизма было положено сочетание любви к Родине (патриотизм в традиционном понимании) и идеи строительства коммунизма и интернационализма. Необходимость защиты социалистического Отечества подкреплялась убеждением в превосходстве социализма над капитализмом и обосновывалась учением о справедливых и несправедливых войнах. То есть речь шла о защите более прогрессивного общественного строя, который служил образцом для остальных народов мира («Все мы знаем, что Земля начинается с Кремля»).

Впрочем, активное обращение к традиционным национальным ценностям произошло лишь во время Великой Отечественной войны, когда встал вопрос о выживании не только советской власти, но и нации, как таковой. Именно этим

¹⁹ См., например: Цицерон. Диалоги «О государстве», «О законах». М.: Наука, 1966. С. 87.

было обусловлено обращение коммунистической власти к русской православной церкви и воспроизведение в массовой пропаганде образов таких национальных героев, как Александр Невский и Дмитрий Донской, Козьма Минин и Дмитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов, Федор Ушаков и др.²⁰

Но содержание и направленность патриотизма определяются, в том числе, духовным и нравственным климатом общества. О патриотических качествах русского народа писали вольнодумец А.Н. Радищев и декабристы Н.П. Муравьев и С. Пестель, революционеры-демократы В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский, русские философы В.С. Соловьев, И.А. Ильин, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев и др. Показательно, что у них под патриотизмом понимались не только готовность к защите Отечества, но и гражданское достоинство²¹. На волне преобразований Александра II, реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, патриотизм все больше воспринимался в российском обществе как некая школа воспитания гражданственности и ответственности за судьбу своего Отечества.

Так, согласно И.А. Ильину, сама идея Родины предполагает в человеке начало духовности, отражающей особенности людей разных национальностей. Говоря о патриотизме, А.И. Солженицын видел в нем «цельное и настойчивое чувство любви к своей нации со служением ей не угодливым, не поддержкой несправедливых ее притязаний, а откровенным в оценке пороков, грехов и в раскаянии за них»²². О величайшем патриотизме, поднимавшем людей на подвиг в дни битвы за Москву, писал в своих воспоминаниях Г.К. Жуков²³. Другими словами, патриотизм — это не только идеологическая конструкция, но и ценность, позиционируемая в общей системе индивидуальных и общественных ценностей. Прежде всего, он относится к высшим ценностям, т. к. разделяется более чем половиной социальных групп страны. Патриотизм является и общепринятой ценностью, в силу того, что поддерживается более чем $\frac{3}{4}$ населения (или, по крайней мере, доминирующей ценностью, разделяемой более чем половиной граждан). Патриотизм, несомненно, ценность, интегрирующая общество, и активная, т. к. предполагает осознанное и эмоционально нагруженное действие. И, наконец, в силу своей двойственной природы, он относится к терминальным (целевым) ценностям и, одновременно, к ценностям инструментальным, служащим средством по отношению к целям²⁴.

Как нравственный феномен, патриотизм предполагает практические действия по преодолению национальной ограниченности, уважение к личности и преобра-

²⁰ Форсова Н.К. Духовный поворот в Советской ментальности в условиях Великой Отечественной войны, его последствия // Великий подвиг. К 55-летию Победы. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2000. С. 35–36.

²¹ Белинский В.Г. Сочинения. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 489; Восстание декабристов: в 8 т. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1927. С. 86; Ильин И. Мы были правы // О грядущем России / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. С. 333–334. и др.

²² Солженицын А. Публицистика. В 3 т. Т. 1. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. Ярославль; Верхневолжское кн. изд-во, 1995. С. 65.

²³ Жуков Г.К. Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории // Роман-газета. 1994. № 18. С. 101.

²⁴ Классификацию ценностей см.: Горяинов В.П. Эмпирические классификации жизненных ценностей россиян в постсоветский период // Полис. 1996. № 4; Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.: Ин-т философии РАН, 1994.

зующую человеческое сообщество деятельность. Роль патриотизма возрастает на крутых изломах истории, требующих резкого повышения напряжения сил граждан, и, прежде всего, во время войн и нашествий, социальных конфликтов и политических кризисов, стихийных бедствий и т. п. Именно в кризисных условиях патриотизм выступает как атрибут жизнеспособности и даже, нередко, просто выживаемости социума. Сегодняшнюю ситуацию, связанную с попытками изоляции России, вполне можно рассматривать как форс-мажорную, всегда в истории нашей страны приводившую к консолидации населения, его сближению с властью и усилению государственно-патриотических начал.

Впрочем, это не значит, что в остальные периоды истории, патриотизм не функционален. Он представляет собой одно из основных условий эффективного функционирования социальных и государственных институтов, а также источник духовных и нравственных сил и здоровья общества. Если французские просветители XVIII в. отмечали зависимость патриотических чувств от государства и его законов, то Гегель связывал патриотизм, прежде всего, с чувством доверия граждан к государству²⁵.

К сожалению, уже во второй половине 1980-х гг. у «прорабов перестройки» сложился взгляд на патриотизм как отжившую ценность, мешающую строить новое демократическое общество. Более того, абсолютизируя внутреннюю связь идеологии и политики, постсоветская элита, сама того не подозревая, вслед за К. Марксом, увидела в идеологии вообще и в патриотизме, в частности, ложную форму сознания. Неудивительно, что в 1990-е гг. исследователи нередко подчеркивали «неустойчивый, аморфный, неопределенный характер» российского патриотизма²⁶. Свои позитивные плоды дала только «реабилитация» патриотизма накануне 50-летия Победы над фашизмом. В начале 2000-х гг., если судить по данным опроса РосБизнесКонсалтинга, патриотами себя считали 42% россиян, и только 8% к таковым себя не относили²⁷. Руководство страны созрело к признанию, что новая государственность должна опираться не только на уважение к закону, но и на чувство гражданского долга, высшим проявлением которого является патриотизм. Не менее важным моментом стало осознание, что без четко сформулированной идеи защиты интересов России невозможно выработать суверенную внешнюю политику.

Дефицит (или даже системный кризис) патриотизма в современной России связан с ревизией самого понятия «патриотизм» в связи с разрушением идеологической оболочки социализма. Это привело к дискредитации любых идеологических механизмов легитимации власти, — именно этим объясняется сохранение конституционного запрета на государственную идеологию в современной России. Отчасти «дискриминация» государственной идеологии вызвана непониманием того, что идея представляет собой не только порождение интересов определенных социальных слоев, но и ценности, укорененные в народном сознании. Думается, что спор по этому поводу неокантианцев и марксистов давно потерял свою актуальность.

²⁵ Гегель Г. Работы разных лет. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 70.

²⁶ Крупник А.А. Патриотизм в системе гражданских ценностей общества и его формирование в воинской среде: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 1995. С. 16.

²⁷ Новикова Н. Патриотизм — готовность пожертвовать всем, если это не вредит вашему бизнесу // Профиль. 2002. № 42. С. 4.

На практике разрушение патриотизма в России привело не только к ослаблению постсоветской государственности, но и к размыванию социальных и духовных основ российского общества. Не удивительно, что даже понятие Родины девальвировалось и потеряло свое сущностное содержание.

Но идеология является неустрашимым элементом общественной жизни и формой включения людей в общественную связь. Трудно согласиться с И. Валлерстайном и его последователями, что только наличие врага придает идеологии (в том числе патриотизму) жизненную силу и интегрирующий характер. Конечно, вне морали и права любая идеология потенциально опасна для общества. Но в том и состоит особенность патриотизма, как уже указывалось, что именно любовь к Родине, вне зависимости от наличия врага, выводит патриотическое чувство за рамки политического эгоизма и создает защиту от идеологических манипуляций.

В сегодняшней России возрождение патриотизма властями напрямую связывается только с идеей восстановления статуса великой державы. Это понятно, т. к. только гордость своей страной, народом и его историей может стать конструктивной основой патриотического чувства. Но при этом не принимается во внимание, что в отечественной истории державность всегда сочеталась с другими ценностными компонентами: православной верой в дореволюционной России или интернационализмом в СССР (рис. 2). Можно утверждать, что в формировании идей державности и величии России, патриотизма и преданности Отечеству, особого пути России и т. п., составляющих важнейшие компоненты политического сознания россиян, немаловажную роль сыграла именно православная вера. Но очевидно, что патриотическая формула дореволюционной России «За веру, царя и отечество!» никак не встраивается в современное российское общество.

Рис. 2. Составляющие патриотической идеи

Думается, сегодня патриотизм как механизм идентичности народа, которая является базовой потребностью человека²⁸, и легитимизации власти также невоз-

²⁸ Идентичность является одним из наиболее эффективных механизмов мобилизации населения, а критерии идентификации, в свою очередь, выстраиваются с помощью идеологии как совокупности идей и идеалов.

можен без второй ценностной составляющей — принципа социальной справедливости. Вспомним, что в архетипах российского сознания закон и право лишь тогда выступают ценностью, когда к ним добавлено прилагательное «справедливый». Справедливость всегда была не просто сохранением в российской жизни традиционно-общинных форм социальной регуляции, но и своеобразной нравственной самозащитой личности в внеправовом государстве.

При таком подходе патриотические настроения выступают существенным фактором мобилизации и социально-политической активности²⁹. Другими словами, патриотизм подразумевает коллективную национальную идентичность. Без сформированного позитивного образа страны, в котором присутствует идея державности, граждане современной России не смогут закрепить свою национальную идентичность.

Следует учитывать, что патриотизм является важной составной частью национальной идеи, поисками которой российская власть озабочена с конца 1990-х гг., и которая должна способствовать самоидентификации России в мировом сообществе. В свою очередь, идеология патриотизма, как основа стратегии успешного развития страны, в силу своей понятности может быть воспринята большей частью российского общества в качестве инструментария выхода из духовного кризиса и пути обретения настоящего суверенитета. И здесь потребуется усилие над собой, а не насилие над другими. Кроме того, никакое внешнее освобождение не будет эффективным без освобождения внутреннего. Давайте прислушаемся к словам А.И. Герцена о консерватизме не только трона и амвона, но и самого народа. Или к рассуждениям С.Л. Франка о сознательном патриотизме как осознании ценности национального бытия и его организации в лице государственности. Сегодня, как никогда, важен и «перевод» идеи патриотизма с языка этнического на язык общенациональный.

Побежденная страна лишается права иметь свою идеологию

Федоров Е.А.

Уважаемые коллеги, я благодарен Степану Степановичу Сулакшину за действительно чрезвычайно важные вопросы, которые сегодня поднимаются. По сути, они и формируют главные подходы к оценке сегодняшней ситуации и стратегии дальнейшего развития России, поскольку идеология — это смыслы, цели, это план, по которому живет или должно жить любое государство, любое общество, любой коллектив. Понятно, что ни коллектив, ни нация, ни народ, ни созданное им государство не могут существовать без планов, целей, задач, в противном случае они прекращают свое существование. Однако уникальный характер Российской

²⁹ Подробнее о механизме формирования и активизации идентичностей см.: Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–116.

Конституции как раз в том, что формально с 1993 года Российское государство лишено права на формирование общих целей.

Этот факт главное доказательство колониального, или вассального статуса страны, потому что остальные следствия вытекают из этого факта. Кто принимает решение, кто готовит планы, тот и есть начальник. Если план пишется не на национальной территории, а по 15-й статье пишется за рубежом, значит, начальник не здесь. И что бы здесь умные люди ни говорили, ни предлагали — министры, чиновники, депутаты, — решение будет принимать тот, кто все это проектирует, кто владеет вопросами идеологии, обязательными для исполнения на территории Российской Федерации. Напоминаю, по 15-й статье это именно так, а по 13-й национальная идеология запрещена. В СССР, к примеру, цели и смыслы жизни страны порождали целые институты, которые были замкнуты на Политбюро ЦК КПСС. Вес Политбюро ЦК КПСС и, например, Совета министров СССР был просто несопоставим. 6-я статья Конституции СССР узаконивала формально высшую власть КПСС в государстве, высшую власть по отношению ко всем конституционным органам Советского Союза, включая правительство, силовые органы, КГБ. Сегодня такого института на территории России нет, мало того, он запрещен Конституцией, поскольку в России запрещена национальная идеология. Следовательно, запрещены национальные производства национальных же смыслов для цели, например, законотворчества.

Ну, как можно подготовить хоть какой-то закон в интересах нации, если по 13-й статье Конституции РФ нации запрещено производить цели такого законотворчества? И если законы все-таки пишутся и пишутся в большом количестве, значит, эти цели есть. Только эти цели нам предлагаются из-за рубежа. А какие это цели? Тоже совершенно конкретные вещи, недаром эти цели скрываются, это очень просто. Во-первых, 15-я статья, в которой закреплено зарубежное управление, работает в интересах зарубежных же государств. То есть осуществляется постановка целей для государственного строительства, в том числе законодательства, в интересах других стран.

Я информирую Вас о том, что когда В.В. Путин в прошлом году пытался решить проблему так называемых иностранных агентов, немедленно вскрылась роль этих агентов. Это написание законов, или их концептов, а законы относятся исключительно к идеологическим подходам. Другими словами, законы для нас пишутся за рубежом, и это предусмотрено Российской Конституцией, дорабатываются на уровне агентов на территории Российской Федерации, грантополучателями. Объем финансирования таких агентов находится на уровне 3 млрд долларов и это деньги на управленческие функции, потому что они не строят фабрик и заводов, они за эти деньги доводят иностранное управление до конкретного исполнительского уровня на территории Российской Федерации.

И вторая цель — эксплуатация, стандартная цель для любой метрополии по отношению к колонии. Когда, например, англичане жили за свой счет, вообще за всю свою историю? Никогда. Они и не умеют жить за свой счет. Как те генералы из сказки Салтыкова-Щедрина, если англичане 500–700 лет жили только за счет Индии, других колоний, откуда им научиться? И что, американцы исключение из этого правила? Нет. Половина мирового материального продукта, т. е. того

продукта, который можно пощупать, не того, который написан на бумаге в виде виртуальных объектов, виртуальных оценок управления, ценных бумаг и т. д., американцы потребляют 50% мирового продукта человечества, производят 8%, разница 42% — традиционный за последнюю тысячу лет колониальный сбор. Да, колонии меняются, меняются колониальные империи. Когда-то лет 100 назад их было около 8 — английская, немецкая, французская, сейчас одна — американская. Но это ничего не меняет — как человечество жило в системе государственного строительства англосаксонского типа, колониального типа — так и живет. И цели те же, и задачи те же.

Третье: специфическое для России — уничтожение конкурента. Именно поэтому российское законодательство направлено на сворачивание государственных потенциалов, например, упомянутая здесь Академия наук, не случайно же ее ликвидируют. Потому что в соответствии с тезисом первым, в соответствии с 15-й статьей Конституции, понятно, что на территории колонии наука такого масштаба не нужна и она вредна. То есть она может являться конкурентом для головной метрополии, и, соответственно, она будет уничтожаться не мытьем, так катаньем, что мы спокойно и наблюдаем. И, кстати, это проявляется не только в этом — во всех вещах. Если вы посмотрите на все фабулы 4700 российских законов — они все рождены за рубежом, все до последней. Потому что в России нет права на институты, которые могут их производить. И когда, например, президент пытается взять на себя эту роль, естественно, у него ничего не получается, потому что Конституция не предусматривает такую роль на территории России. Да, он говорил еще десять лет назад: «Давайте изменим тип экономики». Кто-то собрался это делать? Нет. Он говорит: «Снизьте процентные ставки ЦБ», ЦБ собирается их снижать? Нет, потому что иностранный орган управления, в соответствии с идеологией МВФ, нам это запрещает. Поэтому ставка у нас больше 20%, для того чтоб национального производства не было вообще. Кстати, уровень эксплуатации, по нашим расчетам, в России составляет порядка 50%, а за счет ограничителя развития потенциал России приблизительно в 24 раза хуже, чем бы он работал, если бы Россия была суверенной страной.

Следующий вопрос — это кадры. Естественно, это колониальный сбор кадрами и теми же детьми, миллионы российских ученых в зарубежных лабораториях это что — не колониальный сбор? Это типичный механизм, который всегда работал в отношении колонии и метрополии, всегда собирал ремесленников, наиболее квалифицированных людей. В основе этого тоже простая вещь — поражение в 1991 году, любой, кто потерпел поражение, получает внешнее управление. Отсюда и детали сегодняшнего дня. Посмотрите, допустим, почему МВФ дал команду опускать рубль? У нас, вообще-то, есть международные резервы, которые в два раза больше, чем вся рублевая масса в стране. Значит, на каком-то основании ЦБ нарушает Конституцию, и даже закон о ЦБ, и ослабляет рубль, тем самым, только по линии иностранных инвестиций, добавляя дань в размере 150 млрд долларов по году. Обращаю внимание на то, что взяли кредиты при одном соотношении рубль к доллару, а кредиты у нас на уровне 750 млрд долл. — а отдавать надо при другом соотношении. Естественно, с обменом рубля на иностранную валюту вот вам плюсом 150 миллиардов долларов. Это к вопросу о колониальном сборе и к во-

просу о том, почему Соединенные Штаты Америки потребляют половину мирового продукта, производя 8. Или, допустим, последний закон мне нравится — Закон о международной финансовой отчетности. Вообще взяли и решили — надоело нам командовать вашим правительством, уважаемые граждане России, даем команду через законодательство. МВФ провел закон, в первом чтении пока, по которому российский бизнес напрямую подчиняется иностранному управлению через систему международной финансовой отчетности господину Хугарвесту, который имеет право производить бумаги на русском языке, обязательные для российского бизнеса. У правительства нет таких полномочий, а у господина Хугарвеста, гражданина США, уже такое право есть по законодательству. Чтобы решить эти и другие проблемы надо запускать механизм национально-освободительного движения от внешнего управления. Мы только тогда сможем решить проблем России, когда получим право принимать решение сами, а это и есть вопрос Конституции и это и есть вопрос идеологии. Спасибо.

Секция I

Категория и теория идеологии

Научная теория как фактор идеологического воздействия

Винокурова Н.А.

Аннотация

В работе на примере теории креативного класса рассматривается возможность использования научной теории в качестве фактора идеологического воздействия на население. Сначала определенное понятие, вызывающее позитивные коннотации, вводится в общественный дискурс, в данном случае понятие «креативный класс». Затем оно расшифровывается и насыщается смыслами; с ним уже связываются такие идеи, как отказ от традиционных семейных ценностей, подчеркнута позитивное отношение к геям, к маргиналам и т. п. Таким образом, в общество внедряются новые идеологические установки.

Abstract

The work considers the possibility to use a scientific theory as a factor of ideological influence on population. As an example it is taken the creative class theory. At first the concept, causing positive connotations, is introduced into the public discourse. In this case it is the concept of «creative class». Then it is decrypted and determined. It is connected with such ideas as the abandonment of traditional family values or brightly pronounced positive attitude toward gays, marginal people etc. Thus, the new ideology is introduced.

Ключевые слова: научная теория, креативный класс, идеологическое воздействие.

Key words: scientific theory, creative class, ideological influence.

Человечество с давних времен сталкивалось с информационным давлением, но с развитием новых технологий, прежде всего телевидения, Интернета и социальных сетей, информационное воздействие на людей (или на определенные социально-экономические группы) приобрело невиданный прежде масштаб.

Важное место в качестве способа идеологического воздействия и попытки изменить взгляды и поведение людей занимает использование научных теорий в области социальных наук. Ввиду объективной сложности окружающего мира

и трудности процесса познания научная теория как результат научного исследования представляется большинству людей наиболее авторитетным, достоверным и непредвзятым источником информации. Кроме того, люди устают от агрессивности, часто присутствующей в средствах массовой информации. Что касается интеллигенции, то такая агрессивность может вызывать скорее обратный эффект — полное неприятие освещаемых фактов и оценок. В научной теории нет признаков явной агрессии. Это скорее неявный, мягкий метод влияния. Как канал подачи информации научные теории рассчитаны, прежде всего, на образованный класс, на интеллигенцию, которая является, на мой взгляд, если и не самым, то достаточно влиятельным классом в современном обществе. Образованный класс может не только квалифицированно транслировать полученную информацию, но и развивать идеи, почерпнутые из научных теорий. А наиболее активная часть образованного класса, убежденная в правильности предлагаемых в теории идей, готова к их применению на практике. Собственно, и известными событиями 1917 года в нашей стране мы во многом обязаны научной теории Маркса. Таким образом, идеологическое воздействие научных теорий нельзя недооценивать.

Рассмотрим механизм идеологического воздействия научной теории на образованные слои населения на примере современной социологической теории креативного класса. Автор этой теории — американский социолог Ричард Флорида. Его основные произведения, излагающие теорию — «*The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*» и «*The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*». Основная идея Флориды сводится к тому, что в США к концу XX-го столетия наступила эпоха креативности, что креативность является движущей силой современной американской экономики. Собственно говоря, роль креативности в развитии общества никто не отрицает. В научной среде распространена точка зрения, что все развитие цивилизации определяется инноваторами, творческими личностями. Но в понимании ученых такие личности составляли немногочисленную избранную группу. Флорида же настаивает на массовом характере креативной деятельности в современном обществе. Любая новая мысль, новый эксперимент, создание любого нового товара, новой услуги в любой сфере, любая модификация товаров и услуг, а также любая деятельность, способствующая их созданию и продвижению на рынок, по его определению, — результат креатива. Таким образом и получается, что 30% рабочей силы в США он относит к креативному классу, включая туда не только ученых или художников, но и финансистов, менеджеров, маркетологов и т. п. Исходя из этих критериев, Флорида утверждает, что и в России почти 25% работников можно отнести к креативному классу.

Не буду останавливаться на том, что автор теории скорее предполагает, а не доказывает креативный характер деятельности этих людей. В любом случае введение в общественный дискурс понятия «креативный класс» вызывает положительные коннотации, а предполагаемая принадлежность к креативным людям психологически очень привлекательна и способствует самоутверждению. Не случайно теория креативного класса приобрела широкую популярность как в США, так и в России. Надо отметить, что книги Флориды были на редкость быстро переведены в нашей стране и появились в свободном доступе в интернете.

Но посмотрим, как расшифровывается понятие «креативный класс» у Флориды, какие тенденции в поведении и взглядах креативных людей, по его мнению, непосредственно связаны с креативностью и необходимы для ее проявления.

Креативный класс США определяется Флоридой как самый влиятельный класс, а доходы этой категории работников по данным трудовой статистики США к началу века в два раза превышали доходы других групп, и этот разрыв только растет. Так, работники, отнесенные к ядру креативного класса (компьютерщики и математики), получали в 2012 году в среднем 80 180 долларов в год, менеджеры в среднем за год зарабатывали 108 570 долларов в год, а менеджеры по продажам, рекламе и маркетингу — 121 150 долларов, что было в 2,6 раза выше средней заработной платы в США. В то же время заработная плата рабочих, занятых непосредственно на производстве, составляла 34 500 долларов в год, а рабочих на предприятиях fast food — всего 18 810 долларов [1]. Сразу становится очевидным, что представители креативного класса, прежде всего, — люди обеспеченные.

Важнейшим свидетельством наступления креативной эпохи автор теории считает новые ценности и нормы поведения, присущие креативному классу, а точнее, отказ от традиционных ценностей. Рейганомика 80-х (как и тетчеризм) еще пропагандировала традиционные ценности: семью, принадлежность к соседскому сообществу и к церковной общине, и в то время социальный капитал прирастал через эти институты. В настоящее время такой тип социального капитала, по мнению Флориды, «не адекватен эпохе», поскольку замкнутые сообщества со своими правилами сковывают креативность. Любые сильные связи, говорит он, мешают развитию. Креативный класс предпочитает жизнь без строгих правил и контроля. Нормы, принятые в церковной общине или в соседском сообществе, уже не являются для представителей креативного класса обязательными, они могут нарушаться и осмеиваться. Традиционные сильные связи заменяются на более слабые, но разнообразные, что опять-таки объясняется преимуществом разнообразия с позиций развития креативности. Тем не менее, несмотря на приверженность креативных людей к разнообразию, сам Флорида признает, что они предпочитают разнообразие в рамках своей образованной среды.

Еще один важный признак креативного класса — это изменения в культуре и во времяпровождении его представителей. Появляется новая культура «ВОВО» (от слов «Bohemia» — богема и «bourgeoisie» — буржуазия). «ВОВО» — термин, введенный до Флориды, но важный в его концепции. Сами представители креативного класса не любят, чтобы их называли «ВОВО», но это не меняет сущности дела. Речь идет о сочетании ценностей богемы и буржуазии в их вкусах и в поведении, что раньше представлялось несовместимым.

Один из главных тезисов теории креативного класса — наличие связи между культурной и научно-технической креативностью. С этим можно согласиться, но акцент с традиционной культуры у Флориды переносится на культуру маргиналов. Флорида считает одним из главных достижений креативной экономики втягивание маргиналов от культуры в эпицентр культурного развития. Он утверждает, что таланты различных групп эксцентриков и нонконформистов оказались и в центре инновационного экономического развития. Флорида объясняет это тем, что именно их идеи и взгляды дают толчок развитию. Произведения бывших маргиналов теперь

хорошо продаются, создаются новые площадки, новые галереи для демонстрации их искусства, растёт рынок в сфере актуального искусства. Вместе с «легализацией» маргиналов происходит и «легализация» гедонистических ценностей богемы.

Образ жизни креативного класса характеризуется двумя основными чертами — стремлением к большей свободе и индивидуализму и к высокому качеству жизни. Представители креативного класса отказываются от традиционного делового стиля одежды даже на работе, предпочитая более свободный стиль, разнообразие и изысканность. Даже своим внешним видом они сильно отличаются от представителей других групп населения, что уже породило в США новую модную индустрию. Они внимательно относятся к своему здоровью, следят за питанием, они любят активные виды отдыха, они занимаются экстремальными видами спорта, как правило, весьма дорогостоящими, они любят путешествовать. Часто они отказываются от автомобилей, предпочитая использовать велосипед. В «креативных» поселениях развивается сеть велосипедных дорожек. Как заметил Борис Кагарлицкий, представители креативного класса снобистски противопоставляют «свои предпочтения массовой потребительской культуре» [2].

Для представителей креативного класса характерно совмещение разных видов деятельности, разных ролей. Писатель может быть поваром-любителем, знаток джаза — художником и т. п. Все эти умения они используют для зарабатывания денег. Понятие профессионализма в этом случае отходит на второй план, уступая место все тому же понятию креативности. Новая трудовая философия этого класса проявляется и в требовании гибкого режима труда, снижения контроля, и в частой смене рабочих мест, и в тяге к фрилансерству. По некоторым данным, в настоящее время фрилансер — каждый десятый работник в США. Многие из ценностей креативного класса всегда считались принадлежностью творческих людей, например, для художников не существовало жесткого режима работы, ученые пользовались большей свободой, чем рабочие у конвейера и т. п. Но в новой теории это приписывается миллионам людей.

И, наконец, по утверждению Флориды, для развития креативности необходима толерантность, прежде всего в местах концентрации креативного класса, т. е. в крупных городах. Под толерантностью Флорида подразумевает хорошее отношение к этническим меньшинствам, к геям и опять-таки к богеме (актерам, музыкантам, художникам) и широкое представительство этих групп в креативных городах, что должно обеспечивать разнообразие, необходимое для роста креативной экономики. Развивая эту мысль далее, он вводит ряд индексов, измеряющих уровень толерантности: индекс богемы, индекс «плавильного котла» и гей-индекс. Следующий шаг — это переход к связи между креативностью и экономическим развитием. Согласно автору теории гей-индекс имеет самую высокую предсказательную способность. Получается, грубо говоря, что не столько наличие высокотехнологических предприятий в городе, что, правда, также признается в качестве необходимого элемента креативной экономики, сколько гей-парады на улицах больших городов — свидетельство экономического развития.

Однако когда речь заходит о поддержке креативности государством, то сразу выясняется, что основным направлением поддержки является поддержка НИОКР. По данным, приведенным Флоридой, доля США в мировых затратах на НИОКР

к началу века составляла более 40%. Затраты на НИОКР выросли на 800% с 1953 по 2000 год. Эти затраты продолжают расти. Так, финансирование фундаментальных исследований выросло с 42,667 млрд долларов в 2000 году до 56,482 млрд долларов в 2008 году. В связи с экономическим кризисом Барак Обама предложил на два года «стимулирующий план» развития фундаментальных исследований, поскольку они являются «источником новых продуктов и технологий» (методов лечения, новых видов продовольствия, энергии и т. д.). О приоритетах американского правительства в области исследований можно судить по тому, каким организациям перечислялись бюджетные деньги. Это Национальный научный фонд, Национальный институт здоровья, НАСА (NASA), министерство энергетики [3]. Американское правительство и американское общество понимают, что именно научные исследования — важный фактор развития страны в долгосрочной перспективе. Озабочено американское правительство и подготовкой инженеров, предпринимаются меры, поощряющие американских студентов к выбору соответствующей карьеры. Важным фактором поддержки креативности является также эффективная система венчурного финансирования. Все это мало связано с божественной креативностью по Флориде.

В России после появления теории креативного класса слово креативность быстро вошло в лексикон, прежде всего, представителей масс-медиа и бизнеса. Появились шоу под таким названием, многочисленные фирмы и проекты. В facebook была создана такая группа, быстро приобретшая популярность. Креативным классом назвали оппозиционеров с Болотной площади, где были представлены в основном образованные и успешные люди. Политолог Владислав Сурков заговорил о необходимости «создать творческий, креативный класс людей, способных изобретать и создавать инновации» [4]. Но и в научной литературе идея креативности подхвачена довольно широко. Если посмотреть диссертации, написанные в последние годы, то видно, что некоторые исследователи отдают предпочтение не общепризнанному термину «человеческий капитал», а термину «интеллектуально-креативные ресурсы». Говорят не об инновационной, а об инновационно-креативной экономике. Уже появилась докторская диссертация на тему «Концепция и инструментарий управления маркетингом территории в условиях креативной экономики» [5]. А специалисты в области образования утверждают, что «лишь доминирование креативности... изменит и личность и само общество», т. к. развитое общество базируется на креативных людях [6]. Андрей Окара заявляет, что переход к инновационной экономике невозможен без широкого представительства креативного класса [7]. Дмитрий Травин выражает опасение, что отсутствие свободы в российском обществе не позволит сформироваться креативному классу и креативной экономике. Он заявляет, что «в России креатив невозможен, т. к. он требует свободы, а у нас свободы нет. Если существуют проблемы у геев, то, видимо, в той или иной степени будут проблемы со всеми свободами, которые требуются для креатива» [8]. Все это свидетельствует о том, что теория креативного класса уже оказала определенное влияние на образованное российское общество и на ученых. При этом авторы опираются, прежде всего, на позитивные ассоциации, связанные с понятием «креативный класс» — творчество, инновации, развитие. Странно, что при этом забываются

такие российские реалии, резко отличающие нас от США, как сокращение численности научных работников, затрат на НИОКР и т. п.

Появляются работы, в которых авторы, обсуждая значение креативного класса для России, переходят от его влияния на экономическое развитие к его политической, идеологической роли. Вот как определяют роль креативного класса в России в одном из исследований: это «люди новой формации. Главные их качества: внутреннее согласие с веяниями эпохи и готовность принимать и осваивать новации и перемены, которые несет с собой глобализация и новая экономика... Лояльность своему времени — важная черта креативного класса. Она заключается в стремлении ценить то, что имеется в настоящем, и не тосковать по ушедшему» [9]. В интернете дается и более радикальная формулировка, прямо указывающая на представителей креативного класса как на носителей политической идеологии: «Высокий интеллектуальный потенциал позволяет этому классу выступать в роли идеолога, создавать образцы политических предпочтений. Ключевой социально-политической функцией креативного класса является трансляция в общество образцов и моделей для подражания (идеологических, социальных, экономических, культурных, бытовых и т. д.)» [10].

Это означает, что в качестве моделей для подражания предлагается, в частности, отказ от традиционных ценностей, требование особой свободы для представителей креативного класса и на работе и в быту, продвижение маргинальной культуры, поддержка геев и других нетрадиционных сообществ и т. д. В России все это работает в определенной степени на разрушение национальной идентичности. На фоне растущей популярности идеи креативности по Флориде становится понятно, почему такая большая часть образованного российского общества снисходительно отнеслась к поведению участниц группы Пусси Райот, устроившей выступление в Храме, и вообще к появлению такого маргинального арт-проекта. Можно понять с этих позиций и появление довольно снобистской молодежной субкультуры хипстеров и многих других нововведений. Стереотипы поведения меняются на глазах. Конечно, я далека от мысли, что эти изменения обуславливаются лишь воздействием теории, но теория дает научное оправдание этих изменений.

В этой связи хочется напомнить, что первая попытка отказа от традиционных ценностей в России была предпринята в послереволюционные годы. Тогда тоже внедрялся лозунг «Даешь свободу», тогда развертывалась антирелигиозная пропаганда, разрушались храмы и расстреливались служители церкви. Сергей Аверинцев, анализируя это явление советской жизни, пришел к выводу, что попытка отчуждения населения от традиций была связана, или точнее, направлена на поколенческий разрыв [11]. Сейчас тоже молодежь в большей степени ориентирована на новые ценности. Однако теория креативного класса и ее интерпретация некоторыми отечественными современниками направлена на более глубокий раскол общества, раскол по линии — интеллектуальный, материально обеспеченный креативный класс и «малообразованное» большинство.

Мы уже говорили, что разрыв в доходах между креативным классом и классом рабочих только увеличивается. В Америке уже накоплен опыт существования креативных городов, и на практике стало очевидно, что все преимущества от превращения города в креативный получают только представители креативного класса.

Другие группы населения, даже в условиях повышения заработной платы, теряют из-за повышения квартирной платы. Квартирная плата в случае притока в город креативной рабочей силы всегда растет. Происходит размывание среднего класса. О расслоении населения в городах, считающихся креативными, свидетельствует статистика. Манхэттен имеет наивысший показатель неравенства среди всех 25 наиболее густонаселенных районов страны, разрыв между бедными и богатыми здесь максимальный за последние 10 лет. Один процент жителей Нью-Йорка получает треть личного дохода всех жителей города. В Бруклине, который становится районом хипстеров и все более дорожает, почти четверть жителей находится за чертой бедности и получает продуктовые карточки. Зато там, так же как в других креативных районах, меняется тип торговли, ведь креативный класс предпочитает экологически чистые продукты, ему нужны цветочные магазины и разнообразные кафе. В Вашингтоне и Сан-Франциско порядка 20% населения живет ниже прожиточного минимума. По терминологии Бурдые эти люди превращаются в «клейменных», т. е., они не могут разделять привилегии креативного класса, оставаясь обездоленными. Появился даже новый термин «работающая бедность». Флорида признает, что увеличивается разрыв и между так называемыми креативными городами и другими населенными пунктами, расположенными в депрессивных зонах. К примеру, Боулдер был назван Флоридой одним из самых перспективных городов США с позиций креативности. Это центр научных исследований и университетский центр. В 2010 году он был признан одним из самых удобных для жизни городов. Оценка осуществлялась по нескольким важным показателям, включая в себя эмоциональное, физическое и, конечно, экономическое состояние жителей. А вот депрессивный Детройт уже объявлен банкротом. Население там сокращается. Расчеты Кушинга, на которые ссылается Флорида в своей книге, тоже показали, что в креативных городах неравенство в доходах возрастает. В качестве примера Кушинг рассматривает Остин, разрекламированный как один из наиболее креативных городов США. В Остине разрыв в заработной плате вырос намного больше, чем в большинстве других городов Соединенных Штатов. Те, кто продвигает теорию креативного класса в России, кажется, забывают об этом.

Но опасен не только рост неравенства сам по себе. Опасно то, что это теоретически обосновывается. Поскольку именно креативный класс, согласно теории, создает основные ценности, используя свои личные способности, знания и т. п., то делается вывод, что закон справедливости не нарушается, когда этот класс и получает основную выгоду. Все это создает у людей, причисляющих себя к креативному классу, чувство превосходства во всех отношениях (в культуре и образовании, в понимании социальных и политических процессов и т. д.). В связи с этим интересно, как иронически представлены люди, считающие себя креативным классом, участником одной из дискуссий на эту тему: «Очень мило, что сытые, красиво одетые московские и питерские молодые люди, разучившиеся, в отличие от своих отцов, наступать на ноги в общественном транспорте и научившиеся пользоваться четырехслойной туалетной бумагой, себя называют креативным классом» [12].

Но нельзя забывать, что большая часть населения России даже не слышала о креативном классе. По данным Фонда общественного мнения в апреле 2012 года 82% опрошенных респондентов впервые услышали об этом понятии. К наиболее

осведомленным, как и следовало ожидать, относятся жители больших городов, прежде всего, Москвы. При этом понятие «креативный класс» связывается скорее с доходами, а не с творческой деятельностью [13]. Возникает впечатление, что у нас рядом соседствуют две страны, даже не граничащие друг с другом.

Возможности и стремления людей из разных классов несопоставимы, ценности, исповедуемые ими, различны. Значит, и возможности взаимопонимания и конструктивного диалога между ними тоже сокращаются. Принадлежность к креативному классу становится, по ощущениям его представителей, «демократичным источником власти над обществом», если пользоваться определением Тоффлера. [14, стр. 19]. Возможно, это самый важный результат воздействия научной теории на общество.

Список использованной литературы.

1. USA Bureau of Labor Statistics //statistics>.
2. Кагарлицкий Б. Загадка креативного класса // <www. 1000inf.ru/news.aspx?id=13178>.
3. Троицкий вариант, № 25 (94) // <http://www. twirpx. com/file/803090/>.
4. Сурков В. Креативный класс // <http://www. wikireality.ru/wiki>.
5. Мецгеряков Т.В. Концепция и инструментарий управления маркетингом // <lib.ua-ru. net:diss/cont/470684.html>.
6. Цхай И.К. Личностные и когнитивные аспекты креативности // <http://www. dslib. net/obwaja-psixologia/lichnostnye-i-kognitivnye-aspekty-kreativnosti. html>.
7. Окара А. Креативный класс как последняя надежда // <http://www. intelros. ru/intelros/reiting/reiting_09/materia>.
8. Травин Д. Креативный класс в Америке и в России // <http://www. echomsk. spb.ru/projects/xxi/kreativnyy-klass. html>.
9. Аксенова Ю., Антонов В., Анчугин А., Екатерижина Т. и др. Феномен креативного класса: опыт экспертного анализа / под общ. ред. Д. Бажина // yandsearch?text=4>.
10. Креативный класс. Свободный Мир //ru>.
11. Аверинцев С. Связь времен // <http://www. fedya-diary.ru/html/042011/11042011-05a. html>.
12. Сапрыкин Ю., Мальцев И., Жиляев А., Бояринов Д. Что такое креативный класс в России // <http://www. colta.ru/docs/4829:>.
13. Фонд общественного мнения // http://fom.ru/obshestvo/10896.
14. Toffler A. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990. P. 19.

Экономические и социальные приоритеты развития и государственная идеология

Океанова З.К.

В ряду актуальнейших теоретических и практических проблем — содержание, роль и влияние идеологии на общественный процесс, неоднозначно понимаемых, требующих взвешенности подходов и оценок.

Традиционная трактовка идеологии периода классового развития:

идеология — система идей, представлений, понятий, выраженная в различных формах общественного сознания (в философских, политических взглядах, морали, искусстве, религии). В конечном счете, определяется условиями материальной жизни общества, является отражением общественного бытия в сознании людей и, раз возникши, в свою очередь оказывает влияние на развитие общества, способствуя ему (прогрессивная идеология) или препятствуя ему (реакционная идеология). В классовом обществе всегда является классовой, выражающей интересы господствующего класса. [1, 256].

С переходом к бесклассовому обществу, идентифицируемому с либеральными системами, формируются новые представления.

В частности, Первый Президент России Б.Н. Ельцин в выступлении 17.02.1998 отмечает: Одно из важнейших наших достижений конституционный запрет на государственную идеологию... Власть не имеет права навязывать обществу какие-либо идеологические схемы.

Ст. 13. Конституции РФ (1993) утверждает:

1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.
2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. [2, ст. 13].

Очевидно, это противоположная первой точка зрения.

При этом требуется анализ позиций для определения взвешенного решения.

Мотивацию деятельности и поведения человека в рыночной экономике, как правило, связывают с личными интересами, полагая, что человек стремится, прежде всего, к личной выгоде. Вместе с тем интересы субъектов рыночной деятельности не всегда совпадают, что обуславливает противоречивость их поведения.

В укрупненном виде выделяют ряд групп субъектов рыночных отношений, представляющих важнейшие секторы национальной экономики:

- нефинансовые корпорации (фирмы);
- финансовые корпорации (банки);
- государственное управление;
- домашние хозяйства;
- некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства.

Наряду с этим имеет место взаимодействие секторов внутренней экономики с другими странами.

Экономическая и социальная структура общества определяет систему взаимодействия, а, следовательно, и противоречий между экономическими субъек-

ектами — фирмами и домашними хозяйствами, банками, государственным управлением.

Достаточно общие — отношения между экономическими субъектами, носителями экономических интересов, по поводу производства, распределения, обмена, потребления производимого в национальной экономике продукта. При этом возможны противоречия между экономическими субъектами, функционирующими в разных отраслях, сферах, регионах, имеющих различия в размерах заработной платы, социальных выплат, условиях занятости населения и т. д.

Сферой противоречивости могут стать практически все отношения с особенностями интересов субъектов рыночного взаимодействия.

Наиболее расширительные, затрагивающие интересы значительного круга лиц, связанные с продуктом естественных монополий, играющих важную роль в экономике, управлении особым продуктом — энергетическими ресурсами, системой услуг в сфере железнодорожных перевозок, транспортных терминалов, портов, аэропортов, общедоступной электрической и почтовой связи, важных для общества, требующих государственной политики регулирования в интересах всего населения. При этом носителем национальных экономических интересов, т. е. интересов всего общества выступает государство, как интегрированный выразитель интересов общества.

Регулирование деятельности субъектов естественных монополий складывается:

- из ценового регулирования, осуществляемого посредством определения (установления) цен, (тарифов) или их предельного уровня;
- определения потребностей, подлежащих обязательному обслуживанию и (или) установления минимального уровня их обеспечения в случае невозможности удовлетворения в полном объеме потребности в товаре, производимом (реализуемом) субъектом естественной монополии.

Проблемы и противоречия — в ЖКХ, торговой и др. сферах экономики.

Площадкой выражения противоречивости интересов выступают парламентские заседания, митинги, собрания. Несовпадения взглядов экономических субъектов находят отражение в выступлениях политиков, представителей различных партий, фракций, требуют внимания, учета в нормотворческой деятельности, отражения в законодательных актах после проведения законодательно утвержденных процедур обсуждения.

Для реализации своих интересов различные социальные группы и слои населения выбирают лиц, представляющих их интересы в представительных органах. Таким образом, интересы разных групп и слоев населения находят отражение в государственной политике, что очень важно для формирования адекватной интересам общества концепции государственного управления.

Очевидно, что концепция государственного управления формируется на основе интеграции различных представлений на развитие общества с учетом их разного понимания направлений и приоритетов развития.

При всем том интегрированная концепция, отражающая интересы всего общества, должна иметь объединяющую, как представляется, ценностную для общества *гуманистическую* (от. лат. *humanus* — человеческий) *ориентацию* как важнейшую

доминанту общественного развития. Полагаем, что эту исключительно важную позицию целесообразно отразить в Конституции — Основном Законе страны в связи с актуальностью проблемы государственной идеологии. Возможно, закрепить в международных актах, как важнейший ориентир государственной политики, определяющий, что государственной идеологией может быть исключительно *гуманистическая идеология*.

С учетом отмеченного, вернемся к общему, интегрированному определению идеологии: идеология — система (совокупность) упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных групп общества. Что означает, как вполне очевидно, возможность различных мнений, представлений на развитие общества, имеющих право на существование, законодательно разрешенных, учитываемых, в том числе правительством.

Вместе с тем, как отмечалось, существенно, что государственной идеологией может быть исключительно гуманистическая идеология. Другие ориентиры не могут определять государственной идеологии.

Таким образом, отрицание в принципе возможности государственной идеологии представляется несостоятельным, порождающим неразбериху в общественном сознании, размытость приоритетов, неадекватность управления и пр.

Вместе с тем гуманистический ориентир может выступить объединяющим фактором, стержневой основой, в частности, концепции государственного регулирования экономики. Не универсальной. Не исключая ставки на механизмы саморегулирования в развитых либеральных экономических системах.

В противовес, для переходных экономик, в частности, России, актуальна значительная роль государства в экономическом процессе. При этом важнейшая задача — формирование концепции развития, отвечающей потребностям времени и особенностям периода, условиям материальной жизни общества, ориентированной на устойчивость экономического развития, решение социальных проблем, человека, его приоритеты и предпочтения.

Конституция РФ (1993) провозгласила, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. При этом «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», политика государства «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [2, ст. 2, 7].

Таким образом, конституционно гарантируются экономические и социальные права и свободы человека и гражданина, как и обязательства государства создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В числе важнейших приоритетов: охрана труда и здоровья людей, установление гарантированного минимального размера оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

При этом государство — институт, направленный на реализацию конституционных установок — обеспечение достойной жизни и развития всего общества, защиту прав, свобод и интересов граждан.

Итак, анализ тенденций общественного развития, процессов трансформации экономических систем в связи с переходом к рыночной экономике показывают, с одной стороны, движение к либерализации идеологии, поскольку общественное бытие отражается в сознании и поведении людей, с другой — необходимость повышения социальной роли государства в связи с актуализацией социальных проблем, выдвигаемыми обществом требованиями.

При этом формируются новые представления на роль государства как института взаимосвязанности противоречивости рыночного развития с социальными целями, что исключительно важно и востребовано в условиях современного экономического развития.

Важнейшие приоритеты трансформационного развития — повышение эффективности хозяйствования и социальной политики.

В ряду важнейших направлений эффективности, устойчивости, экономического роста — инновационное экономическое развитие.

Можно выделить ряд правовых решений, ориентированных в этом направлении:

Прежде всего — это Конституция Российской Федерации — основной Закон, определяющий основы жизнедеятельности общества и государства (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

Ряд правительственных решений, направленных на инновационное развитие, решение социальных проблем:

В частности, в 2005 г. утверждены Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г.

В 2006 г. — стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г.

8 декабря 2011 г. Распоряжением Правительства РФ № 2227-р утверждена Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

В рамках Стратегии разработаны и реализуются государственные программы: «Развитие образования», «Развитие науки и технологий», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Информационное общество (2011–2020)» и другие государственные программы.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.13. № 2013 № 2492-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»;

Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика»;

Распоряжение Правительства РФ от 27.12.12 № 2553-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»;

Указ Президента РФ от 19.12.12. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.».

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., ориентированная на приоритеты, цели, принципы, основные направления, задачи и механизмы реализации государственной национальной по-

литики Российской Федерации до 2025 г. основана на положениях Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договоров, многовековом опыте РФ.

Таким образом, очевидно, что государство стоит на страже интересов общества, принимая актуальные экономические и правовые решения, ориентированные на развитие экономики, общества, социальную политику.

Новые условия требуют кардинального поворота и во взаимоотношении власти и общества.

Украинские события высветили, что размытость государственной идеологии пагубна для национального развития. Отсутствие ясного плана действий, развития страны, объединяющей общество ценностной платформы, по сути, обусловили распад государства. Рвущиеся к власти лица, имеющие деньги, не ориентированы на интересы общества, национальные и гуманистические приоритеты, поэтому не поддерживаются обществом.

Вместе с тем очевидна необходимость эффективного решения экономических и социальных проблем в интересах национальной экономики, населения, с учетом материальной жизни общества, акцентом на гуманистические ценности, как основы эффективности государственного управления, ориентированного на общество.

Литература

1. Словарь иностранных слов. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М. 1954.
2. Конституция Российской Федерации. 1993 (ред. 30.12.2008, с поправками 14.02.2014)
3. Законодательные акты Российского Правительства по инновационной, социальной политике.

Основной вектор борьбы политических идеологий в современной России

Поздняков А.И.

Аннотация: Проблема соотношения справедливости и успешности (эффективности, прагматичности) в деятельности людей фундаментальна, социально очень важна, противоречива и может считаться «основным вопросом» социальной философии. Наиболее отчетливо она проявляется в соотношении индивидуализма и коллективизма как смысложизненных ценностных ориентаций, в борьбе либерализма и социализма как наиболее популярных политических идеологий современности.

Annotation: The correlation of justice and successfulness (effectiveness, pragmatism) in human activity is fundamental, socially very important, contradictory, and may be considered as the main question of social philosophy. It becomes more

apparent in correlation of individualism and collectivism as meaning of life value orientations, in the struggle of liberalism and socialism the most popular modern political ideologies.

Ключевые слова: справедливость, ценности, полезность деятельности, результаты, затраты, эффективность, общественные интересы, либерализм, социализм, коллективизм, индивидуализм, идеология.

Key words: justice, values, value of activity, results, cost, effectiveness, social interests, liberalism, socialism, collectivism, individualism, ideology.

Острейшей и до сих пор полностью не решенной проблемой, характерной и для общественных наук, и для практической политической жизни, особенно для российского социума, является проблема соотношения *общественных и частных (личных)* интересов, целей, планов в жизни общества, в деятельности людей. Здесь скрыты существенные причины и революций, и войн, и многих других важнейших политических явлений и процессов. Решение этой проблемы предлагается в политических идеологиях.

Политическая идеология является составной частью политического сознания и представляет собой своеобразный синтез политической науки и политических ценностей. В любой идеологии есть и научный аспект, в том числе и в виде квазинаучной рациональности (гносеологическая составляющая), и аксиологический аспект (ценностная составляющая — ценности, интересы, идеалы, цели).

Интересы, по мнению автора, вытекают из осознания субъектом деятельности своих потребностей и представляют собой наиболее важную форму ценностных ориентаций субъекта [3, с. 17–49]. Любой субъект (от личности и до страны) заинтересован получать в деятельности приращение ценностей (больше результатов при меньших затратах). Анализ ценности результатов и затрат деятельности, таким образом, всегда предполагает *привязку к* потребностям, интересам, целям *определенного субъекта*. Здесь и таится главный источник коллизии общественного и частного. Одно дело, например, если лицо, принимающее политические (государственные) решения, ориентируется на общие интересы, т. е. интересы страны, всего ее народа, на национальные интересы, и другое — если на частные интересы (личные, клановые, корпоративные, определенной социальной группы и т. д.). Государственное решение, очень эффективное с точки зрения частных интересов, может оказаться очень вредным, губительным для страны в целом. Примером такого может служить решение о ваучерной приватизации в начале реформ 90-х гг. XX века в России.

Здесь уместно напомнить, что мораль и право возникли именно как *общественные* регулятивы человеческой деятельности, *ограничивающие частные (личные) интересы и требующие учитывать общие интересы — интересы социальной группы, коллектива, общества, страны, человечества*. В праве пытаются найти некий баланс личных и общественных интересов, но больше думают о защите частных и личных интересов. Поэтому, например, государственные деятели практически не привлекаются к ответственности за неэффективную защиту национальных интересов. Мораль же по своей сути *ориентирована на коллективизм, на презумпцию*

общих интересов. Это явно видно из анализа смысла основных категорий этики (добро, долг, честь, совесть и т. д.).

Коллизия общественного и частного видна и в «судьбе» самого понятия «идеология». Оно, как известно, было введено в научный оборот французским ученым А.Д. де Трасси в начале XIX века. И сразу же появились *негативные* оценки роли идеологии как духовного явления политической сферы общественной жизни. Наполеон называл идеологию демагогией и болтовней. В. Парето рассматривал идеологию как средство придания теоретической формы человеческим эмоциям. К. Маркс видел в идеологии форму иллюзорного сознания. Немецкий социолог К. Мангейм понимал идеологию как систему «добровольной мистификации». Для М. Вебера идеология была равнозначна вере, своеобразной религии.

Негативные оценки идеологии имеют свое основание. Ведь в отличие от науки, чьей задачей является поиск объективной истины, идеология по своей сути не может не быть субъективной. Она стремится овладеть массовым политическим сознанием населения, объединить и сплотить людей на основе общих ценностей. Но шкала ценностей всегда «привязана» к определенному субъекту, действующему в определенных условиях. Например, высокая обороноспособность, надежность охраны наших границ являются безусловно позитивными ценностями для России, для ее граждан, но негативными — для ее противников, для преступников.

Идеология обеспечивает ценностное восприятие, осмысление, выражение групповых и общественных политических интересов, приучает к анализу социально-политических явлений и процессов через призму определенных интересов и политических целей. Но идеология может и маскировать подлинные интересы господствующих групп (так называемых элит), если эти интересы не соответствуют интересам большинства, национальным интересам.

Соединить в одной концепции научность (объективность) и ценностную ориентированность (субъективность) не просто. Это возможно, если в идеологии научно обосновываются интересы большинства народа, создающего реальные ценности, занимающегося общественно полезным трудом. В этой связи ясно, что общепринятая национальная идеология возможна только в обществе с «нормальным» распределением по доходам (в обществе, в котором доминирует «средний класс»).

Идеология ориентирует человека в обществе на основе внедрения критериев оценки настоящего и будущего. Но эти критерии всегда имеют субъективный аспект.

Р. Арон и Д. Белл в 50–60-е гг. XX в., сделав вывод о том, что в западном мире достигнуто взаимопонимание между основными политическими силами по принципиальным вопросам общественного развития, объявили о *конце идеологии*, о необходимости деидеологизации — очищения политического сознания от заинтересованности, от идейных и партийных пристрастий. Однако затем они были вынуждены отказаться от идеи деидеологизации и предложили концепцию реидеологизации — восстановления политической идеологии в новом содержании, соответствующем реалиям конца XX — начала XXI вв.

Отменить или запретить политическую идеологию невозможно, поскольку она выражает и обосновывает политические интересы и потому будет существовать до тех пор, пока существуют таковые, т. е. существует политика.

Политическая идеология, таким образом, — это научно обоснованная или, по меньшей мере, наукообразная система идей, теорий, взглядов и концепций, программ и доктрин, отражающая ценности, интересы, цели, планы того или иного субъекта политики (государства, социальной группы — класса, нации и т. п.) и обосновывающая его притязания на власть и ее использование.

Политическая идеология определяет стратегию политических действий социальной группы, государства, страны. Политическая идеология отличается определенной предвзятостью оценок, склонностью к духовному экспансионизму. Она стремится подчинить себе общественное мнение. Являясь средством идейного обеспечения групповых интересов, политическая идеология вырабатывается политическим классом и является по преимуществу тем инструментом, с помощью которого власть консолидирует граждан, определяет направленность их действий в политическом пространстве.

Политическая идеология удовлетворяет мировоззренческие, коммуникативные потребности людей, обеспечивает осознанное выражение их групповых и общественных интересов, регулирование политического поведения индивидов и социальных групп в общественно-политической сфере. Отражая и воплощая интересы определенных социальных групп, созданных ими социально-политических институтов и организаций в системе взглядов, идей, теорий и концепций, она схематизирует политическую действительность, фиксирует определенные критерии оценки политической реальности, создает нормативную модель восприятия мира политики, делает сложную и противоречивую динамику политической жизни простой и понятной для человека. При помощи идеологии политические цели социальной группы, социального института и организации оформляются в форме цели общественного развития, идеала, привлекательного образца, а политические действия приобретают конкретную целенаправленность, целеустремленность.

Через идеологию систематизируются и выражаются массовые эмоции, чувства протеста и солидарности, негодования и поддержки. Идеология концептуально оформляет представления людей о политической ситуации, выстраивает их оценки в общую картину мира, делает понятными политические изменения. Без идеологии общественное и индивидуальное сознание склонно к мифам — к упрощенному и примитивному восприятию политической действительности. При помощи идеологии люди обогащают свои индивидуальные воззрения общегрупповыми представлениями о таких общественно значимых ценностях как Родина, чувство долга, патриотизм и т. п. Политическая идеология сплачивает людей, близких по своему социальному статусу, политическим ориентирам, повышает их политическую активность в достижении поставленных целей как, созидательных так и разрушительных.

Содержание политической идеологии разрабатывается, систематизируется и отражается в государственных документах, программах и заявлениях политических партий и других социально-политических институтов, в работах политических лидеров и ученых.

Следует подчеркнуть, что коллективистские ценности имеют существенно разный удельный вес в менталитете разных народов мира. Стремление к справедливости, общинность, соборность, коллективизм и т. п. прочно укоренены

в национальном самосознании россиян, особенно русского этноса, в системе ценностей, передаваемых из поколения в поколение посредством культуры, традиций, исторической памяти.

Таким образом, очевидно, что проблематика соотношения общих и частных интересов, а также тесно связанная с ней проблематика соотношения справедливости (как и нравственности, честности, добродетели) и успешности (эффективности, результативности, прагматичности) в деятельности людей, включая политическую деятельность, управление государством, фундаментальна, социально очень важна и весьма противоречива [2]. В современной политической и идеологической борьбе наиболее выпукло она предстает как проблема противостояния либерализма и социализма. Аргументация противоположных по базовым ценностям позиций либерализма и социализма порой столь убедительна, что эти идеологии получали и получают массовую поддержку. Это, в свою очередь, приводит и к революциям (переворотам), и гражданским войнам. И в нашей стране коллизия ценностей либерализма и социализма является основным содержанием идейных битв вот уже почти четверть века.

В основе идеологии либерализма лежат все же индивидуализм, приоритет частных и личных интересов и целей, корпоративной или личной выгоды, личного успеха. Ведь основные постулаты этой идеологии в их кратком изложении таковы:

- свобода личности, свобода предпринимательства и конкуренции — высшие ценности;
- приоритет прав личности над обязанностями, т. е. над правами общества;
- частная собственность священна, общественная — неэффективна;
- минимум вмешательства государства в экономику;
- рынок (торговля) важнее производства реальных ценностей;
- эксплуатация других людей, спекуляция и т. п. — это нормальный бизнес;
- элитаризм, абсолютизация прав сильного (успешного) вплоть до социалдарвинизма;
- приоритет гражданского общества над государством (правовое государство) и т. п.

Фридрих фон Хайек, теоретик рыночной экономики, сказал еще в 1984 г., что для существования либерального общества необходимо, чтобы люди освободились от некоторых природных инстинктов, среди которых он особо выделил инстинкты солидарности и сострадания.

В идеологии либерализма явно наблюдается приоритет права над моралью (разрешено все, что не запрещено законом). Категории морали в текстах либералов почти не встречаются. И это не случайно. Как уже отмечалось, мораль по своей сути ориентирована на коллективизм. В праве же как социальном регуляторе, особенно в рыночных обществах, основной упор сделан на права, причем именно права личности. Конечно, в праве присутствуют и обязанности (запреты), и наказания за противоправные действия. Но в либеральных обществах основное внимание уделяется правам и свободам личности. И понятие справедливости в либерализме имеет преимущественно правовой смысл (если законно, то и справедливо) [5].

Представляется, что и в обществе действуют законы сохранения. Так, общая сумма регуляторов поведения людей — величина примерно постоянная. Чем менее

морально общество, тем больше требуется правовых норм и сил (правоохранительных структур), обеспечивающих их соблюдение. И наоборот. Видимо поэтому либерализация нашей страны сразу привела к падению нравственности и резкому всплеску преступности, в том числе и в среде государственных чиновников. Государственная Дума уже давно не успевает принимать законы. Коррупция расцвела пышным цветом в лихие 1990-е гг. [4]. Борьба с ней приняла затяжной оборонительный характер.

Либеральная политическая идеология, как правило, не претендует на официальный статус в государстве. Наоборот, подчеркивается необходимость идеологического плюрализма. Но за счет целенаправленного использования финансовых, медийных и организационных ресурсов либералы, получившие государственную власть, обычно добиваются господства либеральной идеологии. И в статье 13 Конституции в Российской Федерации утверждается идеологическое многообразие (никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной).

Либерально-рыночное устройство общественной жизни в нашей стране (да и в мире в целом) характерно неким «перекосом» в сторону абсолютизации частного (личного), и принижения общего, общественного. Оно ориентировано на личный, корпоративный успех, на эффективность, на прибыль, на «зарабатывание денег». Такая ориентация характерна и для государственной политики, государственного управления, что часто порождает их несправедливость. Разрушаются, зачастую целенаправленно, выработанные веками моральные нормы, ограничивающие свободу личности. Государственной информационной политикой буквально «загнано в угол» само понятие справедливости, требующее баланса между благами (ценностями), получаемыми субъектом (индивидом, социальной группой, страной) от других, от социальной метасистемы, в которой этот субъект живет и действует, и благами, которые он сам производит и отдает другим. Из уст многих политиков, в том числе и руководителей государства, мы слышим слова «конкурентоспособность», «успешность», «зарабатывать деньги», «инвесторы», «рыночная цена» и т. п., но практически не слышим слов «общественно-полезный труд», «долг перед обществом», «общественная польза».

К сожалению, в политическом классе и бизнес-среде России стал популярен социал-дарвинизм. «Естественным» порядком вещей пытаются объявить то, что «сильные» («винеры» — умные, пробивные, активные) эксплуатируют «слабых» («лузеров», «лохов» и т. п.), пользуясь их неинформированностью, необразованностью, доверчивостью, наивностью и т. п. Более того, и государственные чиновники высшего ранга нередко публично воспроизводят социал-дарвинистские идеи. Известны свидетельства авторитетных политиков о высказывании таких идей Е.Т. Гайдаром и А.Б. Чубайсом. В одной из дискуссий Г.О. Греф публично заявил, что государственное управление эффективно только на основе манипуляции общественным мнением со стороны политической элиты [1].

Социалистическая политическая идеология (от лат. *socialis* — общественный, товарищеский) имеет практически противоположную либерализму принципиальную основу:

- приоритетность общих интересов, ценностей и целей, общей выгоды (коллективизм);

- реальное равенство, даже эгалитаризм;
- приоритет не прав, а обязанностей, долга, ответственности личности перед обществом;
- общественная собственность важнее частной;
- общественное (государственное) регулирование и планирование экономики предпочтительнее свободы частной инициативы;
- производство реальных ценностей важнее торговли и денежного обращения;
- социальный паразитизм, эксплуатация, ростовщичество, спекуляция и т. п. недопустимы, с ними следует бороться;
- приоритет государства над гражданским обществом (этатизм, социальное государство) и т. д.

В социалистической идеологии нравственные нормы не менее, а зачастую более важны, чем право. Социальная справедливость считается базовой моральной ценностью. Наряду с ней высшими ценностями, образующими смысл жизни, считаются истина (правда), добро, красота. Устремления к личному богатству, власти и славе в общественном мнении выглядят сомнительными и часто осуждаются с моральной точки зрения. Коллективизм, т. е. солидарность, сострадание, сочувствие, совесть, мотивы взаимопомощи и т. п. формируются именно нравственным воспитанием. Поэтому ему уделяется первостепенное внимание и осуществляется это воспитание на основе принципа «прежде думай о Родине, а потом о себе».

Следует признать, что социалистическая идеология основана на естественном стремлении людей, создающих реальные ценности, к строю социальной справедливости, к равенству граждан независимо от происхождения и общественного положения. Неравенство в обеспечении благами возможно, но оно должно быть справедливым. Это означает, что больше благ может иметь лишь тот социальный субъект, который больше их производит для себя и общества. Эта идеология отрицает социальный паразитизм. Поэтому подлинный социализм должен защищать и право человека на собственность, но полученную в соответствии со своими заслугами перед обществом и трудовыми успехами.

Подлинный социалистический идеал должен быть далек, таким образом, от представления о нем как о строе полного равенства вплоть до уравниловки. Другое дело, что уравниловка, да и другие перекосы, имели место в реальной практике строительства социализма в странах, социально, экономически и культурно к этому не готовых, что в значительной мере и дискредитировало социалистическую идеологию. Но вывод, что социализм окончательно побежден либерализмом, по меньшей мере, преждевременен. Противоречие между коллективизмом и индивидуализмом и в теории, и в истории отнюдь не разрешено. На наш взгляд, это противоречие является «основным вопросом» социальной философии и носит комплексный характер, поскольку проявляется и в соотношении индивидуализма и коллективизма как смысложизненных ценностных ориентаций, и в борьбе либерализма и социализма как наиболее популярных политических идеологий современности, и в понятии справедливости как фундаментальной общечеловеческой ценности.

Философы давно утверждают, что крайности опасны, а истина находится посередине. Это касается и крайностей либерализма и социализма. В начале реформ российские политики много говорили о «шведском социализме» как об-

разце разумного сочетания либерально-рыночных и социалистических принципов общественного устройства. Академик А.Д. Сахаров говорил о «конвергенции» социализма и капитализма. Столь быстро развивающийся Китай демонстрирует успешность своеобразного симбиоза капитализма и социализма.

Автор полагает, что принципом общественного развития должен быть принцип «не вместо, а вместе». Россия преодолет стагнацию и выйдет на двухзначные темпы экономического роста, если в своей национальной идеологии найдет разумное сочетание индивидуализма и коллективизма, частного (личного) и общественного, т. е.:

- свободы личности и ее ответственности перед обществом, прав личности и ее обязанностей;
- частной и общественной собственности;
- конкуренции и солидарности;
- торговли, посреднической деятельности и производства реальных ценностей, «виртуальной» и реальной экономик;
- гражданского общества и государства.

Но общественные интересы все же должно иметь разумный приоритет над частными. Основные аргументы в пользу данного вывода в кратком изложении таковы. Коллективизм дает системный эффект. Еще Аристотель говорил, что «целое больше, чем сумма частей». Общество как социальная система есть более высокая ступень прогрессивного развития (самоорганизации) людей. Прогресс есть стремление к более тесному *единству* все более широкого *разнообразия*. Человек — существо общественное и ребенок становится человеком только в обществе. Как семейные ценности и интересы выше личных, так и общественные выше частных.

К сожалению, переходный процесс в нашей стране, как это часто бывает, пошел по траектории, характерной для динамических систем с перерегулированием и слабым демпфированием, т. е. с «перегибом». Страна слишком резко «качнулась» от крайностей социализма в сторону крайнего либерализма и теперь просто вынуждена возвращаться к рациональному общественному устройству, сочетающему позитивные стороны капитализма и социализма, но с определенным приоритетом интересов социума, как это имеет место в большинстве стран Европы (Швеция, Норвегия, Финляндия, Германия и др.). Вполне возможно, что перегиб был необходим. «Не перегибнешь — не выпрямишь» — учил в свое время Мао-Цзедун.

Резкую критику либерализма и определенный ренессанс социалистической идеологии вызвал и современный мировой финансово-экономический кризис. Противники либерализма вполне обоснованно подчеркивают, что свобода международных финансовых спекулянтов делает мировую экономику все более нестабильной и несправедливой, особенно с точки зрения распределения ресурсов и доходов. Ведь основная причина кризиса в том, что виртуальная, фиктивная, спекулятивно-ростовщическая экономика подавила реальную, продуктивную. Но именно либеральная экономическая идеология обосновывает приоритет торговли и денежного обращения над производством реальных товаров и услуг. И именно политики, связанные с паразитарной экономикой спекуляций и перераспределений, выступают ныне в авангарде экономического либерализма. Поэтому закономерно, что из уст крупнейших политиков современности все чаще звучат слова о необхо-

димости усиления роли государства в экономике, о социальной справедливости на международной арене, об обеспечении приоритета общих интересов людей и структур, производящих *реальные общественные* ценности, а не частных интересов финансовых спекулянтов, банков, страховых фондов и прочих подобных субъектов экономической сферы.

Из изложенного выше ясно, что России нужна национальная идеология лево-центристской направленности. Она более соответствует и коллективистской ментальности россиян. Более того, двадцатилетний опыт реформ в нашей стране, опыт развития Китая позволяют утверждать, что скорее не социализм нас подвел, а мы подвели социализм. Историческое поражение СССР в идеологической и экономической борьбе вызвало ослабление позиции социалистических идей и в России, и в мире в целом. Но это вовсе не означает, что социализм как идеология социальной справедливости окончательно дискредитирован, что «вбит последний гвоздь в крышку его гроба».

Социализм хоронят уже сотни лет. Тем не менее, продолжают действовать и коренные исторические причины, и имеющие отношение уже к современной эпохе факторы, обуславливающие существование, жизненность и перспективность коллективистской (социалистической) идеологии. Среди последних: необходимость сотрудничества в решении проблем обеспечения устойчивого развития и преодоления кризисов; успешный опыт использования социалистических методов организации экономики и социальной жизни в целом ряде стран, в том числе и высокоразвитых (Норвегия, Швеция); социализация политического сознания широких слоев населения и др.

«Социалистическая мечта человечества» пока оказалась утопичной, но последствиями борьбы за ее осуществление стали: реальная социальная политика, практикуемая ныне почти каждым государством, многочисленные социальные программы, направленные на помощь малоимущим и нетрудоспособным гражданам; различные виды государственного регулирования экономики; государственная помощь культуре, образованию, науке и т. д.

Итак, базовые ценности социализма и либерализма существенно противоположны, что в представлено в таблице 1.

Таблица 1

Противоположность ценностей, научно обосновываемых в социалистической и либеральной идеологиях

Социалистическая идеология	Либеральная идеология
Ответственность личности перед обществом	Свобода личности
Приоритет обязанностей личности перед обществом и нравственных норм	Приоритет прав личности и права (разрешено все, что не запрещено законом)
Общественная собственность	Частная собственность
Солидарность, взаимопомощь	Свобода конкуренции
Общественное (государственное) регулирование экономики	Свобода предпринимательства; невмешательство государства в экономику

Окончание таблицы 1

Социалистическая идеология	Либеральная идеология
Приоритет производства реальных ценностей	Приоритет рынка, торговли, денежного обращения
Борьба с эксплуатацией, социальным паразитизмом, спекуляцией и т. п.	Эксплуатация, спекуляция — это нормальный бизнес
Идеологический централизм	Идеологический плюрализм
Приоритет государства (этагизм, социальное государство)	Приоритет гражданского общества (правовое государство)
Реальное равенство	Равенство прав, право сильного, социал-дарвинизм
Эгалитаризм	Элитаризм
Справедливость, социальная полезность	Прибыль, эффективность, успешность
Приоритетность общих интересов, ценностей и целей, общей выгоды (коллективизм)	Приоритет личных интересов и целей, личной или корпоративной выгоды, личного успеха (индивидуализм)

В последние два десятилетия идейные битвы в России сосредоточены в основном вокруг коллизий ценностей, указанных в данной таблице. Иными словами, борьба социалистической и либеральной идеологий — основной вектор идеологической борьбы в современной России. И это вполне закономерно, поскольку попытки разрешить данные коллизии характерны для всей истории общественно-политического развития. Дилемма коллективизма и индивидуализма — основной вопрос общественной жизни и, соответственно, социальной философии. В настоящее время Россию сплотит и вдохновит на модернизацию лишь левоцентристская политическая идеология, органически сочетающая и примиряющая базовые ценности социализма и либерализма на основе принципа справедливости.

Список использованной литературы:

1. «Вы говорите страшные вещи вообще-то. Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения» // Ведомости. 2012. 26 июня.
2. Поздняков А.И. Конфликт справедливости и эффективности в государственном управлении (философско-методологический аспект проблемы) // Конфликт справедливости и эффективности в государственном управлении. Материалы постоянно действующего семинара. Выпуск 6 (44). М.: Научный эксперт, 2011. С. 5–60.
3. Поздняков А.И. Системно-деятельностный подход в военно-научных исследованиях. Монография. М.: ВАГШ, 2008.
4. Сулакишин С.С. Измена. М., 1999.
5. Ролз Дж. Теория справедливости: пер. с англ. Новосибирск: НГУ, 1995.

Новые косвенные стратегии «мягкой» идеологии глобализма

Спиридонова В.И.

Аннотация

В современном мире произошла качественная трансформация идеологических стратегий, замена прямого, явного, открытого господства и идеологического влияния на новые косвенные скрытые тактики преобразования мира, тактики «структурного насилия». Идеология открытой конфронтации больших проектов XX века (капитализма и социализма) замещается псевдо нейтральным культурологическим противостоянием между «цивилизацией» и «варварством». Возникает новая идеология глобализма, идеология «конца идеологий», или «мягкая идеология», которая, по сути, есть идеология демобилизации. Новые косвенные тактики современности проявляются в программах США по административному переустройству «отсталых» государств, а также через суперновую методику неокOLONIALИЗМА в рамках модели «информационного» общества, когда вместо того, чтобы бомбить аэродромы можно бомбить мозги.

Summary

In the modern world there is a drastic radical transformation of the ideological strategies, which consists in the replacement of direct, explicit, open domination and ideological influence by the new indirect hidden tactics to transform the world, tactics of the «structural violence». Ideology of open confrontation of big projects of the 20th century (capitalism and socialism) is replaced by pseudo neutral cultural confrontation between «civilization» and «barbarism». A new ideology of globalism is emerging, which is designated as the ideology of «the end of ideologies», or «soft ideology», but which, in essence, is the ideology of demobilization. Numerous examples of new indirect tactic of modernity you can see in American administrative reconstruction of «backward» States, as well as through the newest technology of neo-colonialism within the model of the «information society», when instead you can bomb airfields to bomb the brains.

Ключевые слова: «мягкая» идеология, структурное насилие, неокOLONIALИЗМ, информационная война

Keywords: «soft» ideology, structural violence, neo-colonialism, information warfare

В современном мире происходит качественная трансформация идеологических стратегий. Она подготавливалась еще с конца прошлого века. Но окончательно оформилась именно сейчас. Суть перемен состоит в том, что прямое, явное, открытое господство и идеологического влияние заменили новые косвенные скрытые тактики преобразования мира.

Двадцатый век человечество прожило в мире непримиримой схватки двух систем — капиталистической и социалистической, прямого и жесткого противо-

борства двух антагонистических соперников. Такому качеству существования соответствовала идеология открытой конфронтации. Символами раздела были «берлинская стена» — каменная и «советский занавес» — железный. Фундаментом идеологической борьбы была экономика. Противостояние недвусмысленно обозначалось как политико-экономическое и идеологическое. Главное событие XX века — революция 1917 года — революция открытой классовой борьбы.

Мировоззрение двадцать первого столетия символизируют «бархатные» революции. Поле битвы мягко сместилось в область расплывчатого культурного регистра. Новый водораздел сегодня проходит по границе между «цивилизацией» и «варварством». «Идеологическую войну» XX столетия заменила стратегия «smart power» — мягкой власти, для которой характерен отказ от прямого давления и замена его скрытым косвенным манипулированием. Главные концепты сегодня — «явная» и «неявная», «видимая» и «тайная» власть.

«Предчувствие» современной большой трансформации прозвучало в 1985 году (как раз накануне слома Старого мирового порядка) в работе известного норвежского исследователя проблем войны и мира Йохана Галтунга. Он предложил различать две центральные категории — «прямое насилие» и «косвенное (или как он его назвал структурное) насилие».

Следствия прямого насилия настолько очевидны, что их нельзя не заметить. Это — репрессии, массовые убийства, физическое истребление целых этносов. Слишком грубый характер бедствий, которые порождает прямое насилие, приводило к тому, что мир, в какой-то момент ужасался людским потерям в военных конфликтах, и истребительные нашествия останавливались.

Иначе обстоит дело со «структурным насилием». Речь идет о ситуации, когда вред наносится через функции, диктуемые структурой. Например, разрушается экономика целой страны, и население ее вымирает от нищеты, от массовых самоубийств в результате душевной депрессии, деградирует морально и духовно. «Структурное насилие» работает медленно через искусственное создание нищеты в самом широком диапазоне, которая, как пишет Галтунг, «эродировать и в конечном счете убивает человеческое существо» [9,146]. «Структурное насилие» приводит к тому, что он называет Silent Holocaust (что можно перевести как «тихий холокост», «молчаливый холокост»). Тихий, потому что он практически незаметен и последствия его носят «отложенный» характер. Никогда нельзя проследить и доказать однозначную и безусловную причинно-следственную связь между структурным напряжением и уничтожением больших групп населения.

В конечном счете «структурное насилие» приводит к «духовной смерти» нации.

«Духовная смерть» народа — это крайняя форма массовой апатии. Народ становится безразличным, люди прячутся, как мыши, в свои щели и не дают отпора. Они пассивно теряют интерес. Народ умирает по одному, обычно безгласно. Такая форма насилия предпочтительна с точки зрения элиты, т. к. ее легче завуалировать статистикой. Апатию не проиллюстрируешь цифрами, индикаторы слишком расплывчаты [9, 147]. В отличие от «структурного насилия» «прямое насилие» работает быстро, оно прямолинейно, и истоки его легко выявить. Но если это так, то против него также быстро формируется ответная реакция — возмущения или прямого отпора.

Россия, которая во все западные социальные трансформации вступает как в очередную историческую реку, служит прекрасной лакмусовой бумагой подобных перемен в «технологии насилия». Первая революция, в 1917 году, использовала исключительно методы прямого насилия в масштабах поистине циклопических. «Открытая» идеология классово-ненавистной, бескомпромиссное разделение на «своих» и «чужих», «врагов» и «народ», «пролетариат» и «буржуазию» — таковы тактики прямого насилия начала прошлого века. Уничтожались миллионы, открыто, через расстрелы и высылки. И совсем иное дело — «бархатная» революция 90-х гг. XX века. Внешне благопристойная, не было открытой гражданской войны, рек и морей, окрасившихся багрянцем, не писались романы о России, кровью умытой, но сколько реальных жертв скрытого структурного насилия!

Виртуальное пространство как идеологическая политика другими средствами

Иллюстрацией косвенных стратегий господства стали новые методы манипулирования массовым сознанием в рамках модели «информационного» общества. Окончание «холодной войны» вовсе не привело к долгожданному «вечному миру». Напротив, оно стало началом новой — информационной войны. Сегодня технологически развитые страны получают в свое распоряжение недорогой и очень легкий в применении идеологический инструмент воздействия на граждан других стран. Он полностью меняет характер противоборства: теперь не надо бомбить аэродромы — можно бомбить мозги.

Киберпространство сегодня рассматривается как новое реальное пространство войны, где могут разворачиваться современные стратегические силы. Человечество уже освоило и использует как эффективное поле битвы четыре главные стихии — землю, воздух, море и стратосферу. Настала очередь для пятого — виртуального пространства.

Интернет это не только место все возрастающей свободы самовыражения индивидов это — также место управления вниманием. Место эксплуатации человеческого внимания. Это новая форма власти и управления — власть над мозгами, намного более эффективная, чем явное принуждение и прямое насилие. В этом смысле следует помнить об изменении терминологии, которое произошло на наших глазах: всемирная Паутина превратилась в Сеть. Но сеть — это уже нечто упорядоченное, искусственно организованное и, следовательно, вполне управляемое.

Новая идеологическая стратегия «мягкой власти» использует перифраз прежней стратегии. Раньше говорили: «Если не можешь что-либо пресечь, возглавь». В практике информационных войн этот девиз звучит так: «поскольку события нас опережают, попробуем их организовать». Такова была, в частности, тактика США в государствах мусульманского фундаментализма, принеся первые плоды «арабской весны».

Косвенные, непрямые, скрытые, а то и вовсе тайные тактики ведения современной «информационной войны» наглядно проявляются в оформлении в последние годы так называемой digital diplomacy — цифровой дипломатии, называемой иначе кибердипломатией, дипломатией социальных сетей или дипломатией США Web 2.0.

Политико-философской основой ее является новая виртуальная форма идеологии либерализма. Одним из теоретических основоположников киберлиберализма считается Милтон Мюллер, профессор Школы Информационных Исследований в США [15]. Внешне очевидная посылка об удивительном мире индивидуальной и гражданской свободы, дарованной человечеству Интернетом, была умело трансформирована в идею «денационализованного либерализма». Классическая ценность либеральной свободы и индивидуального выбора в новом прочтении транскрибировалась как свобода общения и обмена информацией в мире без барьеров, как всеобщее право на получение и распространение информации независимо от государственных границ.

Подготовленная идеологией глобализации тема индивидуации планетарного пространства получает, таким образом, в свое распоряжение нового субъекта действия — активного блоггера, который объявлялся отныне «гражданином сети» — «netcitizen». Новый гражданин нового мира, освобождаясь от бремени государства, становится актором, который должен всей своей деятельностью способствовать упразднению власти «национальных государств» и реализовать приходящее на смену им «глобальное управление» под эгидой самого развитого государства современности. «Мы должны найти способы перевода классических либеральных прав и свобод в структуру управления, подходящего для глобальной сети Интернет. Там не может быть киберсвободы без политического движения, направленного на определение, защиту и институционализацию права и свободы личности в транснациональном масштабе» — написал в 2010 году М. Мюллер в своей книге «Сеть и Государства: Глобальная политика управления Интернетом» [15]. Вот так позитивно-гуманная идея беспрепятственного человеческого общения превращается в прагматический проект правительства США, обнародованный в 2009 году.

На руководство программой Госдепартамента была мобилизована воинственная Х. Клинтон, а основные идеи были разработаны А. Россом, советником Х. Клинтон по инновациям. Были названы основные политические цели Интернет-дипломатии — борьба с авторитарными режимами посредством поддержки оппозиции и протестных настроений пользователей сетевых ресурсов в странах, где, по квалификации американских наблюдателей, отсутствует свободный доступ к Интернету. Еще недавно в этот список входили, например, Иран и Китай, где действительно предпринимались попытки самообороны от американской информационной атаки с помощью вскрытия контактов пользователей сети с американскими структурами и через создание собственных национальных независимых Интернет-сетей. Сегодня в перечень «неблагонадежных стран» превентивно попала и Россия, в которой на самом деле до сих пор нет никаких ограничений по контактам с иностранными пользователями и нет так называемого «файерволла» — комплекса мер для пресечения нежелательных идеологических влияний.

Помощник американского госсекретаря не скрывает, что истинная мишень такого рода политики — изменение социального строя других государств в нужном направлении. Главное средство — отработка методов протестного поведения. Очевидно, что в соответствие с логикой поставленной цели необходимо расширить доступ граждан к виртуальному пространству, что и стремится обеспечить США в первую очередь.

Следующей задачей называется выявление активных блоггеров (netcitizens) через детальное изучение зарубежных социальных сетей. Для достижения этой цели Госдепартамент США финансирует проект в Гарвардском университете, направленный на исследование политической ориентации пользователей социальных сетей и блогов в таких странах как Иран, Россия, Китай и других. Анализируется содержание дискуссий в социальных сетях, в частности, на базе российской платформы Twitter, выявляются наиболее популярные блоги. Так, по свидетельству Г.О. Ярыгина и Н.А. Цветковой, американские эксперты обнаружили в социальных сетях России противостояние двух идеологий — национализма и либерализма, причем, как они замечают, побеждает первая. Таким образом, заключают авторы исследования, «США, в отличие от периода «холодной войны», обладают всеобъемлющей информацией о политической расстановке сил в блогосфере, что позволяет оказывать влияние на оппозиционные настроения и развивать диссидентское движение через Интернет» [7].

Развитые страны современного мира готовятся к новым идеологическим ударам в информационном поле уже сегодня. Для этого немалые деньги выделяются правительствами на создание оборонительного кибероружия. Стремление сохранить национальную независимость заставляет перспективных мировых игроков таких, например, как Китай, разрабатывать и использовать собственные поисковые системы, аналогичные Google, а также Facebook, Twitter, известные в совокупности под названием «Великий китайский файерволл». В последнее время заговорили также о реальности закрытой сети мусульманского интернета, разрабатываемого первоначально в Иране под именем «Халяльный интернет», а также северокорейской локальной интернет-сети «кванмен»[5]. Сохранить суверенитет в сфере информации, полагают правительства этих стран, можно только через фильтрацию контента или же через создание национального Интернета. «В условиях то и дело вспыхивающих кибер-войн, регулярных кибер-набегов и массовой вербовки хакеров в кибер-солдаты желание некоторых государств выстроить своего рода кибер-крепости понятно», — признает даже один из противников такого рода защиты [6].

В этом отношении вывод в Интернет кириллицы предстает как определенный этап сохранения государственной и национальной безопасности нашей страны. Это создает в будущем перспективу консолидации собственного культурного пространства, способного противостоять идеологическому давлению, а возможно, при благоприятном сценарии эволюции событий и вступить в конкуренцию с единственной сверхдержавой современного мира. Только тогда можно будет говорить о самостоятельном развитии не только России, но и других регионов мира, о позитивном переосмыслении понятий «граница», «территория», «суверенитет» — об уважении чужого национального достоинства.

Идеология современного неоколониализма

Распространение косвенных стратегий, которые приходят на смену «прямому действию» прошлого, характерны для завершающей стадии формирования идеологии глобализма, которое происходит на наших глазах.

Надо сказать, что сегодня произошел своеобразный «мировой государственный переворот», когда сформировался странный мир, в котором одно государство пытается диктовать свою волю множеству других государств. Возник некий симулякр, подобие новой Римской империи в лице США, которому необходима новая идеологическая платформа. И она появляется на наших глазах. Рождается идеология «конца идеологий», или, по точному выражению политических философов в области коммуникаций Франсуа-Бернарда Юига и Пьера Барбе, «мягкая идеология» (*la soft-idéologie*), для которой показательно широкое распространение «политической дискуссии, лишённой идей и проектов» [1].

По сути, это есть идеология демобилизации. Она провозглашает поклонение вещам и экзальтацию идеологии «маленьких счастливых». Она вызывает к жизни общество безразличия, потери смысла и нарциссистского индивидуализма [4]. Как со всей резкостью замечают Ф.-Б. Юиг и П. Барбе, *la soft-idéologie* — это власть денег, бизнес, моральное вырождение, либерализм и рок-культура [13]. *La soft-idéologie*, — как пишет другой исследователь С. Халими в рецензии на книгу Ф.-Б. Юига и П. Барбе, — это вытеснение глубокого размышления над главными вопросами социального устройства, серьезных дискуссий об обществе и его перспективах, это замещение интеллектуалов «людьми спектакля», заслонение лидеров дилерами. Это — «мягкий плюрализм ценностей» перед лицом «жесткой монолитности систем» [11, 773]. По сути, это суперновая методика неокolonизма.

Ж. Ассейяг, директор Французского центра исследований в области гуманитарных и социальных наук, поддерживает идею о том, что на наших глазах рождается новая американская идеология. Ее основаниями, считает он, являются два главных постулата. Первый гласит, что в мире международного терроризма отныне не будет существовать строгого разделения политики государства на внутреннюю и внешнюю. Второй предполагает повсеместное распространение двух фундаментальных общечеловеческих ценностей — рынка и демократии. При всем желании затемнить суть происходящего это означает, что все очевиднее становится тот факт, что таким образом выстраивается новое «колониальное настоящее» [8, 86].

Согласно логике американской помощи необходима транспортировка «правильного функционирования» в слабо развитые страны. Это тоже «косвенная» тактика современности.

По сравнению с эпохой британского владычества современный американский проект предстает как «облегченный империализм», как гегемония без колоний, указывает канадский исследователь, преподаватель университетов в Кембридже, Оксфорде, Гарварде и Торонто М. Игнатъевф. Америка стремится создать глобальную сферу влияния, освобожденную от балласта прямого администрирования и от рисков, которые сопутствуют прямому повседневному политическому управлению [14]. Эта модель лишней раз подтверждает, что новая идеология глобализма намерена использовать окольные средства воздействия, «косвенное правление». Идет «перезагрузка» прежнего «тяжелого» образа империи, приведение его в соответствие с новой — «легкой» современностью. Именно такое определение состояния человеческого сообщества дал английский социолог З. Бауман в своей книге «Текучая современность» [3].

Американские политики меняют тактику действий: они переходят к краткосрочным интервенциям с быстрым отходом. Тяжелая современность была эрой прямых территориальных завоеваний, пишет З. Бауман, — Она требовала неприступных стен, охраны границ и сохранения тайн местоположения. Новая техника власти использует в качестве своих главных инструментов свободу и искусство ускользания. Для новых властителей-кочевников, от которых зависит судьба менее подвижных партнеров в отношениях, важно в любой момент оказаться за пределами досягаемости [3, 128]. Прототипом новой тактики стал принцип «нападай и убегай». Этот новый способ реализации власти был ярко проиллюстрирован во время войн в Персидском заливе и в Югославии. «Удары, нанесенные самолетами-невидимками и «умными» самоуправляющимися и самонаводящимися на цель ракетами — неожиданно прилетевшими ниоткуда и немедленно исчезнувшими из вида, — заменяли территориальное продвижение отрядов пехоты и попытки вытеснить врага с его территории» [3, 18]. Появился даже специальный термин для такого рода действий — «McOccupation», что означает в переводе нечто вроде «уцененной оккупации» [8, 98].

Эта тактика также использует косвенный культурный дискурс. Американская стратегия представляет США как «всемирную универсалистскую нацию», которая формулирует глобальные общечеловеческие ценности и от их имени уничтожает «врагов цивилизации» [8, 31]. Большинство современных американцев убеждены, что территориальное разделение мира проходит между погруженным во мрак Востоком и светоносным Западом. В такой перспективе формируется оппозиция между «одной-единственной Цивилизацией и множеством варварств». Война идет против так называемых «государств-бандитов», «государств-разбойников» или же государств с «отклоняющимся поведением».

Российская ситуация

В последние годы в России немало было сделано для того, чтобы привить ценности индивидуализма в массовом сознании. Одновременно шла интенсивная пропаганда по дискредитации властей самого разного уровня. Нельзя сказать, что власть предрержащие подвергались критике незаслуженно. Однако тот процесс, который происходил, далеко не всегда носил конструктивный характер. По крайней мере, не предпринималось достаточно мер для того, чтобы исправить положение. В результате в стране сложилась классическая ситуация всеобщего разочарования населения во власти вкупе с явлениями катастрофической атомии и аномии в социальном пространстве.

Этот феномен замечательно описан Ханной Арендт как состояние «новой, ужасающей, отрицательной солидарности», когда сонные большинства превращены «в одну громадную неорганизованную, бесструктурную массу озлобленных индивидов, не имевших ничего общего, кроме смутного опасения, что надежды партийных деятелей обречены, что, следовательно, наиболее уважаемые, видные и представительные члены общества — болваны, и все власти, какие ни есть, не столько злонамеренные, сколько одинаково глупые и мошеннические» [2]. Именно такое состояние общества может быть использовано любой внешней силой для

целенаправленного идеологического влияния на общественное сознание народа в целях, весьма далеких от подлинных интересов членов сообщества. Учитывая идеологическую агрессивность единственной современной сверхдержавы мира, будущее России оказывается под серьезной угрозой, которой необходимо противостоять уже сегодня.

Для России особой проблемой становится осознание своей целостности, причем не только в территориальном, экономическом, но прежде всего в культурном плане. Речь идет о непрерывности традиций, осмыслении и сохранении базовой идентичности, тех «священных камней», на краеугольном основании которых строится нация как социально-политическая единица. Коммуникация между поколениями, коллективная память — это фундамент исторического бытия народа. Именно культура обеспечивает сплоченность между прошлым и настоящим, идейную и идеологическую устойчивость страны и народа. Россия в этом плане страна особая. Смуты уже трижды рушили ее до основания. При этом каждый раз покушались именно на культурные основы ее государственности. Возникали глубокие цивилизационные разрывы, после которых самоорганизация общества начиналась заново. Вопрос в том, какая при этом возникала модернизация — действительно создающая скачок вперед, как это было, например, в случае советского опыта или же отступление в разновидность социально-культурного варварства. Последний разряд трансформаций общества известен в современной социологии под именем «архаизирующей модернизации» [16].

Именно такой случай имеет место ныне в России и связан он с отказом от преемственности в развитии, полным отречением от прошлого и попыткой заменить собственный цивилизационный код готовым европейским паттерном. Однако успешное заимствование предполагает обязательное сохранение традиции, как о том свидетельствует опыт Китая. Когда в этой стране начался переход к новой модели существования общества, то было заявлено, что прежний курс Мао не был полностью ошибочным. Действия коммунистического руководителя были названы верными на 75% и только на 25% подвергались сомнению. Так же поступил в свое время сам Мао, сохранив в китайской Конституции отдельные положения прежнего буржуазного правления. Российский идеологический экстремизм, уничтожая свое прошлое, закрывает дорогу в будущее.

Конечно, современная ситуация резко меняется благодаря вездесущести Интернета. Но он не только связывает людей и народы, налаживает коммуникации и сближает. Информация и власть вещи взаимосвязанные. Современный Интернет изменяет форму властвования, но не отменяет самого факта господства и доминирования. Напротив, он их делает более сконцентрированными, монопольными и тираническими. Правда, это происходит в скрытой, неочевидной, но тем более действенной форме. Первоначальные обольщения относительно свободы общения и даже таких политических бонусов как реализация идеи «прямой демократии», сегодня оказываются несостоятельными. Интернет — это не просто сеть, это сеть, которая определенным образом организована. Для осуществления коммуникации в ней необходимы IP — адреса, протоколы и т. д. Вся эта логистика, в конечном счете, преобразуется в определенную систему поиска информации в сети Интернет. Крупнейшей из них сегодня является Google. Это — целый конгломерат поисковых

систем, принадлежащий корпорации Google Inc., с портом приписки — США. Эта система — первая по популярности (79,65%), она обрабатывает 41 млрд 345 млн запросов в месяц, ей принадлежит 62,4% рынка, она индексирует более 25 млрд веб-страниц, может находить информацию на 195 языках народов мира [10].

Известность поисковой системы такова, что в английском языке появился неологизм *to google* или *to Google* (аналог в русском компьютерном сленге — гуглить), использующийся для обозначения поиска информации в Интернете с помощью системы Google. Именно с таким определением глагол занесен в наиболее авторитетные словари английского языка — Оксфордский словарь английского языка и Merriam-Webster. Американское сообщество назвало глагол «*to google*» словом десятилетия.

Такая популярность вовсе небезобидна и не нейтральна. Она фактически передает микровласть над умами пользователей компании Google и ее акционерам, которые формируют поле для поиска. Как верно отмечает Ф.-Б. Юиг, современный исследователь культуры коммуникаций, хорошо известно, что в эпоху распространения классической печатной продукции покупатель «Фигаро» или «Юманите» определенным образом усиливал власть правых или, соответственно, Коммунистической партии Франции. Но он хотя бы делал это сознательно [12].

Таким образом, интернет сегодня — это оружие идеологическое, причем оружие нового поколения — поколения косвенных стратегий воздействия на население.

Сегодня Россия ослаблена. В ней нарушены коммуникационные связи между поколениями, силен пресс западного паттерна. Нет культурного иммунитета. Совершенно очевидно, что перспективы возрождения России связаны с освобождением из-под давления новых косвенных стратегий господства, с осознанием своей самостоятельности и с формулированием собственной устойчивой формулы существования.

Список используемой литературы:

1. Анжено М. Взрыв апокалиптических настроений // <http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-09-24/angeno.htm>.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма // <gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/38.php>.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб. 2008.
4. О книге: *La soft-idéologie*. François-Bernard Huyghe et Pierre Barbès. Editeur: R. Laffont 1987 // <http://www.huyghe.fr/livre_12.htm>.
5. Халяльный интернет? // <<http://homeservice.ucoz.ru/news/2012-05-03-716>>.
6. «Халяльный интернет» — как это работает // <<http://texnomaniya.ru/internet-news/-quot-khaljalnijnj-internet-quot-mdash-kak-jeto-rabotaet.html>>.
7. Ярыгин Г.О., Цветкова Н.А. Netcitizens как новая целевая аудитория Интернет-дипломатии США // Вектор науки ТГУ. № 3 (21), 2012. <http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media72609/49Yarygin.pdf>.
8. Assayag J. Quand guerre et paix s'emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // Cités. P. 2005. № 24.
9. Galtung I. Twenty-Five years of Peace Research: Ten Challenges and Some Responses // Journal of Peace Research. Oslo. 1985. V. 22. № 2.

10. Google // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Google>
11. Halimi S. О книге «François-Bernard Huyghe et Pierre Barbès Robert. La soft idéologie» // *Politique étrangère*. P. 1988, Vol. № 53.
12. Huyghe F.-B. Qu'est-ce que le pouvoir sur Internet? // <http://www.huyghe.fr/actu_378.htm>.
13. Huyghe Fr.-B., Barbès P. La soft-idéologie. P., Editeur: R. Laffont. 1987// <http://www.huyghe.fr/livre_12.htm>.
14. Ignatieff M. Empire Lite: Nation-Building in Afghanistan, Kosovo, and Bosnia, Toronto, Penguin, 2003.
15. Milton L. Mueller. Networks and States: The Global Politics of Internet Governance. MIT Press, 2010. Цит. по: Савин Л. Кибердиссиденты // <<http://old.geopolitica.ru/Articles/1402>>.
16. Tous les hommes ne sont pas frères. Entretien avec Régis Debray // *Culture*. 12 mars 2009. <<http://www.causeur.fr/tous-les-hommes-ne-sont-pas-freres, 2077>>.

Антисистемы в биологических и цивилизационных механизмах упадка и выхода из него

Тараненко А.М.

Кривая стресса Г. Селье для организма и кривая мобилизации-акме-упадка цивилизации по Л. Гумилеву имеют математическое подобие и колоколообразны. Показано, как переломить кривую упадка для организма или цивилизации, и какие биологические либо мировоззренческие принципы стоят за этим. Резонансно-антирезонансное общение самостоятельных логосов или резонансное слияние зомби в безликий «солярис» (типа гностических сект, губителей цивилизаций, в историсофии Л. Гумилева). Показаны пути и принципы создания антипсихотронного био и политического оружия.

§ 1. Что такое антисистемы

В биологическом организме органы поддерживают друг друга. Это математически описывается положительной обратной связью (ПОС). Скорость V нелинейного взаимодействия для системы в режиме поддержки частями друг друга описывается произведением факторов взаимодействующих сторон $V = x \cdot y$, что, при условии однонаправленности и корреляции действия этих факторов $y = a \cdot x$ дает простое нелинейное квадратное уравнение для величины скорости $V = a \cdot x \cdot x$. Система тогда описывается уравнением Рикати

$$dx/dt = V = a x^2 (1)$$

Как известно, один из основателей мировой синергетики, чл.-корр. Сергей Павлович Курдюмов, считал это уравнение главным уравнением синергетики для

целостных нелинейных систем. Оно им было придумано для открытия режима саморазогрева плазмы в проблеме мирного использования термоядерной энергии для энергетики. Нами оно введено для открытия самовосстановительных процессов в биологии и медицине [1].

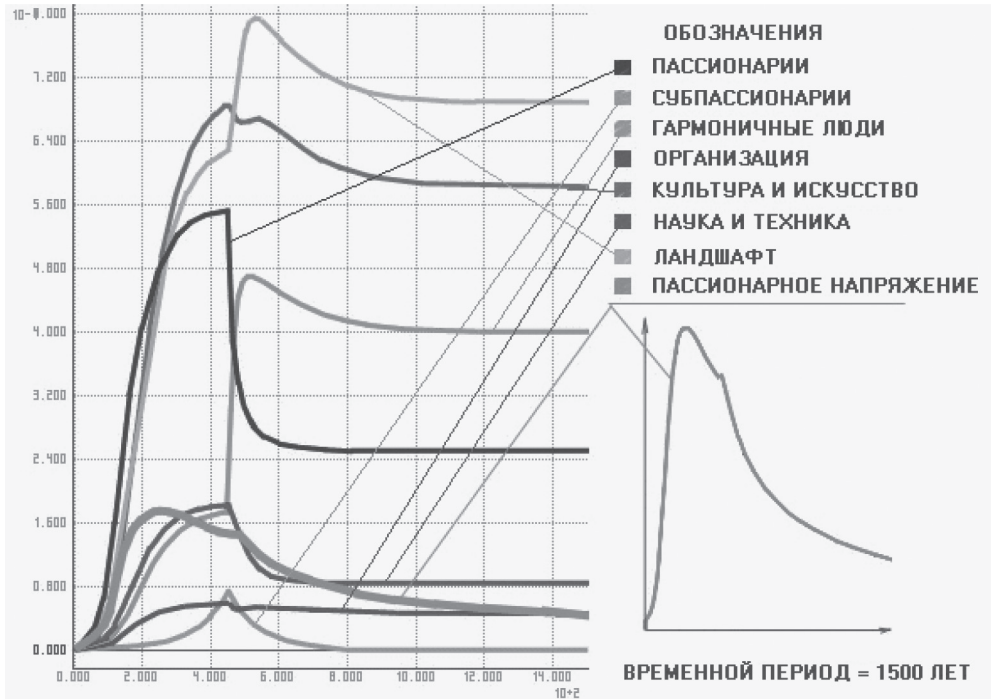

Рис. 1. Динамика этнической системы Исторические циклы могут иметь размеры целых тысячелетий (<<http://www.kulichki.com/~gumilev/debate/Article32.htm>>)

Такие процессы порой идут нескоро, и не сразу видны, почему их и долго не могли «увидеть» экспериментаторы биологи и медики. Но с открытием так называемого эффекта прекондиционирования в лечении болезней сердца и инсульта (где хороший эффект виден уже за неделю) уже нельзя говорить, что феномена такого в биологии и медицине нет. Другое дело, что роль математического описания его для биомедиков понята пока немногими [2]. Решение уравнения (1) это гипербола с долгой лаг-фазой и потом резким взмытием потенциала системы вверх $x = const \cdot 1/(t_0 - t)$, где t — время. Взрывной участок относится к системам открытым П. Баком в теории самоорганизованной критичности (1996) [3]. Изучая метаболизм организма, мы установили, что факторы организма, описывающие его энергетическую мощность и процессы роста и восстановления, могут давать машину по типу (1). Это приводит к восстановлению организма после болезни. Но в случае отрицательных коэффициентов взаимодействия $a < 0$, решение переворачивается, и после стабильного плато резко пикирует вниз, прогрессивно. Такие

вещи можно назвать действием антисистемы. Реально коэффициент a это борьба системы a_+ и антисистемы a_- , так что $a = a_+ - a_-$.

Реально в организме взаимодействия не парны, а троичны (например, в метаболизме клеток решающую роль играют белки, жиры, углеводы), так что вместо уравнения Рикатти нужно писать кубическое уравнение $dx/dt = b \cdot x^3$. Его решение $x = const \sqrt{1/(t_0 - t)}$. Это дает более мягкую кинетику, то того же характера.

В колоколообразной временной кинетике стресс-реакции организма по Г. Селье и кинетике адаптивного ответа цивилизации Л. Гумилева (рис. 1) системе или ПОС отвечает участок мобилизации, роста адаптивного потенциала системы, вплоть до акме, а антисистеме отвечает участок спада и отрицательная обратная связь (ООС). В биологическом организме это метаболические качели и метаболические антикачели. Качели раскачивают адаптивный потенциал системы, а антикачели уменьшают его. В итоге наступает дизадаптация, или смерть.

В системе части помогают друг другу, и выталкивают временную кинетику развития вверх. В антисистеме части подрывают друг друга. Вначале это может даже активизировать, но недопустимой ценой, что вскоре сказывается и переходит в упадок. В какой то области параметров в систем хищник-жертва может существовать временное равновесие, но не устойчивое. Затем оно переходит в упадок и исчезновение. У цивилизаций упадок временно может быть замедлен присосом к новым жертвам, в качестве агрессоров, или плутовских «спасителей», но все равно это прогрессивно (по геометрической прогрессии) ускоряет развязку.

Для цивилизации важно переломить упадок, т. е. участок спада на кривой временного хода потенциала цивилизации $x(t)$. Нужно выяснить условия этого перелома, воскрешения цивилизации, и роль антисистемы, Для купирования ее действия. В биологии антисистема возникает в случае так называемого футильного цикла (Е.Е. Сельков) между системами энергопроизводства и роста и восстановления, когда имеются утечки из системы, как внутренние, так и вовне, и они влияют на биологические регуляции так, что субстраты и энергия расходуются расточительно, а восстановительные процессы роста тогда затруднены или невозможны. То же, как увидим, является кибернетической тайной упадка, а потом и гибели цивилизаций, потому что кибернетика организма и общества едина (Н. Винер, 1948).

§ 2 Антисистемы в кинетике потенциала цивилизации. Кредо «паразитов»

По Л. Гумилеву, то, что люди руководятся мотивами неэгоизма, самоотвержения, лежит в основе мобилизационного этапа в жизнецикле цивилизации, участку взрывного развития и роста. Постепенно по мере успехов наступает перекорм, снижение им энтузиазма, и наступает сперва торможение развития, акме, а потом и спад, этап упадка, декаданса, депрессии, где руководят мотивы эгоизма, «пожить». Они нарастают, и потребление или хищение превышает производство, цивилизация угасает, или же ей в этом помогают хищники извне и изнутри (паразитарные силы).

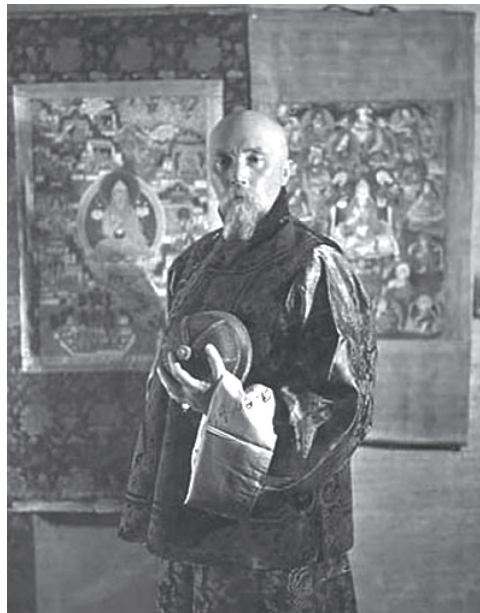
Л. Гумилев, изучая цивилизации, установил, что нередко в качестве таковых выступали гностические, inferнальные секты, с философией «хорошего» про-

тивобога, философией разрушения. Хорошо известно, что фашизм Гитлера имел оккультно-техническую основу, основанную на культуре силы, массового внушения лжи, гипноза, на использовании биоопытов для мутации в зомби или истребления людей. Современные триллионеры Запада и послушные им части аппарата западных государств не оставили гностических планов Гитлера и идут по тому же пути. Есть у них и пятая колонна внутри России (с участием проникших во власть организации политики в биологии и медицине в стране «профессоров Мориарти»), включая разработку методов воздействия на человека через научные технологии отрицательного направления и политические системы массового внушения на базисе нейролингвистического программирования мозга, на базе новых научных данных о мозге и механизмах внушаемости, зомбирования. Биологам читаются на методологических семинарах институтов лекции о «неинвазивном стирании сознания»...

В трудах «русского Леонардо да Винчи», отца Павла Флоренского показано, что любому серьезному научно-техническому взрыву предшествует этап длительного накопления духовного развития. Наоборот не бывает. И никогда в истории не было. Поэтому многовековые и тысячелетние медленные колебания в потенциале цивилизаций отец Павел раскрыл именно через эти факторы, как ключевые, главные. Он предвидел прекращение упадка в России, «новое средневековье». За счет подъема духовности и развития на втором этапе после этого, как следствие, науки, техники, экономики нового типа. Когда ученые на идут за Христом, они не могут оставаться нейтральными, они непременно становятся жертвами тоталитарных гностических сект, инфернала. Это и видим. После советского катка атеизма интеллигенция, доктора наук бросились к свету из Азии, рерихству (за этой тоталитарной сектой стоят Рокфеллеры и Ротшильды, развитая структура сетевой войны против России), и т. п. А ведь Рерихи и Кроули, учитель Гитлера, имеют совершенно одинаковую структуру мировоззрения, идеологии. Не понимая ее постулатов, едва ли удастся раскрыть суть еврофашизма, и принципов оболъщения ими русского человека. Мы не пойдем «щелей», через которые прокрадывается враг. Г. Юнг, как известно, отлично знал эту систему постулатов, и поддерживал фашизм, но после того, как фашизм, гностицизм, на деле показал свою сущность, Г. Юнг от него отказался. И признал роль христианства в сохранении Европы,

христианства, искаженного на Западе, в лакунные остатки, но даже и через них продолжающего положительно влиять на Европу. Постулаты гностиков понятны. Есть сверхлюди и есть стадо, недочеловеки. Сверхлюди должны слушать «оно» (т. е. разнузданные страсти) по З. Фрейду, и прихорошенное лицемерной западной культурой «оно», «сверхсознание» по Г. Юнгу. Ф. Ницше говорил в таких случаях о «дионисийской» и «аполлонической» тенденциях. В обоих случаях, с точки зрения биологии, эмоциональный мозг в головном мозге человека выходит из под контроля коры, развивается эмоциональная недостаточность. Она является существенным промотором заболеваний мозга. И внутренних органов. Эмоциональная недостаточность отвечает известным в психиатрии болезням типа психопатий. Затем разгулом подсознания, эгоизма, лакируемого «высокими» оправданиями западной «культуры» гнозиса, подрывается кора. Наступает этап психозов, т. е. крайнего разлада поведения и массовой гибели (апоптоза) нейронов мозга. Они сопоставимы разве с массовой гибелью нейронов мозга у алкоголиков при алкогольной деменции и алкогольном делирии. В России нам надо избежать этого сценария. Он заложен известной программой Даллеса (1945) — убить самоидентификацию русского человека, угасить его самосознание, критичность. Тому же способствуют и биодобавки, перевод на европейское питание.

§ 3. Как переломить кривую упадка. Взгляд биолога

При гностическом воздействии, гипнозе происходит угнетение миоцитов вплоть до разрушения миофибрилл (каталепсия). Падает сила мышц сосудов, сердца, слабеет питание кровью органов, мозга, в организме развиваются атопические воспалительные процессы — патоген основных внутренних болезней человека.

Падает иммунитет. Падает критичность. Все же оккультные системы учат расслаблять мышцы, до состояния парабриоза. Это, как видим, небезопасно и даже может быть очень опасно. Цепенет воля нации. Угасает национальное самосознание. Цепенеть нельзя. Нельзя уходить в болезнь, нельзя верить депрессии. Этому могут помочь некоторые природные антиоксиданты и лечебные масла растений и рыб. Нужна активная физическая работа, но лучше не предельная, а средняя и ниже средней, зато упорная, и с достаточными перерывами для восстановления. Нужна не блицкрижная, а особо организованная поэтапная реабилитация здоровья тела и критичности мозга, развитости эмоционального мозга у человека вместо режима недостаточности эмоционального мозга. Пушчинская математика сделала глубокие открытия в необходимости поэтапной прогрессивной работы.

§ 4. Как переломить кривую упадка. Политологические методы

В политологии нужны тоже комбинированные био- и политические воздействия. Запад засылает сюда организаторов хаоса, духовных мутантов. Они создают психопатическую среду с резко выраженным качеством биологического, психологического и политического поражения — лиц с языковой агрессией. Они хулят все и вся. Глубоко их изобличил Кара-Мурза. Биологически это путь в гебефринию, смехачество с органическим поражением мозга. Духовные мутанты создают популяции лиц с биологическим вырождением (нарушено более 40 генов). Политология должна бороться за то, чтоб реабилитировать часть духовных гностических мутантов в активные личности. Нужно прямо указывать на растворение личностей в солярисе, муравейнике, империи великого инквизитора (Достоевский), как конечной цели гностических сект, всемирного глобалистского их слияния в суперимперию, где зло будет объявлено добром, а добро злом. В этом царстве все основано на общении подсознаний (резонансе), в сознании должно быть только то, что оправдывает эгоизм, агрессию, хищничество, суррогаты культуры, науки, техники. Между здоровыми же личностями должен быть как резонанс, так и антирезонанс, «цветущая сложность» вместо «смещения» (К. Леонтьев) и «упадка» как его следствия. Надо быть похожим в глубоких основах морали, но не сливаться в оригинальности, неповторимости личности. Сердце при резонансе гибнет, мозг требует люфта притирки систем, фрактального спектра колебаний, $1/f$ шума. Это пояснено в известной теории самоорганизованной критичности П. Бака. Он повторяет открытие К. Леонтьева, что не упрощение, а сложность путь к здоровью. Это так для цивилизации (К. Леонтьев, XIX век) и для мозга (П. Бак, XXI век).

§ 5. Принципы и пути создания антипсихотронного био- и политического оружия

Зомбирование всегда требует ослабления организма и мозга, и лжи пациенту или политической жертве или жертвы — народа оккупируемого, зомбируемого. Нужно научиться поэтапно укреплять, нужна политическая реабилитология. Воспалительным процессом, поражающим политическую сопротивляемость народа и его элит является прививка истиноподобной лжи. Работы Сулакшина по дей-

ствительной и мнимой эффективности экономик, по нашему мнению, значительно разоблачают эту ложь и согласны с крупными данными по режимам эффективности и псевдоэффективности в биологических науках.

Заключение

Русская цивилизация может и должна встать с колен и дать закваску встать с колен и идти к расцвету всем свободолюбивым народам мира. Для этого уже создано многое. Русская идея уже есть. Хватит ее искать. Ее пора реализовывать на деле. Нужны сетевые структуры антивирусы на западные подрывные структуры в народе, среди интеллигенции, элит. И прогрессирующая атака врага. Верующий русский народ — непобедим, «нагорная проповедь Христа» (С.С. Сулакшин) и ныне оживает и живет в нем и имеет власть опрокинуть все мировые гностические силы, разрушителей цивилизаций.

Выводы.

1. Постепенно становится ясным, что методы зомбировки русских людей в духовных мутантов вершителей хаоса и упадка страны можно научно расшифровать. Как в биологической, так и в политической части.
2. На этой основе можно и нужно создать психотронное био и политическое оружие, что является ключевой задачей для русских людей.
3. Русская идея уже значительно разработана, и пора ее воплощать. Лучшая оборона это наступление. Но оно у России мирное. Это реабилитация после тяжелых физических и политических болезней.

Благодарности. Автор благодарен С.С. Сулакшину и В.Э. Багдасаряну за стимулирующее действие их книг и Н.Н. Львовой (Москва) и Е.А. Шепелю (Владивосток)

Список литературы.

- [1]. Тараненко А.М. Нелинейно-синергетический закон обострения в временной эффективности лечения, и его экспериментально-клиническое обоснование. В: Труды XII Международной конференции «Математика. Компьютер. Образование», 17–22 янв. 2005 г., Пущино, вып. 12, ч. 2 / Под ред. Г.Ю. Ризниченко. Москва-Ижевск, «R&C Dynamics», 2005, 81–91.
- [2]. Тараненко А.М. Медицина будущего — многонедельные отложенные эффекты ревитализации кардиомиоцитов, открытые методами метаболического моделирования. В: «Математическое и компьютерное моделирование в биологии и химии. Перспективы развития», II Междун. научная Интернет-конференция: материалы конференции: В двух томах, Т. 2. С. 41–49. [paxgrid.ru>proceedings_chembiomod2013.pdf](http://paxgrid.ru/proceedings_chembiomod2013.pdf)
- [3]. Пер Бак: Как работает природа. Теория самоорганизованной критичности. Издательство: Книжный дом «Либроком», 276с.

Политическая идеология как проект будущего страны

Тимофеева Л.Н.

Необходимость перемен сегодня ощущается всеми в России. Между тем скоро исполнится 30 лет (1985–2015) с начала крупной реформации последних лет в России, названной перестройкой. Перестройка дала толчок появлению различных альтернативных идеологических платформ внутри единственной в стране политической партии — КПСС, а затем и возникновению оппозиционных партий и движений. Именно тогда в Советском Союзе при активном участии либерально-демократической оппозиции начался процесс радикальных изменений, называемых либеральными реформами (либеральным типом модернизации), который затем перешел во всесторонний кризис советской и мировой социалистической системы, завершившийся ее распадом. Есть мнение: распалась прежняя коммунистическая идеология — распалась страна.

В связи с этим возникла необходимо рассматривать идеологию не в марксистском толковании как непременно извращенную картину социальной действительности («ложное сознание»), цель которой — найти оправдание для определенного типа общества в интересах правящей верхушки, а в толковании А. Грамши, который полагал, что идеология — это система связей между абстрактными философскими концептами и политическим миром множества людей. Иными словами, это практическая реализация абстрактных философских систем, разработанных интеллектуалами. *Идеология в политике понимается сегодня рядом обществоведов (например, Шварцмантелем Дж.) как общее видение того, как должно быть устроено общество, объединяющее разрозненные политические концепты в связную картину с целью (нередко достигаемой) получить поддержку у вдохновленных этими идеями людей*¹. В широком смысле политическая идеология дает ответ на вопрос, какой тип общества предпочтительнее. «Идеология — это масштабное представление о природе «политического» и «хорошего» общества»². При этом не исключается одновременное существование партийных идеологий, различных идеологических доктрин, отражающих позиции и идейное видение устройства мира различными политическими группами. Напротив, противостояние различных партийных идеологий — неперенный атрибут здоровой демократии, что подразумевает дискуссию, политическую борьбу между различными мнениями о том, как должно быть устроено «хорошее» общество. В этом смысле ученые призывают реабилитировать политические идеологии как важный элемент современного демократического государства в глазах тех, кто хочет исключить их из политической жизни, считая догматическими и тоталитарными образованиями, которые представляют, по их мнению, угрозу демократии.

Для модернизации России мало политической воли первого лица государства, хотя для нашей страны она часто бывает решающей, мало «вертикального»

¹ Шварцмантель Дж. Идеология и политика / Пер. с англ. — Х., 2009.

² Указ соч. С. 48.

диалога власти и оппозиции, но важен еще и «горизонтальный» дискурс трех направлений политической мысли России: консерватизма, либерализма, социализма. Их обязательное участие в дебатах убедительно обосновал известный российский политолог И.К. Пантин³: консерваторы нужны для воспроизведения уникального опыта российской государственности в стране, которая и не страна в обычном смысле, а целый культурный, цивилизационный континент; либералы необходимы для установления соотношения социально-правовых связей между личностью, обществом и государством, формами организации жизни в России и мире; социалисты — для того, чтобы демократия и свободы достались не части, а всему населению. Поэтому задача президента и всех органов власти и управления создать обычную практику консультаций с лидерами и правой и левой политической оппозиции по важнейшим проблемам, касающихся всех граждан, их жизни, безопасности и благосостояния.

В связи с этим, естественно, поднять вопрос об *интегративной идеологии*⁴ модернизации. Она могла бы вместить в себя такие ценности как *свобода, достоинство, закон, равенство возможностей*. Основания для этого мы находим и в программах действующих политических партий и в выступлениях первых лиц государства и в требованиях, выдвигаемых институтами гражданского общества.

В начале 2000-х заговорили о необходимости консервативной модернизации с сохранением тех культурных ценностей, которые составляют ядро российской цивилизации. Следует отметить при некоторых отличиях схожесть позиций президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева относительно этих ценностей.

Российская идея была сформулирована В.В. Путиным перед началом избирательной кампании 2000 года в статье «Россия на рубеже тысячелетий» в декабре 1999 года: «**Патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность**»⁵. На исходе своего второго президентского срока в феврале 2008 В.В. Путин выступил с речью на заседании Госсовета в Кремле, в которой отметил основные приоритеты в развитии России, призвав сформировать «*общество равных возможностей*» без бедности и *гарантирующее равную безопасность каждого человека*. Для обеспечения лучшей жизни Путин посчитал необходимым сократить дифференциацию доходов граждан, подчеркнув, что уменьшение разрыва в доходах граждан не должно привести к исчезновению стимулов для профессиональной и творческой самореализации.

В своем первом Послании Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. Медведев так расставил свои ценностные приоритеты: *Справедливость*, понимаемая как *политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей, реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции* (выделено мной). *Свобода* — личная, индивидуальная, свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. *Свобода и независимость Российского государства. Жизнь человека, его*

³ См.: Современное общественное развитие: консервативное видение. М., 1995. С. 32.

⁴ Этот вопрос поднимали еще в 1997 году на страницах журнала «Полис» видные ученые — обществоведы: Т.А. Алексеева, Б.Г. Капустин, И.К. Пантин «Перспективы интегративной идеологии» (Тезисы) // Полис. 2007, № 3.

⁵ См.: <<http://www.km.ru/spetsproekty/2012/03/28/publitsistika/novaya-ideologiya-putina-gosudarstvennaya-ideologiya-rossii>>.

благополучие и достоинство. *Межнациональный мир*. Единство разнообразных культур. Защита малых народов. *Семейные традиции* — любовь и верность. Забота о младших и старших. *Патриотизм*. Вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре.

Здесь заметно сочетание как консервативных, так и либеральных, социал-демократических ценностей. Этаким идеологическим постмодернизмом — отсутствие одного метанарратива, зато наличие выбора идеологием на все вкусы, которые могли бы примирить плюральный идейный мир россиян.

Но набором ценностей в построении проекта будущего не отделаешься. Нужна еще ясная политическая картина будущего мира. Нам известны три такие картины. В свое время американская политическая элита придумала новационный проект для своего государства — либеральную демократию, где главный тезис: «Все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди которых — право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью». Америка не была тогда ни идеальным, ни справедливым обществом, как впрочем, и сегодня. И потому это положение не утратило своей актуальности, а в 1931 г. даже обрело форму «американской мечты». Именно так выразился в 1931 г. историк и литератор Дж. Адамс. Он писал о том, что это «мечта о земле, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где каждый получит возможность осуществить свои способности». Адамс подчеркивал, что это мечта не об автомобиле и высокой зарплате, но о социальном устройстве, при котором каждый сможет реализовать себя и заслужить признание независимо от социального положения своей семьи и других обстоятельств. Как это часто бывает, со временем выражение «американская мечта» стало для многих воплощать именно то, что его автор не имел в виду — идеал личного успеха и благополучия. В этом ограниченном значении американскую мечту высмеивали и пародировали все кому не лень. Тем не менее, вера в то, что Америка — общество равных возможностей, остается главным двигателем социального и экономического прогресса этой страны.

Русская интеллигенция придумала свой — социалистический проект, критикуя либеральный за то, что демократические процедуры скрывают антинародное существо режима: «государство, которое, по сути, находится в руках капиталистов, нельзя назвать свободным, ибо оно служит интересам капитала»⁶ (Ленин В.И., 1969, 203.). Социальное равенство — вот идеал, к которому надо стремиться.

Европейская, и, в частности, скандинавская политическая элита, глядя на недостатки двух этих проектов, пришла к своему социал-демократическому проекту, несколько ограничив и объединив основные ценности двух предыдущих проектов: «свободу» и «равенство». Компромисс между ними родил современную практику западной социал-демократии, которая тоже не является идеальной, и критикуется.

В этой связи, россиянам сегодня требуется политическая элита нового типа, «умеющая не только организовать население по законам массового производства и потребления, но и формировать народ как культурно-исторический субъект» (Панарин, 1998, 339) по новому инновационному проекту развития.

⁶ Ленин В.И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // В.И. Ленин Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит.-ры. М., 1969. С. 203.

Центр научной политической мысли и идеологии, возглавляемый д.п.н., профессором С.С. Сулакшиным, предложил его в виде проекта новой Конституции, который еще предстоит всесторонне обсудить. Это серьезный шаг в сторону построения конкретной политической картины будущего России.

Национальная идеология, как средство актуализации народного духа

Шепель Е.А.

Аннотация

Цель доклада состоит в обосновании основного принципа российской официальной идеологии будущего. Этот принцип должен базироваться не на навязывании какой-либо очередной общегосударственной модели обязательного поведения, а на помощи народу в актуализации собственного культурного потенциала, выраженного в исконных национальных ценностях.

Abstract

The purpose of the report consists in a substantiation of the basic principle of the Russian official ideology of the future. This principle should be based not on imposing any regular national model of compulsory conduct, and to help the people in the actualization of their own cultural potential, expressed in the age-old national values.

Ключевые слова: идеология, актуализация принципов национального духа, манипуляция сознанием, потребительская психология, русско-славянская духовность.

Keywords: ideology, updating of the principles of the national spirit, the manipulation of consciousness, consumer psychology, Russian-Slavic spirituality.

Понятие «идеология» определяется как система концептуально оформленных взглядов и идей, выражающая чьи-то интересы⁷. Естественно, речь здесь идет о групповых интересах, одновременно присущих большому количеству людей. Сам факт совпадения одинаковых интересов у большой группы людей говорит об устойчивости и актуальности этих интересов.

Если вести речь о национальной идеологии, то под такой группой следует подразумевать целую нацию, народ. Объединяющим началом такой идеологии следует признать некий общенациональный императив, универсальный для всей нации, уходящий корнями в народный менталитет.

⁷ Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия М.: Мысль, 2000. Т. 2 / URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%E4%E5%E6%E7%E8%FF#cite_note-encyclpiphras-1, дата обращения 27.02.2014.

В то же время следует учитывать, что понятие «идеология» состоит из двух терминов, одним из которых является греческое слово «идея». Последняя представляет собой «мысленный прообраз какого-либо... явления, принципа, прообраз реальности»⁸, возникающий в сознании каждого конкретного человека посредством его творческого процесса отражения окружающего его объективного мира. То есть идея — явление сугубо индивидуальное, присущее сознанию каждого отдельно взятого человека.

Вопрос соотношения общей идеологии с индивидуальным идейным контекстом каждого потенциально образует проблему навязывания точки зрения большинства индивиду, что в масштабах национальной идеологии способно привести к проявлениям тоталитаризма и духовного подчинения. Как правило, об этом свидетельствует история всех режимов, базирующихся на той или иной национальной идеологии.

Осветим проблему самоидентификации индивидуума в общей массе окружающих его идеологических штампов на примере потребности формирования национальной идеологии в России.

Современные жители России, достигшие зрелого возраста, родились и были воспитаны в условиях реалий Советского Союза. Наверняка, каждому до сих пор памятна царящая в поздний советский период гнетущая атмосфера идеологического давления, все меньше соответствующая реальным запросам и потребностям населения страны. В немалой степени по этой причине распад Советского Союза, будучи, по своей сути, деструктивным явлением, воспринимался подавляющим большинством участников сопровождавших его событий, как некая победа идеалов свободомыслия и демократии над тоталитарным мракобесием. Это сейчас мы, оглядываясь на те события двадцатипятилетней давности, способны оценить всю глубину постигшей нас национальной катастрофы.

Задачей российской идеологии будущего является ни в коем случае не допустить повторения того гнетущего состояния духовной безысходности, которое сопровождало навязывание советской идеологии.

Как этого достичь?

Есть в подлинном смысле слова «идеология навязывания» каких-либо общепринятых штампов поведения. Они сопровождаются увещеваниями наподобие: «Ты должен! Ты обязан!», и отход от них воспринимается как форма отступничества, сравнимая с предательством. Так, в целом, и было в Советском Союзе. Чуждая, по сути, привитая с запада марксистская идеология выдавалась за общенациональную. Искренне следовали ей только те, кто был заинтересован в ней для приобретения и удержания политической власти; для остальных она была дамкловым мечом, вынуждающим либо приспособливаться к ней, применяя тактику угодничества, либо противостоять ей — тайно или открыто.

Эта идеология эффективно порождала своих антигонов. Они формировали свою собственную идеологию, базирующуюся на их сугубо личных представлениях и идеях, и начинали следовать ей. Очень часто, конечно, подобная идеология девиантна; выражается в форме шансона, криминальной культуры. Но она

⁸ Идея / URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%E4%E5%FF>, дата обращения 27.02.2014.

эффективна именно устойчивостью самостоятельно вырабатываемых взглядов, суждений и мотивов.

Невероятно сложную задачу составляет умение «подхватить» локальную идеологию широких кругов общества, и направить ее в полезное русло формирования национальной идеологии. Современная психологическая наука называет это умение актуализацией, определяемой, в частности, как «абсолютизация принципа деятельности и отождествление реальности с активностью субъекта»⁹.

Проводниками национальной идеологии будущего в гораздо большей степени должны стать не ораторы, оглашающие пространство призывными лозунгами (им должна быть отведена вспомогательная, дополнительная роль), а люди, владеющие той тактикой, которую мы сами разоблачаем и критикуем в действиях наших тайных политических противников¹⁰. Мы должны научиться противодействовать им их же способами, но с той разницей, что если их действия квалифицируются, как манипуляция сознанием, то сподвижники национальной идеологии должны проводить актуализацию народного сознания.

Поясню свою мысль.

Французский историк Марк Блок в своей известной книге об исторической науке писал, в частности, что в защиту истории следует сказать, «что она увлекательна»¹¹. Этот пример отвлеченный, но он дает ключ к пониманию сути проблемы. Очень устойчивым первичным мотивом начала перехода к какой-либо деятельности является очарование этой деятельностью, «подхватывание» ею и ее вдохновение на продолжение.

Говоря о русской национальной идеологии, следует сказать, что подлинно русскому национальному менталитету очень часто свойственно ощущение, которое писатель Василь Быков в одной из своих книг выразил через суждение: «тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом»¹². Речь идет об осознании чувства собственного нравственного совершенства, постигаемого через интуитивное отречение от собственных эгоцентрических притязаний. Такое чувство является одним из столпов русского национального менталитета, позволяющего ему не только отождествлять самих себя, противопоставляя другим, но и ощущать свое превосходство над другими.

Приведу для наглядности ряд примеров из практической жизни.

Марина Влади в своей книге о Высоцком описывает такой эпизод. Она смотрела по телевизору кинохроники проведения немецких военнопленных по Красной площади. Идет немецкий молодой парень — оборванный, худой, голодный. К нему подходит русская женщина. «Кажется, что она сейчас ударит его. Но она вынимает из-под болтающегося на ней мужского пиджака горбушку хлеба и протягивает ее ребенку. Я никогда не забуду выражения лиц пленных — это были стыд и недоверие, а потом — удивление и благодарность. Они идут мимо и, не имея возмож-

⁹ В словаре / URL:<http://vslovar.ru/slovo/sotziologicheskij-slovar/aktualizacija/41276>, дата обращения 28.02.2014.

¹⁰ Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Постиндустриализм: опыт критического анализа. М.: Научный эксперт, 2012. С. 19; 21; 92.

¹¹ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 7.

¹² Быков В. Знак беды // В. Быков. Повести. Л.: Лениздат, 1987. С. 571.

ности даже на секунду остановиться, повернули назад головы, еще долго провожая глазами женщину, которая простила их»¹³.

Советский разведчик Р. Абель однажды, будучи резидентом в США, едва не был разоблачен, когда проявил пример подлинного национального великодушия, одолжив своему больному другу сумму денег, совершенно не оговорив условий возврата и вызвав сильнейшие подозрения¹⁴. То есть в море иноземной массы этот необычный пример стал вопиющим по своей наглядности.

Мой троюродный брат Юрий — моряк дальнего плавания, рассказал случай, как когда-то он, живя во Владивостоке, снимал квартиру, платя за нее большие деньги. У него на этой квартире жил французский матрос. Брат просто позвал его к себе, когда увидел, что тому негде жить. Француз принял это, как должное, и прожил две недели, не заплатив ни рубля, а Юрий ни разу не заговорил о необходимости оплаты.

Эти примеры бесчисленны. Они выражают особенности славяно — русского национального характера, заложенные в подсознании подавляющего большинства населения России. Согласно одному суждению, к которому я всецело присоединяюсь, «славяне... — это не национальность, а культурная принадлежность народов к определенной системе мировосприятия и миропонимания»¹⁵.

Именно эта система мировосприятия и миропонимания, «модель достижения цели через включение внутренних духовных ресурсов... и объединения людей на основе идеи преобразования человека проявляла себя в ситуациях прямого противостояния с западной моделью как более успешная»¹⁶. По изложенной причине эта система в настоящее время находится под воздействием серьезной целенаправленной угрозы, имеющей задачу ее полного уничтожения. В частности, это выражается в современном господстве потоков «масс-медиа, российского растлевающего, опущенного в культурном смысле, с матерщиной и скабрзностью, телевидения, разгроме идентичной системы образования, воспитания, культуры, выращивании потребительского общества, общества примитивных запросов»¹⁷.

По своей сути, эта цивилизационная угроза не нова, она была актуальна и в период несоизмеримо большего национального подъема, чем сейчас. Вот художественный пример вражеского монолога, высказанного во время Великой Отечественной войны: «Нынешнее поколение людей в России слишком фанатичное. До оголтелости... Значит, надо действовать нам другим путем... Будем вырывать эти духовные корни, опощлять и уничтожать главные основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, выветривать этот... фанатизм. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее!. Мы сделаем из

¹³ Влади М. Владимир, или прерванный полет / URL: http://modernlib.ru/books/vladi_marina/vladimir_ili_prervanniy_polet/read/, дата обращения 01.03.2014.

¹⁴ Сулакшин С.С. Количественная теория цивилизационногенеза и локальных цивилизаций. М.: Научный эксперт, 2013. С. 68.

¹⁵ Каткова Е.Н. Правовое мировоззрение в традициях славянской культуры // Служу Отечеству: информационно-аналитическое издание № 2 (72) февраль 2014 года. С. 12.

¹⁶ Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Превосходство, присвоение, неравенство. М.: Научный эксперт, 2013. С. 177.

¹⁷ Сулакшин С.С. Указанная работа. С. 75.

них циников, пошляков, космополитов!. Не легко это сделать... А главное — не так скоро... невозможно быстро достичь этого. Десятки и десятки лет пройдут... Другие будут продолжать наше дело. И рано или поздно они построят в России, во всех ваших советских республиках, совершенно новый мир... угодный всевышнему... Окончится война — все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, чем располагаем... все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить! Мы найдем своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России! И даже не то слово — найдем... Мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько надо! И вот тогда, вот потом... со всех сторон — снаружи и изнутри — мы и приступим к разложению... сейчас, конечно, монолитного, как любят повторять ваши правители, общества. Мы, как черви, разедем этот монолит, продырявим его... Общими силами мы низведем все ваши исторические авторитеты ваших философов, ученых, писателей, художников — всех духовных и нравственных идолов, которыми когда-то гордился народ»¹⁸.

Персонаж Анатолия Иванова, произносивший эти высокопарные речи в самый разгар противостояния советской России и фашистской Германии, считал своим духовным лидером Л.Д. Троцкого¹⁹. А этот лидер, как мы знаем из современных публикаций²⁰, был ставленником масонов. Вот, где следует искать корни современного духовного порабощения России.

Это порабощение является не чем иным, как способом обеспечения сохранения господства принципов прозападной культуры. В условиях распада мировых колониальных систем «возникла реальная угроза потери Западом положения мировой метрополии»²¹. В этой ситуации спасительной соломинкой выступает «современная структурируемая вокруг атлантистского запада глобализируемая цивилизация. Предложенная ею модель — путь устойчивого экономического роста... Соответственно, для того чтобы рост экономики был непрерывным, должны опережающими темпами расти и потребности. Для этого они искусственно разогреваются посредством рекламы, СМИ, потребительского кредитования. Тип человека — потребителя является, таким образом, результатом целенаправленного пропагандистского манипулирования»²².

В настоящее время приходится признать достижение этой политикой манипулирования всецелой идеологической победы. Менталитет подавляющего большинства населения России, и главным образом — молодого поколения, ориентирован на потребление, при резком снижении уровня духовных моральных ценностей и ориентировании на примитивные запросы. Цель мечтателя периода Второй мировой войны, монолог которого мы привели выше, достигнута в высокой степени.

¹⁸ Иванов А.С. Вечный зов. М.: Военное издательство, 1986. С. 641–643.

¹⁹ Там же. С. 597; 601–603; 639.

²⁰ Малашенко А.Л. Черный демон революции // Служу Отечеству: информационно-аналитическое издание № 11 (57) ноябрь 2012 года, № 12 (58) декабрь 2012 года, № 1 (59) январь 2013 года, № 2 (60) февраль 2013 года.

²¹ Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э., и др. Постиндустриализм: опыт критического анализа. М.: Научный эксперт, 2012. С. 235.

²² Там же. С. 123.

Однако есть примеры и обратного свойства. Те исконные национальные черты, характеристике которых мы посвятили первую часть своего доклада, никуда не делись. Они продолжают жить в глубине народной массы и постоянно проявляют себя в повседневности в виде беспомощных стонов, проистекающих от осознания постигшей нас духовной катастрофы и собственного бессилия противостоять результатам этой катастрофы. То есть в народе присутствует неискоренимый позыв, психологическая установка которого направлена на возрождение погрязших исконных идеалов самосознания. Но пока никто не знает, как их возродить.

Сейчас этот позыв фрагментарен, распылен между огромным количеством не связанных друг с другом локальных очагов духовного сопротивления культурному подчинению паразитарной сущности западной культуры. Но он есть, и именно фактом своего наличия он представляет собой обширное поле деятельности для потенциальных идеологов возрождения славяно-русской самоидентичности. Повторим то, с чего начали: идеологию ни в коем случае не следует насаждать, ее необходимо актуализировать. Мы должны создать условия для предстоящего выхода потенциального объема национальной духовной энергии, который неизбежно последует. Это и должно стать нашим ответом на вызов паразитической манипуляции сознанием нашего населения: мы должны взять в благоприятный момент эту манипуляцию в свои руки и направить ее на достижение прямо противоположного эффекта — на искоренение фетиша потребления посредством продвижения естественной потребности населения страны к реализации свойственной ее духовному типу системе мировосприятия и миропонимания.

Очень часто бывает так, что людям решить их проблемы помогают кризисы, возникающие из этих проблем. Вот и нам должен помочь кризис, разрушительная сила которого станет способной переломать сложившиеся стереотипы потребления подавляющего большинства. О том, что кризис неизбежен, говорят многочисленные прогнозы. Его не надо ждать и грезить его пришествием: он придет сам, и как всегда, в самый неблагоприятный момент. Мы должны только скопить духовные силы для того, чтобы суметь достойно воспользоваться в своих целях его тяжелыми последствиями, и вернуть народный менталитет к его исконным мировоззренческим критериям.

Не навязывать что-либо народу, а дать народу возможность определиться самому — вот что должно стать ведущим девизом нарождающейся российской идеологии будущего.

Ценностный барьер на пути создания современной государственной идеологии России

Юдин В.В.

В статье анализируются социокультурные характеристики российского общества, формирующие ценностный каркас идеологии. Показывается зависимость успеха модернизации общества от определенного набора ценностей. Делается вы-

вод о несвоевременности формально-юридического оформления в сегодняшних условиях государственной идеологии ввиду явного несоответствия преобладающих ценностей требованиям модернизации. Предлагается долговременный сценарий создания современной государственной идеологии по мере трансформации социокультурных характеристик российского общества.

The article analyzes the sociocultural characteristics of Russian society, forming evaluative framework ideology. Shows the dependence of the success of the modernization of society from a certain set of values. Concludes untimely formal legal registration in today's state ideology because of the apparent disparity between the prevailing values and modernization requirements. Offered a long-term scenario for creating a modern state ideology as the transformation of the socio-cultural characteristics of Russian society.

Ключевые слова: идеология; ценности; индивидуализм; дистанция по отношению к власти; избегание неопределенности.

Key words: ideology, values, individualism; distance in relation to power; uncertainty avoidance.

У понятия «идеология», как известно, множество значений. От «ложного, иллюзорного сознания» (по К. Марксу) до «высших ценностей и идеалов», направляющих общественное развитие. Поскольку за двести с лишним лет существования понятия идеологии (со времен Дестюта де Траси) добиться сколь-нибудь общепринятой его трактовки не удалось, попробуем оттолкнуться от «словоприменительной» практики. В сегодняшних диалогах словосочетания «либеральная идеология» или «социалистическая идеология» как-то не вызывают потребности переспрашивать: а что именно вы имеете в виду? Интуитивно и так всем ясно, о чем идет речь. Но что именно ясно? Рискну предположить, что употребляющие эти слова люди в большинстве случаев хотят обозначить определенные наборы (системы) идей и ценностей, фиксирующих необходимость изменения или сохранения существующего социального порядка. Причем эти системы идей практически никогда не бывают приняты единодушно. Что в социально разнородном обществе совсем не удивительно.

Так что феномен идеологии — социально-групповой, а не общесоциальный. Но возможна ли в таком случае общегосударственная идеология? Вполне: ведь государство-то — это тоже определенным образом организованная группа (146 миллионов россиян, например). И у этой группы может и должна быть своя идеология, фиксирующая и защищающая общенациональные интересы. Защищать их, очевидно, требуется в столкновениях с интересами других национальных групп (государств). Так что подобная идеология предназначена преимущественно для внешнего употребления, где национально-государственная общность россиян может быть представлена единой целостностью. Как например, в случае защиты российских граждан (неважно — олигархов или пенсионеров), попавших за рубежом в затруднительное положение. Или в ситуациях, связанных с угрозами суверенитету, национальной безопасности, интересам отечественных производителей и пр. Тут с идеологией все более или менее ясно.

Однако положение существенно усложняется при переходе к делам внутренним. Ибо тут уже сталкиваются интересы «своих» для государства-нации социальных

групп, предъявляющих постоянные притязания на определение целей и задач внутренней политики государства. Возможна ли в этом случае объединяющая все разнородные социальные группы единая государственная идеология? (Вопрос, понятно, ставится чисто гипотетически, ибо практическое его воплощение авторы Конституции РФ 1993 года предусмотрительно запретили.)

На мой взгляд, и на этот вопрос следует дать в принципе положительный ответ. Да, единая государственная идеология возможна и необходима, если государство (или политическая элита) сможет разработать объединяющий большинство граждан социальный проект переустройства общества и добьется при этом консенсуса хотя бы основных социальных групп по поводу базовых ценностей, заложенных в основу намеченного к реализации проекта.

Однако, к большому сожалению, оба названных условия в современной России выглядят практически невыполнимыми. Поиски внятной национальной идеи на протяжении почти четверти века существования обновленного российского государства пока успехом не увенчались. Ценностного консенсуса (или хотя бы движения к нему) в нынешней российской культуре также не наблюдается. Поэтому и приходится обращаться к принципу конкретности истины: вообщето государственная идеология — вещь неплохая, но в сегодняшних конкретных условиях она совершенно нецелесообразна. Поскольку на пути ее создания стоит высоченный ценностный барьер, на преодоление которого нужно неопределенно долгое время.

Объяснение этого пессимистического тезиса лежит, что называется, на поверхности. Государственная идеология нужна нашему обществу не сама по себе. Она не самоцель. Целью является мобилизация масс на осуществление назревших общественных преобразований. Их метафизическая сущность, положим, еще не нашла внятной формулировки. Зато эмпирическая схема давно в социальных науках (экономике, социологии, политологии) отработана. Это — концепция модернизации. Необходимость перевода страны на более высокую траекторию развития, характеризующуюся непрерывным технологическим обновлением производства, упором на его наукоемкие отрасли, растущими вложениями в человеческий капитал и прочими признаками постиндустриализма, была осознана еще при Советской власти. Понятно, что неповоротливая плановая экономика и забронзовевшая партийно-государственная машина осуществить сколь-нибудь серьезные преобразования не позволили.

Развал СССР, экономические и политические реформы 1990-х годов вроде бы дали России еще один шанс реализовать модернизационный проект. Ясно, что в 1990-е страна главным образом укреплялась, консолидировалась, училась жить по-новому. В нулевые же годы руководство страны уже начинает отчетливо формулировать цели и задачи модернизации. Третий президент России фактически сделал модернизацию страны своей политической платформой. Да и в программе действий, озвученной в «майских указах» нынешнего Президента РФ, модернизационные ноты звучат достаточно громко. В общем, можно с уверенностью утверждать, что политическим руководством страны необходимость модернизации осознана и даже как-то переведена в плоскость практической политики. Однако сколько-нибудь весомых результатов пока что нет. Да и прогнозы на ближайшее

будущее неутешительно. Как ни пытается государство снять российскую экономику с пресловутой «сырьевой иглы», ничего толком сделать не удается (причем уже почти полсотни лет).

Так отчего же так отчаянно буксует модернизация в России? Отметим при этом, что далеко не только в России. Десятки стран в последние несколько десятилетий стремятся осуществить модернизацию, дающую стабильно высокие темпы развития. Не получается практически ни у кого. Но все же есть и исключения: Япония, Южная Корея, Сингапур и др. Естественным образом возникают два взаимосвязанных вопроса: почему не получается у большинства и отчего так повезло всего лишь нескольким странам?

Возможный ответ на эти вопросы можно найти, анализируя социокультурные характеристики стран-лидеров в сравнении с остальными. Иначе говоря, стоит присмотреться к преобладающим в различных странах социальным ценностям, которые, как выясняется, могут как «поощрять», так и тормозить процессы модернизации. Благо, ценностные характеристики различных культур стали за минувшие полвека более-менее измеримы. В социологической среде весьма популярна (хотя и не без критики) методика кросс-культурных исследований голландца Г. Хофстеде, масштабный долговременный проект мониторинга эволюции ценностей в различных странах (World Values Survey) был развернут под руководством американского профессора Р. Инглхарта [см. 1] и т. д.

Содержащаяся в этих исследованиях информация позволяет сделать однозначный вывод о наличии сильной корреляции между динамикой основополагающих ценностей и количественными показателями социально-экономического развития общества. В посвященном данной теме докладе «Культурные факторы модернизации», подготовленном в консультативной рабочей группе президентской комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России под руководством профессора А.А. Аузана, утверждается, что «...модернизация — это прежде всего социокультурный процесс (результатом которого является выход на устойчивую траекторию экономического развития...), в рамках которого происходит переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, сопровождающийся снижением дистанции по отношению к власти, а также укреплением значения ценностей индивидуализма и самовыражения». [2, с. 27] Именно это смогли сделать совершившие во второй половине XX века модернизационный рывок «азиатские тигры»: они смогли изменить систему традиционалистских ценностей.

В вышеприведенной цитате использован некий «микст» методик Г. Хофстеде и Р. Инглхарта. Если же взять в чистом виде методику Г. Хофстеде и посмотреть на основные параметры ценностного измерения культуры таких, например, стран как Россия и США, то получится весьма впечатляющая картина. По таким показателям как «индивидуализм — коллективизм», «приемлемость неопределенности», «маскулинность — феминность» две упомянутые страны фактически противоположны. Видимо, это и есть тот социокультурный фактор, который сдерживает модернизаторские устремления российского общества, не дает назревшим изменениям реализоваться. Значит, решение задачи модернизации страны должно обязательно включать в себя целенаправленный ценностный сдвиг в российской культуре.

Но возможно ли формирование ценностей «сверху», в приказном, так сказать, порядке? В принципе вообще-то — да. Смогли же, например, американцы подавить расизм, немцы — очиститься от фашизма, а Япония с Тайванем — «нарастить» индивидуализм. И тут бы, по логике вещей, и должна пригодиться государственная идеология (которой у нас де-юре нет). Значит, ее спешно следует создать?

Увы, утвердительный ответ на этот вопрос, на мой взгляд, для сегодняшней России был бы преждевременным. И даже более того — ошибочным для вроде бы провозглашенного курса на модернизацию. Дело в том, что нынешнее российское государство, проектируя свою идеологию, неминуемо окажется в патовой ситуации. С одной стороны, чтобы быть успешной, государственная идеология должна опереться на уже принятые хотя бы частью общества социальные ценности. Но ценности постиндустриального толка (индивидуализм, низкая дистанция власти, высокая терпимость, приемлемость неопределенности — по Г. Хофстеде) сегодня разделяет абсолютное меньшинство россиян. В нашей культуре по-прежнему преобладают ценности традиционалистского плана. И более того — социологи фиксируют увеличение сегмента традиционалистски ориентированных россиян. [3] Если в этих условиях государство с благими намерениями начнет навязывать модернизаторские ценности, «продавливать» их с помощью «административного ресурса», то нетрудно предсказать значительное усиление черт авторитарности политического режима. Что в стране с минимальным историческим опытом демократии крайне нежелательно.

С другой стороны, если проектируемая государственная идеология в поисках ценностного консенсуса предпочтет опереться на преобладающие сегодня традиционалистские ценности, то тем самым будет в очередной раз перекрыта дорога к модернизации российского общества.

Множество признаков сегодняшней идеологической активности нашего государства указывают на то, что политическое руководство страны склоняется к выбору именно второго — традиционалистского варианта идеологии. Понять этот выбор несложно: не только правительству, но и многим теоретикам кажется, что ослабление государственного регулирования в стране с растущим социальным напряжением и ворохом иных проблем просто смерти подобно. За свертыванием государственной активности мерещатся анархия, произвол, гражданская война и прочие малоприятные вещи. И ведь нельзя сказать, что эти опасения ничем не оправданны.

Масла в огонь подливает и очередное обострение отношений России с Западом по поводу украинской проблемы. Нарастающая конфронтация с ведущими мировыми державами произвольно порождает «идеологию осажденной крепости», где роль и значение государства неизбежно должны возрасти. В таких условиях закладывать в новую государственную идеологию ценности вроде «низкой дистанции власти» (т. е. по сути — умаления роли государства) просто бессмысленно.

Вот и не остается, на мой взгляд, ничего лучшего как возводить порок в добродетель: т. е. объявлять отсутствие формально-юридического оформления государственной идеологии для нынешних российских реалий благом, а не злом. Ибо такое положение позволяет по крайней мере надеяться, что ценностный барьер на пути модернизации в виде традиционалистских ценностей (этатизма, патернализма, избегания неопределенности и пр.) не станет еще выше.

Если же задуматься о его понижении, т. е. изменении ценностного профиля современной российской культуры в сторону формирования ценностей, коррелирующих с модернизацией, то наиболее очевидным инструментом такого замысла представляется высшая школа. Не секрет, что формирование устойчивых ценностей молодого поколения приходится на период ранней взрослости, т. е. время обучения в вузе. Сегодняшнее положение с высшим образованием в России как нельзя более благоприятно для целенаправленной активности по формированию и закреплению модернизаторских, постиндустриальных ценностей. По данным ОЭСР 54% россиян в возрасте от 25 до 64 лет имеют высшее образование. [4] Если же рассчитать тот же показатель только для молодежи, то цифра получится еще более внушительная: до 83% молодежи (от 17 до 34 лет) уже имеют высшее профессиональное образование или учатся в вузах. Именно через эти когорты молодежи и можно в принципе осуществить настоящий ценностный сдвиг в российской культуре, который только и позволит снять социокультурный барьер на пути полноценной модернизации общества.

Таким образом, в решении проблемы государственной идеологии оптимальными мне представляются следующие действия:

- 1) воздержание от соблазна немедленного создания государственной идеологии;
- 2) сосредоточение усилий научно-образовательного сообщества на формировании у молодежи способствующих модернизации ценностей и поведенческих установок.

Через 10–15 лет это может привести к реальному изменению ценностных предпочтений россиян, что и сделает возможным создание полноценной и современной (сфокусированной на задачах модернизации) государственной идеологии.

Список использованной литературы

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011.
2. Аузан А.А. (руководитель проекта), Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. Культурные факторы модернизации. Доклад. — М., С-Пб., 2011 // <http://www.intelros.ru/pdf/kulturnye_factory_modernizacii.pdf>.
3. Российская идентичность в социологическом измерении // <http://www.perspektivy.info/rus/desk/rossijskaja_identichnost_v_sociologicheskom_izmerenii_2008-04-22.htm>.
4. Education at a Glance: OECD Indicators 2012 // <<http://www.oecd.org/general/searchresults/?q=54%25>>.

Секция II

Государство и идеология

Глобальный неокOLONиализм и значение государственной идеологии

Горелов А.А.

Идеология, которая сегодня господствует в мире и захватывает все новые территории — это вышедшая из недр капиталистической идеологии идеология глобального неокOLONиализма. Ее цель — превратить всю землю в вотчину единой метрополии Запада. Национальные государства, желающие отстоять свою суверенность, должны открыто противопоставить глобальному неокOLONиализму государственную идеологию, основанную на развитии независимой экономики, политики и культуры, и объединяться с другими странами в глобально-освободительное движение.

Ключевые слова: глобальный неокOLONиализм, государственная идеология, русская идея, глобально-освободительное движение.

Ideology, which roles in the world now and captures a new space, is an ideology of global neocolonialism, came from the bosom of the capitalistic ideology. It's purpose is a change all the world in the patrimony of the West. The national states, which want to have a sovereignty, should open stand against the global neocolonialism. Their state ideology should base on a development of independent economy, politics and culture and unite with the other countries in a global-emancipatory movement.

Keywords: Global neocolonialism, State Ideology, Russian idea, Global-emancipatory Movement.

О глобальном неокOLONиализме мало говорят. Он похож на призрак, который бродит по миру. Молчат и его «отцы-основатели». Они не спешат, как некогда фюрер о завоевании «жизненного пространства», объявлять о своих претензиях на мировое господство. Лишь изредка вместо фальшивых предлогов, наподобие тех, которые предъявлял в басне Крылова волк ягненку, они открыто заявляют миру: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Так, в своей последней книге патриарх американской политической элиты З. Бжезинский проговорился о США: «Экспансионистская, захватническая держава, безжалостно преследующая свои материальные выгоды, вынашивающая имперские амбиции и лицемерящая в своем демократизме» [1, с. 63]. Чаще всего о глобальном неокOLONиализме приходится судить, как о бозоне Хиггса в Большом адронном коллайдере, — по результатам

взаимодействий и продуктам распада — в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и вот теперь в Украине. Последняя совсем близко от России. и мы можем воочию наблюдать происходящее там.

Что мы видим? Ожиревший от несправедно добытого «ягненок», уже согласившийся отдать свою державу и сородичей на заклятие глобальному «волку». вдруг в последний момент одумался и отказался. Последовало наказание в виде спецоперации, в которой использовались и протестные настроения «евроромантиков», и обученные в военизированных лагерях различных стран боевики. За годы «незалежности» США, по данным их ответственных сотрудников, израсходовали на Украину 5 млрд долл. Деньги шли на создание «пятой колонны» — элиты, которая стала выполнять волю своих спонсоров, подконтрольных НКО и СМИ, новой системы образования и учебников, подготовку националистически настроенных групп и боевиков и т. п. Несколько лет назад, находясь в командировке на Западной Украине, я обратил внимание на то, что повсеместно бесплатно предлагалась газета «Свобода» одноименной националистической организации, которая активно проявила себя в недавних событиях. Все это вместе взятое дало свои плоды.

Непосредственно на майдане в 2014 г. раздавались деньги, привезенные диппочтой из США. Некоторые участники майдана потом официально жаловались, что им заплатили меньше, чем обещали. Для переворота был выбран характерный момент — олимпиада. В 2008 г. грузинские войска напали на Северную Осетию в день открытия летней олимпиады в Пекине. Теперь было выбрано время зимней олимпиады, проводившейся к тому же в России, на которой присутствовали руководящие деятели страны, включая, быть может, и представителей отечественных спецслужб, которые вместе со всеми россиянами следили за спортивными событиями и радовались в заключительные дни олимпиады нашим победам. В Древней Греции в период олимпиад войны прекращались; теперь, наоборот, дни спортивных соревнований используются для политических переворотов.

Это была очередная операция глобального неокOLONиализма под прикрытием распропагандированных лживыми СМИ людей, которые послужили живыми мишенями. Соглашение между Януковичем и оппозицией от 21 февраля 2014 г., гарантом которого выступили европейские державы, предотвратило введение чрезвычайного положения. и сразу же на следующий день начался штурм боевиками «Правого сектора» здания Верховной Рады и других правительственных учреждений. Одновременно последовали угрозы Запада применить санкции в том числе по отношению к активам президента Украины. В результате Янукович отказался от защиты национальных интересов своей страны и бежал. Еще один немалый кусок планеты попал в лапы глобального зверя.

Это удар не только по Украине, но и по России и всем другим странам; сигнал преемникам на посту президента, а также другим руководителям государств, которые не хотят становиться марионетками: если заартачитесь, с вами будет то же самое. И обвинить Запад ни в чем. кроме пособничества, нельзя — войска не вводились, бомбардировки территории не производились. Были привлечены активные националистические силы запада Украины, использовано против Януковича его заигрывание с Западом, за которое он был публично наказан, чтобы другим неповадно было так себя вести с хозяевами планеты. Мировой зверь проглотил

огромный кусок территории и начал его переваривать. Теперь он за территориальную целостность Украины, как и за Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию и конечно Россию в качестве независимых, демократических, плюралистических государств, в которых уважаются права человека. Война тем временем подошла к границам России. То, что случилось, рано или поздно должно было случиться, потому что Россия для «мирового зверя» как огромная кость в горле и без победы над ней, не может быть достигнуто глобальное господство.

Средством обеспечения мирового господства является глобальная война. Сто лет назад началась 1-я мировая война, целью которой был передел колоний. Нынешняя глобальная война отличается от двух мировых войн XX века некоторыми важными особенностями. Во-первых, в ней стирается различие между военным и гражданским населением. Подходят демонстранты с детьми и плакатами к цепи полиции, а в толпе рядом с ними шныряют боевики в камуфляже и снайперы стреляют из окон соседних домов во всех подряд. Потом начинается штурм, в котором гибнут и те, кто знает, за что сражается, и те, кто так и не понял, что на самом деле происходит. И власть в государстве рушится, как карточный домик. Вторая особенность та, что глобальная война ведется во всех точках планеты и нет ни одного клочка земли, где она не может начаться. В-третьих, глобальная война, раз начавшись, ведется постоянно и никогда не прекращается. В-четвертых, она соединяет в себе межгосударственную и гражданскую, «холодную» и «горячую». В-пятых, глобальная война ведется на физическое уничтожение противника. с чем наша страна столкнулась еще в Великую отечественную войну.

Что может противопоставить национальное государство, каких бы громадных размеров оно ни было, глобальному хищнику, обладающему огромным перевесом в материальных ресурсах, финансовых средствах, вооружении и опыте ведения наступательных действий? Прежде всего ясное осознание того, что в мире идет беспощадная борьба на новом, глобальном уровне и ныне происходит заглывание объединенным Западом по очереди одного независимого государства за другим в процессе становления системы глобального неокOLONIALИЗМА с одной, западной метрополией и множеством колоний различного типа, подчиняющихся ей.

Колониализм имеет экономические, политические и цивилизационные корни, главные из которых — развитие капитализма, воля к власти (Ф. Ницше), присущие западной цивилизации стремление к пространственной экспансии (О. Шпенглер) и агрессивность (Н.Я. Данилевский). Идеология глобального неокOLONIALИЗМА — это та же капиталистическая идеология, но на новом глобальном уровне. В конце XIX в. капитализм достиг стадии, которая тогда была названа высшей — стадии империализма. В конце XX в. капитализм достиг своей новой высшей стадии — глобализма. Империализм превратился в глобализм, как ранее капитализм стал империализмом. Идеология глобального неокOLONIALИЗМА борется с независимыми государствами, стремясь лишить их суверенитета, превратить в зависимые от себя территории, т. е. колонии.

Главной особенностью, отличающей неокOLONIALИЗМ от классического колониализма, является то, что управляют страной представители коренной нации, составляющие правящую элиту, но управляет она, как и при традиционном колониализме, в интересах метрополии. Управление это не столь жестко и линейно

в политическом отношении, но политическое управление дополняется не менее эффективным экономическим управлением посредством международных организаций и транснациональных корпораций. Глобальный характер современной неокOLONиальной системы определяется тем, что в отличие от традиционного колониализма формируется единая метрополия, осуществляющая руководство всеми колониями. При этом глубинная суть взаимоотношений метрополии и колоний остается неизменной. Глобальное управление со стороны метрополии неокOLONиальными странами ведет к потере ими политического суверенитета, периферийности их экономики, уменьшению численности населения, снижению обороноспособности, засилью чуждой местным традициям массовой культуры, идущей из метрополии. Основные признаки неокOLONии: отсутствие науки и высоких технологий; низкая продолжительность и качество жизни населения; ориентированное на подготовку узких и недалеких специалистов образование; потребление населением продуктов в соответствии с более низкими стандартами; примитивный уровень медицины; вынужденность политических решений в интересах метрополий; выкачивание сырьевых и духовных ресурсов; желание жителей неокOLONий эмигрировать и посылать своих детей учиться и жить в метрополию и т. д.

Возглавляет глобальный неокOLONиализм, образно говоря, «трехглавый змей», одна из глав которого — мировая финансовая система во главе с Федеральной резервной системой США и кланами Ротшильдов и Рокфеллеров (сверхвласть, по терминологии А.А. Зиновьева), а две другие — экономическая в лице ТНК (сверхэкономика) и политическая (сверхгосударство — союз западных держав, подкрепленный открытыми военными и теневыми секретными структурами). В борьбе глобального неокOLONиализма с остальным миром используются вооруженные силы стран становящейся метрополии, политическое, экономическое и культурное давление на независимые государства, а также религиозные, националистические силы в отдельных странах, которые недовольны политикой своих правителей. Учитывая негативную реакцию на свои действия народов всего мира и населения собственных стран, апологеты глобального неокOLONиализма предпочитают бороться чужими руками, используя оппозиционные движения, как международные, так и внутригосударственные (Аль-Каида в исламском мире, бандеровцы в Украине и т. д.).

Что можно этому противопоставить, учитывая громадный перевес сил на стороне глобального неокOLONиализма, имеющего превосходство в военной, экономической, технологической, культурной и информационной областях? Как должны бороться государства мира с идеологией глобального неокOLONиализма, который хочет лишить их независимости? Прежде всего созданием собственных государственных идеологий. Когда обсуждается проблема государственной идеологии, то встает вопрос: против чего должна выступать данная идеология? Коммунистическая идеология возникла в борьбе против идеологии капиталистической. А сейчас против чего должна быть направлена государственная идеология независимых стран? Господствующей идеологией ныне является идеология глобального неокOLONиализма как современный этап капиталистической идеологии. Ее цель — объединение всего мира под властью единой метрополии Запада и, стало быть, превращение независимых государств в колонии. Государственная идеология

независимых стран, напротив, по самой своей сути ориентирована на сохранение существующих национальных государств.

Не иметь своей идеологии — значит или подчиниться чужой идеологии (что и происходило, когда Россия сдавала Югославию и другие страны), или руководствоваться меркантильными личными интересами. Что делать элите страны, которая не имеет государственной идеологии, нацеленной на защиту государственных интересов? Только обогащаться за счет продажи богатств своей родины и постепенно доводить страну до стадии деградации (что и происходит на практике). Недавно в нашей стране была восстановлена система ГТО. Если система ГТО призвана обеспечить физическое здоровье населения, то государственная идеология призвана восстановить духовное здоровье нации, которое не менее важно.

Каждая государственная идеология должна включать в себя две части — общую, формулирующую главную цель данной идеологии, и то, против чего она борется, и специфическую, учитывающую особенности данной культуры и цивилизации и национальный характер народа, живущего в данном государстве. Общая часть у всех государственных идеологий одинакова — борьба против глобального неокOLONIALИЗМА. В рамках государственной идеологии должен формироваться идеал, который противостоял бы идеологии глобального неокOLONIALИЗМА. Он основывается на национальном характере данного народа с учетом как общечеловеческих, религиозно-философских и нравственных ценностей, выработанных духовной культурой, так и велений сегодняшнего времени. К числу таковых можно, во-первых, отнести реализацию решений конференций Рио-92 о необходимости устойчивого развития для преодоления экологически негативных тенденций НТП. Это экологический императив нашего времени. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась организованная ООН Международная конференция, в которой приняли участие главы 173 государств. Конференция рекомендовала в качестве основы для развития мирового сообщества концепцию устойчивого развития. Председатель конференции М. Стронг провозгласил, что капиталистическая модель развития не является устойчивой, и, стало быть, нужна существенно иная. Принцип устойчивого развития, который взяла на вооружение конференция в Рио, — это принцип развития природы, как его понимает современная наука.

Конференция в Рио приняла несколько итоговых документов. Среди них: «Заявление о принципах в отношении лесов», «Конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата» и «Конвенция о биологическом разнообразии». Сами названия этих документов указывают на наиболее болевые точки в системе «человек — природная среда» — уменьшение биоразнообразия, лесных площадей и изменение климата. Главный документ Рио «Повестка дня на 21 век» представляет собой программу действий с целью сделать развитие устойчивым с социальной, экологической и экономической точек зрения. В тексте подчеркивается, что окружающую среду и социально-экологическое развитие человечества следует рассматривать как единую систему, которая способна к устойчивому развитию, т. е. переходу от одного устойчивого состояния к другому без ее разрушения. Две цели — высокое качество окружающей среды и здоровая экономика для всех народов мира — должны рассматриваться в единстве. К сожалению, решения Рио

остались на бумаге. Но без их реализации невозможно обеспечение социально-экологической стабильности в мире.

Второй составной частью идеала, противостоящего идеологии глобального неокOLONиализма, является обеспечение социальной справедливости вплоть до создания справедливого общества. Это социальный императив развития. Представление о справедливости встречаем на самых ранних этапах письменной истории человечества. Оно является одним из самых фундаментальных и лежит в основе социальных концепций, возникавших в различных цивилизациях. Справедливость требует обеспечения всех людей в максимальном количестве теми благами, которые практически не ограничены; обеспечение всех минимумом тех благ, которые ограничены; и обеспечение сверх необходимого для жизни минимума пропорционально тем ценностям, которые данные люди создают. Справедливое общество является правовым, социальным, политическим, информационным и экологическим. Это правовое государство, основанное на равенстве всех перед законом; социальное государство, основанное на наличии минимума материальных благ для всех; политическое государство, основанное на наличии для всех минимума политических прав; информационное государство, основанное на наличии информационных свобод; экологическое государство, основанное на решении экологической проблемы в интересах всех людей. Только при осуществлении глобальной справедливости возможна реальная забота о правах человека, которые до сих пор являются лишь пропагандистским штампом.

Третьей составной частью идеала является осуществление мечты о всемирном братстве народов и возможности каждого народа совершенствоваться по мере роста культурного разнообразия в мире. Это культурный императив развития. С возникновением человека как вида *Homo sapiens* неуклонно росло количество этносов и культур, каждая из которых вносила свой вклад в сокровищницу мировой культуры. Если мы по аналогии с экологией сформулируем закон, что культурное разнообразие прямо пропорционально устойчивости культурной системы, а культурная система в целом развивается в направлении повышения ее устойчивости, то получим объяснение того, почему на Земле так много культур и субкультур, и количество их до недавнего времени неуклонно росло. Это необходимо для общей эволюции мировой культуры и самого человека как вида. Закон культурного разнообразия можно рассматривать как следствие основного закона экологии, относящегося к одному из видов жизни. Выход — в сохранении культурной полицентричности мира, более того, в развитии всех культур в рамках общей многополюсности мира. Данные императивы относятся к общей части государственных идеологий.

Специфическая часть — особая для каждой государственной идеологии. Это мы и наблюдаем в современном мире. Так, государственная идеология Китая строится на базе соединения марксизма с конфуцианством. Специфическая часть государственной идеологии России должна формироваться, по нашему мнению, на основе русской идеи. За время своего существования русская идея прошла два этапа — православный и советский. Первую модификацию русской идеи можно назвать русским православием. Она совпадает с христианством, в котором «нет ни иудея, ни эллина», т. е. для которого все люди равны и христианское спасение,

по словам митрополита Илариона, щедро и благостно растекается на все земли. Русское православие оказалось способным объединить население России. Отметим три основные черты первой модификации русской идеи: несокрушимая вера в истинность христианской религии именно в ее православном варианте, стремление сообщить свет этой веры всему миру, наконец, мессианское убеждение, что России это удастся. Эта вера в глобальную миссию России и способствовала созданию великого русского государства.

Крупным событием в осмыслении русской идеи в XX в. стала книга Н.А. Бердяева «Русская идея», выпущенная впервые в Париже в 1946 г. Напомним, что Бердяев — противник советской власти, высланный в 1922 г. из России. Тем не менее, он оценил коммунистический режим как продолжение русской идеи и неоднократно проводил параллели между дореволюционной Россией и Советским Союзом. Как первая модификация русской идеи была синтезом православия и традиционных славянских представлений о мире (не только как о планете и космосе, но и как об общине), так вторая модификация была синтезом русской идеи с марксизмом. С самого начала существования нового советского государства две идеи были для него главными:

- 1) идея ликвидации эксплуатации человека человеком;
- 2) идея равноправного существования народов в едином федеральном государстве.

В своей внешней политике СССР предпринял попытку возглавить поход всего остального мира против Запада как столпа колониализма. Попытка почти удалась, особенно в тех странах, которые захотели встать на социалистический путь развития. Коммунистическую этику выдающийся философ и социолог XX в. П.А. Сорокин характеризует как этику сотрудничества, бескорыстной помощи и поддержки в борьбе за освобождение человека от оков эксплуатации и угнетения. «По своим основаниям эта «новая этика» является воспроизведением и модификацией вечных и универсальных моральных принципов, провозглашенных всеми великими религиями и этическими системами, включая Нагорную проповедь и заповеди Иисуса» [2, с. 488]. Слово «модификация», сказанное в отношении к этике коммунизма, я использую для обозначения всей советской эпохи и называю ее второй модификацией русской идеи.

Третья модификация русской идеи должна строиться, на наш взгляд, на основе синтеза первых двух модификаций — духовно-православной в царской России и социально-коммунистической в СССР. Таким синтезом может стать духовно-социальный строй, соединяющий в себе лучшее, что было в первых двух модификациях русской идеи. Как соединяются между собой два компонента единой системы — духовность и социальность? Социальное единство вдохновляется справедливостью как нравственной нормой, но высшая цель общества духовна.

Подчеркну, что государственная идеология, основанная на русской идее, не является националистической. Ф.М. Достоевский, который ввел в обиход словосочетание «русская идея», в своей знаменитой Пушкинской речи провозгласил: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» [3, с. 368]. Он же говорил о «всемирной отзывчивости» «нашей нацио-

нальности» [3, с. 365]. Именно это позволяет считать, что русская идея может послужить основой для борьбы с глобальным неокOLONиализмом. Она зиждется на приоритете духовных (в широком плане) ценностей, на принципах социальной справедливости и братства народов. Русская идея — это специфически ориентированный духовный социализм.

Государственная идеология должна служить основой как внешней политики государства — его борьбы с глобальным неокOLONиализмом, так и политики внутренней, конкретными задачами которой, учитывая цели, стоящие перед государственной идеологией, являются:

- 1) развитие национальной промышленности, сельского хозяйства, науки, высоких технологий, финансовой системы, обороны, культуры, образования;
- 2) нейтрализация «пятой колонны» в элите общества, СМИ, НКО и укрепление идеологического единства в стране;
- 3) создание привлекательного имиджа государства как базы для союза с другими странами и народами.

В отличие от борьбы против классического колониализма, которая велась в рамках национально-освободительного движения в отдельных колониях, ныне требуется объединение народов в единое глобально-освободительное движение против единой метрополии Запада. Перед лицом грозящей опасности нужен союз всех государств, желающих оставаться суверенными, вплоть до создания всемирного СНГ (Содружества независимых государств). Только такая политика поможет независимым странам выжить и ликвидировать систему глобального неокOLONиализма, как полвека назад была разрушена мировая колониальная система. В распаде мировой колониальной системы выдающаяся роль принадлежит Советскому Союзу, ставшему после победы в Великой отечественной войне второй сверхдержавой. Однако отмеченные выше причины, приведшие к мировой колониальной системе, остались, и после разрушения СССР в результате усилий западных стран стала складываться на месте колониальной глобальная неокOLONиальная система. Однако, так же как национально-освободительные движения при поддержке СССР привели к слому мировой колониальной системы, так объединение стран, желающих быть независимыми, может привести к слому системы глобального неокOLONиализма. Всему населению планеты, ставшему жертвой глобального неокOLONиализма, надо совместно готовиться к противодействию глобальной метрополии и отдавать все силы «самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Список использованной литературы

1. *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М., 2012.
2. *Сорокин П.А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
3. *Ф.М. Достоевский об искусстве.* М., 1973.

Как защитить нацию от разрушительных идей

Кононов А.А.

В США распространено мнение, что разрушительные идеи, не менее заразны, чем вирусы. Если их вживить в массовое сознание и коллективное бессознательное, то бороться с ними будет практически невозможно. Исходя из этого строится система идеологической безопасности США. Рассматриваются пути творческого применения в России лучших мировых практик обеспечения идеологической безопасности наций.

Ключевые слова: идеологическая безопасность нации, разрушительные идеи, массовое сознание.

It is widely believed in the United States that the destructive ideas are as contagious as viruses. If such ideas would be incepted into mass consciousness and collective unconscious, it will be impossible to cure them. This is one of the starting point for counter ideological challenges to U.S. national security. The report has analysis how to creatively use in Russia the world's best practices in national ideological security guaranty.

Keywords: ideological security, destructive ideas, ideological challenges.

В России еще с советских времен получило широкое распространение мнение, что идеологическая безопасность — это отстаивание каких-то идеологических догм. Такая позиция нуждается в скорейшем пересмотре. Очевидно, что главной целью обеспечения идеологической безопасности нации должна стать защита нации от разрушительных идей, и для достижения этой цели не стоит игнорировать зарубежный опыт в этой области.

Так, в США распространено мнение, что разрушительные идеи не менее заразны, чем вирусы [10]. Если их вживить в массовое сознание и коллективное бессознательное, то бороться с ними будет практически невозможно. Исходя из этого, строится система идеологической безопасности США. Вот пример законодательных актов принимавшихся в этой области в США (в исторической ретроспективе):

- 1) Закон о шпионаже (1917 г.);
- 2) Акт о подрывной деятельности (1918 г.);
- 3) Закон о регистрации иностранных агентов «Foreign Agent Registration Act» (FARA) (1938 г.);
- 4) Акт Смита (1940 г.), определяющий как преступника любого, кто: сознательно или умышленно защищает, подстрекает, консультирует или преподает об обязанности, необходимости, желательности или правильности свержения правительства Соединенных Штатов или правительств каких-либо штатов, территорий, округов и владений вооруженным путем или с помощью насилия, или организации какого-либо объединения, которое обучает, консультирует или подстрекает к свержению, или всякого, кто стал членом или связан с какими-либо подобными объединениями;

5) Акт о регистрации находящихся под контролем иностранных государств организаций, осуществляющих политическую деятельность в США, или Акт Вурхиса (от 17 октября 1940 г.).

В 1934 г. для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой» палатой представителей конгресса США была создана «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» (House Un-American Activities Committee). В 1969 г. она была переименована в «Комиссию по внутренней безопасности» [4].

Страхи американцев о том, что они попадут под власть враждебных им сил, периодически сублимируются в тех или иных произведениях американских авторов. В качестве примеров можно привести: фильм «Чужие среди нас» (They Live) Джона Карпентера по рассказу Рэя Нелсона «В восемь утра» (Eight O'Clock in the Morning); фильм «Прибытие» (Arrival) Дэвида Туи с Чарли Шином в главной роли; фильм «Темный город» (Dark City), снятый Алексом Пройасом по мотивам его собственного рассказа. В начале последнего из упомянутых фильмов звучат следующие слова одного из действующих лиц: «I help the strangers conduct their experiments. I have betrayed my own kind» (Я стал помогать чужакам в их экспериментах. Я предал своих соплеменников). Но, конечно, самым выдающимся произведением в этой области стал, снятый в 2010 году со всем голливудским размахом, фильм Кристофера Нолана «Inception» (Вживление) (в отечественном прокате — «Начало»), непосредственно посвященный технологиям вживления разрушительных идей. В нем идея разрушить энергетическую империю вживлялась тому, кто унаследовал ее от своего отца. Все это очень напоминало то, как в сознание и подсознание советского народа была вживлена идея разрушения СССР.

С конца 1980-х гг. практически все ведущие советские СМИ были заняты вживлением в сознание и подсознание советских людей комплексов идей их собственной неполноценности (это же проделывают с жертвой в фильме К. Нолана), для чего были введены в оборот самоидентификационные термины: «совки», «быдло», «бараны», «красно-коричневые», а так же идеи, что СССР — это империя глупости и зла. В умах советских людей создавали ложные представления о том, что зло и проблемы существовали и существуют только в СССР и России. И при этом на все лады внушались иллюзии благотворности распада страны. Таким образом, в головы миллионов советских людей была внедрена и тщательно выпестована главная целевая идея — идея уничтожения основы их существования — идея расчленения их собственной страны.

В прошлом веке российская нация дважды становилась жертвой разрушительных идей. Еще в 1900 г. создавая подпольную газету «Искра» будущие разрушители Российской империи сознавали силу внедрения в массовое сознание разрушительных революционных идей, что демонстрирует как название газеты, так и ее эпиграф: «Из искры возгорится пламя». Жертвами, разожженного разрушительными идеями, пожара революции 1917 г. и последующей гражданской войны стали более 10 миллионов человек [1].

В книге «Современные проблемы государственной политики и управления» [2, С. 20] дана оценка в 28 млн жертв распада СССР в 1990-х гг. В интернете можно встретить оценки количества жертв до 28,9 млн человек (см. например [7]), куда включают: погибших во всех гражданских и межнациональных войнах и конфликтах

на территории бывшего СССР; жертв терактов; жертв криминальных войн (перед многими после распада страны встал выбор — войти в криминальные структуры, либо дать погибнуть своим семьям), развернувшихся в борьбе за собственность распавшейся страны; всех тех, кто не смог пережить крушение своих судеб и стал жертвой развала экономики, промышленности, сельского хозяйства, системы социального и медицинского обеспечения, систем правопорядка и безопасности граждан. Таким образом, крушение СССР обернулось реками крови, массовым вымиранием населения, депопуляцией, тем, что называют «русский крест», когда на графиках отражающих демографические тенденции в стране, кривая смертности резко пошла вверх, а кривая рождаемости вниз и на пересечении они образовали крест. И это еще не все. Катастрофические последствия распада СССР дают себя знать до сегодняшнего дня.

Периодически на отделенных территориях возникают ситуации, когда перед российской нацией и ее руководством возникают роковые вызовы: стать на защиту недавних соотечественников, оказавшихся в бедственном положении, и, таким образом, пойти на осложнение своего положения на мировой арене, принять множество новых вызовов своей безопасности, или не вмешиваться, что многими может быть расценено как предательство их родственников и соплеменников.

Однако, и сегодня недостаточное внимание к распространению и вживлению в массовое сознание и подсознание разрушительных идей, находит свое отражение в существовании множества оппозиционных СМИ, которые фактически имеют полный карт-бланш на внедрение разрушительных идей, используя для этого любые средства, такие как, информационное шулерство, тенденциозность, подтасовки фактов, ложь и клевету в адрес российской нации, российского государства, российской власти.

Так можно ли обеспечить идеологическую безопасность нации, не нанося какого-либо ущерба свободе слова, не закрывая оппозиционные СМИ и не вводя всеобъемлющую цензуру? Да, на наш взгляд, это возможно. Но для этого нужно предпринять ряд шагов.

1. Первый и самый важный. В дополнение к мерам, обеспечивающим реальную защиту нации от публичной клеветы, на законодательном уровне должно быть обеспечено соблюдение в СМИ принципа обязательного оппонирования по обвинительным утверждениям. Если в СМИ тем или иным образом публикуется материал содержащий критику с обвинительным уклоном, то тем, кого критикуют, или их представителям, должна в обязательном порядке предоставляться возможность тут же, например, в соседней публикации, вступить в полемику с автором. Если критика носит общий характер, обличающий российскую власть, нацию, государство, так же должно в обязательном порядке предоставляться слово представителям, готовым вступить в полемику с автором. Или же должен публиковаться отказ от оппонирования.

2. Необходимо создание команд супер-интеллектуалов для обеспечения идеологической безопасности нации, способных вести полемику с теми, кто выражает антироссийские интересы, команд, которые смогут разоблачать и парировать грязные методы внедрения в массовое сознание и подсознание идей дестабилизации страны и разрушения нации.

3. Необходимо поддержать создание методологических ресурсов в интернете, содержащих фактографическую информацию, образцы ведения дискуссий и успешной борьбы за идеологическую безопасность нации. Такие ресурсы могли бы использоваться при реализации систем защиты, аналогичных китайской «пятидесятицентовой армии» и, распространенному в западных странах, астротурфингу [8]. На сегодняшний день в этом преуспели как раз оппозиционеры. В качестве примера можно привести их проект «Антипропаганда», действующий в самых популярных социальных сетях, (см., например, [2]). Основным методическим материалом им служит «Энциклопедия пропаганды» Роберта Коула [9]. Они досконально «разоблачают» каждое предложение в непонравившихся им материалах (рис 1.). А вот ложь и клевету оппозиционеров в России сегодня так не разоблачает никто, предоставляя им полную свободу по вживлению в массовое сознание россиян разрушительных идей.

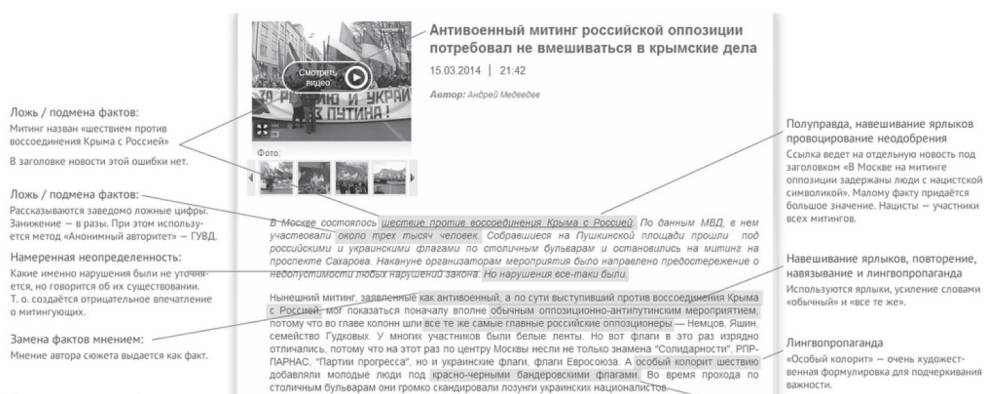

Рис. 1. Как оппозиция «разоблачает» государственные СМИ

4. Следует развивать культуру интеллектуальных дуэлей, поддерживая площадки для ведения таких дуэлей, куда любого автора можно было бы вызвать, для полемики с ним. Пример: дуэли в телевизионных программах «Исторический процесс» и «К барьеру», интернет-площадка «Пиквинский 4Д-клуб: дискуссий, диспутов, дуэлей (интеллектуальных) и допросов с пристрастием» [6].

5. Следует поддерживать развитие идеологий, работающих на пользу российской нации и государства. Как гласит китайская мудрость: «Пусть расцветают 100 цветов, соперничают 100 школ». Пример: альтернативная жестокой и кровопролитной американской идеологии сплочения человечества под их властью, гуманистическая идеология сплочения человечества на основе «Общей теории неуничтожимости человечества» (рис. 2) [5].

Из сказанного можно сделать вывод, что свобода слова в СМИ может быть обеспечена таким образом, что она не будет создавать угрозы внедрения в сознание и подсознание нации идей ее дестабилизации и разрушения. Для этого, нужно пересмотреть парадигму свободы слова в СМИ. Свобода слова не должна оборачиваться для отдельных СМИ карт-бланшем внедрения в массовое созна-

Рис. 2. Структура Общей теории неуничтожимости человечества

ние разрушительных идей дестабилизации и распада. «Искры» таких СМИ не должны разжигать пожары революций и гражданских войн. И как этого добиться нам известно — нужно просто неустанно творчески применять накопленный отечественный и мировой опыт и лучшие практики обеспечения идеологической безопасности нации.

Список использованной литературы

1. Сулакшин С.С. Общая теория успешности государства и российская практика // Современные проблемы государственной политики и управления. Труды Всероссийской научной конференции (Москва, 17 октября 2013 г.). М.: Научный эксперт, 2013. С. 19–27.
2. Антипропаганда — анализ выпусков новостей // Фейсбук. [2014–2014]. Дата обновления: 07.04.2014. URL: <<https://www.facebook.com/net.propagande>> (дата обращения: 07.04.2014).
3. Гражданская война в России // Википедия. [2014–2014]. Дата обновления: 02.04.2014. URL: <<http://ru.wikipedia.org/?oldid=62298009>> (дата обращения: 02.04.2014).

4. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности // Википедия. [2014–2014]. Дата обновления: 03.04.2014. URL: <<http://ru.wikipedia.org/?oldid=62320751>> (дата обращения: 03.04.2014).
5. Общая теория безопасности, спасения, конкурентоспособности, неуничтожимости и бессмертия человечества // Досье на мироздание. [2004–2014]. Дата обновления: 03.04.2014. URL: <<http://www.mirozdanie.narod.ru/OTN.html>> (дата обращения: 03.04.2014).
6. Пиквинский 4Д-клуб: дискуссий, диспутов, дуэлей (интеллектуальных) и допросов с пристрастием // Фейсбук. [2013–2014]. Дата обновления: 06.04.2014. URL: <<https://www.facebook.com/pikwinclub>> (дата обращения: 07.04.2014).
7. Союз идеологической борьбы с пораженчеством и расчленизмом // Фейсбук. [2014–2014]. Дата обновления: 02.04.2014. URL: <<https://www.facebook.com/ideologicalfight>> (дата обращения: 02.04.2014).
8. Astroturfing // Academic Dictionaries and Encyclopedias. [2013–2014]. Дата обновления: 01.04.2014. URL: <<http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/151565>> (дата обращения: 02.04.2014).
9. «Encyclopedia of Propaganda» edited by Robert Cole. New York, NY: M.E. Sharpe, 1998.
10. Nolan C. Inception: The Shooting Script. — Insight Editions, 2010.

Экономическая составляющая государственной идеологии России — солидарная информационная экономика

Орлов А.И.

В качестве экономической составляющей государственной идеологии России мы предлагаем использовать солидарную информационную экономику. Проанализированы ее основные идеи, обосновано ее использование как базовой организационно-экономической теории взамен «economics». Согласно солидарной информационной экономике современные информационные технологии и теория принятия решений позволяют на основе «открытого сетевого общества» построить информационно-коммуникационную систему, предназначенную для выявления потребностей людей и организации производства с целью их удовлетворения.

As the economic component of state ideology of Russia we offer solidary information economy. Analyzed its main ideas. Justified its use as a basic organizational-economic theory instead of «economics». According to the solidary information economy the modern information technology and decision theory allow, based on the «open network society», to build information and communication system designed to identify the needs of people and the organization of production in order to meet them.

Ключевые слова: экономическая теория, менеджмент, информационные технологии, теория принятия решений.

Key words: the economic theory, management, information technologies, the decision-making theory.

1. Введение

Государственная идеология России должна опираться на современную теорию управления социально-экономическими системами и включать в себя экономическую составляющую.

Для реализации национальных интересов применяют различные интеллектуальные инструменты. Одним из них является экономическая политика, которая должна исходить из адекватной экономической теории. В частности, необходимо научное обеспечение программ реиндустриализации страны, которые могут иметь успех только на основе опережающего инновационного развития России. Нельзя переоценить значение оборонно-промышленного комплекса для обеспечения безопасности страны, т. е. самой возможности реализации национальных интересов России. Поэтому одним из приоритетов развития экономической теории является организационно-экономический анализ состава, структуры, состояния и перспектив использования объектов военной инфраструктуры, инновационного потенциала российского оборонно-промышленного комплекса.

Качество государственного управления, успешность осуществления государственных политик в разных сферах жизнеустройства страны во многом, если не в основном, определяются методами государственного управления народным хозяйством [1]. Практика экономической жизни, т. е. управления народным хозяйством в целом и его составными частями (регионами, отдельными организациями и др.), опирается на экономическую теорию. Как подробно показано в книгах [2–3], в нашей стране экономическая теория, как и обществоведение в целом, находится в кризисном состоянии. К сожалению, мы в МГТУ им. Н.Э. Баумана долго использовали внедренную с Запада «economics» в качестве базовой теории, на основе которой выполнялись конкретные разработки. В настоящее время мы рассматриваем внедрение «economics» в начале 1990-х гг. как один из эффективных способов борьбы с российской государственностью [4]. Осознав неадекватность «economics», летом 2007 г. мы на основе научной школы МГТУ им. Н.Э. Баумана в области экономики и организации производства приступили к разработке новой базовой организационно-экономической теории как замены «economics». Разразившийся вскоре мировой экономический кризис выявил необходимость немедленной разработки новых организационно-экономических механизмов управления экономическими системами. Организация производства должна быть основана на адекватной экономической теории. Подтвердилось, что этой теорией не может быть рыночная экономика (economics). Нужна другая теоретическая основа. По нашему мнению, следует исходить из солидарной информационной теории, построенной на основе экономики предприятия (инженерной экономики), теории управления (современного менеджмента, теории активных систем и принятия решений), современных информационных технологий. Перспективные организационно-

экономические механизмы управления [5] производственно-хозяйственной деятельностью предлагаем конструировать на ее основе.

По нашим наблюдениям, основное течение (мейнстрим) в современной экономической науке — обоснование несостоятельности рыночной экономики и необходимости перехода к плановой системе управления хозяйством. Дискуссии идут о выборе наиболее адекватного варианта плановой системы. Например, внутри предприятия или корпорации план должен быть жестким и одновременно позволяющим адекватно реагировать на нештатные ситуации, в рамках региона или страны в целом — индикативным.

К мейнстриму плановой экономики относится разрабатываемая нами с 2007 г. солидарная информационная экономика. (Ранее мы использовали термин «неформальная информационная экономика будущего».) На 30 марта 2014 г. основной Интернет-ресурс <<http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=570>> по солидарной информационной экономике просмотрен 69,7 тыс. раз, издано 35 публикаций — статей в научных журналах и материалов докладов на научных конференциях (см. <<http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=951>>). С различных сторон солидарная информационная экономика рассмотрена в основных работах 2010–2013 гг. [6–13].

Для практически работающих руководителей, как автор этой статьи, очевидно, что экономическая теория — часть менеджмента как науки об управлении людьми [14]. Согласно солидарной информационной экономике современные информационные технологии и теория принятия решений [15, 16] (включая экспертные технологии [17, 18]) позволяют построить информационно-коммуникационную систему, предназначенную для выявления потребностей людей и организации производства с целью их удовлетворения. Для реализации этой возможности необходима лишь воля руководства хозяйственной единицей, нацеленная на преобразование системы управления этой единицей. В частности, как и во всех развитых странах, российское государство должно стать основным действующим лицом в экономике.

Эффективному решению современных проблем государственной политики и управления мешают широко распространенные неадекватные представления о рациональном ведении хозяйства. По оценке ведущего американского исследователя П. Друкера, 1873 г. — «конец эры либерализма — конец целого столетия, на протяжении которого политическим кредо была политика невмешательства в экономику» [19]. Но и сейчас, 150 лет спустя, архаичное представление о рациональности рыночных отношений, о «невидимой руке рынка» широко распространено в России и мешает инновационной модернизации систем управления.

По мнению Джозефа Стиглица, лауреата Нобелевской премии по экономике, «экономисты виноваты в кризисе, но есть шанс исправить дело». Говоря о моделях, на которых базируется «экономическая теория», Стиглиц констатирует, что они «провалились полностью, и решения, на них основанные, оказались неверными» [20]. Очевидно, что Стиглиц признал неадекватность буржуазной экономической теории Запада. Следствие — она должна быть заменена на новую теорию, соответствующую реалиям XXI в. Проблемы и направления дальнейшего развития современной экономической теории в настоящее время широко обсуждаются, и в настоящей статье предлагается одно из возможных направлений развития.

2. Исходные идеи солидарной информационной экономики

Поясним термины, составляющие название новой организационно-экономической теории. Термин «солидарная» подчеркивает необходимость и возможность совместной деятельности независимых экономических агентов, отсутствие иерархической схемы, добровольность совместной деятельности, принятие удовлетворяющих всех решений в результате переговоров и компромиссов, преобладание синергетической самоорганизации и роевых структур, отсутствие формального принуждения. Вслед за П.А. Кропоткиным [21] мы рассматриваем взаимную помощь как двигатель прогресса.

Термин «информационная» отражает все возрастающую роль информационно-коммуникационных технологий, в том числе сетевых, развитие которых позволяет предсказать в области управления хозяйством и обществом в целом революционный «переход количества в качество», в частности, переход от представительных органов к прямому действию, от государства как аппарата насилия к общественному договору.

Термин «экономика» означает, что рассматривается производственная, организационно-экономическая сторона деятельности общества. Под экономикой вслед за Аристотелем [22] понимаем управление хозяйством.

В первоначальном варианте названия был термин «будущее». Он подчеркивал ориентацию исследований на прогнозирование и конструирование будущего развития хозяйственных систем, без привязки к сложившимся традициям хозяйствования. Таким образом, рассматривалась первая задача нормативного прогнозирования — формулировка цели развития (целеполагание). Мы отказались от использования термина «будущее» потому, что «будущее уже наступило». Наша задача — выработка рекомендаций для руководителей хозяйственных структур, государственных и муниципальных органов, предназначенных для применения сейчас, а не в будущем.

Обсудим исходные идеи солидарной информационной экономики.

Общепризнанно, что при принятии управленческих решений необходимо учитывать не только экономические, но и технологические, социальные, экологические, политические факторы. Экономика в целом — служанка общества, выполняет его требования. Цели общества первичны, экономические механизмы вторичны, предназначены для реализации потребностей общества. Несмотря на очевидность сказанного, иногда пытаются экономические факторы считать основными, например, ставить во главу угла прибыль (обычно не уточняя, какой именно тип прибыли из многих имеется в виду).

Цели общества определяются потребностями общества. Исходим из того, что эти потребности могут быть сформулированы и согласованы обществом. Из множества индивидуальных и групповых предложений в результате обсуждений и компромиссов могут быть выявлены потребности общества в целом. Для малой группы (семьи, клана) сказанное очевидно. По мере роста масштаба человеческой общности применялись различные варианты агрегирования потребностей — сходка общины, власть самодержца, представительная демократия, использование государственных органов. Решение общегосударственных задач должно сочетаться

с обеспечением прав и свобод отдельных граждан и групп. Однако до недавнего времени не было видно путей решения основной проблемы — учета и согласования мнений всех заинтересованных лиц из-за большого их числа. Развитие информационных технологий позволяет это делать. Теория и практика разработки и принятия управленческих решений, в частности, методы экспертных оценок, дают возможность разработать эффективные справедливые процедуры выявления общественных потребностей. Нужны работы (к ним относится и наша), нацеленные на прогнозирование развития методов принятия решений в больших системах. О масштабе необходимых управленческих инноваций говорит то, что в результате разработки методов выявления потребностей общества произойдет отмирание государства с заменой его на непосредственное народоправие.

При управлении хозяйственной системой самое сложное — целеполагание. Какие потребности удовлетворять, другими словами, как сформулировать цель, поставить задачу оптимизации? Предложены различные варианты решений. Так, И.А. Ефремов описал будущее общественное устройство, подобное структуре человеческого мозга: постоянно действующий форум со своими исследовательскими и координационно-ассоциативными центрами [23]. Спроектировать такую систему разработки и принятия управленческих решений — задача современной теории принятия решений, интенсивно использующей информационные технологии. Если цель поставлена, то для ее достижения можно и нужно разработать оптимальный план (в натуральных единицах измерения) и отследить его выполнение. Методологически это более простая задача, чем выявление потребностей. Но и здесь до недавнего времени не хватало вычислительных мощностей. К настоящему времени составление оптимального плана производства и распределения продукции и услуг в масштабах Земли в целом — вполне решаемая задача, как показывает опыт крупных транснациональных компаний.

3. Предшественники и единомышленники

Весьма актуальными для разработки солидарной информационной экономики являются взгляды Аристотеля. «Первым, кто подверг анализу экономические явления и попытался выявить закономерности развития общества стал древнегреческий мыслитель Аристотель (384–322 г. до н. э.). Поэтому его можно с полным правом назвать первым экономистом в истории науки» [24]. По Аристотелю «экономика» — наука о разумном ведении хозяйства. В современных терминах речь идет об организации производства и экономике предприятия, государственном и муниципальном управлении, поскольку Аристотель обсуждает управление хозяйствующими субъектами разного уровня (предприятие, город (полис), регион (сатрапия), государство).

Аристотель ввел термин «хрематистика» для обозначения деятельности, направленной на извлечение прибыли, на накопление богатства, в отличие от экономики — как деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей, т. е. на производство и приобретение благ для дома и государства. Хрематистику как форму организации хозяйства Аристотель считал противоестественной. Процент он расценивал как самую противоестественную форму дохода. В настоящее

время хрематистика — это прежде всего деятельность банков, фондовых бирж и других структур, действующих по схеме «деньги — деньги», без производства товаров и услуг. Произошла подмена понятий — хрематистику некоторые лица стали называть экономикой. Вслед за Аристотелем мы полагаем, что деятельность, направленная на извлечение прибыли, является противоестественной, вредной для общества. Экономическая деятельность всегда направлена на удовлетворение потребностей людей, в отличие от хрематистики.

Анализируя природу денег, Аристотель настаивал на том, что деньги являются результатом соглашения между людьми и «в нашей власти сделать их неупотребительными»... Вслед за Аристотелем мы полагаем, что ведение хозяйства вполне возможно без денег. Наш опыт работы в Группе авиакомпаний «Волга-Днепр» показал, что в управленческой деятельности решение финансовых вопросов составляет лишь небольшую часть. Однако на период перехода от современности к будущему хозяйству использование денег целесообразно. Согласно Аристотелю, если деньги относятся к «экономике» — то это символ стоимости, обусловленный законом или обычаем, а если к «хрематистике» — то они выступают как представитель неистинного богатства».

Рассмотрим дальнейшее развитие представлений об экономике и хрематистике. Френсис Бэкон предупреждал: «Противоестественно, чтобы деньги рождали деньги» [25, С. 445]. Робинзон Крузо (согласно роману Дефо), попав на необитаемый остров, разрабатывал методы организации производства, вел управленческий учет, прогнозировал и планировал — без использования денег. Жюль Верн в романе «Таинственный остров» рассказал о том, как инженер С. Смит и его товарищи вышли на современный им научно-технический уровень, не обращаясь к хрематистике, поскольку само понятие прибыли было их коммуне чуждо. Генри Форд в книге «Моя жизнь. Мои достижения» [26] писал: «... Задача предприятия — производить для потребления, а не для наживы или спекуляции... Работу на общую пользу ставь выше выгоды...».

Эффективные механизмы принятия и реализации плановых решений должны опираться на современные информационные технологии. База разработки таких технологий — кибернетика (работы Н. Винера, А.И. Берга, Н.Н. Моисеева и др.). В послевоенные годы разрабатывались различные типы автоматизированных систем управления. Наиболее грандиозный проект — в начале 1960-х гг. В.М. Глушков предложил правительству СССР создать Общегосударственную автоматизированную систему управления экономикой страны (ОГАС), для чего, по его оценкам, требовалось как минимум 15–20 лет и 20 млрд тогдашних рублей, однако выигрыш стоил того: ОГАС давала реальный шанс построить самую эффективную экономику в мире. В.М. Глушков [27] писал:

«Отныне только «безмашинных» усилий для управления мало. Первый информационный барьер или порог человечество смогло преодолеть потому, что изобрело товарно-денежные отношения и ступенчатую структуру управления. Электронно-вычислительная техника — вот современное изобретение, которое позволит перешагнуть через второй порог. Происходит исторический поворот по знаменитой спирали развития. Когда появится государственная автоматизированная система управления, мы будем легко охватывать единым взглядом всю

экономику. На новом историческом этапе, с новой техникой, на новом возросшем уровне мы как бы «проплываем» над той точкой диалектической спирали, ниже которой, отделенный от нас тысячелетиями, остался лежать период, когда свое натуральное хозяйство человек без труда обозревал невооруженным глазом».

Своеобразная ОГАС, хотя и куда более скромная по масштабам, была создана в Чили, во время президентства Сальвадора Альенде. Один из «отцов» кибернетики Стаффорд Бир разработал систему «Киберсин» управления национализированными предприятиями Чили [28] — автоматизированную систему сбора и обработки информации, которая состояла из четырех основных компонент: «Кибернет» — система связи (на основе телексов), «Киберстрайд» — компьютерные программы, «Чико» — математическая модель чилийской экономики — и ситуационная комната, из которой велось управление (зал с экранами, на которых отображалось в виде графиков и схем состояние экономики Чили). Можно было управлять производством всей страны в реальном времени (каждым конкретным предприятием), сразу же видеть результаты принятых решений и при необходимости вносить поправки. Кроме того, в каждом населенном пункте создавались «опросные пункты», где производился автоматизированный опрос населения по поводу принимаемых мер. Эти центры были включены в систему «Киберсин», и правительство быстро узнавало реакцию населения на очередное нововведение. Разработки Бира дают прообразы для следующего этапа развития информационных систем управления предприятиями и их объединениями — интегрированными производственно-корпоративными структурами, а также регионами — муниципальными образованиями, субъектами федерации, Россией, международными объединениями, Землей в целом.

Многочисленные работы посвящены конкретным проблемам развития информационных технологий управления. Вопросам информационного обеспечения солидарной информационной экономики посвящены разработки коллектива молодых исследователей, выпускающих журнал «Великое кольцо» <<http://rusprogressivelib.files.wordpress.com/2009/11/vk1.pdf>>. В названии журнала подчеркивается связь с идеями И.А. Ефремова. В частности, один из основных авторов журнала И. Герасимов считает, что информационные технологии управления уже на сегодняшнем этапе позволяют разработать и внедрять интегрированные информационно-управляющие системы, предназначенные для координации людей, ресурсов, потребностей, предложений; объединения в рабочие группы по реализации экономических проектов; установления прямых связей между производителями и потребителями; оптимальной координации инициатив и проектов в масштабе всего общества. По мнению И. Герасимова (<<http://www.interface.ru/home.asp?artId=9835>>), к конкретным функциям в рамках экономического блока можно отнести: учет и распределение ресурсов, обмен экономическим опытом и технологиями, выявление потребностей населения в товарах и услугах, формирование коллективов новых хозяйствующих субъектов, аккумуляция и распределение инвестиций, координация действий трудовых коллективов, публичная оценка потребителями работы хозяйствующих субъектов, ведение публичного диалога между потребителями и производителями товаров и услуг, публикация жалоб добросовестных хозяйствующих субъектов на деструктивные действия официаль-

ных и неофициальных паразитических структур, выработка схем оптимального ресурсообмена и планов экономического развития.

Новым по сравнению с временами В.М. Глушкова и С. Бира является широкое распространение сетевых технологий, позволяющее аппаратно реализовать право граждан на участие в принятии касающихся их решений. Не менее важным, чем участие в экономической жизни, является наделение всех граждан возможностями по непосредственному участию в политическом управлении обществом. Это, в частности, формирование общественных советов и рабочих групп по коллективному изучению и решению тех или иных социальных проблем, оценка качества работы должностных лиц, разработка, обсуждение и оценка нормативных документов, выдвижение собственных предложений и доведение их до управленческих структур, организация публичного диалога между административными органами и населением, обсуждение кандидатов на выборные должности, публикация сведений о характеризующих личность граждан совершенных ими социально значимых действиях, мобилизация населения на акции прямого гражданского волеизъявления... Качественно новым уровнем по сравнению с разрозненными сайтами фирм и административных учреждений должны стать интегрированные порталы целых секторов экономики и территорий. Эти порталы должны обладать выраженной обратной связью, формироваться по единым стандартам, подчиняться принципу «открытой архитектуры», быть соединенными между собой каналами регулярного обмена данными и находиться под контролем формируемых населением общественных советов различных уровней. Открытый процесс создания реальных организационных модулей системы, привлечения участников, прокладывания горизонтальных связей, осуществления операций с ее помощью, по мнению И. Герасимова, можно — как синтез англоязычных терминов Open Source, Open Architecture, Commons-based Peer Production, Peer-to-Peer и Open Society («Открытое общество») — назвать Open P2P Society. По-русски этот термин будет звучать как «Открытое сетевое общество», где топология связей будет не иерархической, а «от каждого к каждому», или «Peer to Peer».

Одним из основных направлений развития современной экономической и управленческой мысли являются информационные технологии управления, причем не только на уровне предприятия, но и на макроуровне. Их математической основой являются теория управления организационными системами, развиваемая неформальным научным коллективом вокруг Института проблем управления РАН.

4. Заключение

Оставшиеся с прошлых веков привычные принципы управления как экономикой, так и государством входят во все большее противоречие с возможностями в сфере технологий управления, предоставляемые прогрессом информационных технологий. Падает роль представительной демократии, при которой подавляющее большинство граждан делегируют полномочия по принятию решений специалистам-депутатам. Возрастает роль неформальной, «роевой» деятельности, как противовеса иерархическим структурам. Возникла возможность и необходимость реализации идеи В.М. Глушкова и Ст. Бира.

В перспективе путем предварительного обсуждения и планирования можно будет снять проблему нерационального производства товаров и услуг. Управление организацией предполагает необходимость плана. Делегирование полномочий не отменяет централизацию принятия решений. Отметим, что в рамках плановой системы можно смоделировать любые рыночные отношения, а потому плановое хозяйство заведомо не менее эффективно, чем рыночное. Основная критика плановой системы в масштабах государства базировалась на невозможности произвести необходимое количество вычислений, в результате плановые решения запаздывали и не могли охватить необходимую номенклатуру товаров и услуг. Как показали современные шотландские экономисты В. Пол Кокшотт и Аллин Ф. Коттрелл [12, 13], современные информационные технологии снимают эти проблемы. С плановым подходом несовместимо перевыполнение плана, планирование от достигнутого. Механизмы организации производства, хозяйственной деятельности, экономической жизни могут быть разными. Использование таких изобретений человечества, как денежное обращение и конкуренция (а тем более фондовые рынки и опционы), совсем не обязательно. Как писал А. Файоль [29], «управлять — значит прогнозировать и планировать, организовывать, руководить командой, координировать и контролировать» (не упоминаются деньги, конкуренция и коммерческая тайна — внутри предприятия они не обязательны). Метафорой предприятия является семья. Разве нужны деньги, разве извлекают прибыль внутри одной семьи? На уровне предприятия или корпорации никто не отрицает необходимость планирования и контроля. Взгляды А. Файоля вполне созвучны современной концепции контроллинга [32]. Однако на уровне государства отдельные лица все еще считают эффективным «рынок», т. е. анархию производства, при которой решения субъектов экономической жизни не требуют согласования между собой.

Список использованной литературы

1. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Качество и успешность государственных политик и управления. М.: Научный эксперт, 2012. 488 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть первая. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2011. 464 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть вторая. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2012. 384 с.
4. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009. 424 с.
5. Колобов А.А., Омельченко И.Н., Орлов А.И. Менеджмент высоких технологий. Интегрированные производственно-корпоративные структуры: организация, экономика, управление, проектирование, эффективность, устойчивость. М.: Экзамен, 2008. 621 с.
6. Орлов А.И. Неформальная информационная экономика будущего — базовая организационно-экономическая теория // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия «Социально-экономические науки». 2010. № 2. С. 55–67.

7. Орлов А.И. Основные идеи неформальной информационной экономики будущего // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2010, № 1. С. 89–105.
8. Орлов А.И. Аристотель и неформальная информационная экономика будущего // *Biocosmology — neo-Aristotelism*. 2012. V. 2. № 3. P. 150–164.
9. Орлов А.И. Основные идеи солидарной информационной экономики — новой базовой организационно-экономической теории // *Научный эксперт*. 2013. № 1–2. С. 69–81.
10. Orlov A.I. Functionalist-Organic Information Economy — the Organizational-Economic Theory of Innovation Development // *Biocosmology — neo-Aristotelism*. 2013. V. 3. № 1. P. 52–59.
11. Орлов А.И. Проблемы методологии государственной политики и управления в неформальной информационной экономике будущего // *Научный журнал КубГАУ*. 2013. № 04 (88). С. 592–618.
12. Орлов А.И. Роль солидарной информационной экономики в модернизации России // *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 8. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2013. С.111–117.
13. Орлов А.И. Солидарная информационная экономика — инструмент реализации национальных интересов // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 33 (222). С. 2–10.
14. Орлов А.И. Менеджмент: организационно-экономическое моделирование. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 475 с.
15. Орлов А.И. Теория принятия решений. М.: Экзамен, 2006. 576 с.
16. Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование: теория принятия решений. М.: КноРус, 2011. 568 с.
17. Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование. Ч. 2. Экспертные оценки. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. 486 с.
18. Сетевая экспертиза / Под ред. чл.-к. РАН Д.А. Новикова, проф. А.Н. Райкова. М.: Этвес, 2009. 168 с.
19. Друкер П.Ф. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. 380 с.
20. Стиглиц Дж. Экономисты виноваты в кризисе, но есть шанс исправить дело // Газета «Ведомости». 20.08.2010.
21. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Изд. 2, доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 280 с.
22. Аристотель. Экономика. Книги I — III // *Вестник древней истории*, 1969, № 3. Перевод с древнегреческого и латыни г. А. Тароняна.
23. Ефремов И.А. Туманность Андромеды. М.: Эксмо, 2009. 768 с.
24. Агапова И.И. История экономической мысли. М.: ЭКМОС, 1998. 248 с.
25. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Том. 2. М.: Мысль, 1972. 582 с.
26. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. М.: Попурри, 2009. 352 с.
27. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 160 с.
28. Бир Ст. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993. 416 с.

29. *Файоль А.* Общее и промышленное управление. М.: Центральный институт труда, 1923.
30. *Фалько С.Г.* Контроллинг для руководителей и специалистов. М.: Финансы и статистика, 2008. 272 с.

Иерархия и взаимосвязь идеологии, государственного управления и успешности государства

Разумовский В.А.

Иерархия и взаимосвязь понятий устанавливаются по аналогии с основополагающими элементами оптимизационной экономико-математической модели, в которой идеология отождествляется с ограничениями модели, государственное управление — с вариантами достижения целей, успешность государства — с целевой функцией, значение которой рассчитывается только в сравнении с другими государствами. Поскольку спектр причин «неуспешности» на выбранном периоде времени весьма широк (от ложных идеологических установок до качества государственного управления), прикладной смысл подобного разграничения понятий при грамотно построенном общественном мониторинге государственной власти позволит назвать истинные причины отставания страны в социально-экономическом развитии.

The hierarchy and interrelation of concepts are established by analogy to fundamental elements of optimizing economic-mathematical model in which the ideology is identified with model restrictions, public administration — with options of achievement of the objectives, success of the state — with the criterion function which value pays off only in comparison with other states. As the range of the reasons of “not success” on the chosen period of time is very wide (from false ideological installations to quality of public administration), the applied sense of similar differentiation of concepts at competently constructed public monitoring of the government will allow to call the true reasons of lag of the country in social and economic development.

Ключевые слова: идеология, государственное управление, успешность, социально-экономическое развитие, модель, оценка, мониторинг.

Keywords: ideology, public administration, success, social and economic development, model, assessment, monitoring.

Иерархию и взаимосвязь «идеологии», «государственного управления» и «успешности государства» будем устанавливать, ориентируясь на существование некоторой оптимизационной экономико-математической модели социально-экономического

развития страны. В этой модели «успешность государства» отождествляется с целевой функцией, а государственное управление — с реализуемыми вариантами и результатами социально-экономического развития страны. Идеология в модели выступает в двух ипостасях. С одной стороны, она формирует ограничения модели, по сути, определяет допустимость тех или иных вариантов развития страны. А, с другой — детализирует, раскрывает содержание целевой функции (успешности государства или страны).

Успешность государства, как правило, оценивается с помощью большого числа разнообразных показателей. В основу их перечня могут быть положены данные из ежегодного Статистического справочника Всемирного банка «Страны и регионы. Мир в цифрах». Так в выпуске справочника [1] приводятся значения более чем по 50 показателям и по 208 странам, распределенным по пяти разделам (население; окружающая среда; экономика; государства и рынки; внешнеэкономические связи), миру в целом, шести его основным регионам, а также по группам стран с различными уровнями дохода. Вот некоторые из этих показателей: ожидаемая продолжительность жизни; потребление электроэнергии на душу населения; экспорт высокотехнологичной продукции; период времени, необходимый для создания бизнеса; текущая стоимость внешнего долга; дороги с твердым покрытием; ежегодные темпы прироста ВВП (валового внутреннего продукта); ВНД (валовой национальный доход) на душу населения.

Заметим, что присутствие в справочнике такого количества стран мира косвенно говорит о существовании среди них единого понимания содержания «успешности страны», по крайней мере, на декларируемом уровне.

На основании перечня частных показателей при желании можно построить комплексную количественную оценку, которая будет характеризовать успешность государства на выбранном периоде времени [2], а после некоторых ее дополнений [3] — и качество государственного управления. Принципиально важно, что такая оценка будет построена как сопоставительная, в сравнении с успешностью и качеством управления в других странах. Можно пойти дальше, проанализировать поведение комплексных количественных оценок в динамике и рассчитать некоторые весьма интересные характеристики, например, годовые темпы роста количественных оценок успешности различных стран.

В табл. 1 приводятся результаты расчетного примера [4], по сравнению успешности (социально-экономического развития) 10 стран. Сопоставительные оценки здесь строились на базе ограниченного числа показателей, взятых из Статистических справочников Всемирного банка за 2006 и 2007 гг., на периоде времени 1990–2005 гг. В таблице более успешному государству соответствует большее значение количественной оценки, а ее максимально возможное значение равно 100.

Рассмотренный пример показывает весьма интересные прикладные возможности сопоставительной оценки. В частности, по ее значению в последний 2005 год анализируемого периода времени, Россия занимает четвертое место после США (53,3), Индии (46,5) и Китая (46,4). С учетом среднегодовых темпов развития указанных стран (табл. 2), равных соответственно 0,05; 0,05; 0,46; 1,16, становится ясно, что в нашем примере стратегия, которой придерживалась РФ на периоде 1990–2005 гг., бесперспективна в смысле догоняющего или опережающего социально-

Таблица 1.

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ УСПЕШНОСТИ ГОСУДАРСТВ

№ п/п	страны	годы				
		1990	2000	2003	2004	2005
1	Индия	50	39,4	45,2	43,4	46,5
2	Япония	32,6	31,5	24,7	27,2	27,8
3	Бразилия	18,6	30,6	26,5	32,6	29
4	Россия	31,5	42,1	39,6	36,6	37,2
5	Великобритания	27,4	35,4	31,9	32,9	31,8
6	Германия	29,8	26,6	23,4	25,8	26,8
7	Франция	28,3	33	27,7	37,9	36,6
8	Италия	26,1	29,1	25	29,3	27,8
9	Китай	37,5	40,7	43,6	42	46,4
10	США	52	53,7	53,8	54,6	53,3

экономического развития. С Китаем начальный разрыв по сопоставительной оценке (9,2%) увеличивается с ежегодным темпом в 1,11%, с Индией (9,3%) — с ежегодным темпом в 0,41%, а с США (16,1%) — сохраняется постоянным.

Таблица 2.

ГОДОВЫЕ ТЕМПЫ РОСТА СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ОЦЕНОК

№ п/п	страны	годы				средний темп
		1990-2000	2000-2003	2004	2005	
1	Индия	-1,03	4,7	-4	7,14	0,46
2	Япония	-0,15	-7,79	10,12	2,21	-0,83
3	Бразилия	2,19	-4,68	23,02	-11,04	1,32
4	Россия	1,27	-2,02	-7,58	1,64	0,05
5	Великобритания	1,12	-3,41	3,13	-3,34	0,05
6	Германия	-0,49	-4,18	10,26	3,87	-0,22
7	Франция	0,67	-5,67	36,82	-3,43	1,54
8	Италия	0,47	-4,93	17,2	-5,12	0,13
9	Китай	0,36	2,32	-3,67	10,4	1,16
10	США	0,14	0,06	1,49	-2,38	0,05

Другими словами, сопоставительная оценка позволяет сделать обоснованный вывод о том, в какую сторону движется социально-экономическое развитие (успешность) страны. В случае негативного результата причиной может быть господствующая идеология, качество государственного управления или то и другое вместе взятое. Как идентифицировать истинную причину отставания страны?

Один характерный пример, информация о котором взята из нескольких источников, опубликованных в марте этого года. Речь идет о возможном срыве контракта со стороны Франции на поставку в РФ вертолетоносцев или, иначе, универсальных десантных кораблей (УДК) типа «Мистраль». В качестве предпо-

лагаемой санкции в отношении России, связанной с ситуацией вокруг Украины и Крыма. Вот что сообщает в отношении такой возможности (больше половины суммы контракта Россия уже выплатила) источник в Объединенной судостроительной корпорации (ОСК). [5]

«С учетом того, что себестоимость труда и промышленного производства в Европе, как такового, значительно выше, чем в России, у нас каталожная цена постройки одного «Мистраля» составляет 250 млн евро, в то время как контракт с Францией заключен на сумму 1,12 млрд евро на два корабля». На эту сумму «здесь, на российских верфях, можно построить не два, а 4–5 УДК с аналогичными характеристиками».

В другом источнике [6] говорится, что контракт о поставке двух Mistral для Минобороны РФ стоимостью 1,2 млрд евро был подписан «Рособоронэкспортом» и французской DCNS в 2011 г. Причем часть работ выполняется ОСК. Оценка контракта с ОСК (100% ее акций находятся в федеральной собственности) — 70 млн евро. Отмечается также, что среди военных не раз говорили: «логика покупки Mistral не совсем очевидна». Первый Mistral уже построен, его передача ВМФ была запланирована на 1 ноября 2014 г., второй — должен быть передан в конце 2015 г.

Третий источник [7] так прокомментировал ситуацию. «Как представляется, особых угроз обороноспособности России задержка в передаче, или даже аннулирование контракта, не несет».

Получается, что затрачиваются немалые бюджетные средства на приобретение продукции, которая и не слишком необходима для обороноспособности страны. Однако, при этом часть средств «уходит» к государственной корпорации. Так, где же здесь успешность страны? Скорее всего, в данном случае приходится говорить не о низком качестве государственного управления, а об идеологии «социального паразитизма» [8].

Далее новость [9], недавно озвученная в Париже: «при подписании контракта на два первых вертолетоносца оговаривалось, что все технологии корабля, на передаче которых настаивала российская сторона, будут переданы при гарантии на заказ третьего и четвертого «Мистраля». Там же отмечается, что российские высокопоставленные лица перед подписанием контракта клятвенно заверяли, что все технологии передаются Российской Федерации. Теперь же, оказывается, нужно выполнить «гарантию» — заказать еще два корпуса. Иными словами, российские должностные лица обманывали своих граждан.

Кроме того в [9] со ссылкой на очередной американский справочник «Военные флоты мира», вышедший в конце сентября этого года, указывается, что для ВМС Франции средняя стоимость каждого УДК типа «Мистраль» составила около 236 млн долл. При пересчете долларов и евро на рубли по курсу на конец ноября получается, что один «Мистраль» ВМФ Франции «весит» около 8 млрд руб., а ВМФ России — более 27 млрд руб.

Проследим идеологию социального паразитизма с помощью еще одного применения метода сопоставительной оценки.

В [10] без комментариев, чтобы российский гражданин самостоятельно оценил уровень своего благосостояния (покупательную способность заработной платы)

приводятся данные (табл. 3) по 19-и странам о ценах на некоторые потребительские продукты и ежемесячных средних заработных платах.

В таблице помимо названия страна обозначается буквой k , а потребительские продукты (показатели) буквой — i . Так, что $i = 2$ соответствует цена на «Местное пиво (0,5 литра)»; $i = 3$ — стоимость «Транспорта (проездной на месяц)»; $i = 4$ — цена на «Брендовые джинсы»; $i = 5$ — стоимость «Аренды 1-комнатной квартиры в центре города (в месяц)»; $i = 6$ — цена «Абонеента в фитнес-зал (1 месяц)»; $i = 7$ — цена «Билета в кино»; $i = 8$ — стоимость «Обеда в ресторане быстрого питания».

«Ежемесячной средней заработной плате (после уплаты налогов)» соответствует $i = 1$.

Значения показателей в табл. 3 измеряются в долларах США.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СРАВНИВАЕМЫХ СТРАН (доллары)									
k	страна	показатель (i)							
		1	2	3	4	5	6	7	8
1	Бразилия	729.65	1,79	55,78	84,79	446,27	44,63	8,03	7,54
2	Канада	2892,12	4,82	81,61	53,02	964,04	48,2	11,57	7,71
3	Чили	1000	1,63	43,4	68,26	427,03	58,51	7,8	6,34
4	Колумбия	406,77	1,29	45,13	80	258,46	40	5,17	7
5	Чехия	1024,03	1,38	27,72	102,4	512,02	40,96	7,68	6,14
6	Эквадор	300	1	15	60	400	35	4,5	5
7	Финляндия	2778,88	6,62	60,74	112,48	926,29	79,4	15,22	9,26
8	Франция	2646,55	6,62	63,52	115,13	860,13	66,16	12,57	9,26
9	Гватемала	562,2	2	17,5	44,76	334,86	42,38	4,86	5
10	Нидерланды	2646,55	5,29	92,63	119,09	1058,62	46,31	11,91	8,72
11	Италия	2117,24	5,29	46,31	119,09	793,97	72,78	10,59	9,26
12	Южная Корея	1901,08	2,59	35,65	78,21	604,89	51,85	6,91	5,01
13	Мексика	750,36	1,5	26,64	48,74	262,62	37,52	4,5	4,88
14	Перу	539,96	1,58	25	36	375	50	5,4	5,4
15	Португалия	1058,62	1,98	46,31	105,86	529,31	62,19	7,94	7,28
16	Пуэрто-Рико	1920	1,5	35	40	600	35	6,75	6,5
17	Россия	700,12	1,52	36,53	106,54	744,4	60,88	9,13	7,61
18	Швеция	3052,48	7,63	106,11	135,88	916,04	45,8	16,79	9,92
19	США	3200	3	68	40	900	40	10	6

Анализ даже такой небольшой таблицы показывает, что построение сопоставительных (количественных) оценок стран по уровням благосостояния населения представляется непростой задачей. За исключением двух соседних строк ($k = 16$ и 17), из которых непосредственно видно, что уровень благосостояния в Пуэрто-Рико выше, чем в России (заработная плата в первой стране больше, а цены на все перечисленные в таблице продукты меньше, чем в России). Однако разница в этих уровнях остается невыясненной.

Поэтому воспользуемся для построения сопоставительных оценок (табл. 4) методом [2].

Таблица 4

КОМПЛЕКСНЫЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ СТРАН

<i>k</i>	<i>страна</i>	<i>сопоставительная оценка</i>	<i>место в рейтинге</i>
1	Бразилия	23,6	16
2	Канада	70,4	3
3	Чили	34,7	12
4	Колумбия	17,8	18
5	Чехия	39,1	10
6	Эквадор	16,9	19
7	Финляндия	51,9	8
8	Франция	52,4	7
9	Гватемала	28	14
10	Нидерланды	54	6
11	Италия	46,2	9
12	Южная Корея	63,3	4
13	Мексика	38,1	11
14	Перу	25	15
15	Португалия	32	13
16	Пуэрто-Рико	78,4	2
17	Россия	21,5	17
18	Швеция	55,8	5
19	США	98,4	1

Сопоставительная оценка, по-прежнему, принимает значения в пределах (0, 100]. И также ее большему значению соответствует более высокий уровень благосостояния населения. Содержательно в данном случае она интерпретируется как средневзвешенное количество продукции, которое можно приобрести на ежемесячную заработную плату в стране и которое измеряется в% от потенциально лучшего решения, заложенного в используемых исходных данных табл. 3.

Совместим теперь графики сопоставительных оценок и заработных плат. Результат можно посмотреть на рис. 1, где «Ежемесячная средняя заработная плата (после уплаты налогов)» «показана в сотнях долларов, а страны упорядочены по убыванию значения сопоставительной оценки.

Ограниченный (а по некоторым признакам даже предвзятый) набор показателей [10] исключает применение каких-либо строгих математических методов для моделирования зависимости между двумя рядами столбцов на рисунке. Поэтому прокомментируем полученные графики на качественном уровне.

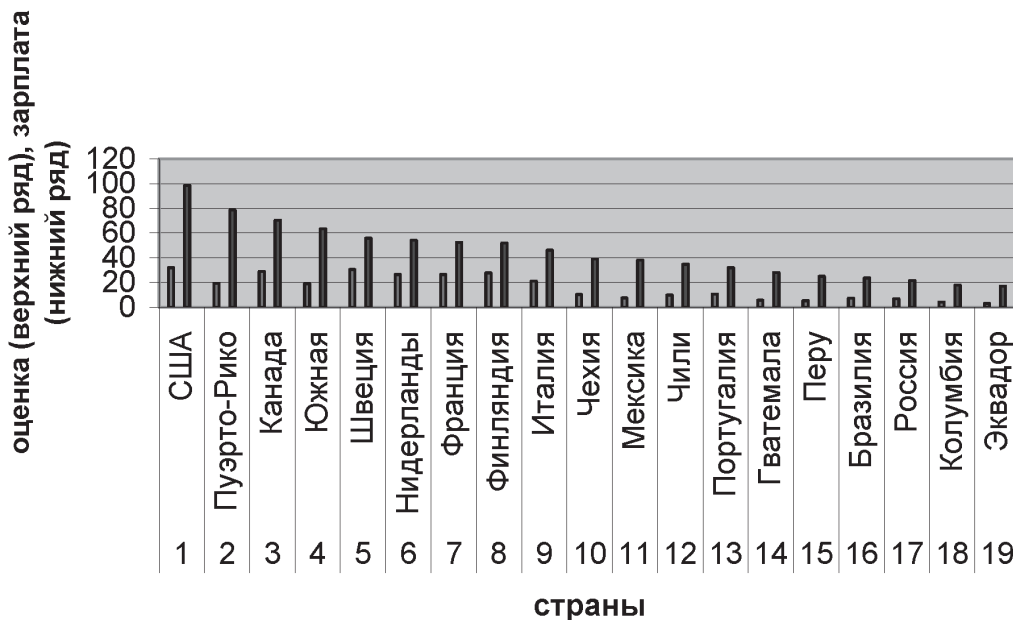
Главное, на что хотелось бы обратить внимание — несовпадение темпов роста сопоставительной оценки и заработной платы. Для 9-и стран с самым низким значением сопоставительной оценки темп ее роста (при переходе от одной страны к другой) составляет в среднем 125%. А темп роста заработной платы — 150%. Те

же темпы для 9-стран с самым высоким значением сопоставительной оценки равны соответственно 134% и 51%. То есть, для стран-лидеров темп роста сопоставительной оценки в 2,62 раза превышает рост заработной платы. А для стран-аутсайдеров наблюдается обратная картина: при более существенном темпе роста заработной платы наблюдается даже снижение темпов роста сопоставительной оценки.

С учетом содержательной интерпретации сопоставительной оценки это говорит о том, что в странах-лидерах рост заработной платы также сопровождается снижением стоимости потребительской корзины. А в странах-аутсайдерах — неадекватным ее повышением. Поэтому вполне реальна ситуация, когда товары на рынке первых стран могут стоить даже дешевле, чем аналогичные товары на внутренних рынках вторых стран.

Косвенно этот вывод подтверждает информация из того же источника, откуда были заимствованы данные табл. 1: «За год россияне удвоили расходы на товары из-за рубежа. Только по каналам «Почты России» приходит более 30 млн посылок». [11] И создается впечатление, что снижая цены на рынках передовых стран, тем самым повышая благосостояния собственного населения, корпорации возмещают потери в прибылях за счет стран-аутсайдеров. С точки зрения, например, гражданина США позиция правительства, поощряющего подобную деятельность корпораций, вполне патриотична. Чего нельзя сказать о государственной власти

Рис.1. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ОЦЕНОК И ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ

стран-аутсайдеров, которые, не оказывая по разным причинам должного сопротивления, по сути, поощряют такого рода паразитизм.

Вот для примера, как Министр по развитию Дальнего Востока [12] комментирует ситуацию, при которой российские граждане платят за киловатт-час электроэнергии по 3–4 руб., а в Китай она поступает по 1,5 руб.: «но не продавать тоже нельзя». В Москве или Подмоскowie плата уже под 4 рубля за киловатт-час, а потребление энергии на душу населения в России примерно вдвое ниже, чем в США или в Финляндии. [12]

Основными чертами, характеризующими принятие государственных решений в РФ, по мнению [13], являются: отсутствие понимания мотиваций (приводится пример с очередным витком пенсионной реформы); закрытость (ссылка на тот же пример); непредсказуемость («общество живет в полном неведении, куда ветер подует завтра»). На наш взгляд, это не совсем правильно, поскольку, по сути, речь здесь идет только о качестве принимаемых решений. Что можно попытаться исправить, например, ротацией кадров исполнительной власти. Однако, По большому счету, однако, этого в РФ не наблюдается.

Резко, но более точно формулируется позиция в [14]:»Правительство не берет на себя никаких конкретных обязательств... государство не просто не обеспечивает своих граждан даже необходимым для человеческой жизни минимумом — оно в принципе не желает признавать это своей целью». То есть, дело не в качестве управления, а в тех целях, которые преследует господствующая идеология.

Рассуждая о качестве государственного управления, до сих пор предполагалось, что целью такого управления является успешность страны. Если же это не так, низкое качество управления с точки зрения успешности государства может быть даже очень неплохим по другим истинным идеологическим критериям. Отсюда может и не быть потребности в ротации управленческих кадров.

Вернемся к началу статьи, где речь шла об экономико-математической модели социально-экономического развития России. В этой модели успешность страны присутствует теперь только в виде ограничений: она должна быть не ниже некоторого уровня. Господствующая идеология представляется, прежде всего, в виде неизвестной целевой функции. Чтобы ее восстановить, необходимо располагать определенной систематизированной информацией, статистикой. В этом смысле заслуживает внимания, что «каждый шестой рубль расходов федерального бюджета сегодня спрятан за грифами «секретно» или «совершенно секретно». За последнее десятилетие доля секретных расходов в бюджете увеличилась в полтора раза. И к 2016 году уже каждый четвертый бюджетный рубль окажется недоступен контролерам и будет назван секретным». [15].

Подводя итог: истинные причины отставания страны в социально-экономическом развитии позволит назвать грамотно построенный общественный мониторинг государственной власти.

Список использованной литературы

1. Страны и регионы. 2011–2012. Статистический справочник Всемирного банка // <bukvabiz.ru/.../3903-strany-i-regiony.-2011-2012.-statisticheskij-spravochnik-vsemirnogo-banka.html>.

2. *Разумовский В.А.* Об успешности страны как критерии государственной политики и управления // *Современные проблемы государственной политики и управления. Труды Всероссийской научной конференции (Москва, 17 октября 2013 г.)*. — М.: Научный эксперт, 2013. — 608 с. + электр. часть (с. 609–1301). С. 158–172.
3. *Разумовский В.А.* Количественная оценка качества государственного управления // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7. Часть 2. Пивоваров Ю.С. (отв. ред.)*. М., РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей, 2012. Ч. 2. 740 с. С. 231–237.
4. *Разумовский В.А.* Идентификация стратегии социально-экономического развития с помощью многокритериальной оптимизационной задачи // *Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза. Материалы Всеросс. науч. конф., 3 апреля 2012г., Москва [текст + электронный ресурс]/Центр пробл. Анализа и гос-упр. проект*. — М.: Научный эксперт, 2012. — 720 с. + электронный ресурс (с. 721–1427). С. 320–329.
5. Срыв контракта по «Мистралям» предполагает серьезные штрафные санкции. АРМС-ТАСС. 18.03.2014.
6. *Попов Е.* Россия может лишиться «Севастополя». Коммерсантъ. 19.03.2014.
7. Эксперт: Риски реализации контракта на УДК «Мистраль» для ВМФ России. Военно-промышленный курьер. 18.03.2014.
8. Глобальный социальный паразитизм. Международная научно-общественная конференция (к 100-летию Федеральной Резервной Системы США). Москва, 19 декабря 2013 г. <http://rusrand.ru/files/conferences/global_parasitism_program.pdf>.
9. *Мозговой А.* «Мистраль» сдул «Казака». Неприятные новости из Франции. Независимое военное обозрение. 13.12.2013.
10. Что почем. Сколько зарабатывают и тратят жители стран Metro (в долларах). Газета Metro, понедельник, 28 октября 2013. С. 13.
11. Россия все активнее закупается за границей. Газета Metro, понедельник, 25 октября 2013. С. 9.
12. *Куликов С.* Россиянам — тьма, китайцам свет // <http://www.ng.ru/economics/2013-02-25/1_darkness.html>.
13. *Гонтмахер Е.* Власть оторвалась по полной. Из выпуска от 17-03-2014 рассылки «Московский Комсомолец — экономика».
14. *Деягин М.* Богатую Россию содержат в нищете. Из выпуска от 14-03-2014 рассылки «Московский Комсомолец — экономика».
15. *Башкатова А.* Россия обгоняет США по доле оборонных расходов. Каждый четвертый бюджетный рубль будет засекречен. Независимая газета. 31.03.2014.

Секция III

Проблема государственной идеологии в современной России

Отношение к труду в системе национально-государственной идеологии

Арская Л.П.

Не просто отыскать в современных российских государственных документах определение того, что такое труд. Все мы внутренне понимаем, что — это главная ось, на которой держалась и держится человеческая жизнь, как индивидуальная, так и общественная. Но свой немалый смысл имеют и официальные определения. Нет определения того, что такое труд, или хотя простого упоминания о труде в Конституции Российской Федерации, нет такого определения в таком имеющем исключительное практическое значение документе, как Трудовой кодекс Российской Федерации. А ведь когда-то без упоминания о труде не обходились в нашей стране государственная, общественно-политическая, научная лексика, литература и искусство.

Попытки вернуть общество к тем временам были бы нереалистичными, но в то же время нужно исходить из того, что трудовые ценности невозможно отменить. Они на протяжении многих лет формируются общественной средой, национальными традициями, государственной политикой. Труд формирует и «человека мыслящего», и «человека общественного», подводит и отдельного человека и человеческие сообщества к пониманию необходимости баланса личных и общественных интересов.

В старом Кодексе законов о труде в статье 1 речь шла о постепенном «превращении труда на благо общества в первую жизненную потребность каждого трудоспособного человека» (1). В этой формулировке сомнение вызывает соответствие даже прежнему состоянию общественного сознания тезиса о труде именно на благо общества. Человек всегда и неизбежно индивидуалист и продвижение к гармонии личных и общественных интересов могло быть лишь идеей, общей тенденцией, а не четко обозначенной целью.

В 1990-х годах в нашей стране менялось отношение к трудовым ценностям. И не могло быть иначе, если принять во внимание изменения в государственной идеологии и в объективных социально-экономических условиях. Уже к середине 2000-х годов доходы от собственности и предпринимательской деятельности в общей сложности превысили одну пятую часть доходов населения. Но, чтобы судить о том, много это или мало значило для перемен в социальной психологии, надо

иметь ввиду то обстоятельство, что значительная часть живущих на такие доходы, относятся к малому бизнесу, который не слишком далеко увел их получателей от присутствия собственного труда, в комплексе всех источников существования.

В действительности, никогда, ни общественное, ни простое биологическое существование человека не были возможны без труда. «Душа обязана трудиться» — в этой поэтической строке выражены и высокий пафос, и то простое наблюдение, согласно которому без труда наступает спад физической и умственной жизнедеятельности человека. И если вспомнить наши тяжелые 1990-е годы, то невозможно считать случайным совпадение между высокой тогдашней смертностью и ростом безработицы, которая значила искусственное отторжение людей от сферы труда и влекла их на путь социальной деградации.

Пережив существенную ломку в отношении к общественным идеалам, население нашей страны, тем не менее, продемонстрировало достаточную социально-психологическую устойчивость. Полной девальвации трудовых ценностей не произошло. Поощрение за труд, т. е. позитивное стимулирование, много значит в наши дни в реальной жизни работающего человека, хотя, надо признать, что возросло значение так называемого негативного стимулирования, прежде всего, страха увольнения, в особенности в условиях возросшей конкуренции на рынке труда.

Явно выраженной особенностью современного трудового потенциала как в нашей стране, так и в мире является рост доли работников умственного труда. Уже это, как таковое, привело к переменам в трудовой психологии, в действии стимулирующего механизма. Все шире используется стимулирование самим содержанием предлагаемого труда, когда лучшим работникам предоставляется наиболее интересная, творческая работа. Одной из таких новых форм является предоставление таким работникам права не только на особо содержательный труд, но и на осознание целей всей трудовой деятельности коллектива, фирмы.

В современном мире очень редко, когда трудовое поведение работников носит спонтанный характер. Чаще всего в его основе лежат мотивации, порой годами формирующиеся. Они носят характер как коллективных, так и индивидуальных, стереотипов мышления и поведения, причем те и другие представляют собой результат осознания объективных ситуаций и интересов на различных уровнях, от индивидуального и вплоть до государственного. Мотивации отличаются от того, что можно назвать идеологией труда, меньшей широтой, количеством вовлекаемых в поле зрения проблем. Но суть того и другого едина, ибо в том и в другом случае происходит осознание проблем труда и оно, это осознание, становится стимулом к деятельности.

Сводить мотивации к сугубо личностным явлениям, представляется не совсем правильным. Акцент на личностном прочно взят на вооружение некоторыми социологами, в том числе и авторами глубокой, не утратившей своего теоретического значения коллективной работы «Социология труда». Они исходят из того, что побуждения к труду рождаются «только в контексте личностно значимых интересов, потребностей и приоритетов». И далее они развивают эту мысль, характеризуя мотивации как «фундамент того жизненного пути и той трудовой перспективы, которые человек формировал на различных этапах социализации». (2).

Отдавая дань тому, что в формировании трудовых мотиваций существенную роль играют процессы воспитания личности на всех его этапах, начиная от обучения в школе и далее — воспитания в самом труде, даже большие ученые подчас, как это ни странно, забывают о роли этнической и государственной идеологии, в то время как эти идеологии — государственная, а в многонациональных странах и этническая — играют огромную роль в трудовых ориентациях больших человеческих общностей и каждого индивидуума. Добавим, что отношение масс людей к труду с глубокой древности и поныне испытывает на себе и влияние конфессиональных воздействий.

Очевидно, что эти идеологии содержат некое устойчивое ядро. И в то же время они претерпевают свои перемены во времени. Еще один аспект перемен — то, с какими общечеловеческими ценностями они сопрягаются. Как пример, можно привести такие актуальные для современного мира ценности, как принципы гуманности и справедливости.

Вот один из примеров различий между народами и странами. Мы, в нашей стране уже, кажется, привыкли жить в условиях «перевернутой» пирамиды заработной платы, когда сложный, ответственный, интеллектуальный труд не получает должной финансовой оценки. Иначе — в Швеции, где принцип соответствия оплаты труда его качеству, отчетливо соблюдается. Соответственно, в этой стране учителя и врачи занимают первые строчки в статистических рядах заработной платы.

Нынешний российский эксперимент с нарочито заниженной, деформированной по всем параметрам оплатой работников умственного труда, очевидно, не может быть долговечным, и есть все основания, чтобы уже сейчас начать преодолевать его последствия.

В какой-то мере низкая зарплата учителей, врачей несет на себе отпечаток прошлого, второй половины XX-го века. Тогда массы людей на уровне государственной идеологии убеждали в правомерности такого положения, в том числе, ссылаясь на то, что высшее образование было бесплатным. Не принимался во внимание труд самого обучающегося, его сложность. В то время дополнительную роль в отрыве заработной платы от количества и качества труда начал играть так называемый дефицит рабочих кадров. Наконец, усиленно эксплуатировался тезис о том, что воздаяние за интеллектуальный труд состоит в удовлетворении самим трудом, как таковым.

Сейчас высшее образование фактически далеко не бесплатное. Это обстоятельство должно вести к повышению зарплаты, тем не менее, сдерживает этот рост некий, как бы идущий от общества аргумент, и он сводится к тому, что если попытаться сразу перейти к достойной оплате, например, медиков, то государству будет трудно выдерживать свои обязательства по оказанию гражданам бесплатной медицинской помощи. Интеллигенцию вновь и вновь призывают к своего рода добровольной жертве. И принимает эти установки, поскольку значительная ее часть работает в бюджетных организациях. Но принимает она их не без внутреннего сопротивления.

Давление на сознание, если оно оказывается в противовес законам экономики, не может давать длительных и устойчивых результатов. Последствия мы отчетливо наблюдаем. Очевидны такие, например, явления, как стихийное превращение

бесплатной медицинской помощи в платную, как диспропорции в фактических доходах самих медиков по сравнению с уровнем ответственности и общественной значимости работы по каждому из видов их труда.

Тема эта тема более чем ответственна, и потому она требует настоящей общественной дискуссии. Нельзя забывать о том, что без бесплатной медицины при сложившемся и сохраняющемся уровне жизни массовых слоев населения в нашей стране не только невозможно социальное государства на уровне идеологической формулы, рисующей будущее страны, но и просто социально стабильное государство.

Еще раз обратимся к шведскому опыту. При высокой оплате труда медиков в конце XX-го века в Швеции медицинская помощь для населения была бесплатной. Такая гармония достигалась за счет решительного использования налогового механизма. Сейчас не вся медицинская помощь в этой стране бесплатная, но уставлены приемлемые для населения лимиты затрат. У нас в налогово-бюджетной сфере никак не докрутят гайки и не придут к твердому пониманию того, что нельзя без конца призывать к жертвам тех, кто давно уже не должен демонстрировать неисчерпаемое многотерпение.

Труд как таковой — и это не вызывает особых споров — благо. При этом не приходится забывать и о том, что он же представляет собой источник множества жизненных благ, и существенный вопрос заключается в том, как именно труд соотносится с иными общественными, материальными и гуманистическими ценностями. Когда мы говорим о трудовой идеологии, то имеем в виду осознание массами людей той и другой части уравнения, а именно ценности труда, как такового, с одной стороны, и его результатов, его потребительского эквивалента, с другой.

Труд, хотя он и благо для человека, но в то же время он и нелегкий груз. Общество, высоко ставя ценности труда, не вправе делать из людей вынужденных трудоголиков. У самого активного трудоголика рано или поздно иссякают душевные силы. Это значит, что мозг устает от однообразной работы, ради однообразной цели. Мы до конца не знаем, когда и почему у каждого человека наступает фаза усталости, и на смену ей приходит психология страдания. Не только каждый человек постоянно решает для себя вопрос о том, стоит ли напряженно работать ради той или иной конкретной потребительской цели. И на масштабном общественном уровне человечество постоянно задумывается над тем, не породило ли оно цивилизацию, которая слишком дорого ему обходится, когда предлагая потребительские ценности, особенно материальные, требует принесения в жертву досуга, здоровья, самих человеческих жизней.

Противоречивость связи между трудом и потреблением особенно очевидна, если обратиться к долгосрочным трудовым стимулам, чаще всего, связанным с крупными потребительскими целями. В качестве примера можно привести соотношение между трудом и такой важной долгосрочной целью как приобретение жилья.

Обращаясь к практике, надо признать, что для современного россиянина активные установки на приобретение жилья продиктованы в первую очередь объективной остротой жилищной проблемы, ее нерешенностью на протяжении многих десятилетий. Итак, первая его цель — непосредственно потребительская.

Но в последнее время дает о себе знать и другая. Жилье стало рассматриваться, причем немалой частью граждан, как самый надежный способ помещения личных средств. Это — так сказать инвестиционный вариант. Подсчеты показывают, что никакая прибыльность банковских вкладов, действительно, не гарантирует такого прироста средств, какой дает приобретение жилья, если принимать во внимание его цену в меняющемся рыночном эквиваленте.

Если подходить к приобретению жилья как к непосредственно потребительской цели, то такая цель дает действительный стимул к труду, ибо рассматривается в семьях как способ обеспечить важнейшие интересы их нынешнего и будущих поколений. Но в сложившихся в наше время условиях для массы населения приобретение жилья практически невозможно без кредита.

И здесь возникает целая цепочка вопросов. Первый — тяготы кредита и их соотношение с возможностями решений за счет труда. В середине 2000-х обязательные платежи и затраты на текущее потребление поглощали более четырех пятых денежных доходов российского населения. Из оставшихся в его распоряжении денежных ресурсов средний россиянин мог выделить на приобретение жилья суммы порядка 1,5–2% своего бюджета. (3). Конечно, не только жилищно-коммунальные расходы тому виной, но и они играли существенную роль в ограничении его возможностей. Получается, что одни элементы жилищной политики приходили в противоречие с другими. Чем больше население будет платить за износившееся жилье, тем дальше будет отодвигаться приобретение нового для многих семей.

Следом за другими странами Россия стала переходить на ипотечное кредитование в решении жилищной проблемы. В мире хорошо известно, какие проблемы порождает практика приобретения жилья в кредит. Самые яркие примеры дали США. С одной стороны, ипотека позволила обеспечить американские семьи жильем на высоком уровне. Правда, здесь заслуга не одного только развитого кредитования. В этой стране в отличие от других стран не познали бремени военных жилищных потерь. Кроме того, в США осуществлялась специальная государственная поддержка ипотечного кредитования. Такая поддержка использовалась как элемент антикризисной политики, и это придавало большую стабильность системе, построенной на жилищных займах и системе займов вообще. И все-таки, если американцы — это сегодня народ, опутанный долгами, то главный их источник — задолженность по ипотеке. Из 4,5 млрд долларов задолженностей населения США по кредитам на ипотеку к середине 1990-х годов приходилось 4,2 млрд, в то время, как на весь потребительский кредит — 0,8 млрд (4).

Ипотечная задолженность — это весьма непростое обстоятельство для жизни работника и его семьи, для его психологического состояния. Ему не раз приходится задаваться мучительным вопросом: «Да подлинно ли этот дом мой?». В чем-то сходный вопрос возникал в нашей стране после великих потрясений революции 1917 года и гражданской войны, когда жителям Петрограда предлагали переселяться в пустующие «барские» квартиры, а они, поначалу, боялись это делать, не будучи уверены в том, что старые хозяева не вернуться.

В принципе страх потерять взятое в кредит жилье может представлять собой стимул к труду, но только до тех пор, пока люди понимают соизмеримость сумм, которые способна принести их заработная плата, и будущих платежей по ипотеке.

В противном случае, следует отказ от жилищных планов, основанных на кредите. Примечательные данные опубликовал журнал «Итоги». Согласно приведенным цифрам, большинство опрошенных москвичей готовы платить по ипотеке не более 15 тыс. рублей в месяц, что в три раза ниже, чем действительны платежи в столице. Журнал продолжил эти расчеты путем сопоставления ипотечных платежей с заработной платой. Необременительными ипотечные платежи окажутся в том случае, если зарплата заемщика-москвича находится на уровне 90 тыс. рублей в месяц. Ситуация в Подмосковье подсказывает другую, но по-своему тоже внушительную цифру — в 55 тыс. рублей. (5). Иначе говоря, между покупкой квартиры по ипотеке и доходами рядового работающего по найму человека дистанция оказалась впечатляющей. И такая ситуация способна не столько стимулировать к труду, сколько деморализовать массы нуждающихся в жилье россиян, стать питательной почвой для квартирного криминала всех мастей, усилить недовольство неравенством доходов и имущественным расслоением. Не будет преувеличением сказать, что общество должников в нашей стране неизбежно станет обществом стрессов.

Еще один вариант долгосрочного стимулирования появился в нашей стране после «перестройки». Это — участие в прибылях предприятий, премирование предоставлением акций. Идея такого участия родилась еще в XIX-м веке в Западной Европе. Первым, кто ее высказал, был известный швейцарский ученый Ж.Ш. Симон де Сисмонди, и она поражала современников своей смелостью. Идея вошла в практику, но даже через столетие после ее рождения можно было констатировать, что крутого поворота в сознании работающего человека она за собой не повлекла. Напротив, она показала, что более или менее благополучная часть работающих в той или иной корпорации полагает, что они и без акциевладения крепкими нитями к ней привязаны. В нашей стране первая практика фирм, наделявших работников акциями, продемонстрировала разочаровывающий для работодателей результат. Психология рядовых работников не претерпела заметных перемен, что, в общем, объяснимо тем, что уровень поступлений из этого нового источника не шел в сравнение с обычной заработной платой.

Современная политика в области трудовых отношений на уровне предприятия, фирмы включает в себя такой широко признаваемый важным момент, как выбор методов для обеспечения благоприятных отношений в вертикали «руководитель подчиненные». В одних случаях высшему руководству приходится подбирать на ту или руководящую должность человека, обладающего качествами большой пластичности, умения ладить с самыми разными людьми. Это, кстати, представляет собой специфику японских вариантов управления. Американскому стилю присущ, как считается, другой подход, а именно, подбор каждым руководителем своей команды. Свой интересный опыт был и в нашей стране. Например, прекрасный результат показал коллектив, который действовал под руководством знаменитого авиаконструктора, академика А.Н. Туполева. Кадры подбирал он сам из людей, которым доверял. Примечательно, что ориентация на конкретного лидера, очень много значит для интеллигенции, и неспроста у людей умственного, творческого труда бытует формула, которая сводится к выражению «у кого работаю, а не «где работаю».

Государство влияет на отношение населения к труду самыми различными способами, в том числе и используя такой мощный, имеющийся в его распоряжении

рычаг, как установление минимума заработной платы. И именно, благодаря этой связи от государственных решений зависит очень многое в трудовых ориентациях людей. Известный специалист в области теории заработной платы, профессор Ю.П. Кокин в своей дискуссионной статье «Экономические нравственные аспекты распределительных отношений» обратил особое внимание на расхождения между региональными минимумами заработной платы и степенью учета в них реальных потребностей населения, взятых в региональном аспекте. Получалось, что государство, если оно допускало недоучет фактического уровня этих потребностей, то тем самым, как бы давало подсказку населению, что надо, отодвигая на второй план трудовые усилия, ориентироваться на «теневые» доходы и другую противоправную активность. Профессор Ю.П. Кокин выражает свою точку зрения в острой критической форме, когда пишет о том, что «современная научная теория в области формирования трудовых доходов превратилась в науку о зарабатывании денег любыми средствами, даже за счет необоснованного перераспределения доходов между социальными группами населения». (6). Автор возвращает читателя к основным положениям теории заработной платы, согласно которым она должна соответствовать количеству и качеству труда. Только в этом случае, как считает ученый, стимулирование к труду сохраняет свой нравственный смысл, отвечает интересам личности и общества. Важно, как подчеркивает Ю.П. Кокин, избежать такой ситуации, когда у человека главной жизненной точкой отсчета становится накопление материального богатства любой ценой и в этом случае «он просто перестает быть человеком в подлинном смысле этого слова» (7). И далее автор обращается к коллективистской модели трудовых и социальных отношений, в которой господствует, как он полагает, философия разумного достатка, а не на богатство как самоцель. Здесь, возникает целый ряд вопросов, в том числе и непростой, как вопрос о том, что же такое разумный достаток, как определить его экономический, социальный и моральный смысл.

Действительно, деньгоманья сплошь и рядом перечеркивает и моральные ценности труда, как и иные человеческие ценности. Государство, общество должны ориентировать отношения в сфере труда так, чтобы установки на эффективность, финансовые и потребительские результатами не расходились не только с личными позитивными жизненными ожиданиями, но и с соображениями сохранения высшей ценности для каждого человека и для страны в целом — здоровья, продолжительности жизни. К сожалению, в отличие от европейцев средний россиянин куда меньше заботится о своем здоровье, в том числе и о сохранении работоспособности.

В старых странах Евросоюза, где население прочно восприняло принципы заботы о собственном здоровье, результаты оказались очевидными: за последние четверть столетия продолжительность жизни во Франции увеличилась на 6 лет, в Великобритании — на 5. (8). И при этом осуществлялась ориентация на поддержание высокого уровня занятости

В нашей стране речь надо вести об утверждении здорового образа жизни, как о всеобъемлющем явлении, которое следует по настоящему возвести в ранг государственной идеологии. Очень хорошо сказал об этом выдающийся деятель российского искусства Иосиф Кобзон, член президиума Лиги здоровья наций: «Мы должны каждый день напоминать соотечественникам, что нужно заботить-

ся о своем здоровье, потому что здоровье нации — это гарантия успеха страны, государства, народа». (9). Добавим, что россиянам нужно здоровье и физическое, и духовное, жизнь без страхов, без ожидания постоянных ударов судьбы, что в значительной мере зависит и от государства.

Источники.

1. Кодекс законов о труде РСФСР. М. 1986. С. 5.
2. Социология труда. М., 1993. С. 169.
3. Россия, как социальное государство: конституционная модель и реальность. Сборник материалов. Научно-экспертный совет при Председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. М., 2007. С. 13.
4. Меркулов В.В. Мировой опыт ипотечного жилищного кредитования и перспективы его использования в России. СПб., 2003. С. 83.
5. Угодников К. Ищу крышу // «Итоги» 14 мая 2012. С. 7.
6. Кокин Ю.П. Экономические и нравственные аспекты распределительных отношений // Социальная политика и социальное партнерство. 2010. № 10. С. 37.
7. Там же. С. 41.
8. «Европа» (Журнал Европейского Союза). № 8. 2005. Спецвыпуск «Социальное государство». С. XIII.
9. «Известия», сентябрь 2012. Спецвыпуск. С. 1.

Идеи русских консерваторов конца XIX — начала XX вв. и перспективы идеологии консерватизма в современной России

Булыгин Ю.А.

Аннотация доклада

В статье анализируются различные аспекты идейного консерватизма в трудах Л.А. Тихомирова, К.П. Победоносцева, К.Н. Леонтьева, М.Н. Каткова, Д.А. Хомякова. К данным аспектам относятся верховная власть, социальное устройство общества, народное представительство, духовные традиции. Обращение к русским дореволюционным консерваторам, анализ их концепций представляются возможностью предложить современному обществу опыт консервативных методов и ключей к решению старых общественно-политических проблем. Представляется, что на рубеже XX — XXI вв. новизна и популярность обсуждаемых вопросов, анализ политических идеологий и ценностей, оказались значительнее, нежели возможность их практического использования. Некоторые идеи русских консерваторов начала XX века можно узнать в современных институтах и ценностях, а другие являются показателями того, что отдельные проблемы и задачи страны того времени так и остались неизменными.

Abstract article.

The article examines various aspects of ideological conservatism in the writings of L.A. Tikhomirov, K.P. Pobedonostev, K.N. Leontiev, M.N. Katkov, D.A. Homjakov. To these aspects are the supreme power, the social structure of society, popular representation, spiritual traditions. Appeal to the pre-revolutionary Russian conservatives, analysis of their ability to offer concepts presented modern society experience conservative methods and keys to solving the old social and political problems. It seems that at the turn of the twenty-first centuries novelty and popularity of the issues, the analysis of political ideologies and values were greater than the possibility of their practical use. Some ideas Russian conservatives early twentieth century can be found in modern institutions and values, while others are indicators that the individual challenges of the country at that time and have remained unchanged.

Ключевые слова.

Идейный консерватизм, народное представительство, опыт консервативных методов, традиции, политическая идеология.

Keywords.

Ideological conservatism, representation of the people, experience of conservative methods, tradition, political ideology.

Интерес общества к консервативным разработкам дореволюционной России можно объяснить тем, что долгие годы в XX веке страна получала во многом одностороннюю информацию, автоматически причисляя русских консерваторов к отсталым политическим силам, не имеющим в своем активе ничего созидательного.

«Спрос» на консерватизм, имевший в начале 1990-х гг. антикоммунистический оттенок, приобрел в последнее время отчетливый антилиберальный акцент. Политическая власть заявила о необходимости национальной идеи, что было воспринято адептами формировавшейся «правой идеи» как своего рода политический заказ. Консерваторы прошлого вдруг стали «властителями дум» части интеллектуальной элиты и научного сообщества. Консерватизм воспринимался как искомая русская национальная идея, которую лишь необходимо актуализировать в принципиально новой обстановке. В наследии консерваторов XIX — начала XX вв. стали отыскивать «ценные элементы», призванные подтвердить тезис о том, что их идеи, которые «так и не были использованы» самодержавной властью, и сегодня не утратили своего значения. Здесь концепцию самодержавной монархии можно использовать для легитимации сильной государственной власти.

В отличие от консерваторов, придававших монархическому принципу огромное значение, либеральные идеологи хотели постепенного продвижения от жесткой абсолютистской модели к конституционной монархии. Для консерваторов сохранение монархического принципа имело первостепенное значение, а либералы делали акцент на его преходящей роли и были заинтересованы в нем как рычаге для эволюционного перехода к правовому государству. Для них самодержавная власть не являлась сакральной, а была всего лишь переходной формой правления, соответствующей определенному этапу развития. В новых социально-экономических условиях эта форма правления должна была, по мнению либералов, подвергнуться неизбежной трансформации.

Консерваторы же считали самодержавие самодостаточным. Идея замены самодержавия на конституционно-монархическую или конституционно-парламентскую форму правления рассматривалась ими как покушение на основы российской государственности, разрушение национальной самобытности. [1, с. 100] К.Н. Леонтьев характеризовал либерализм в России как систему легкую и незатейливую «еще и потому, что охранение у каждой нации свое: у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один...». [2, с. 268] А конституционную монархию не считал монархией, потому как «в конституционном государстве властвует демократическая полиархия, слегка ограниченная исполнительной и большей частью только отрицательной силой «князя» (государя)». [3, с. 694] То есть консерваторы считали идею какого-либо представительского учреждения во власти беспочвенной западной идеей, чуждой народному духу и российской традиции.

Таким образом, русских консерваторов объединяло полное неприятие западноевропейских форм парламентаризма. Примером тому может выступить отношение К.П. Победоносцева как к институту выборов, так и к теории народовластия: «В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и приводит ее в действие. Это идеальное представление. Прямое осуществление его невозможно... народ должен переносить свое право властительства на некоторое число выборных людей и облекать их правительственной автономией. Эти выборные люди, в свою очередь, не могут править непосредственно, но принуждены выбирать еще меньшее число доверенных лиц... И этот механизм мог бы успешно действовать, когда бы доверенные от народа лица устранились вовсе от своей личности; когда бы на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа; когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда бы притом представителями народа избираемы были всегда лица, способные уразуметь в точности и исполнять добросовестно данную им и математически точно выраженную программу действий».[4, с. 5]

Взгляды К.П. Победоносцева на эти институты, отразившиеся в его работе «Великая ложь нашего времени», можно назвать традиционным отражением позиции консерваторов применительно к проблеме народного представительства в конце XIX века.

Русские консерваторы в целом отрицательно относились к институту выборов. Они считали, что выборы выигрывает не самый достойнейший, а самый удачливый, ловкий, бесчестный и изворотливый: «Опыт свидетельствует непререкаемо, что в больших собраниях решительное действие принадлежит не разумному, но бойкому и блестящему слову, что всего действительнее на массу не ясные, стройные аргументы, глубоко коренящиеся в существе дела, но громкие слова и фразы, искусно подобранные, усиленно натверженные и рассчитанные на инстинкты гладкой пошлости, всегда таящиеся в массе. Масса легко увлекается пустым вдохновением декламации и под влиянием порыва, часто бессознательного, способна приходиться к внезапным решениям, о коих приходится сожалеть при хладнокровном обсуждении дела».[4, с. 6]

К.П. Победоносцев, как и М. Н. Катков, отмечая отсутствие правовой традиции в России, скептически относились к возможностям самостоятельной деятельности русского народа. В духе этой парадигмы М.Н. Катков считал, что русские подданные «имеют политические обязанности» — нечто более чем политические права. «История свидетельствует, что существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходят от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокою идеей и глубоким знанием, напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей». [5, с. 278] Этим он, также как и Л.А. Тихомиров, подчеркивал качественный подход к институту народного представительства в России.

Эволюция русского консерватизма в конце XIX — начале XX вв. заключалась в том, что он под напором прогрессистских идеологий терял свои позиции в образованном обществе. Вероятно, это привело к тому, что консерватизм, в лице отдельных своих представителей вынужден был взять на вооружение рационализм, главную методологию своих идейных противников. Сложилась ситуация, подобную которой К. Манхейм описал в отношении немецкого романтического консерватизма начала XIX века: «Его структура сформировалась под преобладающим влиянием подходов и методов того самого движения Просвещения, в оппозиции к которому он родился и развивался. Романтизм старался спасти вытесненные иррациональные силы, защищал их в конфликтах, но не замечал, что сам факт обращения на них внимания означал их неизбежную рационализацию». [6, с. 587.] То есть, по мнению Манхейма одной из характернейших черт современного буржуазного сознания являлось то, что оно не знает границ в процессе рационализации.

Наиболее яркий пример использования рационализма среди русских консерваторов прослеживается в работах Н.Я. Данилевского, основанных на позитивистской методологии (теория культурно-исторических типов, в основу которой положен органицистский принцип), в какой-то степени — К.Н. Леонтьева.

Продолжателем рационалистической линии русского консерватизма стал Л.А. Тихомиров, в творчестве которого, однако, оставался значительным и даже постоянно усиливался религиозно-этический принцип. Теоретическая значимость тихомировских работ определила исследовательский акцент, сделанный в нашей работе. К тому же, К.Н. Леонтьев, как и М.Н. Катков и К.П. Победоносцев, не ставили вопроса об участии народных представителей в центральном управлении, ограничившись системой запретительных мер в политико-правовой сфере. Преемственность в этом вопросе взгляды Тихомирова имеют с представлениями Д.А. Хомякова, который был убежден в необходимости привлечения народного представительства в виде Земского Собора к делам местного самоуправления и центрального управления как единственной гарантии против бюрократизма.

Одновременно Тихомиров занимался проблемами построения «положительной» программы развития монархической государственности, начало которой было заложено в программной работе «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897). В полной же мере методологическое новаторство Тихомирова нашло отражение в его фундаментальном исследовании «Монархическая госу-

дарственность» (1905). Его методология носит ярко выраженный сциентистский характер, непривычный для традиционной консервативной методологии.

Первая часть работы («Происхождение и содержание монархического принципа») посвящена теоретическим вопросам причин возникновения и существования власти, общества и государства, в ней анализируется содержание трех типов верховной власти. Тихомировская концепция возникновения общества и государства основана на позитивистском положении, согласно которому в основе возникновения всякого общества лежит психология, потребность людей в общении и организации. В противовес марксизму Тихомиров пытался доказать, что людьми движут не классовые интересы, а инстинкты, потребности, психология.

Общество в тихомировской концепции, как и у большинства консерваторов, представлялось в виде сложного объединения социальных групп — классов, сословий, корпораций, — имеющих свои разнонаправленные интересы, зачастую противоположные интересам иных групп.

Термин «корпорация» был взят у К.Н. Леонтьева, и разработка Тихомировым корпоративизма была развитием леонтьевских взглядов.

Леонтьев, который первым из русских консерваторов ввел понятие «корпорация» (как социальная группа, принадлежность к которой определяется по профессиональному признаку) считал, что нужна более четкая сословность для предотвращения возможностей социального взрыва с одной стороны; а с другой, — нужно средствами социальной и экономической политики смягчить «деспотическую» политику государства. Он считал необходимым провести государством социально-экономические меры, призванные компенсировать юридическое неравенство различных сословий.

В отличие от классической либеральной школы с ее теорией государства — «ночного сторожа», консерваторы трактовали государство как созидующую силу, которая призвана направлять человека и общество на решение положительных задач. Для консервативной мысли в целом было характерно отношение к человеческой личности не как к абстрактному существу — атому, а как к части органичного целого: государство — организм, состоящий не только из единичных, личных, но и постоянных коллективных членов, т. е. социальных групп. Наиболее удачно выразил эту идею К.Н. Леонтьев: «Государство есть как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинаясь некому таинственному, независящему от нас деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина, сделанная людьми полусознательно, и содержащая людей, как части, как колеса, рычаги, винты, атомы, и, наконец, машина, вырабатывающая, образующая людей». [2, с. 130] Продолжая развивать традиционный подход к определению сущности государства, Леонтьев заявлял, что государственные формы, в каждом отдельном государстве, свои собственные, и в своей главной основе неизменны все время его существования.

Тихомиров видел источником появления государства психологический фактор, потребность в организации общества. Как и в природе, здесь действует принцип кооперации или корпоративности, представляющей «некоторую направленную силу, некоторую власть», т. е. власть, по мнению Л.А. Тихомирова, является естественной величиной и рождается самими общественными процессами. [7, с. 31] Он определял смысл государства как «союз членов социальных групп, основанный на общечело-

веческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью». [7, с. 42] Иными словами, роль государства — надклассовая: государство должно регулировать взаимоотношения между классами. В этом, вполне по-позитивистски, Тихомиров видел одну из функций института государственности.

Важно отметить у Тихомирова проявление заложенного еще Аристотелем представления о государстве как о нравственном союзе граждан, главной целью которого признается всеобщее благо.

Государство должно стать силой, играющей роль арбитра в социальных спорах: «государство не создает общества и не порабощает его, а только регулирует действие тех разных сил, которые в нем возникают самостоятельно». [8, с. 28] Либеральное государство, считал Тихомиров, отвергая сословный характер общества, обостряет социальные конфликты, и вместо декларируемой свободы общественной жизни, самоустраивается от вмешательства в разрешение социальных конфликтов, что приводит к угнетению могущественными классами других, более слабых. Такой характер либерально-буржуазного государства усугубляется так называемыми «общегражданскими» выборами, в результате которых народное представительство монополизировали так называемые политики, профессиональные политики. Таким образом, номинально народные представители, никак с его волей не связаны. Тихомиров предлагал создать систему народного представительства и местного самоуправления на основе «социального строя», когда власть имеет реальное сообщение с реальными народными представителями. Народное представительство Л.А. Тихомирова не имело ничего общего со своими либеральными аналогами. По мысли Тихомирова оно должно иметь только совещательный характер и формироваться на основе профессионального и местного самоуправления. Целью Л.А. Тихомирова была попытка разработать проект более эффективного представления народных интересов, мнений, духа: «в монархическом национальном представительстве важно не число депутатов и не пропорциональность чисел, а доброкачественность представительства, его неподдельность, его компетентность и его всеобъемлемость», [7, с. 548] потому как, считал Тихомиров, — монархия сама, по сути, является главным народным представителем.

Тихомиров полагал, что «государству, возвращающемуся к социальным обязанностям, необходимо социальное, а не общегражданское представительство, и достойно внимания, что к нему прокладывает путь также рабочее движение, которое выдвинуло на вид социальные задачи государства. ... Рабочие представители нарушают современную идею представительства и вскрывают идею сословную». [8, с. 44] Вообще, принцип социальной иерархии в обществе был одним из определяющих для русских консерваторов. Они обосновывали иерархическое соподчинение сложившимися в России религиозно-историческими нормами. Так, иерархический принцип (признание общественного неравенства) был одним из опорных пунктов теоретических построений К.Н. Леонтьева, а Л.А. Тихомиров видел в нем залог развития страны. Он полагал, что существование сословий ограничивает произвол, обеспечивает гарантии прав и свобод человека, а каждый из слоев по-своему служит общим интересам. В целом, для консерваторов в России, наряду с защитой сословности, одновременно не менее принципиальным было стремление к недопущению самостоятельной роли любого сословия, которое

будет, в таком случае именно благодаря своей самостоятельности, ограничивать самодержавие. Народный характер самодержавия, о котором так много говорили охранители, предусматривал равенство перед троном всех сословий. Высшие государственные деятели отрицательно относились ко всем проектам предоставления особых привилегий любому сословию, даже дворянству. [9, с. 137]

Таким образом, основным ограничителем любой политики верховной власти консерваторами выдвигалась не идея народного представительства или конституции, а, прежде всего, религиозно-нравственные нормы. Опираясь на них, консерваторы считали, что монархия, сама по себе — главный народный представитель.

Анализируя неудачу в реализации консервативного варианта развития России в конце XIX — начале XX вв., следует отметить, что русские консерваторы не были сторонниками консервации существующего режима и пытались найти выход и адаптировать (как Л.А. Тихомиров) свои программы к меняющимся общественно-политическим реалиям. Однако, вместе с тем, они не были готовы поступиться собственными идейными установками, что порой придавало их деятельности оттенок непримиримости. Консерваторы рассчитывали вести поиски компромисса на «консервативном поле», а противники нередко были настроены не менее жестко, [1, с. 5] а порой и более агрессивно, если иметь ввиду революционные партии.

За прошедшее с рубежа XIX–XX вв. время наша страна перешагнула через монархическое устройство в социалистическое, а потом и в демократическое. Популярность модели развития общества, предложенной русскими консерваторами объясняется тем, что во многих аспектах жизни России сохраняются нормы и принципы, свойственные традиционному мышлению и мировосприятию. Следует согласиться с тем, что они никуда не делись и остались вместе с нами. [1, с. 7] Данные ценности достаточно последовательно отражены у русских консерваторов. Учет и использование этого консервативного опыта может дать не только осмысление опыта прошлого, но и успешную адаптацию в настоящем и будущем.

Более того, уже в настоящее время функционирует общественная палата — прообраз того совещательного органа, который предлагал Тихомиров. Каждые новые выборы разных масштабов показывают падение интереса граждан к либерально-демократическому характеру выборных институтов. Представляется, что интеллектуальный багаж идейного консерватизма рубежа XIX–XX вв. не только аккумулировал в себе традиционные ценности Российской империи, но и подпитывает общественно-политическую систему современной России, потому как именно он более всего подходит историческим, а также духовно-ментальным особенностям русского народа.

Список использованной литературы.

- [1] Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX вв.). М., 2006.
- [2] Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996.
- [3] Леонтьев К.Н. «Московские ведомости» о двоевластии. Восток, Россия и славянство. М., 1996.

- [4] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. Московский сборник. М., 1896; М., 1996.
- [5] *Победоносцев К.П.* Сочинения. СПб., 1996.
- [6] *Мангейм К.* Консервативная мысль. Диагноз нашего времени. М., 1994.
- [7] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
- [8] *Тихомиров Л.А.* Рабочие и государство. СПб., 1908.
- [9] *Лебедев С.В.* Охранители истинно-русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб., 2004.

Идеология России сегодня

Валянский С.И.

Аннотация.

Согласно статистическим моделям, в России имеет место двугорбое (бимодальное) распределение количества населения по доходам. Это значит, что на одной территории живут два народа. Второй народ — это компрадорская «элита» (в данном случае «элита» — это не лучшая часть общества, а нынешняя власть), состоящая из торговцев сырьем и продавцов импортных товаров. Она пришла к власти после того, как рынок страны был открыт более развитым экономикам. Это привело к вымыванию практических всех продуктов высокого передела и развитию сырьевой экономики.

У нее есть своя идеология. Только она не озвучивается (по крайней мере, для всех). Но ее можно реконструировать по их поведению. А озвучивают они ложную идеологию для первого народа.

Abstract.

In Russia, two-humped (bimodal) distribution of the number of population by income. This means that there are two people in the same area. Second people — it comprador «elite» (the «elite» because it's not the best part of society, and the current government) consisting of merchants and sellers of raw material imports. She came to power after the country's market was opened more developed economies. This led to the washout of nearly all high value added products and the development of raw material economy.

It has its own ideology. It is not only voiced (at least for all). But it is possible to reconstruct their behavior. And the voices are false ideology for the first people.

Ключевые слова: два народа, компрадоры, ложная идеология.

Keywords: two people, comprador, false ideology.

Два народа одной страны

Если, в рамках статистических исследований, строить распределения домохозяйств по доходам, то для России такое распределение получается бимодальным. Согласно социологии это значит, что в стране живет два народа, слабо связанные друг с другом. Первый народ, назовем его бедным, составляет порядка 90% всего

населения страны. Соответственно, второй народ — богатые, составляют порядка 10%. По данным Global Wealth Report, на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех личных активов в России. На долю самых состоятельных 5% россиян — это будет уже 82,5% всего личного богатства страны. А на долю всего второго народа (10% самого состоятельного населения) — 87,6%. Скорее всего, это заниженные числа, т. к. очень трудно корректно учесть взятки, откаты, плату в конвертах и т. п.

Более богатые родители могут дать своим детям хорошее образование. Более богатые семьи имеют более широкий выбор инструментов для инвестирования своих средств и защиты от рисков. Неравенство в богатстве рождает неравенство в обществе.

Из кого же состоит второй народ? Чтобы в этом разобраться, рассмотрим взаимодействие двух по-разному развитых экономик. Пусть первая экономика (экономика А) будет более развита, чем вторая (экономика В). Тогда одинаковые товары будут лучше и дешевле в А, чем в В. Это происходит из-за более высокой производительности труда (что есть следствие более массового производства, большей мировой кооперации) в А по сравнению с В. Менее развитая экономика В для получения высокотехнологичных товаров (которые в ней не производятся) должна что-то продавать экономике А. Наиболее выгодно продавать товары меньшего передела — сырье, металлы, удобрения, с/х продукцию и т. п. Но при этом высокие технологии в стране начнут деградировать, т. к. аналогичные продукты выгоднее покупать у А. И если раньше руководители высокотехнологичных производств входили в элиту страны, определяли динамику ее развития, то теперь их место заняли «сырьевики». Причем, в выигрыше оказались не только последние, но и те, кто занимается продажей импорта в стране. Так как покупают они по ценам страны А, а продают по ценам, даже большим тех, которые раньше существовали на аналогичный товар в В, если их производство в этой стране сворачивается.

И кто же эти сырьевики и торговцы? У них есть название — компрадоры. В настоящее время слова «компрадоры» и «компрадорская буржуазия» являются устойчивыми негативно окрашенными выражениями в среде сторонников левых взглядов. Их определяют как чиновников-бюрократов и бизнесменов-олигархов, наживающих свой капитал на продаже за рубеж отечественных природных ресурсов и торговле иностранными товарами. Они хранят свои деньги в иностранных банках, имеют собственность за границей, там же живут их семьи. Они мотивированны на собственные интересы и не задумываются над последствиями своих действий для экономики страны. И именно они стали «элитой» страны и делают все, чтобы сохранить свое положение.

Их мало, но они контролируют все в стране. И у них, конечно же, есть своя идеология, которая способствует удержанию власти. Публично она, практически, не озвучивается, но ее можно восстановить по их делам. Правда, иногда они кое-что озвучивают, открывая свои истинные цели. Но обычно они выдают для остального народа, сами и через свою обслугу, через своих идеологов — подконтрольные СМИ, нечто похожее на идеологию для первого народа. Но это ложная идеология. Она формирует ложные ценности. Ее цель — оболванить, разъединить и подавить сопротивление первого народа.

Вашингтонский консенсус

В 1989 году английский экономист Джон Уильямсон сформулирован свод правил экономической политики для стран Латинской Америки для отхода этих стран от командной модели экономического развития 1960–1970-х годов и принятия ими принципов экономической политики, как утверждалось общих для большинства развитых государств. На самом деле речь шла о принципах, которые, отражали общую позицию администрации США, главных международных финансовых организаций — МВФ и Всемирного банка, а также ведущих американских аналитических центров. Их штаб-квартиры находились в Вашингтоне — отсюда этот план и получил название «Вашингтонский консенсус».

Когда произошли известные события в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, совпавшие по времени с публикацией доклада Уильямсона, то посчитали, что Вашингтонский консенсус очень подходит к трансформации плановых экономик в рыночные. Он содержал 10 рекомендаций, суть которых сводилась к усилению роли рыночных сил и снижению роли государственного сектора. Причем, проводники этих идей понимали, к чему это должно привести — к развалу существовавшей экономики и созданию компрадорской экономики. Но они успокаивали: когда страна обнищает, то в нее пойдут инвестиции и она начнет развиваться.

А что будет с населением? Если в страну приходят инвестиции, то их хозяева надеются на доходы. А их можно получить либо из доходов страны, получаемых за вывозимое сырье, либо от продажи товаров на внешнем рынке. Но для второго в стране должна быть очень низкая стоимость труда, чтобы быть конкурентоспособными на внешнем рынке. Т.е. людей загнали в бедность, обещая инвестиции. А инвестиции идут при условии нахождении народа в бедности. В результате второй народ становится еще богаче, а первый беднеет и вымирает.

Эта модель появилась у нас не случайно. В последние годы советской власти в стране формировались команды новых экономистов-рыночников. Е.Т. Гайдар рассказывал в своих интервью, что вместе с единомышленниками они обсуждали масштабные преобразования еще с начала 1980-х годов. И происходило это во Всесоюзном НИИ системных исследований. К слову, этот институт был советским филиалом Международного института прикладного системного анализа, основанного в начале 1970-х годов в Вене. Стажировки – не стажировки, но, как минимум, организовать через него доставку новейшей научной литературы было вполне возможно. Получается, что обсуждение реформ шло если не под контролем, то уж точно с молчаливого согласия КГБ.

Власть смотрела сквозь пальцы на цеховиков, на взятки. Наряду с официальной идеологией создавалась идеология для верхушки. И это расхождение было видно большинству граждан. Особо бурно пошли процессы при Горбачеве, назначение которого было совсем не случайно. Это был представитель не промышленной элиты страны, а сельскохозяйственного региона, да и в сельском хозяйстве он не очень разбирался. В марте 1986 г. после совещания представителей ОПЕК цены упали до 70–80 долл./т. Не ясно, было ли это сделано искусственно или произошло случайно, но данное обстоятельство имело большое значение для СССР и России. Затем началось то, что сегодня называется «цветными революциями», «управляе-

мым хаосом». На самом деле произошла «параметрическая перестройка системы», перевод ее из одного устойчивого положения в другое, используя недовольство масс под лозунгом «так жить нельзя!» Энергию недовольства большинства возглавили «нужные люди» для перевода, в нашем случае, в состояние построения компрадорского капитализма. И делалось это не без помощи советников с Запада. А далее граждане, ведомые ложными лозунгами, сами переводят страну в нужное состояние. И когда власть была захвачена, экономисты-рыночники ввели в России систему Вашингтонского консенсуса.

Анатолий Чубайс: «Так случилось, что к 1991 году мы оказались единственной командой в стране, которая потратила больше десяти лет на профессиональную работу над тем, как осуществить в нашей стране экономическую реформу. Когда я говорю «мы», то имею в виду питерскую команду и московскую, т. е. нашу и Гайдара» [1].

Когда большинству стало понятно свершившееся, вернуться назад уже оказалось проблематичным, ввиду нехватки ресурсов.

Модель экономического развития, которую предложил стране Е.Т. Гайдар на базе пресловутого «Вашингтонского консенсуса» была очень проста: развитие должно происходить на базе иностранных инвестиций, без участия государства. Когда в 2000-е годы стали расти доходы от продажи нефти и газа, росла и валютная выручка, росли и иностранные инвестиции, гайдаровская модель стала работать. Правда большая часть этих средств шла на инфраструктурные проекты для более успешного вывоза товаров из страны и на производство иностранных товаров на территории страны для внутренней же продажи.

Еще одна часть валютных расходов идет на закупку импорта. Производитель всегда внимательно смотрит, где выгоднее производить, и если это лучше делать за пределами России, а затем ввозить уже готовую продукцию, то он ничего в Россию инвестировать и не будет. После того, как весной 2012 года стало понятно, что мы вступаем в ВТО, баланс здесь резко сместился в сторону закупки импорта, соответственно, доля валюты, которую мы можем направить на возврат инвестиций, сократилась.

По тем же рецептам Гайдара, Центробанк ставит своей целью низкую инфляцию, чтобы инвестиции шли в страну. А для этого они уменьшают количество денег в экономике, и рублей ни в коем случае не должно быть больше количества, соответствующего резервам ЦБ в валюте. А это значит, что рефинансирование экономики рублями, на самом деле, рефинансирует ее в валюте. Сегодня корпоративные долги у нас уже больше золотовалютных резервов ЦБ и по ним платятся все увеличивающиеся проценты в валюте. А что делать, когда валютные доходы уменьшились? Уменьшаются инвестиции, да и те, что были сделаны раньше, бегут из страны. Второй народ уменьшит свои доходы, а для первого — это вопрос выживания.

Беда состоит в том, что министр экономразвития Улюкаев, который был и помощником Гайдара в бытность его чиновником, и его заместителем по институту, не может признать, что вся гайдаровская модель больше не работает, начинает придумывать разные причины спада, не говоря об истинных. А не сформулировав правильно проблему ее нельзя и решить.

На Западе уже давно поняли «ценность» рецептов Вашингтонского консенсуса. В апреле 2011 г. глава МВФ Доминик Стросс-Кан выступил с заявлением, что

Вашингтонский консенсус с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади.

Идеология

Ссылаясь на Наполеона и К. Маркса, в справочниках и словарях идеология, как правило, определяется как ложное учение. Идеология не истинна и не ложна. Она как целое оценивается степенью адекватности той социальной реальности, в которой живут ее потребители. Идеология не абсолютное понятие, а относительное. Идеологическое мышление всегда пристрастно. Социальная сущность идеологии состоит не в том, что она извращает реальность, а в том, как именно она это делает и с какой социальной целью. Задача идеологии — приучить какое-то множество людей сходным образом думать о каких-то явлениях реальности и совершать какие-то поступки под воздействием такого понимания сходным образом.

А. Зиновьев определял ее так: «Идеологи изобретают определенного рода интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, этикетки, ярлыки, образы, обобщающие примеры и образцы, притчи, крылатые фразы, лозунги и т. п., причем не в качестве подсобных средств на пути к познанию бытия таким, каково оно есть, а в качестве конечного и высшего результата познания. Их социальная функция — дать людям априорный интеллектуальный аппарат восприятия окружающего их мира и интеллектуальной ориентации в нем».

Ложная идеология, навязываемая господствующей «элитой», навязывается массам системой отношений и политико-идеологическим аппаратом «элиты», средствами массовой информации и т. д. Экономически и политически господствующая верхушка естественно держит в своих руках и средства духовного производства. Поэтому их ложная идеология всегда является господствующей. Идеология первого народа может завоевать влияние только в результате острой борьбы с господствующими в данном обществе идеями. Она возникает не в результате роста протестного движения, а как результат осмысления действительности и ложности существующих ценностей и целей. И для ее победы нужна политическая партия — авангард сознательной части общества, формирующая новую идеологию для всего общества.

Например, чтобы побудить граждан страны защищать ее от врага, идеология должна создавать апологетическую картину своего общества, т. е. выделять и подчеркивать его достоинства и преуменьшать или вообще замалчивать его недостатки, и критически-негативную картину общества врага, т. е. замалчивать его достоинства и выделять его недостатки. И образ врага должен создаваться таким, чтобы к нему возникала ненависть.

Идеология второго народа

Где их родина? Там, где их капиталы. Имея власть и контролируя ресурсы, они обросли идеологами, политологами, юристами, экономистами, СМИ, объясняющими первому народу «правильное виденье» действительности и поступков первого народа.

Вот некоторые примеры. Академик Н.П. Шмелев, муж внучки Н.С. Хрущева, сообщал в начале 1990-х годов: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, – безнравственно и, наоборот, что эффективно – то нравственно» [2, с. 266]. Вот она главная ценность — нажива (экономическая эффективность), и ей подчинено все, в том числе и нравственность. Если воровать, брать взятки экономически выгодно, то все это нравственно! Это мы и видим сегодня.

Вот другой экономист, Е.Т. Гайдар. На встрече с трудящимися Зеленограда, отвечая на вопросы о перспективах развития отрасли, он декларировал: «Развивать микроэлектронику нет необходимости. Все, что нам понадобится, можно купить на Митинском радиорынке». А в другом своем выступлении он заявил: «Зачем нам самим шить, вот у меня французский костюм, очень хороший. Будем покупать готовые».

А. Фурсенко, бывший министр образования и науки выступая на конференции прошедшей в рамках организованного движением «Наши» всероссийского молодежного форума «Селигер–2007», заявил, что недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других.

Компрадорскому бизнесу нужны не творцы, требующие длительных вложений и не дающие стопроцентной уверенности в достижении практического результата, а исполнители, помогающие извлекать прибыль гарантированно и сейчас. Ему нужны потребители, умеющие лишь грамотно на кнопки нажимать да компьютерной мышкой водить. И что при этом будет со страной.

Е. Гайдар в 2005 году выпустил книгу «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории» [3]. В ней он откровенно рассказывает о том, какими должны быть образование, медицина и пенсионное обеспечение граждан. Понятно, что он предлагает сделать полностью платными образование и лечение. Но, пока этого не произошло, он предлагал освободить второй народ от налогов на образование и медицину, поясняя это тем, что они и так лечатся и учат детей за деньги, и в основном за границей. Сегодня это, хотя и не полностью, реализуется в виде уменьшения социального налога с больших зарплат. Естественно, ведь страна для компрадоров – это только источник доходов. По его мнению, пенсии каждый себе накапливает сам. Но если главная задача политики – уменьшение зарплат первого народа, то на что лечиться, учить детей, откладывать на старость?

И на это есть ответ. В 2001 году А. Минкин опубликовал в МК статью «Молодые людоеды» [4]. В ней он описал свою беседу с бывшим бакалавром, а теперь обучающимся на магистра, студентом Высшей школы экономики. Очень интересно, чему его научили в ВШЭ.

«Учителя начинают утекать в другие отрасли. Если сейчас у нас 80% имеют высшее образование, то в конечном итоге будут иметь высшее образование 40% ...Обязательной будет семилетка. За станок можно поставить человека без высшего образования и даже без среднего ... А потом, когда они смогут накопить себе денег, они купят образование, медицину, и мы не будем делать большие социальные выплаты.

...Жизнь общества и политику общества определяют те люди, которые имеют большой запас прочности. Что такое запас прочности? Это деньги. Если человек пробрался во власть – дети, жены, племянники, племянницы обеспечены на долгие времена. И он будет держаться у власти, и он не выпустит эту власть из своих рук.

...От кого зависит политика? От бизнеса она зависит! От денег она зависит! От крупного, именно крупного бизнеса. Человек, который заработал больше денег, он может повести за собой народ. Вот он и будет определять политику...»

А вот их поступки. Знаменитое Соглашение «Об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия» (известное как Соглашение «Гор-Черномырдин») по продаже 500 тонн оружейного урана по бросовой цене. Одна его тонна выделяет столько же, сколько 100 миллионов тонн нефти. За последние 60 лет в мире произведено всего около 2000 тонн оружейного урана. В СССР — 1000 тонн, США — 590 тонн. По американским данным, на производство этих 590 тонн затрачено около 4 триллионов долларов. Мы же отдали 500 тонн за неполные 12 миллиардов. Страна напрягала силы, чтобы его произвести. А первый народ за какие-то свои выгоды его спустил за копейки, принесся, кроме всего прочего, военный ущерб стране. Естественно, ведь они граждане мира. Чего держаться за «эту страну», как они называют свою Родину.

Заклучен договор по ввозу в страну ядерных отходов, якобы для переработки, но те деньги, которые за это платятся, не окупают его переработку. Значит, их ввозят для хранения, загрязняя собственную землю. С каждым годом издержки будут расти, поскольку безопасное хранение обходится недешево. Но компрадорам земля не нужна. Они здесь жить не собираются.

По этой же причине идут сообщения о сдаче наших территорий США, Норвегии, Китаю. На очереди Япония и Германия.

Власть завозит мигрантов, сбивая заработки своих граждан. Если хозяевами ресурсов страны является весь народ, то, замещая его мигрантами, они убирают возможные в будущем претензии от первого народа. Ввозя мигрантов, власть разрушает культуру народов России, создавая Иванов, не помнящих родства. Космополитическому второму народу ненавистно национальное самосознание.

1. <<http://www.polit.ru/article/2010/11/01/chubays/>>.
2. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. От начала и до наших дней. М., 2008.
3. *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. — 656 с.
4. *Минкин А.* Молодые людоеды. Московский Комсомолец № 22862 от 30 ноября 2001 г.

Роль теорий постмодернизма в идеологическом манипулировании (на примере России)

Завьялов В.Т.

Цель доклада: Раскрыть политическое кредо теорий постмодернизма.

Задачи: обозначить теоретические основы теорий постмодернизма и его направления в идеологическом манипулировании на примере России.

Выводы: постмодернизм направлен на поверхностное исследование политической реальности без проникновения в смысл ее развития.

Ключевые слова: постмодернизм; идеологическое манипулирование; смысл истории в понимании постмодернизма.

Purpose of report: to Reveal the political credo of the theories of postmodernism.

Objectives: to mark the theoretical basis of the theories of postmodernism and its direction in the ideological manipulation on the example of Russia.

Conclusions: postmodernism seeks to superficial study of political reality without penetrating into the meaning of its development.

Keywords: postmodernism; ideological manipulation; the sense of history in the understanding of postmodernism.

В процессе глобализации усиливается воздействие западной цивилизации на другие цивилизации посредством «внедрения» новой информационной матрицы в целях разрушения генетического кода цивилизаций, в частности, российской цивилизации. Воздействие осуществляется с помощью специфической знаковой системы со скрытым смыслом информационных программ с последующей их переработкой или усвоением массовым сознанием и отдельной личностью, проживающих на территориях незападных цивилизаций. Знаковая система характеризуется созданием различных символов и знаков, посредством которых происходит распространение информации. Так, Э. Тоффлер отмечает, что «информационная бомба взрывается в самой гуще людей, осыпая нас шрапнелью образов и в корне меняя и восприятие нашего внутреннего мира, и наше поведение. Переходя от информационного пространства Второй волны к Третьей волне, мы изменяем свою психику». [1, С. 263].

Знаковая система позволяет воспроизводить информацию и осуществлять с ее распространением целенаправленные операции для конкретных жизненных ситуаций на разных территориях планеты. Она функционирует посредством Интернета, печатных, электронных, звуковых и иных носителей информационных программ. Каждый носитель путем комбинации элементов знаковой системы вызывает изменение смыслов в сознании и мотивацию поведения людей. Происходит непрерывное информационное наполнение сознания новыми импульсами и смыслом, воздействующих на мотивацию поведения людей, придавая ему либо критическое отношение к социальной среде, либо безропотное или пассивное отношение к миру.

Отметим, что в России объектами информационного воздействия являются государственные органы, партии, институты и объединения развивающегося гражданского общества, социальные и демографические группы населения, семья и каждый человек, которые усваивают и используют информацию в ходе принятия решений по вопросам проводимой политики власти и другим аспектам их жизненной среды. Субъектами информационного воздействия в России являются власть, бизнес-элита, особенно информационная элита — проводники господствующей идеологии, а также институты культуры и науки, церковь, институты социализации и организации гражданского общества, СМИ, Интернет и др. К субъектам информационного влияния относятся и организации зарубежных стран, преследующие в условиях глобализации на территории России свои интересы. Неудивительно, что эти организации подлежат контролю со стороны правоохранительных органов России. Названные субъекты информационного воздействия используют отработанные механизмы манипулирования общественным сознанием. Но неконтролируемое государством и гражданским обществом информационное воздействие западных стран может стать и становится угрозой для информационной безопасности российского государства. Так, И.Н. Панарин отмечает: «Государство слабо контролирует свое информационное пространство. Его контролируют геополитические противники России. И принятие Доктрины информационной безопасности почти ничего не изменило. По сути, Россия не обладает сегодня информационным суверенитетом, прежде всего на своих собственных телеканалах». [2, с. 212].

Существует закономерность: изменение кода развития информационной среды общества меняет и код поведения людей. К примеру, в предшествующий советский период информационная среда стимулировала положительное поведение людей в решении социально-экономических задач эволюционного развития общества. После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в ходе восстановления и развития экономики в СССР развивалось и социальное государство. В настоящее время в России субъекты информационного влияния осуществляют распространение социальных идей постмодернизма, освоение которых незаметно ведет к смене мотивации, кода поведения людей и формированию новых символов и смысла жизни разных поколений людей. Рассмотрим кредо постмодернизма по проблемам смысла жизни и прогресса общества в процессе глобализации.

Постмодернизм претендует на ведущую роль в объяснении прогресса современного общества. Решение проблем развития общества ведется на основе постоянно меняющихся желаний каждого человека или социальной группы без соотнесения их желаний с институционализацией социальных и общенациональных интересов. При этом неважно, каким образом возникло желание: путем манипулирования поведением человека, или посредством заблуждений самого человека, удовлетворяющего свои желания с определенной шкалой ценностей. Так, немецкий философ М. Мюллер объясняет отношение постмодернизма к реальности следующим образом: «Все три вида истории (предыстория — история — постистория) охватываются понятием истории. Все три языка (мифологический язык — исторический язык — общий коммуникативный язык или технический искусственный язык) взаимосвязаны. Это просто различные способы выражения

смысла в человеческой речи. Несмотря на свою внешнюю упрощенность и общую понятность (как коммуникативного языка), с одной стороны, а также, несмотря на свою в высшей степени сложную техническую специализированность (как искусственного языка), с другой стороны, **постисторический язык уже больше не несет содержательного отображения мира**. Хотя постисторический язык и является языком единого «мира», он, обладая минимальной историчностью, принадлежит всем «мирам», существует там, *где господствует потребительское общество*, где на место подлинной смены стилей приходит чередование популярных мод, где **народ и государство как социальные институты больше ничего не значат** (выдел. нами — В. З.). [3, с. 280–281].

В этом высказывании раскрывается главная особенность постмодернизма, а именно его тотальный релятивизм и отказ от целостного познания политическими институтами общества социально-политической практики и прогнозирования будущего «потребительского общества». Социальная реальность понимается как самодостаточная знаковая система ценностей (текстов), которая способна удовлетворять постоянно меняющиеся прихоти и искусственные (неестественные) желания людей. Главное — удовлетворить повседневные желания людей, не задумываясь о ближайшей перспективе развития человека и общества. Не признается зависимость желаний человека от возможностей общества или ресурсов, которыми должны располагать коллективы, различные группы людей и все сообщество. Так же не учитываются цели и результаты проводимой государством политики. Вместо целостного подхода к объяснению политической реальности берется только ее часть: элемент, фрагмент. Общество и политическая реальность понимаются как знаковые системы, отображенные в различных текстах.

В концепциях постмодернизма отрицается единство развития всего человечества, а, значит, и диалог локальных цивилизаций во имя мира и прогресса. Вместо этого изучаются без преемственности и значимости для людей отдельные периоды и события истории. Изучается только настоящее, у которого якобы нет корней в прошлом и нет будущего. Отвергается целостный и историко-логический подходы к изучению различных обществ.

В постмодернизме признается только принцип так называемой «ризомы», отвергающий возможность целостного познания общества. Постмодернизм увлекается поверхностным исследованием политической реальности, без проникновения в его суть и смысл развития. Так, Ж. Бодрийяр отмечает, языковая или коммуникативная «игра» становится его основным мировоззренческим принципом, который ведет к размыванию общечеловеческих ценностей и способов организации общественной жизни. Остается только плыть по течению истории, не сопротивляясь ее различным коллизиям, которые могут привести к неоднозначным, в том числе и разрушительным результатам развития общества. Ж. Бодрийяр полагает, что «...проводниками смысла нам дано быть не иначе как от случая к случаю — в сущности же мы образуем самую настоящую массы, большую часть времени находящуюся в состоянии неконтролируемого страха или смутной тревоги, по эту или по ту сторону здравого смысла. Но этот новый взгляд на массы требует, чтобы мы пересмотрели все, что о них до сих пор говорилось». [4; с. 192–193].

В концепциях постмодернизма развитие общества понимается как течение разнородных направлений без общего исторического корня, у которого нет будущей определенности. Как отмечает британский социолог Э. Гидденс, «ничего нельзя знать наверняка, поскольку стала очевидной ненадежность всех прежних «оснований» эпистемологии; «история» лишилась телеологии, и, следовательно, никакую версию «прогресса» нельзя убедительно защищать; возникла новая социальная и политическая реальность, в которой на первое место выдвинулись проблемы защиты окружающей среды и, возможно, новых общественных движений вообще». [5, с. 110].

Социальные идеи постмодернизма не в состоянии решить проблемы прогресса современного общества, в том числе и проблемы, вызванные в 2008 г. финансово-экономическим кризисом на Западе и в России. Известно, что в России только 15–20% населения способны критически перерабатывать информацию, а до 75% людей подвержены повышенной внушаемостью. Это облегчает решение задач субъектов информационного воздействия на поведение людей. Поэтому нельзя обходить стороной существующую внешнюю угрозу для России. Так, в процессе глобализации воплощается антирусский проект, суть которого заключается в том, чтобы «...Низвести русских на уровень народов третьестепенных, неспособных на самостоятельное существование в качестве суверенного народа... Направить русский народ на путь биологической деградации вымирания... Планируется его сокращение... до тридцати миллионов...». [6, с. 93].

Реализация властью социально-экономической политики на основе идей монетаризма привело Россию к откату на многих направлениях в экономической, социальной и духовной сферах, и особенно в снижении абсолютных объемов финансирования среднего и высшего образования, в качестве образования и, как следствие, к искажению или ослаблению менталитета и мировоззрения всех поколений людей. В современной России сохраняется тенденция деинтеллектуализации разных поколений общества.

Отметим негативные последствия субъектов информационного воздействия Запада на Россию, в котором широко применяются приемы и методы информационной войны.

1. Навязывание идеи жизненной неполноценности российского населения в условиях глобализации с целью отречения народа от духовной основы российской цивилизации, ее генетического социокультурного кода развития и духовных ценностей.

2. Атака на историческую память русского народа посредством специфической знаковой системы и технологий передачи информации, очерняющих неизбежные просчеты в управлении обществом в разные периоды функционирования абсолютизма, тоталитаризма и современного авторитаризма в России в целях навязывания образа ее нежизнеспособности и невозможности самостоятельного развития в условиях глобализации.

3. Навязывание власти идеи неизбежности проведения политики по внешней миграции, компенсирующей якобы потери населения в условиях демографического кризиса в России, «ненужных людей» в общественном производстве из-за преждевременного вымирания населения.

4. Искажение кода развития ментальности населения, особенно молодежи, ее духовного облика.

5. Атака на социальные ценности и нормы, на традиции российского общества.

6. Экспансия преступной субкультуры на телевидение, в Интернете и СМИ в целях формирования «притупленного» сознания и некритического отношения людей к окружающему миру, навязывания образца покорного отношения разных поколений к преступному миру и невозможности правовым путем победить это зло. Сюда относится осуществление попытки информационного терроризма посредством насаждения культа насилия над личностью, романтизации преступников и падших людей. Тем самым происходит подмена образа гуманистического изменения мира образом неверия людей в их способность изменить жизненную среду на принципах современного социального гуманизма.

7. Атака на духовные устои развития семьи, навязывание идеи бездетности, однополых браков и добровольного самоубийства, особенно в периоды кризисного развития общества.

Президент России В.В. Путин 12 декабря 2012 г. в Послании Федеральному Собранию отмечает: «В результате в начале XXI века мы столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом. А если нация не способна себя сберечь и воспроизводить, если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе».

В российском обществе трансляция информационных программ сопровождается отрывом предметных образов от их нравственной и смысловой сущности. Отсюда мы видим начало проявления дискомфорта для людей, отличающихся определенными нравственными принципами и целеустремленностью в будущее. Но в целом разные поколения людей воспринимают бесконечный поток информации по обозначенным выше семи направлениям, который порождает жизненную ситуацию пустоты и безысходности. Возникает как бы порочный круг: не смотреть эти информационные потоки, и в то же время другой позитивно-смысловой информации почти нет в практике субъектов информационного влияния в России.

Информационное воздействие Запада видоизменяет геополитическую направленность развития локальных цивилизаций. Оно оказывает либо усиливающее, либо ослабевающее воздействие на их духовное начало, подкрепляемое особенностями менталитета, национального характера различных этносов, а также типом политической системы и политикой власти. Из всемирной истории известны случаи, когда упадок или гибель цивилизаций стало следствием незаметных внутренних изменений в течение длительного времени, происходящих в менталитете и культурно-нравственном облике народов и этносов, в смене типов власти и политических систем. Смена духовно-нравственных ценностей, присущих разным цивилизациям и отличающих их друг от друга, на новые ценности под влиянием информационных и геополитических факторов происходит в течение жизнедеятельности нескольких поколений людей. И если со временем новые поколения людей не сохраняют генетический код развития своей цивилизации, то на их же территории образуется другая цивилизация с новой культурой и шкалой ценностей. С этой стороны, важно выяснить особенности сложившихся или надломленных защитных

механизмов ядра цивилизации. Там, где существуют устойчивые социокультурные защитные механизмы, локальные цивилизации сохраняют способность к выживанию даже при длительной внешней блокаде или чужеземном гнете.

Проявление этой закономерности основывается на эволюционном типе развития генома человека. Существует взаимозависимость между целеполаганием и состоянием организма отдельного человека. Так, российские генетики и психологи в настоящее время пришли к выводу о том, что генотип каждого человека определяется особенностями связи нейронов с внешней средой: «Центральным пунктом этого представления является следующее положение: нейрон, как и любая живая клетка, реагирует генетическую программу, нуждаясь в метаболитах, поступающих к нему от других клеток. Активность нейрона, как и поведение организма, является не реакцией на прошлое событие, а средством изменения соотношения со средой, «действием», которое обуславливает достижение результата. Последовательность событий в деятельности нейрона становится аналогичной той, которая характеризует активный целенаправленный организм, а его импульсация — аналогичной действию индивида». [7, с. 86]. Это свойство нейронов способствует выживанию разных поколений людей, а в целом — сохранению различных этносов в исторические эпохи. На сохранение генетической программы влияет качество и ассортимент потребляемых продуктов питания и лечения, и в случае их подмены на суррогаты и фальшивки (а в России последнее стало приобретать массовый характер), в жизни одного поколения людей наступают необратимые последствия для развития менталитета личности и духовного развития нации. Отметим главное: судьба каждой цивилизации зависит от ее способности сохранять и развивать свою духовную сущность в условиях ее циклического развития, которая либо стимулирует прогресс, либо вызывают регресс и даже ее гибель.

В настоящее время в эволюции российской цивилизации обозначились признаки надлома и регресса, вызванные последствиями ликвидации политической системы СССР и неоднозначными результатами социальной политики власти на принципах монетаризма. За годы реформирования уровень социально-экономического развития (кроме сырьевых отраслей экономики) и эффективность управления обществом в России продолжает оставаться невысоким. Одна из причин сложившейся ситуации является, на наш взгляд, недостаточное внимание государственных органов к развитию матрицы российской цивилизации и качеству продуктов питания и лекарств, потребляемых населением. Это вызвало не только демографический кризис в обществе, но и снижение качества интеллектуального капитала. Снижение рождаемости и высокая смертность в России (а значит, и не родившиеся дети, способных путем естественного отбора войти в интеллектуальный капитал), на деле объясняется результатами проводимой социальной и культурной политики государства. Эти результаты сохраняют условия «искажения сущности российской государственности, успешной только тогда, когда в ней воплощаются многовековые традиции, ценности русских цивилизационных накоплений, специфическая природа уникального интегрирующего разные народы типа государства». [8, с. 39].

Сохранение и развитие матрицы российской цивилизации зависит от состояния национальной идентификации граждан в различных регионах Российской

Федерации. Поведение граждан и их смыслообразующая деятельность различается по регионам, в которых финансовое положение отличается в десятки раз. Сравним, к примеру, финансовые возможности развития Москвы и Санкт-Петербурга с отдаленными регионами России. Разрыв в уровнях доходов населения по регионам обостряет решение проблемы национальной идентификации граждан России и развития матрицы цивилизационного развития. Главное — это развитие единства народов России на основе преодоления разрыва в социально-экономическом и культурном развитии регионов страны. Прирост интеллектуального капитала новым поколением людей из отдаленных регионов к Центру резко сокращается из-за восприятия невысокого статуса научных работников и невозможности ими улучшить жилищные условия. В настоящее время еще не достаточно ресурсов для выполнения социальной составляющей государственного бюджета, ориентированной на повышение реального уровня жизни населения и его интеллектуальное развитие. С одной стороны, каждый год бюджет страны отвечает, прежде всего, интересам российских корпораций. И тяжесть налогов все более переносится на физические лица и на малый и средний бизнес. С другой стороны, бюджет зависит от отчислений корпораций, доля которых постоянно колеблется. В результате в условиях значительной инфляции и внешнего долга страны, и бюджетного дефицита нельзя допускать изменений в смысловой жизнедеятельности населения России, основанной на цивилизационной матрице и генотипе развития, а не разрушения личности каждого человека вследствие сокращения его доходов и снижения самоидентификации в цивилизационном пространстве.

Российская практика актуализировала проблему защиты людей от последствий негативного западного информационного влияния. Эта проблема не может быть решена при сохраняющейся неспособности государственных органов защитить население от подобной политики субъектов информационного влияния. Этот пробел особенно сказывается на демографическом поведении молодого поколения людей, проявляющегося в росте детской преступности, неблагополучии детей даже в полных семьях, росте разводов и отказе от материнства и отцовства взрослых людей.

Свобода слова, не соединенная с цивилизационным и гуманистическим подходами к реализации этой же свободы, создает условия вседозволенности и разрушения генетического кода развития российской цивилизации. Поэтому есть основание начать законодательный процесс в целях формирования правовых условий исключения в обществе обозначенных негативных направлений деятельности субъектов информационного влияния на поведение власти и населения. Важно сохранить необходимые для этого финансовые ресурсы, особенно в условиях мирового и российского финансового кризиса. Как нам представляется, этими ресурсами, помимо государственных ресурсов, располагают и финансово-промышленные группы, сохраняющие программы социальной ответственности бизнеса. Около 90% занятого населения трудится в частном секторе, в котором поведение людей разного пола подвергается и, к сожалению, негативному воздействию со стороны субъектов информационного влияния. Бизнес-элита и частные СМИ, помимо защиты своих интересов, не могут быть в стороне от проведения правовой защиты населения от негативных последствий информационной политики Запада. Смысловой цивили-

лизационный код его информационного влияния на социальные группы в России в процессе глобализации не может быть бесконтрольным со стороны институтов развивающегося гражданского общества и российского государства.

Современный этап информационной войны США и стран Запада против суверенитета России, как и других стран, отличается:

- применением новейших информационных технологий и достижений лингвистики, методов семантического манипулирования [9];
- кибервойнами [10];
- хакерскими войнами и применением психотронного оружия [11];
- «невидимым» воздействием СМИ и Интернета на властвующую элиту и лидеров или руководителей всех стран мира посредством подачи псевдонаучных теорий и рекомендаций [2, с. 213; 12];
- разрушениями жизненных смыслов деятельности разных поколений населения, и, прежде всего, детей и молодежь;
- информационное обеспечение «цветных» революций и ненасильственного свержения политических режимов в разных странах [13], (например, разработанные Дж. Шарпом 198 направлений подготовки «цветных» революций и их применение во многих странах мира);
- информационные войны против всех видов бизнеса [14];
- информационные войны в политико-финансовой подсистем [2].

Информационная война выполняет задачу изменения ценностной ориентации национального руководства разных стран по управлению обществом на ценностные установки Запада во главе с США, и посредством политико-идеологической подсистемы изменить вектор развития политической системы общества. Современная история характеризуется множеством примеров того, как суверенные страны лишаются суверенитета и становятся подконтрольными геополитическим и экономическим интересам международных ТНК и банков во главе США.

Выводы

Вектор развития политической системы России несвободен от влияния субъектов информационного воздействия внутри страны и Запада, опирающихся на принципы постмодернизма и монетаризма. В России управление обществом на постулатах теорий постмодернизма и монетаризма ведет к дальнейшему откату от прогрессивного развития страны. Государственная идеология в России не нуждается в заимствовании идей постмодернизма и монетаризма, в ее основе должны быть достижения отечественной философии конца XIX — начала XX вв.

Список спользованной литературы

1. *Торффлер Э.* Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. *Панарин И.Н.* Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006.
3. *Философия истории.* Антология. М.: Аспект Пресс, 1994.
4. *Бодрийяр Ж.* Фантомы современности. // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: ИНФРА-М, 2007.
5. *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая индустриальная волна на Западе. М.: Академия, 1999.

6. *Зиновьев А.* Глобальное сверхообщество и Россия. Минск: Хорвест; М.: АСТ, 2000.
7. *Александров А.И.* Системогенез нейронов // Новая цивилизация. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2007.
8. *Сулакишин С.С.* Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению // Национальная идентичность России и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2007.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2009; *Бухарин С.Н., Цыганов В.В.* Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007.
10. *Гриняев С.Н.* Поле битвы — киберпространство. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2004.
11. Параллельное оружие, или Чем и как будут убивать в XXI веке. М.: Издательский дом «Звонница», 2009.
12. *Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э. и др.* Политическое измерение мировых финансовых кризисов. М.: Научный эксперт, 2012.
13. *Почепцов Г.* Революция. Соц. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005.
14. *Цыганов В.В., Бухарин С.Н.* Информационные войны в бизнесе и политике. М.: Академический проект, 2007.

Социальная эволюция: идеология vs мировоззрение

Зернов С.В.

Идеология имеет двойственную сущность. Она может выступать, как базис для социальной интеграции и как средство для манипулирования общественным сознанием. Идеология призвана обеспечить задание ориентиров, но (обычно) не предполагает возможность обсуждения их верности (истинности) и достижимости. Наравне с властью и капиталом она является инвариантом формального управления. В свою очередь формируется идеология в недрах неформальной власти на пересечении научных знаний, культурных достижений и моральных принципов. Но на какой основе? На основе мировоззрения!

Антагонистических мировоззрений, с точки зрения способов выживания, всего два: созидательное и паразитическое. С точки зрения социальной эволюции антагонистов нет, т. к. выживает лишь наиболее совершенное с точки зрения приспособления к изменениям в окружающей среде. Поэтому человечество либо преодолет социальный паразитизм, либо погибнет. Так как представители социального паразитизма являются тупиковой веткой социальной эволюции.

В свою очередь мировоззрение представляет собой систему взглядов, которая описывает (социальное) мироустройство и является основой при принятии чело-

веком своих решений в различных жизненных обстоятельствах. В мировоззрении, в отличие от идеологии, отражается собственный взгляд человека на (социальное) мироустройство. Важное отличие идеологии от мировоззрения состоит в их направленности. Идеология создается для коллективного пользования и заведомо направлена вовне, мировоззрение — для индивидуального и направлено вовнутрь. Идеология представляет собой одновременно и костыли для тех, то не способен ориентироваться сам и средство ориентирования и координации для общества. Мировоззрение всегда продукт индивидуального развития человека и изменяется в процессе эволюции сознания индивидуума.

Отсюда очевидна сложность для описания процессов координации идеологии и мировоззрения. Которая осложняется еще и тем, что идеология формируется как результат согласования интересов участников формального управления. В то время как различные мировоззрения имеют различных носителей, высказывающих расходящиеся, а зачастую и просто противоположные точки зрения по частным вопросам. Детальное исследование характера связи между идеологией и мировоззрением имеет смысл делать предметом специального исследования только в том случае, если не удастся найти такого решения, когда можно будет обеспечить их жесткую зависимость или, на худой конец, коррекцию идеологии за счет ее привязки к мировоззрению через обратную связь. Естественно речь идет о созидательном мировоззрении, т. к. паразитическое мировоззрение как раз и является основным препятствием для установления жесткой зависимости идеологии от созидательного мировоззрения. Именно по этой причине координация между идеологией и созидательным мировоззрением в настоящее время происходит через кризисы, т. к. все остальное время идеология оказывается зависимой от позиции, распространяемой социальными паразитами.

Но для взаимодействия, пусть даже и через кризисы, необходимо наличие общего между идеологией и созидательным мировоззрением. Что же тогда объединяет идеологию и мировоззрение? И идеология и мировоззрение основываются на совокупности суждений об обществе и правильном направлении его созидательного развития. Собственно эти суждения и необходимо сделать предметом детального исследования. С тем, чтобы отбросив заведомо ложные, выявить совокупность гипотез, которые необходимо подвергнуть проверке.

Что же имеет смысл рассматривать в качестве рабочих гипотез для таких исследований? Естественно, необходимо в первую очередь использовать те базовые послышки, которые были созданы наиболее развитыми и мудрыми представителями человечества и сохранили свою актуальность, будучи примененными в различных социальных ситуациях. В свою очередь, обобщив лучшие мировоззренческие гипотезы великих людей человечества, можно надеяться сформировать научно обоснованное представление о гармоничном общественном мироустройстве. Такое представление может позволить уйти от идеологического манипулирования к сознательной социальной эволюции. Естественно при том условии, что будет построена устойчивая обратная связь к совершенствующимся научным представлениям об общественном мироустройстве.

Далее рассмотрим наиболее важные послышки, последовательно переходя от наиболее общих из них к характерным частным. Имея в виду формирование

общего представления обо всей пирамиде, но не предполагая исчерпывающего изложения деталей. Исходя из того, что детализация должна способствовать пониманию целого, а не препятствовать его восприятию.

Итак, существует несколько уровней базовых посылок, касающиеся мировоззрения созидателя. Прежде всего, необходимо рассмотреть высший нравственный императив созидателя, лаконичный вариант которого звучит так:

«Не делай другому того, что не хочешь, чтобы сделали тебе»

(Будда, Конфуций)

Легко убедиться в том, что любое предприятие или идея социального паразитизма противоречит этому нравственному императиву. Тем не менее, неверно утверждать, что паразитом является человек, который сделал то, что не хотел бы, чтобы сделали ему. В силу того, что человек живет в обществе и находится сам в определенных обстоятельствах и отношениях с другими людьми. Другое дело, когда он мог бы поступить нравственно, но поддался заразе социального паразитизма. Реальное поведение людей ярко демонстрирует, что вопросы нравственности отходят на второй план, когда речь заходит о конкретной выгоде, которую человек может получить здесь и сейчас. И это объективная реальность, которую необходимо учитывать, исследуя механизмы самоуправления и множественные отклонения от стремления к высшему нравственному правилу. Для полноты картины следует отметить, что в социальных конфликтах слабая сторона обычно как раз и апеллирует к высшему нравственному императиву или следствиям из него. Вот только подобная апелляция имеет смысл лишь для тех людей, которые принимают и понимают необходимость придерживаться нравственных правил. Остальных же не может остановить ничего, до тех пор, пока к ним не применят грубую физическую силу. Впрочем, техники зомбирования позволяют преодолеть даже естественную защиту организма от самоуничтожения. А при манипулировании чужим сознанием считается вполне допустимым использовать любые приемы, в том числе и требовать от соперника соблюдения высшего нравственного правила, при этом, совершенно не собираясь исполнять его ни при каких условиях. Именно поэтому возможно единственно правильное поведение по отношению к изначально безнравственным социальным паразитам. Нельзя допускать перехвата ими управления, т. е. давать им возможность определять каким образом будет применяться высшее нравственное правило. Тем более что само правило дает ответ как надо поступать с такими людьми, а именно не давать распространяться социальному паразитизму и безнравственности в меру своих сил и возможностей.

Следующий уровень исследования требует рассмотрения понятия справедливости в применении к реальным социальным обстоятельствам. Сразу следует сказать, что абсолютная справедливость не только вряд ли возможна, но и трагически безысходна. В силу того, что абсолютная справедливость означает совершенное (оптимальное) равновесное решение, лучше которого быть не может. И проблема заключается не в том, что достижение такого состояния означает невозможность дальнейшего развития, кроме как деградации. В этом нет проблемы, в силу того, что такое решение недостижимо в принципе. Проблема заключается в том, чтобы

найти равновесное (допустимое) решение для локальной задачи, способствующее дальнейшему социальному созиданию.

Понятно, что движущей силой в социуме является объединению людей. И поэтому необходимо рассматривать правило, которое позволяет людям ориентироваться при принятии ими решений. В этой части можно обнаружить два взаимодополняющих правила.

«Всякий человек любит свободу, с той лишь разницей, что справедливый желает ее для всех, а несправедливый только для себя»

Карл Людвиг Берне

«Справедливый человек не тот, который не совершает несправедливости, а тот, который, имея возможность быть несправедливым, не желает быть таковым»

Менандр

Эти два правила с необходимостью должны быть дополнены важным наблюдением, т. к. оно замечательно характеризует поведение людей, не имеющих никакой нравственности в своей собственной сути и готовых исполнять чужую волю, лишь бы уменьшить угрозу себе или увеличить те выгоды, которые можно получить. Так как число таких людей на Земле непрерывно растет, и они образуют социальную группу, которую принято называть «болото», то надо учитывать их поведение:

«Гнусные те люди, которые знают, в чем истина, но стоят за нее, лишь пока им это выгодно, а потом отстраняются»

Блез Паскаль

Следующий уровень рассмотрения представляет собой переход от критериев к конкретным проблемам, которые необходимо преодолеть при разрешении социального противоречия. Такая возможность появляется, только когда определена целевая функция, сформулированная в виде противоречия, которое необходимо разрешить. Так как только в этом случае можно производить исследование противоречия и поиск путей его разрешения. Но все же нельзя забывать, что этот уровень не является прикладным, хотя и предшествует ему.

«Разумеется, было бы справедливо все блага разделить между людьми поровну, но т. к. еще никому не удалось подчинить силу справедливости, то стали считать вполне справедливым подчинение силе; за невозможностью усилить справедливость признали справедливой силу, дабы отныне они выступали рука об руку и на земле царил мир — величайшее из земных благ»

Блез Паскаль

В данном высказывании задан принципиально важный критерий, который показывает границу, за пределами которой всегда возникают необратимые последствия. Такой границей является мир. Но из этого вывода и следует, что суще-

ствуется такое состояние, когда война является неизбежной необходимостью, чтобы вернуть ситуацию к миру. Яркий пример — вторая мировая война, когда у СССР не было никакой другой возможности восстановить мир, кроме как начать войну с фашистской Германией. Собственно преступление против человечества совершили не только руководители фашистской Германии, но, прежде всего, те, кто привел их к власти. Которых до сих пор никто не осудил и не призвал к ответственности, поразив в правах. Но как же может быть осужден тот, кто подчинил и правит народами Европы, Японии, Австралией, Южной Кореей и США? Пока социальные паразиты сильнее, то они будут диктовать и свою волю и мораль поработанным народам. В то числе и срамливать поработанные и свободные народы между собой, ради того, чтобы сохранить свою власть над миром. Собственно непрерывные войны, идущие на Земле — яркое тому доказательство, что социальные паразиты не останавливались ни на секунду. И собственно прекращение войн невозможно до тех пор, пока они имеют возможность манипулировать сознанием граждан и существенно влиять на государственное управление по всему миру. Собственно это приводит нас к необходимости признать ценность двух следующих суждений.

«Человек, достигший полного совершенства, выше всех животных; но зато он ниже всех, если он живет без законов и без справедливости. Действительно, нет ничего чудовищнее вооруженной несправедливости»

Аристотель

«Справедливость без силы — одна немощь, сила без справедливости — тиранична. Надо, стало быть, согласовать справедливость с силой и для этого достигнуть, чтобы то, что справедливо, было сильно, а то, что сильно, было справедливо»

Блез Паскаль

Оба суждения явно перекликаются между собой, четко формулируя противоречие, которое с необходимостью придется преодолевать, решая любую задачу социального управления. Трудно переоценить прикладную ценность этих утверждений, т. к. они не только определяют суть противоречия, но и определяют какую задачу необходимо решать. В свою очередь исследование возможности решения этой задачи требует перехода на следующий уровень — прикладной.

Итак, система уравнений Ньютона в последовательности и интерпретации, позволяющей применить их для анализа социальной динамики.

Силы рождаются парами. Сила действия равна силе противодействия в состоянии покоя и равномерного движения. Третий закон Ньютона

В том случае, когда силы не равны процесс будет развиваться с ускорением. До тех пор, пока не будет исчерпан источник энергии. Второй закон Ньютона

Равновесие достигается в процессе колебаний в силу того, что все системы инерционны. Первый закон Ньютона.

Скорость затухания колебаний определяется вязкостью среды и возмущающими силами

В качестве удобного инструмента для исследований колебательной динамики, в том числе и социальных систем, является математический маятник. Будучи представлен в виде колебательного контура он позволяет изучать реальные социальные явления с учетом LC — свойств реальной социальной системы. Разработка таких прикладных моделей и исследование поведения социальной системы — задача прикладного уровня. До ее решения необходимо найти такую систему уравнений, которая будет описывать фундаментальные свойства социальной системы. В противном случае вопрос управления ее динамикой не может быть поставлен. В качестве такой системы уравнений предлагается использовать нижеприведенную, построенную посредством расширения уравнений Максвелла на более широкий класс задач. Подобный прием, как известно, использовал и сам Максвелл, когда использовал гидродинамические процессы в качестве аналогии для описания связи между магнитным и электрическим полем.

$$\begin{aligned} \text{Проблема} * \text{Механизм} &= \text{Норма} + f(\text{Мотив}) \\ \text{Мотив} * \text{Конфликт} &= \text{Игра} + f(\text{Проблема}) \end{aligned}$$

Первое уравнение описывает антиэнтропийные явления в социуме. Оно очень хорошо известно врачам, т. к. именно на этом принципе устроены все автоматизированные системы регуляции в организме. По сути, возможность поддерживать организм в заданном состоянии при наличии внешней среды и попыток вмешаться во внутреннюю среду организма со стороны различных возбудителей, обусловлена наличием механизмов саморегулирования функционирующих в нашем организме. Самый сложный из них, как это было показано П.К. Анохиным на модели функциональной системы, использует для управления обратную афферентацию.

Второе уравнение описывает процесс социальной эволюции. По сути, оно является основополагающим для любого вида спортивных единоборств. Сами единоборства, как известно, появились как модель для исследования способов и вариантов ведения рукопашного боя.

Собственно эта система уравнений и демонстрирует ключевую арену борьбы, происходящей в процессе социального управления. А решение этой системы уравнений и определяет тот способ взаимодействия, который и будет применяться осуществлен при решении социальных задач.

Но кто и как управляет движущими силами этой системы уравнений? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть аналогию из эволюционной биологии, которая позволяет использовать модель, максимально близко описывающую процесс борьбы между социальными паразитами и созидателями.

«Между химическими реакциями возникала своеобразная конкуренция — борьба за одни и те же субстраты (исходные вещества, необходимые для их проведения). В такой борьбе всегда побеждает та реакция, которая идет быстрее. Так что среди химических процессов начинается настоящий естественный отбор. Медленные реакции постепенно затухают и прекращаются, вытесняемые более быстрыми.

Важнейшую роль в этом соревновании играли катализаторы — вещества, ускоряющие те или иные химические превращения. Огромное преимущество должны были получать реакции, катализируемые своими собственными продуктами. Такие реакции называют автокаталитическими или цепными. Типичный пример автокаталитической реакции — так называемая реакция Бутлерова, в ходе которой из формальдегида образуются сахара, которые сами и являются катализаторами этой реакции. Это значит, что после появления в реакционной смеси первых молекул сахаров процесс превращения формальдегида в сахара начинает самопроизвольно ускоряться и становится лавинообразным.

....

Следующий этап — формирование автокаталитических циклов, в ходе которых происходит не только синтез катализаторов, но и частичное возобновление расходуемых субстратов. От сложного и эффективного автокаталитического цикла уже недалеко и до настоящей жизни, ведь жизнь в основе своей — это самоподдерживающийся, автокаталитический процесс

....

Проблема возникает с «затравкой»: та же реакция Бутлерова не начнет, если в среде изначально не будет хотя бы небольшого количества углевода-катализатора»

А. Марков «Рождение сложности»

Используя данную модель конкуренции несложно сформировать представление о том, каким образом социальный паразитизм получил столь широкое распространение в обществе. Выявив слабости человека, социальные паразиты сперва научились синтезировать социальные реакции, способствующие распространению социального паразитизма, а затем и синтезировали автокаталитические социально-паразитические реакции. Это дало им огромное преимущество перед любительскими попытками отдельных моралистов сдерживать распространение безнравственности в обществе. И хотя государственные институты, церковь и семья упорно пытаются сдерживать социальную деградацию, в целом они еще далеки от применения технологий автокаталитических реакций для созидательных целей. В то время как они сами подвергаются постоянным атакам агрессивной идеологии социального паразитизма, стремящихся разложить их изнутри.

Однако можно сколь угодно долго заниматься исследованием процессов распространения социального паразитизма, но это не изменит соотношения сил, и не будет способствовать замедлению его распространения и, уж тем более, его локализации. Для эффективного противодействия социальному паразитизму необходимо создать такие автокаталитические реакции, которые будут успешнее и быстрее распространяться в обществе. Что достижимо только в случае, если они будут способствовать решению реальных социальных проблем конкретных людей. И делать это необходимо без использования инструментов манипулирования сознанием. Так как всякое благое дело рано или поздно вырождается в социальный паразитизм, если начинает использовать приемы манипулирования. Ровно по той же причине неприемлема месть, которая способствует разжиганию еще большего социального конфликта. Единственная возможность для созидателя — это предот-

вращение возникновения нежелательных событий и их быстрая локализация. И именно поэтому созидателю так необходима дальновидность.

Но как можно изобрести такие (авто) каталитические социальные реакции? Для этого придется вспомнить физику средней школы!

«Дайте мне точку опоры и я переверну мир»

Архимед

«Опирается можно только на то, что сопротивляется»

Блез Паскаль

Чтобы найти точку опоры, необходимо перейти к изучению реальной социальной практики и конкретных социальных взаимодействий. С целью поиска в этой практике фактов, которые невозможно или крайне трудно скрывать и фальсифицировать. Там, где удастся найти надежные повторяющиеся результаты, можно будет использовать их в качестве надежного доказательства ложности мнимых результатов, предъявляемых социальными паразитами. Только опираясь на то, что сопротивляется в социальных взаимодействиях, можно рассчитывать если не на быстрый поворот общества к здравому смыслу, то, хотя бы, на устойчивое движение в данном направлении. Именно начало такого движения можно считать в качестве отправной точки для сознательной социальной эволюции, в противовес продолжающемуся и по ныне хождению по кругу борьбы созидатель-паразит с усугублением кризисов на каждом новом витке.

И, наконец, конкретно-прикладные исследования. Именно они являются тем базисом, на котором только и может быть построена пирамида объективного социального знания. А в качестве объектов исследования следует рассматривать взаимодействие между производителем и потребителем, учитывая наличие и роль обратных связей, имеющих в контурах управления этим взаимодействием. Изучению должны быть подвергнуты все первичные взаимодействия и, естественно, в первую очередь те, которые носят долгосрочный и проблемный характер в современном обществе. К таким с очевидностью относятся вопросы здравоохранения, образования, культуры. Необходимо исследовать реальные процессы взаимодействия между врачом и пациентом, учеником и учителем, работником искусства и зрителем. Уже сейчас есть возможность начать моделировать результаты этого взаимодействия, как на основе сбора статистических данных, так и путем создания информационных моделей такого взаимодействия. Современная теория сигналов и компьютерные системы моделирования необходимо применить для того, чтобы исследовать объект управления, который подвергается реформам. Да и поведение самих реформаторов давно пора начать моделировать с тем, чтобы своевременно выявлять в их поведении недопустимые отклонения и отстранять их от управления общественными процессами прежде, чем они смогут нанести существенный вред обществу. Только в этом случае мы сможем получить наблюдаемые и достоверные результаты, опираясь на которые начать разрабатывать новые типы автоматизированных социальных механизмов, внедрение которых будет тем проще, чем большее число людей будет видеть реальную пользу от их использования. В долгосрочном

периоде реальные результаты еще не смогло победить ни одна ложь, от кого бы оно не исходило, и сколько бы денег и усилий не было потрачено на ее поддержание!

Вместо заключения хочется обратить внимание на одну важную развилку, которая возникла с точки зрения дальнейшего развития социальной науки. Существующие в ней подходы и методы не адекватны сложности и динамичности исследуемой системы — социума. Большинство из них допустимы только для рассмотрения социума, как статической системы. Любые попытки рассматривать социум как динамическую систему наталкиваются на ограничения возможностей исследователей, которые упорно продолжают пытаться исследовать сложную динамическую систему, используя описательные методы, без попытки изучения первичных социальных взаимодействий и их динамики в зависимости от применяемого управления. Более того, игнорируется самоуправляемость — ключевая особенность социальной системы, которая существенно выделяет ее от любых других систем живой и неживой природы. В этой связи, да и по совокупности множества других проблем, созрела необходимость перехода к социальной науке иного типа. Эта наука изначально должна исходить из самоуправляемости и способности социума к эволюционированию.

Исходя из этих признаков, наиболее близким по смыслу будет термин эволюционная социология, который нужно наполнить обновленным содержанием. Благо современное знание позволяет это сделать на основе теории управления, теории сигналов, социальной кибернетики, эволюционной биологии и других наук.

К вопросу формирования общегражданской идентичности и идеологии в полиэтническом регионе Поволжья и Приуралья

Муфтахутдинова Д.Ш.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы мешающие формированию общегражданской идентичности нерусских народов нашей страны. На основе соц. опросов доказывается факт низкой степени коммуникативных процессов в Воло-Уральском регионе и в стране в целом. Дается критика учебника за 10 класс для общеобразовательных школ А.Н. Сахарова и В.И. Буганова «История России с древнейших времен до конца XVIII в.», ставится задача построения через учебники истории новой идеологии, основанной на взаимном уважении исторического наследия народов России, в том числе и татарского народа.

Ключевые слова: российская идентичность, общегражданская идеология и ценности, межэтническая коммуникация, историческая память.

Задачи дальнейшей модернизации России, создание подлинной инновационной экономики, интегрирование полиэтнического общества в российскую нацию — одни из самых актуальных политических, экономических и идеологических задач

современности. Как совокупность базовых ценностей, идеология стала играть ключевую роль в социализации личности, особенно, в части самореализации человека. Самореализация, согласно А. Маслоу, является состоянием наиболее полного раскрытия индивидом своего личностного потенциала. «Расколотое» сознание современных россиян, не удовлетворенность потребностей не только материальных, но и духовных, мешают выполнению стратегических задач, как личности, так и общества в целом. Нерешенность всех этих задач актуализирует проблему переосмысления содержания, структуры и функций общественной идеологии.

Начиная с 90-х годов XX в., в российской науке господствовало убеждение о ложности и вреде любых идеологий в общественной жизни страны. Это было связано, прежде всего, с освобождением от советской идеологической системы. Навязывание любой идеологии в нашей стране запрещено законом. Статья 13 Конституции Российской Федерации гласит: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Однако реальная угроза распада страны, духовно-нравственный и ценностный кризис, социальная апатия и равнодушие, с одной стороны, распространение радикальных националистических и откровенно шовинистических идеологий с другой стороны, сверх меры актуализировали вопрос о формировании общенациональной идеологии модернизирующегося полиэтнического общества.

Ни для кого не секрет декларирование российского национального согражданства — «россияне» пока не наполнено идеологическим и ценностно-нормативным содержанием. Многократное повторение в политическом и идеологическом дискурсе о том, что многонациональность страны — это богатство России, без наполнения этого тезиса институциональным содержанием вызывает горькую ухмылку и разочарование у нерусских народов нашей страны. Российская идентичность в полиэтническом и поликонфессиональном обществе не может строиться только на православных ценностях и русской культуре. Несмотря на нивелирующие и ассимилирующие эффекты глобализации и русификации, этнические культуры никуда не исчезли и в ближайшее время не исчезнут. Наоборот, вопреки утверждениям некоторых этносоциологов, считающим, что в гражданском обществе этничность должна быть стерта даже из-под сознания, народы под воздействием практики подгоняющей процессы ассимиляции быстрее осознают свои этнические и конфессиональные интересы и мобилизуются в их отстаивании.

Для того что бы сохранить стабильность в стране необходимо выделение элементов общероссийской истории и культуры, а также строить идеологию учитывая духовные потребности и нерусских народов России. Отсутствие общегражданской идеологии, публичного утверждения дискурса мультикультурализма приводит к росту межэтнической напряженности, «утечке мозгов», деморализации и маргинализации общества. Между тем самым действенным механизмом исправления данного положения являются, прежде всего, школьные учебники по отечественной истории.

Вряд ли кто-нибудь возразит, что 70% исторических знаний строится на основе школьных учебников и уроков по Отечественной истории. Именно там, закладываются мифы и стереотипы, формируется образ «своего» и «чужого». Именно

на уроках истории закладываются и гетеростереотипы о нерусских народах. Этносоциологи Р.Н. Вагапов и Ф.Г. Вагапова на основе тестирования студентов одного из гуманитарных нижегородских вузов сделали весьма любопытные наблюдения. Проживая в полиэтническом и поликонфессиональном Приволжском Федеральном округе, нижегородские студенты не смогли дать не одной характеристики фактически соседям — чувашам (35%), удмуртам (40%), татарам (6%). А 20% студентов ассоциировали удмуртов с северными народами, употребляя лексемы «юрты», «олени», «оленеводы», «чумы».[1.186–187] Это говорит о весьма печальном факте: отсутствии коммуникативных процессов в регионе и в стране в целом. Теле- и радиоэфир заполняется новостями о победах никому неинтересных заграничных спортивных клубов, потоком льется англоязычная музыка, еженедельно идут передачи подобные «Дому–2», разлагающие души нашей молодежи, а как развивается в культурном плане соседняя область или республика ни кто ничего не знает.

Любопытно, что «татары» у 17% респондентов ассоциируются с исламом, у 13% с республикой Татарстан, а у 10% с пресловутым «татаро-монгольским игом». Назывались лексемы «иги», «орда», «Чингисхан», «нашествие», «монголы». Безусловно данные стереотипы достались нам как историческая традиция русской историографии, как дореволюционной эпохи, так и советского периода. Никуда они не делись и в современных учебниках. Возьмем, к примеру, учебник А.Н. Сахарова и В.И. Буганова «История России с древнейших времен до конца XVIII в.» за 10 класс.[2] Формирование негативного отношения к кочевым цивилизациям начинается с параграфа 3, в котором рассказывается о Великом переселении народов. На странице 33 притворив описание гуннов, что они были тюркским народом, авторы приводят следующий текст: «По данным римских историков, вид гуннов был ужасен невысокие, с толстыми затылками, кривыми ногами, одетые в меховые малахайи и обутые в грубую обувь, сшитую из козьих шкур. Об их диких нравах и зверствах рассказывали легенды ...»[2.34]. Не будем допытываться, у каких римских авторов они взяли данное описание, безусловно, гунны навели ужас на Римскую империю, но есть и другие описания, например, Прииска Понтийского, четырежды побывавшего в ставке Атиллы. Одежду и нравы гуннов он описал так: «Они носят короткие суконные полукафтаны из некрашеной шерсти, которые прядут их жены, белые широкие шаровары и кожаную обувь, привязанную на подъеме ремнями. В особенности же обращают внимание своим искренним и ласковым обращением и любовью к ближнему. Одежда их женщин весьма опрятна и ловко сделана, она состоит из исподницы и кофты темно-синего цвета, обшитой светлой каймой..., белой рубахи, спущенной ниже юбки и убранной складками около шеи и рук оборкою, похожей на кружева, девушки ходят с открытой головой, убирая волосы различными монетами. Все они носят серьги, браслеты и кольца даже с трехлетнего возраста»[3.24–25]. Далее Прииск описывает прекрасные деревянные дворцы Атиллы, покои царицы Креки, белую каменную баню. Такое описание ложиться на душу любого ребенка тюркоязычной идентичности, оно узнаваемо и не ранит душу. Нельзя забывать, что кроме татар в нашей стране есть еще более 30 тюркоязычных народов. Нельзя требовать толерантности от других народов, не уважая их историческую память.

С 447 по 450 год император Восточной римской империи Феодосий II платил гуннам дань, уступив им южный берег Дуная.[4.61] В 452 году гуннам платит дань Западноримская империя, но об этом в учебнике ни слова, есть только навязываемый стереотип «...с тех пор имя гуннов стало нарицательным. Оно обозначало грубых и беспощадных варваров, разрушителей цивилизации»[2.34]. Через 500 лет громить остатки римской цивилизации представится возможность и варяжским дружинам, но с какой помпой интерпретируется договор 911 года авторами учебника: «В Константинополь прибыло посольство, которое заключило с империей первый в истории Восточной Европы письменный договор. Так государство Русь сразу же заявило о себе как о крупной силе на международной арене»[2.56]. Большой вопрос вызывает констатация авторами тезиса о первом письменном договоре, так и интерпретация его как славянского.

В учебнике по Истории России нет места ни хуннам, ни тюркским каганатам, ни Великой, ни Волжской Булгарии. Есть небольшие упоминания о хазарах, печенегах и половцах, но все том же контексте диких варваров — врагов Руси.

Безусловно, с имперских позиций освещены и события XIII–XVI вв., связанных с русско-татарскими взаимоотношениями. Видимо опасаясь формирования татарского национального самосознания, авторы специально вводят учеников в заблуждение, утверждая на странице 48, что за всеми монгольскими племенами в Европе и Азии закрепилось название татары.[2.48] Между тем в науке нет споров о тюркоязычности татарских племен в Азии начиная с X века.

На странице 147 авторами констатируется следующее утверждение: «Монголы запаздывали по сравнению с Русью на 4 века, не говоря уже о западноевропейских странах»[2.147]. Хочется задать авторам вопрос, если монголы и татары были столь отсталые, тогда почему в русский язык так органично вошло более трехсот наименований одежды и предметов быта?¹ Термины, связанные с организацией торговли, денежно-весовой системы: базар, деньги, алтын, лабаз, маклак, товарищ, ящик, бизмен, аршин, батман, костяные счеты, векселя и т. п. Военной организации: атаман, есаул, ертаул, казак, атаман, ятаган, соподчиненность чинов, тактика ведения конного боя, засадный бой т. д. Институты власти и управления: казна, военно-караульная служба, перепись населения, налоговая служба, военно-административное устройство, почтовая служба, содержание федеральных дорог, и, в конце концов, характер самой царской власти, так полюбившийся московским правителям? На этот вопрос хочется процитировать величайшего гуманиста Джавахарлала Неру: «Чингисхан без сомнения был величайшим военным гением и вождем в истории. Александр Македонский и Цезарь кажутся незначительными в сравнении с ним». Действительно, в истории были крупные военные вожди, они создавали большие империи, но их государства рушились вместе со смертью вождя как карточные домики. Монгольская династия чингизидов создала принципы управления полиэтническими, поликонфессиональными государствами с централи-

¹ Так евразиец Всеволод Иванов пишет: «Изменилась коренным образом одежда от длинных славянских рубах, от бритых голов с «оседлицами», длинных штанов они перешли к золотым кафтанам, цветным шароварам, к сафьяновым сапогам ... при царе Михаиле Федоровиче знатные имели короткие сафьяновые сапоги, унизанные жемчугом, стригли или брили на голове волосы, покрывали сперва маленькую скуфью, из золотых или серебряных ниток, по-татарски называемую тафью».

зованной системой управления пережившие века, наследницей, которой по праву можно считать и Россию.

Процитируем отрывок со страниц учебника: «Дойдя до низовьев Волги, хан решил основать здесь свою ставку. Сюда сгонялись десятки тысяч пленников, прежде всего ремесленников, из Руси и других стран, свозилось награбленное добро. Так появился город Сарай-Бату — столица западного улуса Монгольской империи» [2.154]. Об уровне цивилизации городов Золой Орды в учебнике ни слова, зато из процитированного отрывка создается впечатление, что построены они, были исключительно мастерами из русских княжеств. Можно ли назвать хоть один русский город, построенный до или после татарского нашествия с водопроводами и канализацией, с глубоко продуманной дренажной системой, домами с централизованной системой отопления, общественными банями, храмами почти всех религий, крупными мануфактурами, называемыми «кархана»? Наконец назовите хоть один город на Руси со ста тысячным населением. Между тем, достаточно открыть любую монографию по археологии городов Золотой Орды и вы наткнетесь, например, на такое описание: «Наиболее интересным памятником былой жизни на территории Сарай ал-Джадида является плотина, при помощи ее удерживалось громадное количество воды, и с помощью шлюзов подавалась вода в город... [эта система] при помощи особых запасных каналов и бассейнов позволяла регулировать водоснабжение во всем городе. Совершенство всех гидротехнических сооружений нас буквально поражало, и если все это построено при Узбеке или его приемнике Джанибеке, Золотая Орда в эту пору действительно могла гордиться своей столицей и ее инженерами» [5.21]

Можно долго препираться с авторами данного учебника, как говорится «историю пишут победители», но не стоит забывать, что и народы выросли. Меня удивляет, что в нашей стране с XVIII века мощно развивалось востоковедение, ориенталистика в целом, и татароведение в частности, написаны тысячи монографии и диссертаций, ежегодно устраиваются международные конференции, симпозиумы, семинары, а интерпретация фактов в школьных и вузовских учебниках до сих пор в духе церковной идеологии. Однако, благодаря широкой популяризации истории татарского народа в школьной и вузовской образовательной программе республики, научной публицистике, в СМИ довольно быстро поменялось общественное сознание. Исчезло чувство исторической и культурной периферии, появилась гордость и ощущение самоценности истории и культуры татарского народа. Татары (и не только они, но и татарстанцы в целом) ощутили веру в созидательное будущее своего народа. Это заметно отличает нас от жителей соседних регионов погрязших в чувства безысходности и нигилизма. В этой перемене настроения огромная заслуга татарстанских гуманитариев и региональной власти. Девиз М.Ш. Шаймиева «Без булдырабыз!» (Мы можем!) нашел отклик в душах тысяч людей, и уже после проведения летней универсиады в Казани в социальных сетях появилось гордый ответ: «Без булдырдык!» (Мы смогли!).

Ради сохранения единства нашей общей Родины в федеральном центре и на местах придется строить новую идеологию, основанную на взаимном уважении исторического наследия народов России, в том числе и татарского народа.

Историческое самосознание народов меняется, так же как и меняется этническая самоидентификация. Неизбежность и необходимость такой перемены высказал

в одном из своих вступлений бывший президент Чувашии Н.Ф. Федоров: «Как показывает реальная практика, национальный нигилизм, низкая самооценка, провинциальная психология оказывали и продолжают оказывать деформирующее влияние на личность. В современный период реформирования общества эти негативные явления тормозят ее свободное развитие и самореализацию, мешают раскрытию духовного потенциала народа и сдерживают его социальную мобильность и активность». [1. 39] Это касается не только нерусских народов нашей страны, но и самого русского народа. Начиная с горбачевского периода «гласности», когда оценочной ревизии подверглись почти все темы Отечественной истории, и оказалось, как в песне В. Высоцкого «все не так», пришло чувство душевного опустошения. На сегодняшний день стало ясно, что общая идеология в стране необходима. Однако она не должна быть наполнена новыми или «реанимированными» старыми мифами о добровольном вхождении нерусских народов в состав России, о великой цивилизаторской роли русского народа, об отсутствии насильственной христианизации и национально-освободительных воин, замалчивания фактов репрессий по отношению интеллигенции нерусских народов и депортациях во время Великой Отечественной войны. Все это было, как говорится «из песни слов не выкинешь», однако детей нужно научить думать самостоятельно. В силу разности менталитетов дети в классе могут по-разному оценивать исторические факты. На этот счет очень востребован опыт Израиля. Как пишет Марат Гибатдинов: «... в израильско-палестинском учебнике «Изучение истории друг друга», материал разделен на две колонки, представляющие, соответственно, израильский и палестинские взгляды на исторические события (часто диаметрально противоположные). Между ним оставлено свободное пространство, куда ученик может записать свое видение данных событий, выработанное на основе анализа обоих нарративов». [3. 230] Этот опыт востребован для нас с вами как никогда раньше. В демократическом плюральном обществе взрослому человеку постоянно необходимо делать выбор. Дети должны быть приучены к этому с детства. На западе люди не боятся «разности», поскольку только в обсуждении разных позиций можно прийти к компромиссу и воспитать граждански ответственную личность.

Национальная история России это не только история русского народа, но и совокупность национальных историй народов, проживающих в пределах России на всех этапах ее исторического развития. В нашей стране она может строиться только на основе мультикультурализма, призванного сплотить народы нашей страны на фундаментальных ценностях равноправия и свободы, а так же гарантии нерусским народам сохранение их культуры, самобытности и идентичности. На уроках истории мы должны не только показывать какие мы разные, но и находить как можно больше фактов, показывающих «какие мы одинаковые». Только на общих целях и ценностях как прошлого, так и настоящего можно сохранить Россию. Именно так может сложиться идеология гражданского общества.

При формировании идеологии в современных условиях необходима опора на науку, поскольку именно она является формой легитимного знания и именно с помощью ее возможно овладение сознанием масс. Таким образом, идеология как концепт сохраняет свой потенциал, позволяющий обеспечить научное понимание происходящих в обществе процессов и формировать национальную общероссийскую идентичность.

Литература

1. *Абдуллатипов Р.Г.* Этнополитология. — СПб.: Питер, 2004, 313с.
2. *Ваганов Р.Н. Ваганова Ф.Г.* Понимание этноконфессиональной идентичности и толерантности в коммуникативном процессе студенческой среды // Толерантность как фактор межэтнического и межконфессионального взаимодействия и сближения культур в условиях глобализации 2010: сборник материалов Международной науч.-практ. конф. 16–18 ноября 2010 г., г. Казань/ Казан. ун-т; оргкомитет: Л.Р. Усманова и др. — Казань: изд-во «Отечество», 2010. — 300 с.
3. *Гибатдинов Г.* Учебники истории в поликультурном обществе: опыт зарубежных стран // Казанский федералист. — Казань, № 1–2 (31–32), 2012. — С. 222–234.
4. *Сахаров А.Н.* История России с древнейших времен до конца XVII века: учеб. Для 10 кл. общеобразоват. учреждений / А.Н. Сахаров, В.И. Буганов; под ред. А.Н. Сахарова — 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 2006. 336 с.
5. *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. — Казань: Татар. кн. из-во, 2000. — 310 с.
6. *Аксанов К.Г.* Очерки истории тюркских народов. Древность и средневековье (III в. до н. э.) Учебное пособие. — Казань: Казанский государственный университет, 2003. — 108 с.
7. *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. — Казань, 1923.

Солидаризм в контексте новой конкуренции идеологий: потенциал, возможности, скрытые ресурсы

Окара А.Н.

Три понимания солидаризма

При всем многообразии определений сущности и функций политической идеологии, при всей эфемерности, условности и ускользающей природе идеологического дискурса, можно констатировать, что идеологии — это, в отличие от политико-философских доктрин, не только и не столько мировоззрения, способы познания, понимания, интерпретации и описания социальной реальности. Идеология всегда связана с социальной практикой — с мобилизацией субъекта коллективного действия, с борьбой за власть и влияние, необходимое для реализации политических проектов.

Идеология — это, по определению Бернарда Сассера, идеи, стремящиеся к власти². Задача любой политической идеологии — конструирование смыслов

² *Susser B.* Political Ideology in the Modern World. Boston, etc.: Allyn & Bacon, 1995. P. 6.

и мотиваций, создание картины реальности, «редактирование» настоящего и будущего — в соответствии со своими представлениями об общем благе, о сущем и должном. На нынешнем этапе развития идеологии из системы идей и ценностей превращаются в манипулятивную политтехнологию, в набор симулякров, в средство предвыборной агитации и пропаганды.

Как известно, политические идеологии — продукт модернизации; в условиях секулярного общества они, по замечанию Ульриха Матца, выполняют функции квази-религий³. Некоторые идеологии, среди которых прежде всего следует выделить либерализм, социал-демократию и консерватизм, сформировались в XIX веке как «полные», имеющие широкую повестку дня, стремящиеся к исчерпывающему описанию реальности, опирающиеся на тщательно разработанные философские учения.

Солидаризму как политической философии и идеологии повезло значительно меньше — в «век идеологий» идеи социальной солидарности, доверия, субсидиарности, кооперации не были в центре внимания теоретиков, поэтому он развивался как «фрагментарная» идеология, способная регулировать лишь отдельные социальные отношения (например, взаимоотношения работодателей и наемных работников: солидаристы считали, что первые должны делиться со вторыми частью прибыли).

В теоретическом отношении солидаризм разработан хуже «полных» идеологий — его идеи не так часто становились центрами напряженной идейной и полемической борьбы. К тому же его изрядно забыли — не только теоретики, но даже историки идей и идеологий. Нередко встречается предвзятое мнение, что солидаристы скомпрометировали солидаризм сотрудничеством с фашистскими режимами⁴.

Любая политическая идеология как более или менее упорядоченная система идей описывается и конструируется постфактум, из будущего — путем «подтягивания» под современный идеологический шаблон, под современное представление о том или ином «изме» тех или иных идей, учений и персон из прошлого⁵. Гоббс и Локк не предполагали, что станут праотцами либерализма, да и такого слова в XVII веке не существовало. А Шатобриана, который первым употребил слово «консерватизм» и тяготел именно к консервативному мироощущению, современники называли либералом. Платон едва ли мог вообразить, что станет «первым коммунистом» и обязательной фигурой хрестоматий по истории коммунистических учений.

О солидаризме следует говорить в трех различных пониманиях.

Во-первых, о *солидаризме в узком смысле слова* — применительно к учениям, для которых «солидаризм» был самоназванием.

³ Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1–2. С. 139–140.

⁴ См., например, статью о солидаризме в 3-м издании Большой советской энциклопедии (1969–1978): <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Солидаризм/>

⁵ Малинова О.Ю. Когда «идеи» становятся «идеологиями»: К вопросу об изучении «измов» // Философский век. Вып. 18. История идей как методология гуманитарных исследований. Ч. 2. СПб., 2001. С. 11–26.

Во-вторых, о *солидаризме в широком смысле слова* — применительно к авторам, которые не употребляли этого слова в качестве самоназвания, но фактически воспроизводили именно солидаристские идеи и интерпретации социальной реальности (анархо-синдикализм, христианская демократия, корпоративизм, неокорпоративизм).

В-третьих, о *новом солидаризме (неосолидаризме)* — как о современных попытках создавать идеологические и политико-философские дискурсы на основе солидаристских представлений.

Проблематика политической философии и идеологии солидаризма может быть раскрыта через описание и исследование солидаристского понимания обязательных для большинства идеологий концептов (государство, власть, свобода, справедливость, труд, собственность, общее благо, авторитет, равенство, права человека, политическое, традиции и инновации), а также через толкование характерных лишь для этого идеологического дискурса концептов (социальная солидарность, субсидиарность, доверие, кооперация, синергетическое взаимодействие, свободная лояльность, самоорганизация, сетевое взаимодействие и т. д.).

Солидаризм как концептуализация социальной солидарности

Основой идеологии и политической философии солидаризма, как правило, считают концепт социальной солидарности. *Солидарность* (франц. *solidarité*) — это общность интересов, единомыслие, единомыслие, взаимозависимость, взаимосвязанность, круговая порука, совместная ответственность. Солидарность можно определить как принцип социального существования, предполагающий объединение ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, при этом интересы каждого из субъектов находятся в равновесии с интересами общности и не приносятся в жертву ни абстрактному общему интересу, ни индивидуальному эгоизму. Солидарность следует рассматривать как механизм социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, который позволяет максимально использовать возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага.

Солидаризм — принцип построения социальной системы на основе солидарности ее различных частей между собою, а не борьбы и не жесткой конкуренции. В такой системе ее члены (граждане, семьи, этносы, религиозные конфессии, классы, социальные группы, политические партии, бизнес-корпорации и др.) обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, вследствие чего их права, возможности, интересы и ценности могут быть консолидированы и солидаризированы ради достижения консенсусных целей (общего блага) в социальных рамках различного масштаба (локального, общенационального, глобального). Отвергая как либеральный индивидуализм, так и тоталитарный эгалитаризм, теоретики солидаризма пытались породить собственную «симфоническую» антропологию и онтологию, основанную на балансе индивидуальных и общих интересов.

Российский идеолог солидаризма Г.К. Гинс понимал его как «учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами

и координации расходящихся интересов государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами»⁶.

Ключевой проблематикой для солидаризма является соотношение «я» и «мы». Фактически, это единственная идеология, которая пытается уравновесить индивидуализм личности и интерес общества как целого. Тогда как либерализм отстаивает приоритетность интересов индивида, а социализм и тоталитарные идеологии XX века — приоритет общего интереса.

Механическая и органическая солидарности

Один из первых идеологов солидаризма, в творчестве которого тема социальной солидарности стала доминирующей, французский социолог Эмиль Дюркгейм различал *механическую* и *органическую* социальную солидарность — по принципу наличия или отсутствия индивидуализации субъектов⁷.

Так, в архаических обществах социальная солидарность основана на полном растворении индивидуальных сознаний во всеобщем «коллективном сознании» — это *механическая солидарность*, в ее основе лежит *подобие* солидаризируемых элементов, их *однородность*. В соответствии с такой моделью устроены, к примеру, религия и тоталитарные идеологии.

Тогда как в современных развитых обществах солидарность основывается на автономии и независимости индивидов, на разделении их функций, а также на функциональной взаимозависимости и взаимообмене — это *органическая солидарность*. При этом стоит отметить, что в развитом обществе коллективное сознание не исчезает, но его роль в жизни индивида уменьшается. А *разделение труда*, которое является не только экономическим, связанным с промышленным и интеллектуальным производствами, но всеохватным социальным явлением, предопределяет переход от механической солидарности к органической и от традиционного общества — к современному. То есть органическая солидарность строится на основе *разделения труда* и порожденных им *кооперации, взаимодополнения, взаимоусиления*.

Элементы, между которыми возникают солидарные отношения, не теряют своей индивидуализированности, разнородности и разнокачественности. Напротив, их неповторимость как раз и является основой для объединения усилий и возникновения синергетического мультиплицирующего эффекта.

Солидаризм основывается на принципе согласования индивидуальных и общих интересов, поэтому он отвергает и либеральный индивидуалистический эгоизм, и тоталитаристский коллективистский альтруизм. Его нередко ошибочно отождествляют с идеологией и практикой европейских тоталитарных режимов первой половины XX века — фашизмом Муссолини, национал-социализмом Гитлера, фалангизмом Франко и т. п., в которых была задействована концептуальная основа корпоративизма. Однако квази-солидарность в 1920–1930-х годах в коммунистическом Советском Союзе, а также в национал-социалистической Герма-

⁶ Гинс Г.К. Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма) // Портрет солидаризма. Идеи и люди. М., 2007. С. 118.

⁷ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

нии, фашистских Италии, Португалии, Австрии, Румынии и других европейских странах с похожими режимами строилась на тотальном подчинении, принуждении, а часто — унижении человека. Говорить об использовании солидаристских идей и установок коллективного сознания идеологами и практиками фашизма, национал-социализма и советского коммунизма можно лишь, имея в виду феномен механической солидарности. Да и то механическая солидарность религиозного типа предполагает добровольную лояльность индивида, тогда как в тоталитарном обществе речь идет о вынужденной и навязанной «сверху» форме солидарности. С точки зрения тоталитарных идеологий граждане являются деиндивидуализированными объектами управления, лишены какой бы то ни было субъектности и самодостаточности, а навязываемая им властью механическая солидарность является формой лояльности правящему политическому режиму.

По отношению к современному развитому обществу можно говорить исключительно об органической солидарности, которая основана на субъектности, разнокачественности участников социальных отношений и разделении труда. Однако во многих вполне успешных с экономической точки зрения азиатских странах (Китай, Южная Корея, Япония) власть пытается навязывать формы механической деиндивидуализирующей солидарности. В менее развитых странах (Северная Корея, Туркменистан, Казахстан) авторитарный либо тоталитарный режимы строятся на еще более жесткой форме «солидаризации сверху», при которой идея солидарности нередко оказывается полностью извращенной.

Идеологи солидаризма на всех этапах его становления подчеркивали, что актуальной задачей является не строительство рая, а недопущение ада, не столько борьба со злом, сколько созидание добра. Поэтому солидаризм — это не идеократия⁸, это теория не «идеального», а «хорошего» общества, «общества блага», в котором разработаны механизмы и институты согласования интересов и ценностей всех участников социальных отношений⁹.

Солидаризм в Западной Европе

Солидаризм в своем развитии пережил несколько этапов, причем на каждом из них он выступал в различном качестве: во Франции на первый план выходили социально-экономические аспекты, в Англии — правовые, в Италии и Германии — политические, в России и Украине — философские и метафизические.

Осмысление состояний социальной солидарности и попытки концептуализировать их в формате политической идеологии восходят к философии немецкого романтизма: солидаризм, как и многие иные философские и эстетические явления Модерна, появился как реакция на разочарование в либерализме и ценностях Французской революции 1789 года. В качестве альтернативы буржуазному строю была выдвинута идея корпоративно-сословного братства, апеллировавшая к средневеко-

⁸ О чуждости солидаризма идеократии говорит и С.А. Левицкий. См.: *Левицкий С.А. Солидаризм и демократия* // Левицкий С.А. Указ. изд. С. 286.

⁹ Содержательные попытки философского обоснования «хорошего» общества представлены в одноименных книгах Джона Гэлбрейта и В.Г. Федотовой. См.: *Galbraith J.K. The Good Society: The humane agenda.* Boston — N.Y., 1996; *Федотова В.Г. Хорошее общество.* М., 2005.

вому сословному обществу. Адам-Генрих Мюллер сравнивал государство с «семьей семей», в которой сословия соответствуют элементам семейной структуры (именно в этом контексте рождается и образ «нации-семьи»). Государство должно иметь право вмешиваться в общественную и экономическую жизнь для защиты граждан и сословий, при этом буфером между государством и гражданином должны стать корпорации — органы сословно-профессионального самоуправления. Особая роль отводилась церкви как высшей нравственной инстанции. Именно из этого источника берет свое начало христианский социализм и христианско-демократические идеологии. Карл Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» подобный тип корпоративизма назвал «феодалным социализмом».

Но в полный голос солидаризм заявил о себе во Франции, где в начале XX века он некоторое время даже считался официальной идеологией Третьей республики (1870–1940) и был призван нейтрализовать социальный антагонизм и угрожавшую существованию государства разгоравшуюся классовую борьбу. Там его понимали прежде всего как политэкономическое либо сугубо экономическое учение (Шарль Жид, Шарль Альфред Бугле «Солидаризм» (1907), Эмиль Дюркгейм «О разделении общественного труда» (1893), Леон Буржуа «Очерк философии солидарности» (1902), Эйхталь «Социальная солидарность и ее новые формулы» (1903), Флеран «Солидарность» (1907)), а также как специфическую правовую теорию позитивистской направленности (Леон Дюги, Морис Ориу).

Примечательно, что само слово «солидаризм» ввел в широкий оборот в 1840-х годах французский философ-утопист, автор доктрины христианского социализма и последователь Сен-Симона Пьер Леру (1797–1871) (ему же принадлежит и термин «социализм»). Однако во Франции солидаризм остался преимущественно утилитарно-экономической доктриной, не получившей ни политической платформы, ни философского обоснования, к тому же большинство его идеологов были «прогрессистами» — атеистами, борцами с религией, масонами нерелигиозной направленности.

После поражения в Первой мировой войне солидаристские идеи начали активно развиваться в Германии, в католической среде, в контексте философии неотомизма. Наиболее яркие представители течения — Генрих Пеш и Густав Гундлах — принадлежали к ордену иезуитов. Они отвергали популярные тогда идеи «глобального организма» или «всемирного онтологического единства» как проявление пантеизма, ведущего к тоталитаризму и не имеющего ничего общего с солидаризмом. Настоящий солидаризм, солидарное существование возможно лишь в контексте органического понимания общества. Генрих Пеш называл солидаризм социальной системой, «которая придает подлинное значение солидарному объединению людей, таких как члены природного сообщества, начиная семьей и заканчивая государством»¹⁰.

Позже кардинал Йозеф Хеффнер, автор этапного для католической церкви трактата «Христианское социальное учение» (1962), объявлял солидаризм синонимом словосочетанию «Христианское социальное учение» и называл тремя важнейшими принципами общественного устройства солидарность, общее благо и субсидиарность¹¹.

¹⁰ *Pesch H. Lehrbuch der Nationalökonomie. Freiburg im Breisgau, 1924. S. 432.*

¹¹ *См.: Хеффнер Й. Христианское социальное учение. М., 2001.*

С определенными допущениями можно говорить о солидаристских можно применительно к идеологии итальянского, испанского и немецкого корпоративизма (фашизма и национал-социализма) 1920–1930-х годов. Идеи корпоративного государства и концепт механической солидарности использовались этих идеологических течениях для легитимации гитлеровского, франкистского и муссолиниевского режимов и соответствующего тоталитарного дискурса растворения индивида в «общем деле». Работа Бенито Муссолини «La Dottrina del fascismo» («Доктрина фашизма») (1932), теоретическая (первая) часть которой приписывается итальянскому философу-неогегельянцу и теоретику корпоративизма Джованни Джентиле, считается наиболее аутентичным изложением подобного мировоззрения и системы ценностей¹². Принципиальное отличие подобной тоталитарной антропологии от солидаристской заключается в отрицании за индивидом частных интересов и неповторимой индивидуальности («вне государства нет индивида»), хотя формально говорилось о снятии противоречий между частными и общественными интересами. Корпорации и профсоюзы в условиях тоталитарного строя в Италии, Испании и Германии превратились в бюрократический придаток тоталитарного государства и перестали влиять на политический процесс. Лояльность государству, Отечеству и национальной истории при тоталитаризме должна осуществляться не на основе свободной лояльности, как в солидаризме, а на основе жесткого принуждения «сверху». Поэтому любой «несолидарный» в тоталитарном обществе однозначно рассматривался как враг, с которым надлежит справиться.

В послевоенной Западной Германии в ходе реализации так называемого плана Джорджа Маршалла именно солидаризм («третий путь», «ордолиберализм») стал идеологией экономического возрождения страны¹³. Солидаристские концепты и идеология рассматривались как мотор для возрождения общества и экономики: рыночная свобода соединялась с устанавливаемым государством жестким государственным регулированием, при этом экономическая модель непременно должна была опираться на нравственные основания.

В современной Западной Европе присутствие солидаристских идей заметно в идеологии шведского социализма, лейбористских (трудовых) и христианско-демократических партий¹⁴.

Солидаризм в России

В России солидаризм и идеи, концептуализирующие социальную солидарность, интерпретировались в контексте присущих восточному христианству и славянству культурных и социальных реалий, среди которых необходимо упомянуть: учения о соборности, всеединстве и преображении, сложную динамику взаимоотношений между централизованным авторитарным патерналистским государством и казацкой вольницей, стремившейся к «бегству» от государства и т. д.

В отечественной социальной философии, философии права и общественно-политической мысли — идея солидарности имеет глубокие корни. Можно даже

¹² См.: www.lib.misto.kiev.ua/POLITOLOG/MUSSOLONI/mussol.txt.

¹³ См.: Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М., 1994.

¹⁴ См., например: Нойхауз Н. Ценности христианской демократии. М., 2005.

сказать, что *солидаризм* — это «мейнстрим» русской философской мысли, но принципиально чужеродное явление для российской власти.

В светской общественно-политической мысли и философии представления о солидарности развивались в двух направлениях — *социально-экзистенциальном*, в котором солидаризм воспринимался прежде всего как *онтология* и *сотериология* (учение о спасении), и *социально-утилитарном*, в котором он воспринимался прежде всего как *социальная технология*. Иначе говоря, во-первых, *солидарность-как-соборность и всеединство* и, во-вторых, *солидарность-как-взаимопомощь*.

В первом направлении речь идет о сотериологии (спасении и искуплении) и поиске параметров «жизни вечной» — любимых для русской мысли темах. Эта линия прослеживается в представлениях о «сродном труде» у Григория Сковороды, в концепции *соборности* Алексея Хомякова, согласно которой «Церковь есть не множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати»¹⁵, далее развивается в метафизике *всеединства* Владимира Соловьева, в культуре русского *религиозно-философского ренессанса* и Серебряного века, в *идеал-реализме* Семена Франка, в философии «*космизма*», в философии «*общего дела*» Николая Федорова, учении Владимира Вернадского о *ноосфере*.

Для второго, социально-утилитарного понимания солидарности, характерен интерес к механизмам человеческого взаимодействия, направленным на консолидацию всеобщих усилий по достижению экономического, политического или социального эффекта. Такие подходы становятся популярными с распространением в Российской империи социалистических идей — их можно обнаружить сначала у Герцена и петрашевцев, потом у «народников» и анархо-синдикалистов — П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.И. Мечникова, Н.К. Михайловского. Так, П.А. Кропоткин писал о солидарности (взаимопомощи) как важнейшем факторе развития человечества¹⁶. Известный на рубеже веков социолог М.М. Ковалевский разработывал понятие «*замиренной среды*»: в обществе вместо борьбы должна воцариться солидарность, понимаемая как «сознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга»¹⁷. Л.И. Мечников описывал солидарность как фактор выживания в критических геоклиматических условиях России: «Смерть или солидарность, других путей у русского народа не было, чтобы не погибнуть, — он должен был прибегнуть к солидарности и общему коллективному труду для борьбы с окружающими неблагоприятными условиями физико-географической среды»¹⁸.

В конце XIX века российский правовед-солидарист Н.М. Коркунов разработал теорию права как разграничения интересов, в начале XX века проблема социальной солидарности рассматривалась в исследованиях о кооперации М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, А.В. Чайнова, А.Д. Билимовича. Особое место в этом ряду занимает попытка практической реализации солидаристских и анархо-синдикалистских идеалов, предпринятая Нестором Махно в ходе Гражданской войны в южноукраинских степях.

¹⁵ Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 5.

¹⁶ См.: Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М., 2011.

¹⁷ Ковалевский М.М. Сочинения 2-х томах. Т. 1. Социология. СПб, 1997. С. 83–84.

¹⁸ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 443.

Для авторов сборника «Вехи» (1909), а потом и для идеологов Русского Зарубежья (Николая Бердяева, Ивана Ильина, Сергея Левицкого и круга Народно-трудового союза) характерно синтетическое отношение к солидарности, в котором ее экзистенциальное понимание как соборности и утилитарное понимание как технологии взаимопомощи соединяются — это проявляется не только в теоретических построениях, но и в политических программах.

Следует отметить, что в западноевропейской интеллектуальной традиции солидарность понимается прежде всего, а то и исключительно как социальное явление — как взаимопомощь, как результат разделения труда. В русской традиции напротив — она тяготеет к этическому, метафизическому и экзистенциальному истолкованию — как проявление соборности, всеединства, целостности и органичности бытия. В основе западноевропейского понимания солидарности лежит идея равенства, в основе российского — идея братства, западноевропейское государство, согласно Б.А. Кистяковскому, озабочено «охранением права», российское (в идеале) — «созиданием фундамента для высшего расцвета личности»¹⁹. В целом, подобное деление соответствует двум противоположным подходам к анализу государства — институциональному на Западе и этическому в России²⁰.

Одним из наиболее интересных и последовательных идеологов солидаризма Русского Зарубежья может считаться С.А. Левицкий (1908–1983). Формально он принадлежал к НТС, однако его философские построения, близкие к персонализму и продолжающие линию Н.А. Бердяева и Н.О. Лосского, достаточно далеки от авторитарно-радикального духа манифестов этой организации.

В его концепции «органического мировоззрения» солидарность понимается как двигатель социального развития, возвращающая общество к онтологической целостности. При этом борьба и конкуренция не исключаются — они рассматриваются как важные, но не определяющие факторы: «Связующая и объединяющая сила солидарности первичнее разъединяющей и отчуждающей силы борьбы. Сама борьба может существовать лишь там, где имеется налицо солидарность внутри борющихся групп... Борьба предполагает включенность борющихся между собой целостностей в некое объемлющее их единство»²¹.

С.А. Левицкий отмечает, что солидаризм основывается на персоналистской философии, проникнут духом христианского учения и стремится быть социальной проекцией христианства: «Солидаризм — против социализации христианства, но он за христианизацию социальности. Солидаризм одушевлен и движим духом христианского учения»²².

Среди заметных идеологов солидаризма из круга НТС и журнала «Посев», помимо С.А. Левицкого, следует назвать Г.К. Гинса (именно он ввел в русскую общественную и научную мысль термин «солидаризм», ему же принадлежит

¹⁹ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 142–143.

²⁰ Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008. С. 165.

²¹ Левицкий С.А. Основы органического мировоззрения // Левицкий С.А. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме. М., 2003. С. 156.

²² Левицкий С.А. Социализм и солидаризм // Левицкий С.А. Указ. изд. С. 280.

концепция «координационного права»), Р.Н. Редлиха, В.Д. Поремского, И.В. Воцинина, Б.С. Пушкарева. В их программных работах солидаризм понимался как корпоративизм, предполагавший координацию социальных объединений (корпораций) на основе укорененных в российском обществе еще со времен Древней Руси принципов добровольности и самоуправления.

Новый солидаризм в условиях XXI века

На нынешнем этапе существования солидаризм выглядит как «фрагментированная» идеология, как набор концептов, рассыпанных и разрабатываемых в рамках различных идеологических систем.

Тем не менее, солидаризм в обновленном и научно отрефлексированном виде имеет возможность стать востребованной в условиях XXI века системой ценностей, представлений и моделей социальной реальности. Актуальность идеологии солидаризма и идеологем, в основе которых находится проблематика социальной солидарности, в XXI веке возрастает по двум причинам. Во-первых, в новых условиях возрастает потенциальная социальная субъектность индивида и значимость человеческого капитала. И, во-вторых, на место вертикально ориентированных социальных связей приходят сетевые, в которых отсутствует жесткая субординация между участниками.

Отдельно взятый человек как участник социальных отношений в условиях информационного общества получает все больше и больше возможностей для реализации собственной проектности, для «несимметричного» влияния на общество и государство. Вместе с тем подвергаются переосмыслению функции государства и его значение как уникального организатора социальной жизни. Все большую субъектность обретают корпорации, независимые общественные организации, общество в целом, трансформируются институты принуждения. Новая социальная динамика требует обновления аналитического инструментария, а также переформулирования ценностных установок субъектов, занятых проектированием и моделированием будущего.

Как представляется, в рамках идеологии и политической философии солидаризма, несмотря на его сравнительно малую теоретическую проработанность, могут быть сформулированы ответы на многие вопросы и вызовы нынешнего времени, на которые у иных идеологий убедительных ответов нет.

Еще до падения СССР в российских эмигрантских кругах была распространена точка зрения, согласно которой именно солидаризм может стать приемлемой идеологией для спасения России от социальных потрясений²³. Анализируя более чем два десятилетия постсоветской истории, можно заключить, что солидаристская идеологическая альтернатива ни российскими элитами, ни российским обществом востребована не была.

По состоянию на сегодняшний день солидаризм и в узком, и в широком понимании, а также неосолидаризм, можно определить как «фрагментарную» идеологию. Перспектив стать «полной» идеологией в эпоху, в которой дискуссия идет либо

²³ См.: Нелль-Брейнинг О. фон. Солидаризм — идея для посттоталитарной России (Интервью журналу «Посев») // Портрет солидаризма. Идеи и люди. М., 2007. С. 183–200.

о «смерти идеологий», либо об «универсальном идеологическом миксе», у солидаризма нет. Однако дать ответы на важнейшие вызовы времени, что не получается ни в рамках «полных», ни в рамках новых «фрагментарных» идеологий, а также принять участие в современной конкуренции идей и политических проектов, солидаризму вполне по силам.

Идеология либерализма: сущность, латентное содержание, результаты реализации

Соболева С.А.

Аннотация: В данной статье выделяются основополагающие принципы идеологии либерализма, анализируется их явное и скрытое содержание, рассматриваются основные результаты их реализации в современном мире. Автор показывает противоречивость и неоднозначность либеральной идеи, исследует различные аспекты ее осуществления. В докладе также рассматривается вопрос о применимости либеральных принципов в современной России и о возможных альтернативах им.

Abstract: This article highlighted the fundamental principles of the ideology of liberalism, analyses their explicit and latent content, discussed the main results of implementation of liberal ideology in the modern world. The author shows the inconsistency and ambiguity of liberal ideas, explores the different aspects of its implementation. The article also discusses the usefulness and desirability of realization of liberal principles in modern Russia and about the possible alternative.

Ключевые слова: политическая идеология, либерализм, протестантизм, свобода, консерватизм
(political ideology, Liberalism, Protestantism, freedom, Konservatism)

Феномен либерализма занимает особое место в духовной и политической жизни общества. Трудно назвать какое-либо другое идейно-политическое течение, которое имело бы столь долгую историю существования, причем существования активного — в форме мощных общественных движений, деятельности многочисленных партий и т. д. Либеральная идея не просто существовала в умах теоретиков и общественном сознании: на протяжении всей истории нового времени ее настойчиво пытались реализовать на практике, и в ряде случаев эти попытки увенчались успехом. История претворения в жизнь идеалов либерализма уникальна по своему драматизму, а то и трагизму: она шла через революции и государственные перевороты, террор и гражданские войны.

Либерализм не имеет себе равных и по широте распространения в современном мире: вряд ли существует сегодня индустриально развитое государство, где

хотя бы в какой-то степени не была бы представлена та или иная разновидность либерального мировоззрения.

Наконец, либерализм заметно выделяется на фоне других явлений современной духовной жизни крайностью его оценок со стороны обществоведов. Если американский политолог Фрэнсис Фукуяма торжественно провозглашает планетарный триумф либерализма в конце XX века и наступивший в связи с этим «Конец истории», ибо в будущем либеральный идеал будет якобы безраздельно господствовать в духовной жизни человечества, [10] то другие не менее известные исследователи столь же категорично связывают с либеральным мировоззрением все беды современного человечества, а возможность преодоления кризиса — с отказом от либеральных ценностей и утверждением иного, «нелиберального» образа жизни. [11, С. 41]

Как следует из самого определения, либерализм — идейно-политическое течение, выдвигающее на первый план борьбу за свободу человеческой личности от всех форм контроля и манипулирования. В социальном плане либерализм в противоположность феодальным, корпоративным и социалистическим представлениям об оптимальном общественном устройстве отдает предпочтение буржуазно-демократическим принципам. На место иерархически организованных и освященных традицией, церковными авторитетами или идеологическими мифами вассальных, патриархальных или номенклатурно-клиентельных отношений он требует поставить отношения равноправные и максимально рационализированные, обусловленные лишь прагматическими соображениями взаимной выгоды. Либерализм — своего рода идеологическая квинтэссенция процесса модернизации со всеми его плюсами и минусами, несомненными достоинствами и имманентными пороками.

Либерализм — феномен комплексный; он принадлежит одновременно философской, идеологической и политической сферам. В современном мире либерализм существует как историко-философская доктрина, как идеология, обосновывающая программные установки определенных социальных слоев, и как организованное общественно-политическое движение. Разумеется, выделение этих уровней существования либерализма довольно условно: в реальной культурной жизни они всегда взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Как политический термин слово «либерализм» стало впервые употребляться в Англии в начале XIX века. Незадолго до парламентской реформы 1832 г. английские тори (сторонники сильной королевской власти) стали называть «либералами» своих политических противников — вигов, защищавших интересы так называемых новых людей — торговцев, ростовщиков и промышленников. С самого начала существования либерализм провозгласил универсальную, общечеловеческую значимость своих идей и принципов. Надо сказать, что эту претензию либерализм сохранил вплоть до настоящего времени. «Либерализм, — писал в 1963 г. Американский политолог Г. Гирвец, — это вневременное и внесоциальное состояние человеческого духа, характеризующееся склонностью к переменам». [12, С. 154] В изданной в Лондоне в 1968 г. «Энциклопедии общественных наук» можно прочитать, что «либерализм есть умонастроение, возникающее там и тогда, где и когда имеют место благосостояние, социальный мир и всеобщая просвещенность». [13,

С. 282] Однако эти декларации не помешали исследователям составить довольно четкое представление об исторической и социальной обусловленности либеральной идеологии. «Под видом универсальных интересов в либерализме скрываются интересы вполне определенной социальной группы, — пишет канадский историк А. Вашэ, — Под прикрытием разума и свободы как таковых процветают рациональность и конкретные свободы тех, кто их провозглашает и в них заинтересован». [14, С. 475] Социальная группа, о которой пишет Вашэ, называется буржуазией, и именно ее вполне конкретные интересы была призвана защищать идеология либерализма — идеология нового общественного класса, освящавшая становление новых, капиталистических общественных отношений.

Однако кому и зачем понадобилось разрушать средневековые социально-политические структуры, насильственно ломать традиционные формы естественных человеческих связей? Откуда взялись «новые люди», хладнокровно разорившие большинство крестьянского населения западноевропейских стран и превратившие его в нечто, равное вещи, в товар, в рабочую силу? Что представляла собой нравственная доктрина, питавшая столь глубокое ожесточение под лозунгом борьбы за «свободу» и «права человека»? Не получив ответа на эти вопросы, невозможно понять истоки, а следовательно, сущность либерализма.

Социально-экономические основы генезиса капитализма и его идеология были обстоятельно проанализированы К. Марксом; что же касается религиозно-нравственных и психологических основ, то они получили рассмотрение несколько позже, уже в XX веке, в работах М. Вебера, В. Зомбарта, А. Тойнби и других западных исследователей. При всем различии подхода этих авторов к предмету исследования, все они выводят «дух капитализма» из протестантской этики, установки которой наиболее ярко проявились в кальвинизме.

Содержание этической доктрины протестантизма можно в упрощенном виде представить в виде следующих основных идей:

- заимствованная из иудаизма идея богоизбранности и изначального предопределения избранных людей к господству, спасению и вечной жизни;
- крайняя беспощадность ко всем остальным, «неизбранным» (коих абсолютное большинство), вплоть до отказа в праве называться людьми. В одном кальвинистском тексте прямо говорится: «Если бы отвергнутые Богом стали жаловаться на незаслуженную ими кару, они уподобились бы животным, недовольным тем, что они не родились людьми». [1, С. 16]
- жизненный успех, измеряемый накопленным капиталом и достигнутой властью над людьми, как единственно надежный критерий богоизбранности;
- полное исключение нравственных критериев в выборе средств достижения успеха, допустимость любых средств, ибо «победителей не судят».

Таким образом, в основу либеральной идеологии легла религиозно-нравственная доктрина, нацеливающая на достижение успеха любыми средствами и презрение к «чужим». Кто же был ее носителем?

Родиной либерализма считается Англия. Именно в этой стране в XVII–XVIII вв. получили массовое распространение кальвинистские секты, которые постепенно стали задавать тон во всей религиозной и политической жизни и которые впоследствии стали господствующей духовной силой в США. Кальвинисты в Англии

были иноземцами, переселенцами из континентальной Европы. В своем фундаментальном труде «Буржуа» известный немецкий социолог В. Зомбарт в качестве двух главных причин массовой эмиграции на Британские острова в период с XV по XVII вв. называет разгул испанской инквизиции в конце XV в. и европейскую Реформацию. Первая вызвала бегство из Испании в Англию более трехсот тысяч евреев, вторая — переселение большей части французских кальвинистов (гугенотов) — купцов, банкиров, ростовщиков, а также богатых и предприимчивых нидерландских протестантов, спасавшихся от преследования местных властей. Именно эти люди, в разное время бежавшие в Англию с континента, провели так называемое первоначальное накопление капитала и положили начало развитию знаменитой английской промышленности — первой в мире промышленности, основанной на наемном труде.

С Реформацией связывает возникновение либеральной идеи и А. Камю. «Можно сказать, — пишет он, — что Реформация подготовила религиозное якобинство и что в определенном смысле она начала то, что завершил 1789 год». [6, С. 203] С этим утверждением трудно не согласиться, поскольку именно в протестантизме зародились все идеи, составившие впоследствии основу либерального мировоззрения. Речь прежде всего идет об идеях главы немецких кальвинистов, теоретика права Иоганна Альтузия, чей главный труд «Политика...» (1603) явился одним из наиболее ранних изложений теории «естественного права» и «народного суверенитета», обосновывающей право народа свергать и даже казнить монархов. Труд Альтузия, целиком построенный на принципах кальвинистской теологии, по существу стал первым теоретическим обоснованием буржуазных революций и республиканского строя, а самой немецкой школой «естественного права» был впервые перекинут мост от разработанной когда-то стоиками концепции «естественного закона» к концепции «прав человека» Дж. Локка.

В отличие от М. Вебера, который основным фактором становления капитализма и его идеологии — либерализма — считал фактор религиозно-нравственный, т. е. догматы протестантской этики, В. Зомбарт главную причину либерального мироотношения искал в сфере социально-психологической. Таким фактором он считал психологию оторванного от корней переселенца. «Иноземец не ограничен никакими рамками в развитии своего предпринимательского духа... Никакой традиции! Никакого старого дела! Все должно быть вновь создано, как бы из ничего. Никакой связи с местом, на чужбине всякое место одинаково безразлично... Из всего этого должна с необходимостью вытекать одна черта, которая присуща всей деятельности чужеземца... Это решимость к законченной выработке экономико-технического рационализма» [5, С. 247]

Известный исследователь английской истории А. Тойнби в работе «Промышленный переворот в Англии» указывает на глубокую внутреннюю связь двух, на первый взгляд противоположных, процессов: торжества идей либерализма (завоевания буржуазных прав и свобод) и беспощадного ограбления крестьян — большинства населения страны. «Переворот в сельскохозяйственной жизни был расплатой за политическую свободу» [9, С. 46]

Да, действительно, перед тем как провести аграрный переворот (отправной пункт становления капитализма), будущие буржуа активно внедряли в массовое

сознание идеи свободы и равенства — главные лозунги политических революций нового времени. Утверждение в качестве наивысших нравственных ценностей юридических принципов гражданских свобод и «естественных прав человека», органично совместились в либеральной доктрине с принципами «религиозного якобинства», протестантской этики, наполнившись вполне конкретным содержанием. «Индивидуальная свобода» понималась прежде всего как свобода наживы, предпринимательской деятельности; «права человека» — как права переселенца-буржуа в новой, чужой и чуждой для него социально-этнической среде. Главной движущей силой в борьбе за «права человека» и «равенство» стали эмоции униженного нувориша, его жажда полного уравнивания в правах с местными властью имущими. «...Рядом с лицами, уже владеющими крупной земельной собственностью, есть и такие, которым хотелось бы стать крупными землевладельцами: купцы, финансовые дельцы, а позже и фабриканты», — пишет французский историк и политолог П. Манту. [7, С. 119–120]

Народам, откликнувшимся на призывы к борьбе за идеалы либерализма, очень скоро была предоставлена возможность осознать, что на практике политическая свобода оборачивается свободой более сильных, которые становятся «особенно равны». Для большинства населения европейских стран, где осуществились буржуазные революции, «права человека» первоначально обернулись работными домами, голодом и нищетой. Что же касается коренного населения захваченных заморских территорий, будь то американские индейцы или истребленное голландскими переселенцами-кальвинистами население Южной Африки, то оно просто подлежало геноциду.

Необходимо также отметить, что наряду с протестантской этикой в основу либеральной доктрины легла идущая от европейского Возрождения атеистическая, антропоцентристская традиция, отринувшая Бога и провозгласившая человека «венцом творенья» и «царем природы». Без ренессансного человекобожия, без его гипертрофированного агрессивного гуманизма была бы невозможна и гипертрофированная идея личной свободы в либерализме. Гуманизм Возрождения менее всего предполагал гуманность — милосердие, сострадание, человечность. Лишенный сентиментальности, он воспевал уподобившегося Богу человека-титана, человека дерзующего, бунтующего, не принимая в расчет человеческие слабости и не делая для них никаких снисхождений.

На атеистическом фундаменте выстроено все здание либерализма. Обратной стороной атеизма является изначально присущее либеральной традиции ощущение человеческого господства над историей, способности и права человека управлять историческим процессом, указывая ему направление движения или произвольно вызывая его остановку. Отсюда — призывы сделать те или иные процессы — «завоевания» Французской революции, социализма или демократии — «необратимыми», рассуждения о возможности «Конца истории» и т. п. Отсюда же проистекает и ярко выраженная в либерализме установка на социальное творчество, социальное проектирование.

На этой же идейной базе выросла и либеральная концепция «прав человека», безусловный приоритет среди которых принадлежит предпринимательской деятельности и частной собственности. При этом важно отметить, что лозунг борьбы за

права человека с самого начала обнаружил свою деструктивную направленность: его практическим содержанием стала борьба не столько *за* человека, сколько *против* государства, точнее — национальной государственности. Человеку либерализм с самого начала противопоставил государство, видя в нем не продукт творческой деятельности народа, его воли и разума, а нечто античеловеческое. Первейшей обязанностью правительства либералы считали не собственно государственные заботы, не масштабную общеорганизующую созидательную деятельность, а нечто частное, узко юридическое, прагматически-адвокатское — «защиту прав человека». Этот правостыжательный человек рассматривался не как гражданин (хотя и назывался таковым), а как отвлеченный индивид, абстрагированный от своего государства и через него никак не характеризующийся.

Идея личной свободы — центральная идея либеральной идеологии — также имела вполне определенное, антиэтатистское содержание: речь шла о юридических свободах индивида по отношению к государственной власти, о его независимости от нее. Свобода при этом выступала во всей своей тотальности и неограниченности. Правда, над ней стоял закон. Но ведь никакие, даже самые совершенные законы, не способны охватить все многообразие реальной жизни, предусмотреть нестандартность возникающих в ней ситуаций, поэтому либеральное понимание свободы индивида предполагало принятие столь же неограниченной свободы другого; правомочный субъект легко превращался в объект приложения не менее свободной воли своих сограждан. Отсюда следовал лишь один практический вывод — о необходимости борьбы за власть, способную оградить от посягательства многочисленных «свободных волей». Таким образом, провозглашенный либерализмом культ закона на практике неизбежно оборачивался культом силы, вдохновляемой «волей к власти».

Следует заметить, что попытки либералов «научно» подкрепить необходимость свободы не всегда убедительны. Так, например, утверждение, что свобода нужна для творчества, далеко не всегда согласуется с историческими фактами (можно привести множество примеров создания шедевров искусства в странах с деспотическими режимами и культурного бесплодия демократий). На основании таких фактов можно сделать вывод, что либералы в силу свойственного им антропологического романтизма, во-первых, недооценивают возможности манипулирования человеческим интеллектом, а во-вторых, игнорируют противоречивое свойство самой свободы, которая, как и лекарство, может стать ядом в слишком больших дозах. Вслед за Ж.-Ж. Руссо, либералы считают, что человек в принципе добродетелен, а все злое в нем — результат давления цепей, которыми сковывает его общество, и если освободить человека от этого принуждения, то он сам собой превратится в «зрелого гражданина». Либеральная философия придерживается концепции прирожденной социальности индивида, которому якобы от рождения присущи «тормоза эгоизма».

Недооценка либералами самостоятельного, наднационального, символического значения семьи, рода, общины, государственности, национальности, их воинствующий антитрадиционализм, трактующий многовековое культурное наследие как «реакционные пережитки», подспудное стремление унифицировать все нации под знаком «прогресса», «общечеловеческих ценностей» и образования «единого

мирового сообщества», универсализм, отвергающий многовариантность путей исторического развития, неверие в то, что может существовать нечто полноценное за пределами чисто рассудочного здравомыслия, вели к созданию предельно рационального, но антигуманного мира — «стерильного буржуазного мира», как выразились О. Генисаретский и В. Гоголев. [3, С. 95] Однако отрыв человека от своего окружения, отправка в своеобразную «робинзонаду» одновременно обозначает его отрыв от «силы земли». С этим обстоятельством связано и неадекватное опознание творческих импульсов как принадлежащих личности, а не той основе, в которой укоренено ее бытие... По словам русского философа Г. Федотова, либерализм развязывает в области духовной культуры «гражданскую войну» между «традицией» и «революцией». Но т. к. силы традиции и среди них величайшие — средневековья, католичества, классицизма — стоят против революционного фронта, то духовная культура победившей демократии оказывается чрезвычайно бедной. Оказывается, что свобода сознания в условиях полной обесточенности энергией творчества есть пустой звук. Тоскливая потребность во все новых источниках творческой энергии не раз заводила либеральную интеллигенцию в самые невероятные дебри — наркотические, эротические, мистические, а то и уголовные. Можно добавить, что такого рода «неукорененность» либералов в соответствующих общественных реалиях нередко приводила их в лагерь всевозможных революционеров.

Таки образом, в своих крайних проявлениях либерализм носит антисоциальный характер, а требования его механической социальной философии (согласно которой общественная жизнь есть хаотичное броуновское движение изолированных атомов-индивидов, абсолютно свободных в своих действиях, а прочные социальные связи между людьми препятствуют полной эмансипации личности и в силу этого должны стать случайными и эфемерными) оказывается идеологическим обоснованием деструктивных действий, тлетворно влияющих на общество. Либеральный индивидуализм неизбежно приводит к росту частного эгоизма, забвению общих для всех интересов, разрушению общественной солидарности и подрыву самоидентификации человека. В России в 90-е годы прошлого века также был сформирован идеал свободной в своем самоопределении личности, «освобожденной» от нравственных ценностей, национальных традиций, обязательств перед обществом. В итоге инициируется латентная борьба всех против всех, а атомизированный, изолированный, лишенный прочных общественных корней и связей, вырванный из своего социального окружения и дезориентированный индивид-одиночка может оказаться бессильной и беззащитной игрушкой в руках манипулирующих им могущественных внешних сил. При этом внутренние, моральные основы человеческого поведения заменяются внешними, формальными, а сдерживающие нормативные начала ослабляются. Тем самым активизируются разрушительные потенции, скрытые в глубинах человеческой психики. Возникает специфическая «неуправляемость», которую мы, к сожалению, можем наблюдать и в российском обществе в последние десятилетия. Свобода оказывается «даром данайцев».

Необходимо особо отметить, что в российских условиях данные аспекты традиционной либеральной идеологии носят прямо-таки разрушительный характер. Особенно это заметно в вопросе о прерогативах государства. Государство в России

всегда было не абстрактной инстанцией, от которой обычный гражданин во избежание неприятностей стремится дистанцироваться, а активным действующим лицом, роль которого во многих случаях исключительно велика. Это обстоятельство породило своеобразие русского национального характера — слабый индивидуализм при очень высоком уровне доверия к государству как выразителю народной воли. Поэтому «минимальное государство» в России не только неприемлемо, но и невозможно. Прогрессирующий развал государственности, начавшийся практически сразу же после падения коммунизма, продемонстрировал слабость интегрирующих основ, отсутствие прочных элементов гражданского общества, структурирующих и цементирующих нацию. В таких условиях именно сильное государство призвано «скреплять» территорию и населяющий ее народ. Следует иметь в виду, что возникающий в результате самоустранения государства от выполнения регулирующих и контрольных функций вакуум власти немедленно заполняется организованной преступностью, а то и самозваными диктаторами. Об этом не следует забывать современным российским политикам, причисляющим себя к либеральному лагерю, в частности, представителям так называемой «антисистемной оппозиции». Впрочем, может быть именно такие последствия ослабления государства и отвечают их подлинным интересам? После того, как наши «либералы» выразили полную поддержку фашиствующим молодчикам с киевского «майдана», ничему удивляться уже не приходится... Хотя, справедливости ради, следует сказать, что подобная неразборчивость и небрезгливость свойственна и их западным коллегам. По мнению директора Центра геополитических экспертиз В. Коровина, либеральному Западу «неважно с помощью каких идеологий реализуются его интересы. Весь демократический пафос, рассуждения о гуманизме и правах человека — лишь прикрытие этих интересов. В своей глобальной игре Запад готов иметь дело хоть с ваххабитами, хоть с террористами, хоть с неонацистами — с любыми ублюдками, если это на руку геополитике. Но, получив ту или иную территорию под свой контроль, они забывают о всякой демократии и действуют предельно жестко». [АиФ, 2014, № 10, с. 10]

Таким образом, можно сделать вывод, что содержание либеральной идеологии весьма далеко от статуса «общечеловечности». Однако это несколько не умаляет ни той роли, которую либеральная идея сыграла в истории человечества, ни ее притягательности для миллионов людей.

Либерализм принес миру идею самоценности человеческой личности, наполнив ее политическим содержанием; он научил интеллектуальной и нравственной независимости; приоткрыл перед человеком горизонт Свободы, сказав ему: «ты царь, живи один», но одновременно дал понять, что свобода требует сильного духа и зрелого ума, в противном случае она становится бременем, порождая феномен «бегства от свободы», что свобода — ничто без развитого чувства личной ответственности.

Либерализм научил не отождествлять общественное богатство с государственной собственностью, государственную безопасность с деятельностью правоохранительных органов, веру и мораль с официальной церковью.

Либерализм создает привлекательный образ человека, способного уважать права и свободы другого, терпимого к другим точкам зрения и способам мышле-

ния, образ сознательного гражданина, чутко реагирующего на любые проявления социального угнетения и несправедливости.

Либерализм создал особый раздел этики — этику деловых отношений, нашедшую концентрированное выражение в принципах «честной игры».

В то же время нельзя не обратить внимание на несовершенство самой либеральной системы социальных показателей. Производительность труда, уровень жизни, конкурентоспособность, эффективность, уровень потребления и т. п. — все это лишь одна из возможных систем ценностей и ее претензия на вневременной, общечеловеческий статус еще не означает, что эти ценности не могут быть заменены системой других, новых ценностей. (Стоило исламскому фундаментализму объявить высшей целью и ценностью общества чистоту веры, как все прочие принципы были отвергнуты народом как смехотворные.)

Как писал А. Камю, «если судьбой не управляет некая высшая ценность, если царем является случай, начинается путь в темноте, страшная свобода слепца».[6, С. 173] У либерализма такой «высшей ценности» нет, и потому было бы опрометчиво считать либеральные представления идеальными духовными поводырями современного человечества. Не говоря уже о том, что высший признак развитой человеческой личности — свобода духовная — вообще не вмещается в рамки юридических прав и свобод.

Именно с этой сферой, недоступной для либерализма сферой духа, пытаются связать критерии своего бытия представители другой современной западной идеологии — консерваторы. Сформировавшийся в начале 80-х годов прошлого века неоконсерватизм выступает за укрепление государственного авторитета для поддержания порядка и законности, за возрождение традиционных нравственных ценностей, укрепление семьи и оздоровление общественной морали. В семье, школе, религии, различных ассоциациях, выполняющих посреднические функции между индивидуумом и обществом, неоконсерваторы усматривают основу «плюралистического общества», надежную преграду бюрократии, тоталитарным поползновениям, посягательствам на свободу и права человека.

Как уже отмечал автор данного выступления, «современной политической жизни России недостает как раз консерватизма, т. е. бережного отношения к наследию прошлого, сохранению всего лучшего в общественных отношениях, что было достигнуто как в дооктябрьский период нашей истории, так и в советское время. Именно консервативная идея могла бы оздоровить духовно-нравственное состояние современного российского общества, помочь в преодолении духовного и морального кризиса, одной из причин которого как раз и является бездумное и некритичное заимствование либеральных ценностей».[8, С. 340]

А что же либерализм? Означает ли все вышесказанное, что в современной России совсем нет места для либеральной идеологии? Разумеется, нет. На наш взгляд, отечественные либералы могли бы проявить себя на следующих «фронтах»:

1. Борьба за демократию в широком смысле слова. Недопущение «псевдodemократической фикции», формально сохраняющей демократические процедуры, но не позволяющей рядовым гражданам действительно влиять на политику властей. Борьба за укрепление парламентского правления, за ответственность правительства перед парламентом. Поиск исторических корней отечественной демократии,

нахождение ее исторической преемственности с тысячелетней государственной традицией России. Изучение и практическое использование опыта работы земств, Государственной Думы и других демократических органов дореволюционной России, а также Советов народных депутатов (не может быть, чтобы там не оказалось ничего ценного).

2. Борьба за строгое соблюдение законов и Конституции, недопущение всякого рода «президентских правлений» и «особых порядков управления страной». (Здесь следует заметить, что, к сожалению, среди наших либералов довольно широко распространено мнение, что ради успеха экономических преобразований можно пойти на установление авторитарного режима — диктатуры, которая стала бы силой «перевоспитывать» наше общество в либеральном духе. Будучи реализованными, эти идеи не доведут до добра ни Россию, ни их сторонников.) Сюда же относится разработка простых, эффективных и справедливых законов.

3. Формирование демократической политической культуры. Терпеливое, кропотливое возвращение цивилизованных форм взаимоотношений между властями и оппозицией; преодоление конфронтационной логики «холодной» гражданской войны, когда политический противник воспринимается не как оппонент, у которого есть неотъемлемое право высказывать и пропагандировать свои взгляды, а как подлежащий уничтожению «враг народа»; внедрение в сознание людей мысли, что демократия существует не только для «демократов».

4. Борьба за реальный плюрализм в СМИ, недопущение монополизации СМИ адептами какой-либо одной точки зрения. Разъяснение, что не может быть монополии на истину, что плюрализм существует не только для сторонников правительства.

5. Борьба за обеспечение личной безопасности человека, что особенно актуально в современных условиях экономического кризиса и взлета преступности.

6. Борьба за национальное равноправие граждан России, против унижения национального достоинства российских народов и прежде всего борьба с русофобией.

Список проблем можно было бы продолжить. Надо надеяться, что все эти проблемы будут в России рано или поздно решены. Но, если это произойдет без помощи и участия либералов или, тем более, при их противодействии, это станет их величайшим историческим поражением.

Список используемой литературы

1. Вебер М. Протестантская этика: Пер. с нем. Ч. 2 и 3. М., 1973.
2. Галаганова С.Г. Либерализм и неолиберализм // Введение в политологию. Учеб. Пособие. Вып. 2. Политические идеи. Политические доктрины. Политическое действие. / Под ред. А.М. Ушкова. — М., 1993.
3. Генисаретский О.И., Гоголев В.М. Свобода сознания как антропологическая предпосылка либерализма. (Обзор). // Социально-философские аспекты современного либерализма. — М., 1986.
4. Гудименко Д. Либерализм на Западе и в России // Россия XXI, 1994, № 6–7.
5. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека: Пер. с нем. — М., 1924.

6. Камю А. Бунтующий человек: Пер. с фр. — М., 1990.
7. Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии: Пер. с фр. — М., 1925.
8. Позднякова С.А. Политическая идеология либерализма как фактор духовно-нравственного развития общества // Россия в XXI веке: экономические, правовые и социально-культурные перспективы развития. Материалы 8-й Международной научно-практической конференции. — М., 2012.
9. Тойнби А. Промышленная революция в Англии: Пер. с англ. — М., 1924.
10. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. Философии, 1990, № 3.
11. Elgin D. Voluntary Simplicity Tuward a Way of Life that is Outwardly Simple, Inwardly Rich. N.Y., 1990.
12. Giervetz H.K. The Evolution of Liberalism. N.Y., 1963.
13. Smith W.G. Liberalism. || Encyclopaedia of Social Scienses. — L., 1968.
14. Vochet A. L'ideologie Liberale. L'individu et sa propriete. — P., 1970.

Список авторов

---

1. *Алексеев Дмитрий Владимирович*, РАНХиГС при Президенте РФ, студент, Москва
2. *Аляутдинов Наиль Фаилевич*, Финансовый Университет при Правительстве РФ, студент, Москва
3. *Анкудинова Оксана Александровна*, к.ф.н., доцент кафедры социальной работы и права филиала Российского государственного социального университета в г. Анапе
4. *Арская Людмила Павловна*, Эксперт Центра научной политической мысли и идеологии, к.э.н.
5. *Асонов Николай Васильевич*, Московский педагогический государственный университет, заместитель заведующего кафедрой, профессор, д. полит. н., к.и.н., Москва
6. *Багдасарян Вардан Эрнестович*, заместитель генерального директора Центра научной политической мысли и идеологии, д.и.н., профессор, Москва
7. *Барышева Алла Васильевна*, ИЭ РАН, д.э.н., Москва
8. *Батурин Владимир Кириллович*, предприниматель, д.ф.н., Москва
9. *Белов Петр Григорьевич*, д.т.н., проф. МАТИ-РГТУ им. К.Э. Циолковского
10. *Белозеров Василий Клавдиевич*, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета, д. пол. н., Москва
11. *Белуsoва Светлана Владимировна*, ОРЭСП ИНЦ СО РАН, в.н.с., к.э.н., доцент
12. *Богачев Станислав Петрович*, Калужский филиал МСХА им. К.А. Тимирязева, профессор кафедры, д.э.н., Калуга
13. *Буйло Борис Иванович*, Юридический институт МГУПС (МИИТа), профессор кафедры, д.ф.н., Москва
14. *Булыгин Юрий Александрович*, Донской государственный технический университет, доцент, к.и.н., Ростовская область
15. *Бутусова Наталья Владимировна*, Воронежский госуниверситет, профессор, д.ю.н., Воронеж
16. *Валовая Мария Дмитриевна*, Советник Государственного секретаря Союзного государства, д.э.н., Москва
17. *Валянский Сергей Иванович*, НИТУ МИСиС, доцент, к. физ.-мат. н., Москва
18. *Викторов Александр Шагенович*, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, д. соц. н., Москва
19. *Винокурова Наталья Анатольевна*, ЦЭМИ РАН, с.н.с, к.э.н., Москва
20. *Воробьев Антон Валерьевич*, НТЦ «Атлас», научный сотрудник, Москва

21. *Гилязетдинова Елена Рубиновна*, аспирант БашГУ
22. *Голубев Владимир Степанович*, Институт системного анализа РАН, г.н.с., д.г.-м.н., Москва
23. *Горелов Анатолий Алексеевич*, Институт философии РАН, в.н.с., к.ф.н., Москва
24. *Гринченко Сергей Николаевич*, Институт проблем информатики РАН, г.н.с., д.т. н., Москва
25. *Громова Любовь Анатольевна*, ГБОУ ВПО МО АСОУ, доцент, к. пед. н., Черноголовка
26. *Гуленок Ольга Ивановна*, Институт экономики РАН, аспирант, Москва
27. *Долматова Тамара Владимировна*, ФНЦ ВНИИФК, н.с., к. полит. н., Москва
28. *Доронина Тамара Игоревна*, МАТИ, студентка, Москва
29. *Ермолаева Любовь Константиновна, к.и.н., доцент* кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова) Ивановский филиал
30. *Жирнов Николай Федорович*, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина РАНХ и ГС при Президенте РФ, профессор, д. полит. н., Саратов
31. *Жуликов Петр Петрович*, МГУПИ, доцент, к.т. н., доцент кафедры коммерции и маркетинговых исследований, Московский государственный университет приборостроения и информатики, Москва
32. *Жуликова Ольга Вячеславовна*, к.э.н., доцент кафедры коммерции и маркетинговых исследований, Московский государственный университет приборостроения и информатики, Москва
33. *Заболоцкая Ирина Константиновна*, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, доцент, к. мед. н., Москва
34. *Завьялов Андрей Иванович*, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, аспирант, Нижний Новгород
35. *Завьялов Виктор Тимофеевич*, Финансового университета при Правительстве РФ, к.ф.н., доцент
36. *Захаров Валерий Константинович*, МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, д. физ.-мат. н., Москва
37. *Зернов Сергей Владицирович*, ИПУ РАН, к. соц. н., Москва
38. *Ипатов Дмитрий Сергеевич*, Казанский Федеральный университет, аспирант, Казань
39. *Ирхин Юрий Васильевич*, РГГУ, РАНХиГС, д.ф.н., профессор, Москва
40. *Калиниченко Людмила Анатольевна*, Российский государственный социальный университет, д. соц.н., Москва
41. *Капустина Зинаида Яковлевна*, Новгородский филиал РГГУ, доцент, д. культурологии, Великий Новгород
42. *Карипов Балташ Нурмухамбетович*, Кокшетауский госуниверситет имени Ш.Ш. Уалиханова, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент КГУ, докторант МГУ, к. биол. н., Кокшетау
43. *Кизилова Татьяна Юрьевна*, МГУ, доцент, к.ф.н., Москва
44. *Коваленко Сергей Владимирович*, Московский государственный областной университет, профессор, д.ф.н., Москва

45. **Козин Николай Григорьевич**, Саратовская государственная академия права, д.ф.н, профессор, Саратов
46. **Козицын Анатолий Кирилович**, канд. техн. наук, член-корр. ЕврАПИ, г. Волгоград
47. **Козлов Сергей Васильевич**, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, декан, к.и.н., Новосибирск
48. **Коломейцев Александр Евгеньевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии образования Московского института открытого образования (МИОО)
49. **Кононов Александр Анатольевич**, ИСА РАН, с.н.с., к.т. н., Москва
50. **Кононова Любовь Владимировна**, Институт системного анализа РАН, техник I категории, Москва
51. **Королева Алина Алексеевна**, МГИМО(У) МИД России, аспирантка, Москва
52. **Кочетков Владимир Валерьевич**, Академия гражданской защиты МЧС РФ, старший преподаватель, к.ф.н., Москва
53. **Кочурова Анна Леонидовна**, МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант, Москва
54. **Крылова Ирина Анатольевна**, Институт философии РАН, в.н.с., д.ф.н., Москва
55. **Кузина Светлана Ивановна**, ЮРИУ РАНХиГС, заместитель декана, д. полит. н., Ростов-на-Дону
56. **Кулешова Ирина Владимировна**, предприниматель, к.ф.н, Москва
57. **Курюкин Андрей Николаевич**, Институт социологии РАН, с.н.с., к. полит. н., Москва
58. **Леонов Владимир Васильевич**, ООО «Российские учёные социалистической ориентации», член МГС, кандидат в члены ЦС, «МОИП», семинар «Идеология научного сообщества», Москва
59. **Лутовинов Владимир Ильич**, РАНХи ГСпри Президнте РФ, ИСА СП РФ, профессор, эксперт ИСА СП РФ, д.ф.н., Москва
60. **Львова Наталия Никифоровна**, МГУ им. Ломоносова, преподаватель, к. фил. н., Москва
61. **Макеев Александр Константинович**, Московское общество испытателей природы, исследователь, изобретатель, Москва
62. **Маслов Дмитрий Владимирович**, Филиал ФГБОУ ВПО «МГИУ», заведующий кафедрой, д.и.н., Сергиев Посад
63. **Мельченко Вера Евгеньевна**, Московская государственная академия водного транспорта, доцент, к. геогр. н., Москва
64. **Мисюров Дмитрий Александрович**, Московский государственный университет геодезии и картографии, доцент, к. полит. н., Москва
65. **Михайлов Владимир Владимирович**, Московский городской педагогический университет, профессор, д.ф.н., Москва
66. **Мишина Наталья Вячеславовна**, ФГБОУ ВПО РГУПС, заведующая кафедрой, д. полит. н., Ростов-на-Дону
67. **Мусин Камиль Асхатович**, ООО «ФОРМ», эксперт, Москва
68. **Муфтахутдинова Диляра Шамилевна**, К(П)ФУ Институт международных отношений истории и востоковедения, доцент, к.и.н., Казань

69. **Небренчин Сергей Михайлович**, генеральный директор ООО «ТПП-Информ», д.и.н., профессор, Москва
70. **Некрасов Сергей Иванович**, к.ю.н., профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Государственного университета управления, старший научный сотрудник сектора теории конституционного права Института государства и права РАН
71. **Окара Андрей Николаевич**, Центр восточноевропейских исследований, к.ю.н., Москва
72. **Океанова Зинаида Константиновна**, Московский государственный юридический университет им О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, д.э.н., Москва
73. **Орлов Александр Иванович**, МГТУ им. Н.Э. Баумана, МФТИ, ЦНИИМАШ, зав. лаб., г.с., д.т. н., Москва
74. **Орлов Игорь Борисович**, НИУ-ВШЭ, профессор, д.и.н., Москва
75. **Павлова Татьяна Петровна**, к.ф.н., доцент, заместитель заведующего кафедрой философии Московского авиационного института (государственного исследовательского университета)
76. **Павлюц Константин Николаевич**, ГБОУ СОШ № 1113, Москва, учитель истории, к.ф.н., Москва
77. **Пациорковский Валерий Валентинович**, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, заведующий лабораторией, д.э.н., Москва
78. **Перминов Василий Леонидович**, ГАУ ВПО МИОО, старший преподаватель, Москва
79. **Перская Виктория Вадимовна**, Финансовый университет при Правительстве России д.э.н., Москва
80. **Поздняков Александр Иванович**, РАНХиГС при Президенте РФ, профессор, д.ф.н., Москва
81. **Попадюк Никита Кириллович**, Финансовый университет при Правительстве России, заместитель заведующего кафедрой, д.э.н., Москва
82. **Пунтус Валерий Иванович**, МОИП, рук. секции, к.т.н., Москва
83. **Радовель Михаил Рувиневич**, Электростальский политехнический институт, филиал МАМИ, профессор, д.ф.н., Электросталь
84. **Разумовский Валерий Алексеевич**, Академия труда и социальных отношений, профессор, д.т. н., Москва
85. **Рогожин Валерий Викторович**, независимый консультант, Москва
86. **Ройзенман Феликс Моисеевич**, Российский государственный геологоразведочный университет, в.н.с., д. геол.-мин. н., Москва
87. **Румянцева Нина Леонидовна**, РГАИС, МОИП, доцент, к.т.н., Москва
88. **Скобников Евгений Андреевич**, Фонд финансовых инициатив, президент, к.э.н., Пенза
89. **Соболева Светлана Анатольевна**, МГТУ им. Н.Э. Баумана, доцент, к.ф.н., Москва
90. **Соколова Римма Ивановна**, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, д.ф.н.
91. **Спиридонова Валерия Игоревна**, Институт философии РАН, в.н.с., д.ф.н., Москва

92. **Сулакишин Степан Степанович**, генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии, д. физ-мат. н., д. полит. н., профессор, Москва
93. **Тараненко Анатолий Михайлович**, Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН, с.н.с., к. физ-мат. н., Московская область
94. **Тимофеева Лидия Николаевна**, РАНХиГС при Президенте РФ, профессор, д. полит. н., Москва
95. **Тузиков Андрей Римович**, Казанский национальный исследовательский технологический университет, заведующий кафедрой, д. соц.н., Казань
96. **Тюрин Юлиа Эдуардовна**, Калужский филиал Московского гуманитарно-экономического института, заведующая кафедрой, Калуга
97. **Федоров Е. А.** депутат Госдумы РФ
98. **Филипенко Евгений Валерьевич**, МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант, Москва
99. **Хайруллина Аида Ильхамовна**, ООО Издательский Дом «Гранд», редактор журнала “National business” (г. Уфа)
100. **Хайруллина Вакифа Гильмановна**, Башкирский государственный университет, профессор, д.ф.н., Уфа
101. **Харбих Софья Константиновна**, МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирантка, Москва
102. **Харитонов Анатолий Сергеевич**, Российский государственный социальный университет, с.н.с., докторант, к. физ.-мат. н., Москва
103. **Хохлова Галина Ивановна**, Московское общество испытателей природы, секретарь секции, Москва
104. **Черемошкина Любовь Валерьевна**, МПГУ, профессор, д. псих. н., Москва
105. **Чернавский Михаил Юрьевич**, МГУТУ им. К.Г. Разумовского, профессор, д.ф.н., Москва
106. **Чернов Сергей Борисович**, ГУУ, зам. зав. кафедрой, к.э.н., Россия
107. **Чистякова Ольга Васильевна**, МГИИТ имени Ю.А. Сенкевича, профессор, д.ф.н., Москва
108. **Шевалдина Евгения Юрьевна**, студентка МАТИ-РГТУ им. К.Э. Циолковского
109. **Шелкопляс Евгений Валентинович**, Институт Развития, изучения здоровья и адаптации человека, директор, к. мед. н., Иваново
110. **Шепель Евгений Александрович**, Артемовский территориальный отдел Управления Росреестра по Приморскому краю, заместитель начальника отдела, Владивосток
111. **Шутов Александр Семенович**, Газета «К гуманной России», редактор, Киров
112. **Щербаков Андрей Владимирович**, ООО «Курс», генеральный директор, к.э.н., Долгопрудный
113. **Юдин Валентин Васильевич**, Финансовый университет при Правительстве РФ, доцент, к.ф.н., Москва
114. **Яковлева Любовь Евгеньевна**, МГУДТ, профессор, д.ф.н., Москва

Содержание

Информационное письмо	3
Учреждения и организации, принявшие участие в конференции	5

Пленарное заседание

Сулакшин С.С. Идеология — идеал — ценности — цели — действие — развитие	8
Багдасарян В.Э. Государственная идеология как фактор национального суверенитета	27
Козин Н.Г. Национальная идеология: сущность и пути обретения	47
Валовая М.Д. Идеология и новые вызовы времени	73
Небренчин С.М. Реидеологизация государства и общества	78
Крылова И.А. Крах идеологии неолиберализма в современной России	86
Белозеров В.К. Государство в системе современных ценностей России	96
Перская В.В. Экономическая идеология в современных условиях	102
Орлов И.Б. Патриотизм в истории России: государственная идеология и ценностный потенциал	107
Федоров Е.А. Победенная страна лишается права иметь свою идеологию	114

Секция I

Категория и теория идеологии

Винокурова Н.А. Научная теория как фактор идеологического воздействия	118
Океанова З.К. Экономические и социальные приоритеты развития и государственная идеология.....	126
Поздняков А.И. Основной вектор борьбы политических идеологий в современной России	130
Спиридонова В.И. Новые косвенные стратегии «мягкой» идеологии глобализма	140
Тараненко А.М. Антисистемы в биологических и цивилизационных механизмах упадка и выхода из него	149
Тимофеева Л.Н. Политическая идеология как проект будущего страны.....	156
Шепель Е.А. Национальная идеология, как средство актуализации народного духа.....	159
Юдин В.В. Ценностный барьер на пути создания современной государственной идеологии России	164

Секция II

Государство и идеология

Горелов А.А. Глобальный неоколониализм и значение государственной идеологии	170
Кононов А.А. Как защитить нацию от разрушительных идей.....	178
Орлов А.И. Экономическая составляющая государственной идеологии России — солидарная информационная экономика.....	183
Разумовский В.А. Иерархия и взаимосвязь идеологии, государственного управления и успешности государства	193

Секция III

Проблема государственной идеологии в современной России

Арская Л.П. Отношение к труду в системе национально-государственной идеологии	202
Булыгин Ю.А. Идеи русских консерваторов конца XIX — начала XX вв. и перспективы идеологии консерватизма в современной России	209
Валянский С.И. Идеология России сегодня	216
Завьялов В.Т. Роль теорий постмодернизма в идеологическом манипулировании (на примере России)	223
Зернов С.В. Социальная эволюция: идеология vs мировоззрение	231
Муфтахутдинова Д.Ш. К вопросу формирования общегражданской идентичности и идеологии в полиэтническом регионе Поволжья и Приуралья	239
Окара А.Н. Солидаризм в контексте новой конкуренции идеологий: потенциал, возможности, скрытые ресурсы	245
Соболева С.А. Идеология либерализма: сущность, латентное содержание, результаты реализации	255
Список авторов	266

Содержание электронной части

Секция I

Категория и теория идеологии

Анкудинова О.А. «Политический класс» и интеллигенция как субъекты модернизации государственной идеологии в дискурсе социальных трансформаций.....	281
Асонов Н.В. История и типология политических идеологий России.....	290
Барышева А.В. Категория «идеология» с позиции кибернетики	300
Гринченко С.Н. Категория «идеология» с позиции кибернетики	315
Громова Л.А., Козицын А.К. Идеология — основной продукт философии.....	321
Заболоцкая И.К. Русская идея.....	329
Завьялов А.И. Патриотизм и либерализм как взаимоисключающие понятия ...	333
Захаров В.К. Исконная синтетичность общества и устойчиво-успешная государственная идеология	336
Капустина З.Я. Категория и теория идеологии	352
Карипов Б.Н. Политическая система стран, находящихся в модернизационном процессе и идеология	365
Львова Н.Н. Стратегическая цель современного идеологического манипулирования	377
Мисюрлов Д.А. Диалектическое моделирование идеологии с помощью государственной символики России	392
Павлова Т.П. Диалектика этнических и общечеловеческих ценностей России.....	405
Пунтус В.И. Диалектика идеологии и социального идеала	418

Румянцева Н.Л. Идеология образа будущего России.....	434
Скобликов Е.А. К вопросу об идеологии государства социальной справедливости.....	455
Тюрина Ю.Э. Идеология как необходимы фактор существования российского социума (на материале философии И.А. Ильина).....	466
Харбих С.К. Соотношение категорий национальная идентичность и идеология. Варианты чилийской идентичности.....	472
Хохлова Г.И. Who is Who идеология?.....	492
Черемошкина Л.В. О необходимости государственной идеологии в современной России.....	498
Чернавский М.Ю. Государство и идеология.....	510
Чернов С.Б. Коррупция как последствие идеологии либерализма.....	522
Чистякова О.В. Становление гражданской нации в современной России, или как возможна единая идеология в многообразии этнических культур.....	531

Секция II

Государство и идеология

Аляутдинов Н.Ф. Идеология и государственное управление.....	539
Батурин В.К. От относительных и локальных идеологий — к идеологии абсолютной и всеобще-обязательной.....	545
Белоусова С.В. Идеология как средство преодоления экономического оппортунизма.....	559
Бутусова Н.В. Роль и значение государственной (общенациональной) идеологии для устойчивого развития России.....	567
Гуленок О.И. Современные представления о роли государства в экономике.....	582

Долматова Т.В. Идеология и спорт	596
Жирнов Н.Ф. Современное состояние идеологии	604
Калиниченко Л.А. Критерии целенаправленности фактической идеологии государства и эффективность государственного управления	614
Кизилова Т.Ю. Другого нет у нас пути.....	622
Коваленко С.В., Ермолаева Л.К. Модернизация исторического образования как условие формирования идеологии государственного развития	633
Королева А.А. Современные трансформации социокультурной идентичности в России.....	648
Кочурова А.Л. Возможности институтов политической культуры в реконструкции идеологических ценностей современной России.....	659
Кузина С.И. Практическая идеология в процессах государственного строительства современной России	664
Кулешова И.В. Идеология и культура в фокусе русской философии творчества.....	671
Лутовинов В.И. Государственно-патриотическая идеология — консолидирующая основа	684
Макеев А.К. Идеология высокоразвитого безденежного общества.....	698
Мельченко В.Е. Глобальная экологическая идеология: либерализм или государственность	714
Михайлов В.В. Деидеологизация как негативное социальное ограничение	727
Мишина Н.В. Государственная идеология и принцип идеологического плюрализма: проблемы существования.....	747
Некрасов С.И. О трансформации концептуально-идеологических подходов к национально-территориальной (административно-территориальной?) политике современного российского государства	756

Павлюц К.Н. Деструкция «вечных ценностей» в идеологии информационного общества.....	770
Пациорковский В.В. Место и роль государства в условиях многообразия идеологий	775
Перминов В.Л. Образование, идеология в задачах государственного управления.....	790
Рогожин В.В. Критерий оптимальности идеологий.....	803
Харитонов А.С. Математика и идеология.....	818
Шелкопляс Е.В. Идеология формирования общества гармонии как условие восстановления исторической миссии России.....	822
Щербаков А.В. Концепция власти как основа для государственной идеологии	834
Яковлева Л.Е., Коломейцев А.Е. Новый путь идеологии: интеллектуальный капитал как стратегия будущего	847

Секция III

Проблема государственной идеологии в современной России

Алексеев Д.В. Борьба с коррупцией как главная интегрирующая идея новой России в контексте главного вызова XXI века	856
Богачев С.П. Менеджеризм как антибуржуазная идеология.....	869
Буйло Б.И. Государственная идеология евразийства и отношение к ней Н. Бердяева.....	886
Викторов А.Ш. Современная идеология как социальная технология властной элиты	898
Воробьев А.В. Идеологическая конкуренция в современной России.....	909

Голубев В.С., Бушуев В.В. Социогуманизм — эволюционно обусловленная идеология России	925
Доронина Т.И., Белов П.Г. Прогнозирование и снижение риска коррупционного вызова национальной безопасности России	933
Жуликов П.П., Жуликова О.В. Идеологический вакуум — основа экономических проблем современной России	947
Ипатов Д.С. Консерватизм как идеология современной России	953
Ирхин Ю.В. Модификации либерализма и пределы неолиберального проектирования за рубежом и в России	963
Козлов С.В. Россия и Европа как значимые Другие в украинском идеологическом дискурсе.....	978
Кононова Л.В., Кононов А.А. Российский неопрогрессизм — идеология прогресса консервативных ценностей.....	986
Кочетков В.В. Архетипы русского правосознания и Конституция 1993 года	991
Курюкин А.Н. Идеология «Открытые данные» и перспективы ее политической реализации в России	1007
Леонов В.В. Роль и место идеологии в обществе	1016
Маслов Д.В. Либеральная идеология в современной российской истории	1026
Мусин К.А. Идеология Имперской реставрации	1036
Попадюк Н.К. Присоединение Крыма к России как фактор ее идеологизации.....	1042
Радовель М.Р. Солидаристская компонента в идеологической сфере современной России: оценка состояния и перспектив.....	1051
Ройзенман Ф.М. Эффективное развитие России путём построения новой общественной формации — «солидаризм» (модель формации и стратегии её построения)	1059

Соколова Р.И. Актуальность национально-государственной идеологии	1075
Тузиков А.Р. Идеология и идеологические дискурсы в государственном измерении: вызовы и ответы	1092
Филипенко Е.В. «Мир-системная» перспектива становления идеологических концепций и государственных идеологий	1106
Хайруллина В.Г., Хайруллина А.И., Гилязетдинова Е.Р. Идеология формирования компетентных граждан-созидателей в современной России	1117
Шевалдина Е.Ю., Белов П.Г. Исследование и оценка риска вызова низкой рождаемости на развитие и безопасность России	1129
Шутов А.С. Проект гуманистической идеологии для гуманной России.....	1143

Научное издание

**Государственная идеология
и современная Россия**

*Материалы
Всероссийской научно-общественной конференции*

(Москва, 28 марта 2014 г.)

Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 887

Отпечатано в типографии ГМЦ Росстата
105679, Москва, Измайловское шоссе, 44